

Министерство образования Республики Беларусь

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

А.Н.НЕЧУХРИН

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
РОССИЙСКОЙ ПОЗИТИВИСТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
(80-е гг. XIX в. – 1917 г.)**

М о н о г р а ф и я

Гродно 2003

УДК 94
ББК 63.3
Н59

Рецензенты: профессор, доктор философских наук У.Д.Розенфельд;
доктор политических наук, доцент В.Н.Ватыль.

Рекомендовано советом исторического факультета ГрГУ им. Я.Купалы.

Нечухрин А.Н.

Теоретико-методологические основы российской позитивистской
Н59 историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.): Монография / А.Н.Нечухрин. –
Гродно: ГрГУ, 2003. – 349 с.

ISBN 985-417-518-9.

В монографии рассматривается эволюция ведущего направления в российской историографии второй половины XIX – начала XX в. – позитивистского, раскрываются методологические и исторические взгляды его крупнейших представителей.

Работа адресуется специалистам в области истории и социологии, аспирантам и студентам, всем, кто интересуется историей как наукой.

**УДК 94
ББК 63.3**

ISBN 985-417-518-9

© Нечухрин А.Н., 2003

ВВЕДЕНИЕ

В условиях формирования новой теоретико-методологической базы отечественная историография проявляет повышенный интерес к своим корням. В этом отношении естественным образом в центре внимания оказывается период второй половины XIX в. – 1917 г., связанный с выдающимися достижениями российской исторической науки в сфере теории и конкретных исследований. Дореволюционная историография накопила богатый арсенал профессиональных методов исследования, выработала оригинальные научные концепции интерпретации прошлого. Конечно, с точки зрения современной науки далеко не все ее выводы и подходы равноценны и выдержали проверку временем. Было бы заблуждением, отказавшись от марксистских догм, попытаться просто вернуться «назад к позитивизму» или «назад к неоидеализму» начала прошлого века. В то же время изучение методологических систем, выдвинутых в российской историографии во второй половине XIX – начале XX вв., может способствовать решению ряда дискуссионных вопросов в нашей науке. Развитие методологической базы постсоветской историографии следует искать не только посредством «наведения мостов» с западной наукой, но и углубленного изучения опыта, накопленного отечественной историографией, в период ее свободного развития, посредством восстановления определённой научной традиции.

Оригинальные поиски в области методологии и теории истории российских ученых в определенных аспектах предвосхитили развитие западной историографии в первой половине XX столетия. Более того, корифеи русской науки, оказавшись в эмиграции, внесли прямой вклад в сокровищницу европейской и североамериканской науки. В связи с этим изучение теоретико-методологического наследия российских исследователей истории позволяет глубже уяснить судьбы мировой науки в целом.

Для белорусской историографии данная проблема важна в том отношении, что складывание собственно белорусской исторической науки приходится на вторую половину XIX – начало XX вв. Она зарождалась в лоне российской историографии и, следовательно, изучение опыта развития последней чрезвычайно важно для понимания процессов, протекавших в белорусской науке.

Актуальность историографических исследований в области методологии и теории исторической науки определяется также их значением для адекватного понимания содержания научных тече-

ний, школ, конкретных исторических концепций, выдвигаемых в историографии, исследовательских позиций отдельных авторов. Предлагаемый автором подход к развитию российской историографии с точки зрения смены в ней научных парадигм позволяет скорректировать принципы выделения научных течений, адекватно подойти к дискуссионной проблеме кризиса российской исторической науки конца XIX – начала XX вв. и его периодизации.

Понятие «парадигма» употребляется автором в качестве совокупности убеждений, ценностей и связанных с ними признанных научных достижений, дающих модель постановки и решения проблем научному сообществу. Само понятие «парадигма» было обобщено и введено в научный оборот исследователем научных революций Т.Куном в книге «Структура научных революций» (М.: Прогресс, 1975). В нашем понимании парадигма не противопоставляется понятию «течение», но рассматривается как его мировоззренческая и исследовательская программа, установка. Поэтому проблема кризиса, связанная со сменой в науке парадигм, является, на наш взгляд, центральной для понимания процессов, протекавших в историографии в указанное время.

С осмыслением кризиса историографии начала XX в. в советской исторической науке были связаны долгие споры. Наряду с чисто идеологическим подходом к проблеме развивалось и собственно научное исследование вопроса, связанное с именами А.И.Данилова, М.В.Нечкиной, Л.В.Черепнина, И.Д.Ковальченко, Б.Г.Могильницкого, Е.В.Гутновой, А.Я.Гуревича, А.Н.Цамутали, Л.Н.Хмылёва, А.Е.Шикло и других учёных. В их трудах было сформулировано положение о методологическом характере кризиса и его противоречивой природе. Признание теоретико-методологического характера кризиса не означало единства мнений исследователей по вопросу о природе и периодизации кризиса. Одни авторы (Е.В.Гутнова, А.И.Данилов, Б.Г.Могильницкий, А.С.Шофман) датировали его начало революцией 1905-1907 гг. в России, а другие (М.А.Алпатов, И.Д.Ковальченко, Л.Н.Хмылёв, Л.В.Черепнин, А.Е.Шикло) – 90-ми гг. XIX в. В первом случае кризис выводился прежде всего из краха идей российского либерализма в ходе революции; во втором основное внимание обращалось на внутренние тенденции развития исторической науки с учётом её социальной природы. Так, по мнению И.Д.Ковальченко и А.Е.Шикло, поскольку системным элементом в развитии науки является теория и методология, то движение буржуазной историографии от «первого» позитивизма не к марксизму, а к неопозитивизму и неокантианству,

к религиозно-мистическим воззрениям обусловило вхождение последней в глубокий и затяжной кризис с середины 90-х гг. XIX в.¹

Л.Н.Хмылёв связывал начало кризиса с антипозитивистской реакцией в российской науке, начавшимся процессом её теоретического перевооружения.² Подробный анализ содержания понятия «кризис российской историографии», его периодизацию и историографию дал С.П.Рамазанов.³ Ученый справедливо определяет кризис как коренную ломку в исторической науке ранее господствовавших в ней установок о цели, форме и способе исторического исследования, ломку, которая выражается в смене ведущих позиций теоретико-методологических течений в исторической мысли и усилении борьбы идей в сфере методологии истории.⁴ Соответственно, периодизацию кризиса он связывает со сменой ведущих позиций методологических течений в науке. На первом этапе («возникновение» – середина 900-х – 1917 г.) кризиса, по его словам, ведущие позиции занимает неокантианство (после 1905 г.). На втором (после 1917 г.) в немарксистской общественной науке распространяются идеи мистицизма и иррационализма. Выразителем второго этапа – «развития» кризиса – стало течение «философия жизни». Третий – «разрешающий» – этап кризиса С.П.Рамазанов определяет серединой – концом 1920-х гг. Последний этап связан с попыткой разрешения противоречий и выражается в методологии истории Д.М.Петрушевского, синтезирующей теории Виндельбанда-Риккерта и М.Вебера. Превращение СССР в тоталитарное государство оборвало развитие отечественной немарксистской историографии и воспрепятствовало внутреннему завершению ее кризиса.⁵

Вряд ли сегодня кто-либо из исследователей будет отрицать положение о том, что кризис российской историографии был связан с внутренними закономерностями развития науки. Однако само содержание кризиса, соотношение научных течений в российской историографии, направление её эволюции в начале века нуждаются в дальнейшем изучении. Актуальным представляется анализ кризиса с точки зрения смены научных парадигм, отражавших общие тенденции развития научного знания на рубеже столетий. По мнению автора, кризисный этап развития во второй половине XIX – начала XX века переживают все науки и механизм действия в них кризиса не тождествен, но схож.

Конечно, невозможно игнорировать особенности истории как социальной науки. Однако научная картина мира вообще развивается не только под непосредственным воздействием новых теорий и фактов, но и испытывает на себе влияние господствующих

ценностей культуры, меняется в процессе их исторической эволюции. В этом отношении историография не представляет собой исключение; вопрос в большей или меньшей зависимости результатов научного исследования от социального фактора. Поэтому изучение истории исторической науки вовсе не исключает применения парадигмального подхода, если не возводить его в догму.

Целью работы является выяснение наиболее существенной стороны развития российской историографии конца XIX – начала XX вв. – смены в ней научных парадигм как результата общих тенденций перемен в духовном производстве европейского человечества и внутренних тенденций развития исторической науки с точки зрения смены в ней методологических учений и глобальных картин прошлого. По мнению автора, ведущим течением в российской историографии второй половины XIX – начала XX вв. являлось позитивистское, пережившее существенную внутреннюю эволюцию от «первого позитивизма» к «критическому позитивизму».

Хронологические рамки работы определяются с учётом формирования и смены научных парадигм в российской историографии. Оформление позитивистского направления в российской историографии и занятие им ведущего положения приходится на 80-е гг. XIX столетия. С середины 90-х гг. «первый позитивизм» вступает в кризисный этап, связанный с методологическими дискуссиями (середины 90-х гг. XIX в. – начала 900-х гг.) как внутри позитивизма, так и с его полемикой с неокантианством. В ходе дискуссии на ведущие позиции выдвигается течение «критического позитивизма», попытавшееся определить новые горизонты в сфере методологии истории и интерпретации исторического процесса. Социальные потрясения в России, вызванные революцией 1905 – 1907 гг, первой мировой войной и революцией 1917 г., обострили кризис. Теоретико-методологический аспект кризиса был углублен социальным. Разочарование российского общества после 1917 г. в «позитивной историографии» привело к распространению иррациональных настроений и формированию в исторической мысли течения «философии жизни» как альтернативы и позитивизму, и неокантианству. Ограниченный отрезок времени, отведенный существованию «философии жизни» в российской науке, не позволил данному течению раскрыться во всей полноте. Фактически распадается и течение «критического позитивизма». Завершающий этап кризиса приходится на 20-е гг., когда существование немарксистской историографии внутри страны в условиях фронтального наступления мар-

ксистской идеологии постепенно прекращается. Период кризиса после 1917 г. в монографии специально не рассматривался.

Современная историография накопила значительный опыт в изучении тенденций развития российской исторической науки. Она опиралась на историографические исследования, проведённые в дореволюционный период В.П.Бузескулом, В.О.Ключевским, Н.И.Кареевым, А.С.Лаппо-Данилевским, П.Н.Милюковым, М.Н.Петровым и другими авторами. Отечественными учёными в коллективных трудах,⁶ курсах лекций, учебных пособиях⁷ и монографиях.⁸ Был собран богатый фактический материал и сделаны серьёзные теоретические обобщения по истории отдельных научных течений, школ, отраслей нашей науки, творческому пути целого ряда историков.

Для решения задач данного исследования значима капитальная работа Б.Г.Могильницкого «Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 900-х годов». В этом труде раскрыты особенности становления отечественной медиевистики во второй половине XIX столетия. Политические, методологические и общеисторические воззрения целого круга российских всеобщих историков рассмотрены Б.Г.Могильницким в единстве их основных сторон. Историографу на материалах одной отрасли исторической науки удалось выделить многие черты, характерные для позитивистской историографии в целом, показать воздействие теоретико-методологических представлений рассматриваемых учёных на их исследовательскую практику. Однако развитие процессов в исторической науке в начале XX столетия в монографии только намечены. Не все оценки, связанные с кризисным этапом развития российской науки, выдержали испытание временем.

Первый опыт комплексного изучения проблем методологии истории в российской историографии начала XX столетия предпринял Л.Н.Хмылёв. Он, в частности, отметил наличие в ней антипозитивистской реакции, которую связывал с именами В.И.Герье, Р.Ю.Виппера, Д.М.Петрушевского, Е.В.Тарле.⁹ Однако взгляды названных авторов не объединяются исследователем в какую-либо научную систему. Сосредоточившись исключительно на вопросах методологии истории, Л.Н.Хмылёв оставил без внимания концепции исторического процесса и исследовательскую практику рассматриваемых им учёных. Спорным представляется выделение историографом в российской науке начала XX в. «религиозно-мистического» течения. Недостаточно изучено Л.Н.Хмылёвым пози-

тивистское течение в методологии истории, равно как и борьба течений между собой.

Серьёзной проблемой остаётся как систематизация отдельных исследователей по научным течениям и школам, так и выяснение теоретико-методологических основ самих этих течений и школ. В ряде случаев однозначно оценить теоретико-методологические позиции того или иного историка просто не представляется возможным, поскольку индивидуальное мировоззрение не укладывается в жесткие рамки и схемы. Это порождает споры о принадлежности ученого к той или иной научной структуре. Среди работ, посвящённых этим вопросам, необходимо отметить исследования А.Н.Цамутали, Л.Н.Хмылёва, С.П.Рамазанова, О.В.Синицына и др. Несмотря на спорность ряда положений, выдвигаемых указанными авторами, их исследования многое проясняют в идейной борьбе в российской историографии, характеризуют её взаимоотношение с марксистским направлением в общественной мысли, анализируют содержание методологических концепций, выдвинутых в начале XX в. (прежде всего неокантианской), систематизируют принадлежность исследователей к отдельным течениям, обращают внимание на постановку и решение новых для отечественной науки того времени проблем.

Общую картину изучения российской историографии дополняют многочисленные статьи, монографии, диссертации, посвящённые творческому наследию отдельных учёных. Есть основания считать, что исторической наукой проделан большой объём работы по изучению истории российской историографии. Вместе с тем новые методологические требования, предъявляемые к истории, диктуют необходимость корректировки модели развития исторической науки в России во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Для всестороннего раскрытия содержания процессов, происходивших в отечественной науке, выявления особенностей действовавших в ней различных течений и школ необходим комплексный анализ методологических идей и исторических концепций, присущих научным образованиям, изучение реализации этих идей в историографической практике ученых. Автор данного исследования преимущественное внимание уделил тем историкам, в чьих трудах разрабатывались теоретико-методологические основы позитивистского понимания истории. В то же время за рамками работы остались конкретные концепции истории и многие достойные изучения имена.

ЧАСТЬ I

ПОЗИТИВИСТСКАЯ ПАРАДИГМА ИСТОРИИ

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОЗИТИВИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ

Ведущим течением в отечественной историографии второй половины XIX в. было позитивистское. В лице своих наиболее крупных представителей, таких, как В.О.Ключевский, П.Н.Милюков, И.В.Лучицкий, Н.И.Кареев, М.М.Ковалевский. П.Г.Виноградов и др., позитивистская историография России выдвинулась на передовые позиции в мировой науке. Создание учебников, популярных пособий, курсов лекций, многочисленных монографических трудов по различным разделам всеобщей и российской истории, обобщающих работ – все это свидетельствовало о том, что к концу XIX века мы имели вполне сложившуюся позитивистскую парадигму истории. Причем многие труды позитивистских историков выполнены столь основательно, что являются непревзойденными по сей день. Мало какой современный автор отважится замахнуться на написание «Истории Западной Европы в новое время» в 7 томах (1892-1917; т. 6 и 7 в 2-х книгах), как это сделал Н.И.Кареев. Или, подобно ему же, писать труды, начиная с проблем истории Древнего Востока, кончая современностью. Кареев был вовсе не одинок в широте своих взглядов и исследовательских интересов. Поистине всеобщими историками были П.Г.Виноградов и М.М.Ковалевский. В.О.Ключевский создал цельную концепцию российской истории и развил ее в обширном курсе лекций. Примечательно, что историки с европейским именем не считали для себя зазорным писать учебники для гимназий, заниматься популяризаторской работой. Высокий профессиональный уровень результатов их деятельности обеспечивал им прочный авторитет в читательской среде, придавал устойчивость позитивистской парадигме истории.

Какие основные черты характеризовали подход исследователей-позитивистов к изучению истории? Какие структурообразующие элементы их мировоззрения вошли в противоречие с новой эпохой, наступившей в XX веке, что привело к кризису позитивистской парадигмы? Ответы на эти вопросы позволяют уяснить суть кризиса историографии конца XIX – начала XX в. и позиции авторов, претендовавших на формулирование новой парадигмы истории.

Необходимо постоянно помнить об известной условности рисуемой нами картины. Представлять дело так, что до конца XIX века существовала одна историческая парадигма и историки судили, например, сугубо по нормам позитивистской философии, а с начала XX века все решительно изменилось, все заговорили на языке неопозитивизма или неокантианства и т.д., значит исказить историографическую действительность. Само появление новой парадигмы было немислимо, если бы отдельные элементы ее не «накапливались» в рамках предыдущих систем. Взгляды каждого крупного исследователя отличались глубоким своеобразием, они не укладываются в жестко заданную схему. Традиция и новации переплетались в них самым причудливым образом. Поэтому неизбежна определенная драматизация, говоря словами Р.Ю.Виппера, истории науки, огрубление реальности, потеря индивидуальных подходов тех или иных авторов, коль речь идет о создании некоторой обобщающей модели. Только с учетом всех этих оговорок можно говорить о позитивистской парадигме истории, ее кризисе на рубеже веков и попытками ее заменить новыми критическими концепциями. Следует также оговориться, что отдельно будет рассмотрена методологическая концепция Н.И.Кареева, стремившегося в рамках самой позитивистской парадигмы преодолеть ряд присущих ей противоречий.

Невозможно представить себе развитие историографии в XIX в. вне учета влияния естественных наук. Как подчеркивает немецкий философ Х.-Г.Гадамер, «логическое самосознание гуманитарных наук, сопровождавшее в XIX в. их фактическое формирование, полностью находится во власти естественных наук». Этому идеалу «естествознания об обществе», приобретшему программный характер, мы обязаны исследовательскими успехами во многих гуманитарных областях.¹ В значительной степени такое влияние объясняется успехами наук о природе и относительным отставанием общественных наук, в том числе истории. С естествознанием связывались надежды на революционизирование наук об обществе, на возведение их в ранг точных наук. В этом смысле кумир тогдашней молодежи Н.Г.Чернышевский оптимистически писал в 1860 г.: «Еще не так далеко от нас время, когда нравственные науки в самом деле не могли иметь содержания, которым бы оправдывался титул науки, им принадлежавший... Теперь положение дел значительно изменилось. Естественные науки уже развились настолько, что дают много материалов для точного решения нравственных вопросов».² Оптимизм философа заходил так далеко, что

к нерешенным теоретическим вопросам нравственных наук он относил лишь узкоспециальные, которые неспециалисту даже не придут в голову.³ Конечно, было бы неправомерно сводить научные позиции выдающегося мыслителя к приведенным высказываниям, но настрой их весьма характерен.

О том, что в своих упованиях на естествознание Н.Г.Чернышевский был не одинок, свидетельствуют и взгляды молодого Н.К.Михайловского – властителя дум поколения 70-80-х г. По убеждению Михайловского, едва ли может подлежать сомнению то положение, «что ныне существующие общественные науки должны ожидать своего обновления от сближения с естествознанием».⁴ Констатируя «пронесшееся недавно над нашим обществом страстное увлечение естественными науками», философ указывал: «Общественная наука неизбежно должна чем-нибудь позаимствоваться у естествознания, во-первых, потому, что естествознание, как наука старшая, успело выработать целый арсенал логических приемов, а во-вторых, постольку, что общество управляется, кроме своих специальных законов, еще законами, парящими и над остальной природой».⁵ Но, ставя вопрос о заимствованиях, Михайловский одним из первых отечественных позитивистов указал и на их границы, чтобы избежать недоразумений, печальных по своим теоретическому и практическому результатам.

К концу XIX века естественные науки пережили две глобальные революции, решительно изменившие их облик: это революции XVII (первая) и конца XVIII – первой половины XIX в. (вторая), которые сформировали общие познавательные установки так называемой «классической науки». Сущность данных установок раскрывает В.С.Степин.⁶ В их основе, указывает ученый, лежит идея, согласно которой объективность и предметность научного знания достигаются только в условиях, когда из описания и объяснения исключается все, что относится к субъекту и процедурам его познавательной деятельности. Объект познания мыслился в качестве чего-то внешнего, совершенно независимого от суверенного разума, который не детерминирован никакими предпосылками, кроме свойств и характеристик исследуемых объектов. Изучаемые объекты предполагались в качестве малых систем с небольшим количеством элементов и жестко детерминированными связями. Считалось, что свойство целого полностью определяется составом и свойством частей.

В процессе второй научной революции в ряде областей знания формируются специфические картины реальности, несводимые к

механической. Одновременно происходит дифференциация дисциплинарных идеалов и норм исследования, отражающая специфику изучаемых объектов, но общие познавательные установки классической науки сохраняются.

Очевидно, что развитие исторической науки вполне укладывается в заданные параметры с той поправкой, что сдвиги в историографии происходили с существенной задержкой, свидетельствующей о зависимости историографии от мировоззренческих сдвигов более общего плана.⁷

На формирование мировоззрения отечественных историков второй половины XIX в. естествознание оказывало воздействие как непосредственно своими успехами в физике, биологии, химии, математике, так и опосредованно через философию позитивизма, исходящую из идеи единства научного знания. Факультеты естественных наук привлекали к себе молодежь, и зачастую выбор для будущих известных историков профессии протекал весьма болезненно. Так, М.А.Дьяконов начал учебу в медико-хирургической академии и только с третьего курса перешел на юридический факультет Петербургского университета.⁸ В.И.Семевский также пришел на исторический факультет Петербургского университета, проучившись около трех лет в медико-хирургической академии.⁹ В ту же академию под влиянием философии позитивизма, правда, неудачно, пытался поступить киевский историк И.В.Лашнюков.¹⁰ О своем увлечении естествознанием на рубеже 60-70-х г. XIX в. вспоминал Н.И.Кареев.¹¹ Напротив, повальное увлечение естественными науками заставило изменить истории и перейти с филологического на медицинский факультет Казанского университета одного из наиболее известных в будущем отечественных офтальмологов Е.В.Адамюка.¹² Такая же судьба была и у известного киевского ботаника О.В.Баранецкого, переведшегося в 1861 г. с историко-филологического факультета Московского университета на физико-математический факультет Петербургского университета.¹³ Только репутация лингвистики как «самой точной из наук после математики» заставила юного П.Н.Милюкова выбрать историко-филологический факультет: «В это, – вспоминал историк, – при тогдашнем увлечении «точными» науками, хотелось верить; этим как бы оправдывалось самое наше вступление на филологический, а не на естественный факультет».¹⁴

В этих примерах отражается атмосфера 50-70-х г., в которой формировалась позитивистская историческая парадигма. Наиболее удачно эта эпоха передана в романе И.С.Тургенева «Отцы и

дети». Хотя с годами атмосфера успокоилась, но общая тенденция сохранялась вплоть до конца века. Вполне в духе классического позитивизма П.Г.Виноградов свои лекции «О прогрессе» начинал на высоком настрое: «С каждым годом, можно сказать, – с каждым днем, среди мыслящих людей нашего общества все настоятельнее и настоятельнее становится запрос на осмысленное изложение исторических фактов, на построение науки об обществе, социологии, которая достойно бы завершила ряд наук математических, естественных и философских на определение законов и обобщений, которые внесли бы ясность и принципиальность в хаотическое многообразие исторического материала».¹⁵ Совершенно определенно историк связывает все свои надежды на создание подлинной науки об обществе с позитивизмом. Позитивистское направление привлекает его именно потому, что оно «ставит себе прежде всего целью точное изучение явлений, проникнуто недоверием ко всякой метафизике и складывается под влиянием методов и идей естествознания».¹⁶

Во второй половине XIX в. в естествознании происходит размывание ранее господствовавших норм механистического объяснения, внедряются его эволюционные идеалы. Это не могло пройти мимо внимания историков и содействовало сближению гуманитарных и естественных наук. Виноградов в этом смысле точно отметил: «Истинное влияние естествознания на историю начинается, когда само естествознание прониклось идеей превращения и развития и выработало себе <...> исторический метод».¹⁷ В конечном итоге этот фактор действует по сей день, способствуя синтезу картин реальности, вырабатываемых в различных науках, в общенаучную картину мира, пронизанную идеями глобального эволюционизма.¹⁸

Были попытки прямого перенесения методов и норм естественных наук в историческое исследование. Например, это сочинение А.И.Стронина «История и метод» (СПб., 1869), подвергнутое обоснованной критике Н.К.Михайловским. Но как совершенно справедливо писал С.А.Котляревский, «было бы в высшей степени близоруко судить об этом воздействии (успехов в изучении природы на историю – А.Н.) по некоторым легкомысленным и торопливым приемам перенесения в науку о человеке естественнонаучных категорий и естественнонаучных систем. Несравненно важнее была та атмосфера научного детерминизма, которая утвердилась более всего под влиянием роста естествознания в современном цивилизованном мире».¹⁹

Действительно, именно дух естественных наук, их идеалы и нормы исследования как бы витали над историками. Это был тот образец, которому стремились подражать, резервуар истин, откуда черпались примеры и аргументы для сравнения и обоснования собственных позиций. В западной историографии образцом такого подхода был И.Тэн, творчество которого оказало существенное влияние на отечественную науку. По словам В.И.Герье, «Тэн пытался самую историю поставить на научную почву, выработать для нее общую теорию и придать ей такую же точность и систематичность исследования и такую же безошибочность результатов, какими обладают науки естественноисторические и математические».²⁰ Отсюда стремление французского автора опереться на психологию и строго научную обработку фактов, что открывало путь к области исторических законов и установлению понятия об истории как о науке.²¹

В специальном курсе «Методология русской истории» (1884/85 академический год), чрезвычайно интересном и по постановке задачи – дать метод русской истории, и по исполнению,²² В.О.Ключевский отмечал подход Тэна к вопросу о формировании истории как науки²³ и развивал в том же направлении собственный взгляд.

Прочеств в середине 80-х г. курс по методологии истории – явление весьма неординарное для России, здесь ученый выступал во многом как первооткрыватель. Но в данном случае для нас интересно то, что курс насыщен примерами и сравнениями из области естествознания. Так, объясняя своим слушателям, что такое историческое явление и какие явления подлежат вниманию историка, а какие – нет, лектор предлагает «обратиться к наукам, стоящим на более твердой почве, чем история». Ключевский обращается к исследованию земной атмосферы и в качестве обычного явления рассматривает ветер, а происшествия – бурю: «События, совершающиеся в человечестве, – делает он вывод, – и суть с научной стороны явления, параллельные бурям и наводнениям в природе, в них обнаруживается действие тех же сил, но только в формах, не вызываемых необходимо природой сил и законами их действия».²⁴ Исследователь должен сосредоточить свои усилия, убежден историк, не на событиях или приключениях, а на явлениях, которые не могут не быть вызываемы повелительными историческими причинами, то есть изучать быт: понятия, нравы, привычки, право.²⁵ Раскрывая содержание «субъективного» и «объективного» методов в истории, о чем речь пойдет ниже, Ключевский сравнивает первый «с популярным изложением физиче-

ских явлений, где излагающий отправляется от явлений, наиболее часто повторяющихся перед глазами наблюдателя».²⁶ Главное было даже не в этих примерах, а в стремлении ученого «подтянуть» историю до уровня естественных наук, в первую очередь, за счет обеспечения строгой объективности исследования. В позитивистскую историографию весьма активно внедрялся идеал исследования, из которого исключались бы элементы, связанные с субъектом и процессами его познавательной деятельности.

Обоснованию этого идеала в позитивистской социологии много внимания уделил Г.Спенсер.²⁷ В России позиция Спенсера была принята неоднозначно. Если представители школы «субъективной социологии» отнеслись к рассуждениям английского философа весьма критически,²⁸ то среди большинства профессиональных историков его объективизм был воспринят сочувственно. Другим авторитетом, влиявшим на выработку объективистского идеала исследования в отечественной историографии, был Леопольд фон Ранке. Хотя Ранке исходил из иных соображений, чем позитивисты, и не стремился к сближению истории и естественных наук, но мастерство критического анализа, видимая беспристрастность его работ привлекали к себе и ученых, не разделявших его общих исторических взглядов.

Авторы «Народной энциклопедии», вышедшей под редакцией В.С.Гольдина, рассматривают Ранке как вершину историографии XIX в.²⁹ П.Г.Виноградов указывал, что на студенческой скамье особенно сильное впечатление на него произвело чтение произведений Ранке и Токвиля, соединяющих научную объективность с умением приводить исторические явления в стройную, внутренне обусловленную связь.³⁰ Восторженную оценку творчеству немецкого ученого дал молодой Е.Н.Щепкин, посвятивший Ранке одну из первых своих крупных работ.³¹ Призыв немецкого ученого писать историю с позиции «как это собственно было» вполне укладывался в нормы классической науки. Как справедливо указывает американский исследователь С.Хьюз, в сущности, школа Ранке «была глубоко нефилософской», «то же самое может быть сказано и о ее враге и наследнике – о позитивизме девятнадцатого столетия».³² Однако их позиция вполне соответствовала научным нормам своего времени и имела сильные стороны.

Требование объективности исследования становится важнейшим принципом в отечественной историографии второй половины XIX в. Сам принцип объективности не может вызывать сомнений, но речь идет об ограниченности его трактовки в позитивистской

парадигме истории. Объективность связывалась с ограничением познавательной активности субъекта по образцу естествознания первой половины XIX столетия.

В этом плане весьма показательна критика П.Н.Милюковым Н.Я.Далилевского за то, что он «в своем мировоззрении остановился посредине между идеализмом и реализмом, и, приняв механическое мирозерцание для одной половины наук, отвергнул его по отношению к другой».³³ По мнению Милюкова, эти раздвоенность и непоследовательность лежат в основе многих ошибочных положений и установок историка. В том числе это сказало и на его объективности: «Чуть ли не с каждой страницы «России и Европы» выглядывают на нас эти два различных выражения авторской физиономии, постоянно меняющиеся. То мы видим перед собой спокойное, беспристрастное лицо натуралиста, человека, пережившего так или иначе самый разгар увлечения русского общества естественнонаучными знаниями и привыкшего к употреблению строгого метода точных наук. То вдруг выражение этого лица меняется: перед нами раздраженный и осердившийся патриот».³⁴ Отсюда и не случайно весьма произвольное выделение Милюковым двух подходов в историческом исследовании: научного и практического: «Один откроет законы исторической науки, а другой установит правила политического искусства».³⁵ Вообще стремление развести два подхода к истории или два метода ее изучения – объективный (научный) и субъективный – весьма показательно для позитивистской историографии. По сути, через такое деление, с одной стороны, пытались доказать единство наук о природе и обществе, а с другой – зафиксировать очевидный факт зависимости истории от общественной жизни.³⁶

Много внимания вопросу об объективном и субъективном методе изучения истории уделял в своем курсе «Методология русской истории» В.О.Ключевский, оказавший в этом плане несомненное влияние на Милюкова. В основе субъективного метода, по его мнению, лежит стремление обосновать происхождение и постепенное образование современной культуры. Этот метод предполагает, что из всего многообразия исторических фактов отбирают лишь те, которые имеют отношение к современному состоянию образованного человечества. А поскольку оно неоднородно, культуры существенно различаются между собой, то и выбор, и сама оценка исторических явлений будут различны у историков разных культурных систем. Все содержание работы в этом случае зависит от широты личного кругозора исследователя. «Все изло-

женные заключения, вытекающие из основной мысли, излагаемого метода, сводятся к тому конечному выводу, – заключает Ключевский, – что такое историческое изучение отправляется не от исторического явления, а от личного кругозора изучающего, то есть не от изучаемого объекта, а от изучающего субъекта, и, следовательно, исходным пунктом изучения становится точка зрения изучающего. Поэтому такое изучение можно назвать субъективным и такой метод можно назвать субъективным».³⁷

Соответственно объективный метод предполагает, утверждает ученый, что за точку отправления берется не изучающий субъект, а изучаемый объект. В этом случае современная культура рассматривается не в качестве итога развития человечества, а как одно из проходящих состояний, и задачей исторического изучения станет самое историческое движение. Для его исследования уже не подходит субъективный метод. «Для изучающего теряет свою важность даже хронологическая последовательность явлений, ибо при изучении действия сил, свойств, людских союзов или последовательности движения важно не то, что после чего следует, а то, что из чего следует. Для такого изучения, которое в противоположность первому мы будем называть объективным, необходимы другие приемы изучения, этих приемов также три: наблюдение явлений, сопоставление явлений и обобщение явлений».³⁸

Нетрудно увидеть, что объективный метод с его приемами изучения и есть применение ученым в истории естественнонаучного образца. Отсюда закономерны и примеры из области естествознания, и сопоставление конкретных методов истории и наук о природе. Пожалуй, главное, в чем видит Ключевский известную неполноту истории, то, что она никогда не станет экспериментальной наукой, так как «у историка никогда не будет в руках того искусственного средства для познания свойства явлений, каким служит в руках естествоведа кабинетный опыт». Но, по его мнению, нет оснований для уныния, поскольку сравнение «заменяет историко опыт естествоведа».³⁹

В итоге Ключевский считает правомочными оба метода изучения истории, просто направлены они к разрешению неодинаковых задач. Субъективный метод – «облегченный способ исторического изучения», или «популярное изучение истории», которое «делает из истории средство общественного воспитания». На нем основывается преподавание истории. Объективный же метод – основа строго научного изучения. Объективное изложение истории «ведет к познанию природы общежития независимо от житей-

ских понятий и интересов изучающего». Со временем он может дать науку об устройстве общежития или прикладную историю.⁴⁰

Таким образом, вопрос об объективности изучения истории сводится Ключевским к применению ученым того или иного метода, к его компетентности и личным устремлениям. Приемы объективного метода и описание его историком предполагают дистанцированность исследователя от объекта изучения, пассивный характер самого процесса познания.

В то же время установка на объективность предполагала высокий профессионализм исследования, мастерство работы с источниками, тщательность исторического анализа, осторожность в выводах. Своего рода эталоном такого подхода к истории можно рассматривать работы П.Г.Виноградова по средневековой истории Англии и Италии. «Задачей истории он считал объективную реконструкцию исторических фактов в их органической причинной связи».⁴¹ Среди требований, безусловных для всякой научной исторической работы, ученый выдвигал такие, как необходимость «исходить от текстов и не выдавать предположения за факты», обязанность «относиться беспристрастно к своему делу и по возможности не вносить в него посторонних политических или патриотических предрасположений», необходимость точного исследования сравниваемых объектов в отдельности для успешного применения научного сравнения и др. Особенный упор он делал на критическую работу с источниками.⁴² Так, на своих семинарах в Московском университете, носивших преимущественно методологический характер, Виноградов стремился преподавать своим ученикам умение самостоятельно обращаться с источниками и применять к ним приемы научной критики. Как итог среди будущих профессионалов высокого класса, обучавшихся в его семинарах, мы видим С.Н.Трубецкого, П.Н.Милюкова, Д.М.Петрушевского, А.А.Кизеветтера и др.⁴³

Интерес к методологическим вопросам истории и широчайший научный кругозор позволили Виноградову преодолеть рамки узкой трактовки позитивистского подхода к источнику, пойти, в частности, дальше своего французского коллеги Фюстель де Куланжа. Критикуя позицию последнего, русский историк указывал, что необходим диалектический подход к источнику «уже хотя бы потому, что нельзя ограничиваться прямым смыслом случайно дошедших до нас свидетельств, которые и отрывочны, и говорят часто не о том, что нас интересует и что действительно для нас важно. Приходится искать косвенного смысла, поворачивать свиде-

тельство не тою стороною, которую оно обращено к нам в повествовании источника. А раз дело идет о такой аналитической перестановке, нельзя обойтись без логических построений и диалектического развития положений, противоположений и примирений». ⁴⁴

Не выходя в целом за рамки позитивистской парадигмы в интерпретации роли субъекта в процессе познания, Виноградов признавал важную роль синтеза в историческом исследовании, полагая, что синтез и объективность вполне совместимы. Более того, ученый указывал, что ряд ошибок того же Фюстель де Куланжа как раз и проистекает из-за пренебрежения синтезом, стремления не выходить за рамки источникового знания. «По пословице: «природа, изгнанная в дверь, возвращается в окно», – пишет историограф, – синтетическое начало, против которого принято столько предосторожностей, проникает, в сущности, всю работу нашего автора и подчиняет себе аналитические соображения в гораздо большей степени, чем у всех, кто наивно или сознательно признавал его роль в предварительной, а не только в окончательной работе». ⁴⁵ Таким образом, Виноградов высказывал некоторые положения, ставшие определяющими у критиков позитивистской парадигмы истории.

Говоря о синтезе, Виноградов не был склонен к каким-то широким обобщениям. Как пронизательно заметил Н.И.Кареев, он рано начал относиться с некоторым недоверием и даже известного рода предубеждением к общим теориям историко-философского и социологического характера. ⁴⁶ И сам историк указывал в своей автобиографии, что скептически относится к теоретической социологии «в виду малой обоснованности и схоластической отвлеченности ее положений». ⁴⁷ В этом плане его позиция расходилась со взглядами Н.И.Кареева, П.Н.Милюкова, М.М.Ковалевского, В.О.Ключевского, И.В.Луцицкого и др., ожидавших от социологии широких обобщений для истории. В то же время очевидно его влияние на представителей новых веяний в истории: Д.М.Петрушевского, Р.Ю.Виппера, не только подвергших критике позитивистскую социологию, но и полагавших, что постепенно история заменит собой социологию. ⁴⁸

Разногласия между П.Г.Виноградовым и другими историками-позитивистами о роли социологии для истории, конечно, не выходили за рамки позитивистской парадигмы. Вопрос стоял лишь о степени доверия выводам социологии и о большей или меньшей компетенции истории в определенных рамках, но не о необходимости для историка общих понятий или широкой синтетической рабо-

ты. Конечно, были исследователи, склонные к эмпиризму, готовые пожертвовать обобщением ради сохранения догмата объективизма. Таким представляется, например, исследователь феодальной Руси М.А.Дьяконов, характерной особенностью научной работы которого были стремление не выходить далеко за рамки источникового знания, большая сдержанность в формулировке выводов. Его труды, по словам А.Е.Преснякова, «не дают цельных и широких построений, а содержат ряд частичных самостоятельных наблюдений и обобщений, систематических, но не сведенных и не сводимых в общую конструкцию...».⁴⁹ Однако как тип историк-эмпирик, тем более в духе выведенного в романе А.Франса «Остров пингвинов», для отечественной историографии не был характерен ни во второй половине XIX века, ни в начале XX века. Не случайно прежде распространенный тезис об усилении тенденций к фактографичности и мелкотемью в историографии России эпохи империализма⁵⁰ никогда не был серьезно аргументирован. На самом деле, влияние позитивистской социологии, опиравшейся на опыт развития естественных наук, на историческое познание было велико. Через нее историческая наука усвоила целый ряд основополагающих онтологических и гносеологических понятий, была сориентирована на познание законов общественного развития.

Убежденность в существовании определенных законов в развитии общества была важнейшим элементом позитивистской парадигмы в истории. Историки-позитивисты могли спорить о характере этих законов, о том, выявлены ли они, либо это дело будущего, о том, какая конкретно наука их открывает – история, социология, или психология; само же существование законов было священным принципом, догматом веры, из которого исходил всякий исследователь. Подводя итоги XIX столетия, П.Г.Виноградов определил две главные идеи, господствовавшие над всеми научными воззрениями века и глубоко отразившиеся на всем его мироощущении, это – идея закона и идея развития.⁵¹ Историки верили, что дело открытия законов, управляющих обществом, верное. «Из науки о том, как строилось человеческое общежитие, – указывал В.О.Ключевский, – может со временем – и это будет торжеством исторической науки – выработать общая социологическая часть ее – наука об общих законах строения человеческих обществ, приложимых независимо от переходящих местных условий».⁵² Подчеркивалось социальное и научное значение знания законов истории, выдвигалось требование строго следовать в общественной жизни «историческим законам». Так, пренебрежительное отношение российского общества к своему прошло-

му во второй половине XIX века, по мнению Ключевского, привело к противоречию с исторической закономерностью, «которая не любит противоречия и наказывает за него. Исторический закон – строгий дядька незрелых народов и бывает даже их палачом, когда их глупая детская строптивость переходит в безумную готовность к историческому самозабвению».⁵³ Закон – наказывает, закон – поощряет как некая субстанция.

Идея закономерности истории полагалась в основу всех исследований историков-позитивистов. Научная история, говорил М.В.Левбедев, должна состоять из созерцания, уяснения причин и оценки событий и рассмотрения их с точки зрения понятий и законов. Соответственно, и историческое изучение одесский ученый поделил на: 1) историю событий, 2) историю состояний, 3) историю понятий, 4) историю законов. Такой анализ приводит его автора к выводу, что «историческое творчество своим логическим существом во всех частях сближается с общим гносеологическим творчеством, лежащим в основе всякого человеческого познания».⁵⁴ На аналогичных позициях стояли В.А.Гольцев, Л.Слонимский и др. авторы, выступавшие с критикой философии истории Н.И.Кареева за высказанное в ней сомнение в существовании «законов истории» и компетенции исторической науки в их открытии.⁵⁵ П.Н.Милоков утверждал, что исследователь должен исходить из идеи закономерного характера всех проявлений общественной жизни. «Мы принимаем закономерность исторических явлений, – писал он, – совершенно независимо от того, может ли история открыть нам эти искомые законы».⁵⁶ Современная наука, полагал Милоков, признает единство социальной эволюции человеческих обществ и их общественных идеалов.⁵⁷ Несмотря на все разнообразие жизни народов, в основе их лежат общие социологические законы и поэтому «в бесконечном разнообразии национальных существований должны отыскаться и сходные, общие всем им элементы социального развития».⁵⁸ Свои надежды на открытие законов эволюции человеческого общества ученый связывал с научной социологией.⁵⁹

Четкого определения исторических законов позитивистская историография обычно не давала. Подробно на этом вопросе останавливались В.О.Ключевский и Н.И.Кареев. Взгляды Кареева – отдельный вопрос, а мнение первого: «...исторический закон есть начало, управляющее сменой исторических явлений».⁶⁰ Но поскольку любое историческое явление подчиняется действию различных внутренних и внешних сил, каждая из которых также подчиняется известным законам, то исторические законы, по Ключевскому, и надобно понимать, как законы взаимодействия исторических сил.⁶¹

Понятие закономерности истории в позитивистской парадигме оказалось тесно увязанным с признанием наличия в истории прогресса. Определяя главные законы, которым подчиняется история, Д.И.Багалея писал, что к ним нужно отнести: 1) причинность исторических явлений, 2) их неповторяемость, 3) прогресс и 4) единство истории. Харьковский профессор указывал, что мысль о прогрессивном развитии человеческих обществ не только основывается на лучших чувствах человека, но и «находит себе оправдание в общем ходе исторического процесса. История, рассматриваемая в небольших пространствах времени, – подчеркивает ученый, – представляется однообразной; обнимаемая в больших периодах она представляет картину колебаний – акции и реакции; созерцаемая в целом, в обширном течении веков и народов, она заключает в себе основную идею прогресса».⁶² Убежденность в защите идеи прогресса Багалея в 1914 г., когда она подвергалась решительной критике, показатель важности ее как структурного элемента позитивистского понимания истории.

Специальные лекции о прогрессе в Москве в 1898 г. прочел П.Г.Виноградов. Достаточно осторожно, но решительно лектор отстаивал представление об историческом прогрессе, позволившее «провести просеки в дремучем лесу истории, впустить в него солнечный луч...».⁶³ Исследователь всегда был убежден в том, что история представляет собой не «капризное сплетение разнокалиберных событий», «а проявление строгой внутренней необходимости».⁶⁴ Поэтому для него важно было решить вопрос, в каком направлении идет движение: идет ли человечество вперед и что значит для него идти вперед, если оно идет вперед, то каким путем и под влиянием каких сил? В 80-90-е г. под влиянием теории Дарвина широко распространяется эволюционный взгляд на мир, в том числе на историю.⁶⁵ Виноградов полагал, что «эволюционная точка зрения, правильно понятая, не исключает идеи всемирно-исторического развития культуры и совершенствования ее».⁶⁶ То есть, эволюцию общества он в общем склонен был рассматривать как процесс прогрессивный. Доказательства тому историк видел разнообразными. В частности, одним из наиболее красноречивых доказательств, не без основания, он считал судьбу рабочих классов, пришедших от рабства и крепостной зависимости к личной свободе и относительному благосостоянию.⁶⁷ В итоге наблюдений над историческим процессом Виноградов приходит к выводу, что «процесс этот эволюционный и в то же время прогрессивный, что те силы, которые доисторического человека обратили в дикаря, дика-

ря в варвара, варвара в гражданина, будут и впредь продолжать работать над человеком и создавать культуру человечества». ⁶⁸

Идею исторического прогресса развивали многие позитивистски настроенные авторы. Среди них Х.Раппопорт, ⁶⁹ В.А.Гольцев, Л.Слонимский, А.Н.Пыпин, ⁷⁰ М.М.Ковалевский, М.В.Довнар-Запольский и др. Последний, правда, утверждал, что «конечная формула прогресса еще ждет своего разрешения», путь к этому он видел в обогащении позитивистской методологии К.Марксом и И.Кантом. ⁷¹ Однако Довнар-Запольский уже принадлежал к новому поколению исследователей, подвергшихся воздействию духа критицизма рубежа столетия.

В чем принципиальная слабость позитивистской теории прогресса, в немалой степени способствовавшая развитию кризисной ситуации в историографии России? Прежде всего, как ни странно, в ее недостаточной теоретической разработанности. Действительно, сколько-нибудь подробное научное обоснование теории прогресса было дано из всей когорты историков только Н.И.Кареевым и М.М.Ковалевским, удачно совмещившими в себе качества и интересы историка и социолога. Но и их опыт оказался не вполне удовлетворительным. ⁷² Что же касается чисто социологических исследований, то они направлялись преимущественно на анализ современного состояния общества, но социологи с недоверием относились к философии истории. Иными словами, они не претендовали на создание каких-то общих исторических схем, в обосновании исторического прогресса образовался известный вакуум. Показательно, что нередкие работы, дающие обзор крупных теорий прогресса, заканчивались серединой XIX века – О.Кантом, Г.Спенсером и К.Марксом. ⁷³ Из последующих попыток этого рода можно назвать разве что К.Бюхера с его теорией возникновения народного хозяйства. При всем различии подходов теоретиков прогресса к истории в XIX столетии им была присуща одна общая черта. Их взгляды историчны, поскольку обращены в прошлое, и внеисторичны, как только дело касается настоящего, а тем более будущего. Развитие общества в конце XVIII-XIX столетиях происходило столь быстрыми темпами, перемены оказались столь необратимыми, а успехи в науке, культуре, экономике столь значительными, что невольно оформилась своеобразная «философия пирамиды». Вершиной представлялась современность, а все прошлое рассматривалось как подготовительные или переходные к ней ступени – ошибка, о недопустимости которой предупреждал Ключевский, определяя содержание субъективного метода. Эта тенден-

ция продолжала действовать и в веке XX, однако постепенно у человечества выработалась привычка к переменам, а воздействие «философии пирамиды» ослабло. Классическим примером теории прогресса для XIX в. является философия истории Гегеля с ее саморазвивающимся духом, получившим, наконец, реализацию в философии самого Гегеля, и возрастанием степени свободы, достигшей своего предела в прусском государстве. Но ту же схему мы видим у «отца позитивизма» О.Конта, в его трех стадиях интеллектуальной эволюции человечества: теологической, метафизической и, наконец, позитивной, или научной, которой соответствует контовская социология. Из того же источника питается и формационная схема К.Маркса с ее ожиданием скорого окончания постройки вершины пирамиды коммунистической формации, после чего история фактически останавливается, поскольку ее цель реализована. Классическим капитализмом завершается развитие хозяйственной деятельности человечества у Бюхера: стадии домашнего, городского и народного хозяйства.

Не случайно в конце XIX – начале XX в. все эти глобальные схемы прогресса подверглись критике или даже забвению. Сомнения в глобальных теориях прогресса обнаружили достаточно рано, поэтому уже в 90-е г. историки предпочитали писать об эволюции общества, подчеркивая ее общую прогрессивную направленность. Однако от этой осторожности в употреблении понятий более убедительной позитивистская теория прогресса в истории не стала.

Следует отметить, что сами споры о прогрессе в истории оказались в пореформенной России политизированы. Как верно пишет Н.А.Бердяев: «То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой, или, во всяком случае, истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то вроде религиозного откровения».⁷⁴ Понятия «прогресс», «прогрессивные взгляды», «прогрессивные идеалы» и пр. стали общеупотребительными, обязательными для всякого, считающего себя русским интеллигентом. Но трактовались они по-разному. Либеральная трактовка, присущая историкам-позитивистам, подверглась яростным атакам слева, со стороны некоторых экстремистски настроенных революционеров.⁷⁵ Эта критика носила почти исключительно политический характер. На рубеже веков критика политическая, революционная (уже марксистская) шла параллельно с научной.

Находясь под постоянным присмотром слева, а влияние левых сил на общественное мнение в России – безусловный факт, и,

основываясь на идеалах русской интеллигенции, позитивистская концепция стойко сохраняла свой либерально-прогрессивный дух. Сколько-нибудь серьезный кризис идеалов либерализма разразился лишь в связи с поражением первой русской буржуазно-демократической революции и расколом в либеральном лагере. Однако неверно было бы абсолютизировать этот кризис, поскольку внедрение в России парламентарных начал и обеспечение основных прав и свобод гражданина способствовали выживанию прогрессистских идей. Крах либерализма – не единовременный акт, а результат последовательных ударов со стороны бурного XX века: 1) революции 1905-1907 г., расколовшей интеллигенцию и продемонстрировавшей иллюзорность ее представлений о единстве с народом; 2) первой мировой войны, развеявшей еще один миф теории прогресса о невозможности войн в условиях развитой капиталистической системы, 3) Октябрьской революции и гражданской войны, поставивших точку на всяких остававшихся надеждах, возрожденных с победой Февральской революции.

Кризис политических идеалов русского либерализма в начале века означал и разрушение представлений ученых об обществе как разумном общественном организме, где каждый класс, каждая социальная группа выполняют свою определенную функцию. Еще одна излюбленная идея позитивистской парадигмы, берущая начало в биологии. По мнению П.Г.Виноградова, биология стоит дальше от исторических данных, чем психология, но «зато она обладает, так сказать, деятельными обобщениями, которые могут быть испробованы, и с успехом испробованы на этих данных».⁷⁶ Используя биологические законы применительно к развитию человека и общества, исследователь приходит к выводу о соответствии понятия организма различным формам организации общества. В настоящее время, по его мнению, «никто не сомневается, что развитие обществ в основе своей является органическим...».⁷⁷ В качестве таких обособленных организмов в истории ученый называет семью, род, племя, государство, церковь.⁷⁸ Тут же Виноградов определяет и роль общественных классов внутри отдельных общественных организмов. Их история, полагает он, представляет «самые яркие примеры эволюционного процесса...». «Расчленение общества на профессии, состояния, сословия дает прекрасное приложение общего начала дифференциации функций и дифференциации строения; совместная деятельность классов, их взаимные услуги и общая работа иллюстрируют процесс объединения, интеграции».⁷⁹ Общественным организмом является, по Виноградову, и совокуп-

ность человечества. Оптимистический настрой историка позволил увидеть в этом организме пробуждающееся сознание «солидарности, разумных целей и нравственных связей». ⁸⁰ Вряд ли русский материал давал основания для столь радужного взгляда на общество и перспективы его развития. Скорее всего, Виноградов ориентировался на туманный Альбион. Заманчиво сегодня звучат слова мыслителя о солидарности и нравственных связях между народами, но не следует забывать, что между временем их рождения и сегодняшним днем две мировые войны и неопределенное будущее.

Прямые попытки переноса на общество всех закономерностей и функций организма демонстрировал А.И.Стронин. ⁸¹ Более осторожно подходили к этому вопросу А.С.Трачевский и М.М.Ковалевский. Так, Трачевский подчеркивал, что «между обществом и организмом существует подобие, но не тождество», ⁸² и считал, что подход к данному вопросу Спенсера «страдает исключительностью». ⁸³ Однако ученый зарекомендовал себя горячим сторонником пропагандиста органической теории в социологии Р.Вормса. Он утверждал, что ей «принадлежит ближайшее будущее». ⁸⁴

По мнению М.И.Ковалевского, данные биологии не могут быть целиком переносимы в область общественных наук, ⁸⁵ но его собственная концепция исторического процесса испытала на себе влияние дарвинизма. Д.И.Багaley признавал идею органического развития в исторической жизни важнейшим достижением современной ему науки. ⁸⁶ Пережитки ее видны и у М.В.Довнар-Запольского ⁸⁷ и др. авторов. События XX века не могли не войти в прямое противоречие с подобной трактовкой общества и его эволюции в качестве роста общественной солидарности. В итоге в позитивистской конструкции истории не выдержал еще один структурный элемент.

Наконец, классической науке свойственно представление об объекте изучения как малой системы, характеризуемой небольшим количеством элементов и их детерминированными связями. В это представление вполне укладывалась позитивистская концепция о факторах исторического процесса. Идея о существовании определенных факторов, определяющих ход истории, была несомненным шагом вперед в исторической науке. Она пришла на смену сведения историографии к истории религии и церкви, идейных систем либо политической истории.

Факторный подход к истории родился на базе расчленения на составляющие элементы реального единства исторического процесса. В сравнении с идеалистическим монизмом он имел то преимуще-

щество, что позволяло более разносторонне осветить ход исторического процесса, придавал конкретность и усиливал фактологическую сторону исследования.⁸⁸ В то же время выделение и самостоятельное изучение отдельных исторических факторов способствовало формированию представлений об обществе как некоем механизме, подчиняющемся законам социальной статики и динамики. Причем механистический подход в рамках позитивистской парадигмы истории уживался с трактовкой общества как организма.

Так, В.О.Ключевский в «Курсе русской истории» выделяет следующие элементы общежития: «Итак, человеческая личность, людское общество, и природа страны – вот те три основные исторические силы, которые строят людское общежитие. Каждая из этих сил вносит в состав общежития свой запас элементов или связей, в которых проявляется ее деятельность и которыми завязываются и держатся людские союзы».⁸⁹ По своему происхождению одни из этих элементов, полагает ученый, можно признать первичными, другие – вторичными. По свойствам и потребностям человека они делятся на физиологические, экономические, юридические, политические и духовные.⁹⁰ В своем курсе лектор в первую очередь излагал факты политические и экономические с их разнообразными следствиями и формами проявления. Именно разработка социально-экономической проблематики стала важнейшим следствием внедрения «теории факторов» в историю.

Социально-экономическая сторона истории стала главным объектом изучения для целого ряда медиевистов, выделяемых в целое направление. Одним из первых его представителей был И.В.Луцицкий. Среди наиболее ярких имен этого направления – П.Г.Виноградов, М.М.Ковалевский, Н.И.Кареев, а из молодого поколения – Р.Ю.Виппер, Д.М.Петрушевский, А.Н.Савин и др. Важное место социально-экономическая проблематика нашла и в работах ученых-античников, таких, как М.И.Ростовцев, М.М.Хвостов, И.М.Гревс, историков нового времени – Е.В.Тарле и др.

Речь, конечно, не идет о тождестве подходов названных авторов к проблеме факторов исторического процесса. В своих трудах они давали неодинаковую оценку влияния экономической стороны на ход исторического процесса, что довольно подробно рассматривалось в советской историографии. Однако важно подчеркнуть, что наметился определенный разрыв между конкретно исторической практикой этих исследователей и теоретическим решением ими вопроса о роли отдельных факторов в истории. Если в конкретных трудах они уделяли преимущественное внимание социально-эконо-

мической стороне истории, то на уровне теории исходили из идеи равнозначности различных факторов, выступали против «крайностей» материализма и идеализма. Например, П.Г.Виноградов сосредоточил свои исследования на изучении юридических и экономических отношений средневековья. Он указывал в своей автобиографии, что его привлекали здесь не поверхностные явления, «а глубокие движущие силы, создавшие то водораздельное в истории Европы явление, которое называется феодализмом. А эти движущие силы и могли быть раскрыты лишь в области социально-экономических и правовых отношений».⁹¹ Исходя из этой точки зрения, он и обратился в английской истории к манору как социальному институту, проходящему через все ее стадии, в котором «сосредоточиваются экономические, социальные и политические идеи и учреждения».⁹²

По убеждению П.Н.Милюкова, с Виноградова начиналось «новое направление» в изучении истории в Московском университете, основные особенности которого заключались в сосредоточении внимания на учреждениях и быте, широком привлечении архивного материала.⁹³ Считая себя учеником Виноградова, сам Милюков положил в основу исторического изучения, по его словам, «экономический материализм».⁹⁴

Научные позиции Виноградова позволили Н.И.Карееву даже обвинить его в том «грехе», что «он держится исторической теории, довольно близкой к так называемому экономическому материализму».⁹⁵ В то же время сам ученый утверждал, что он никогда не считал изучение правовых и экономических явлений единственной руководящей нитью.⁹⁶

Противником монизма в любой его форме выступал М.М.Ковалевский.⁹⁷ «Теория факторов» у него выражена определеннее, чем у Виноградова. Ковалевский отстаивал идею тесной зависимости, в какой стоят между собой экономические, социальные и политические явления, причем особое внимание уделял биосоциальному фактору – росту населения. К историческому материалу ученый подходил в первую очередь как социолог, желающий «проверить на материале, взятом у разноплеменных народов Европы, несколько основных положений, весьма немногих по своему числу и тесно связанных с выяснением поступательного и более или менее параллельного хода экономических и политических явлений».⁹⁸ По мнению исследователя, на разных этапах исторической эволюции главенствующее значение приобретали различные общественные феномены.⁹⁹ Однако такой плюрализм не исклю-

чал, что в отдельных своих трудах или лекционных курсах, например, на экономическом отделении Петроградского политехникума, он делал попытку не только для современности, но и для более ранних эпох, в частности для Англии XIV и XV веков, «подставить под картину политического строя <...> фундамент экономических и социальных явлений».¹⁰⁰ Более того, социально-экономическая проблематика заняла поистине ведущую роль в творчестве ученого. Чтобы оценить вклад историка в ее разработку, достаточно вспомнить о таких фундаментальных его трудах, как «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (Ч.1. – М., 1879), «Общественный строй в Англии в конце средних веков» (М., 1880), «Происхождение современной демократии» (Т. 1-4. – М., 1895-1897), «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (Т.1-3. – М., 1898-1903) и др.

Д.И.Багалей во имя исторической перспективы восставал «против исключительного господства той или иной стороны жизни в общем историческом изложении...».¹⁰¹ Постановка проблемы об основном и производных факторах истории для него неприемлема в качестве априорной доктрины. Историк предлагает держаться взгляда, что «идеи с таким же основанием могут быть признаны основой исторического процесса, как и хозяйственные отношения».¹⁰²

Выступления в либеральной историографии против «экономического материализма» в истории усилились на рубеже XIX-XX в. по мере распространения марксизма в России. Процесс этот шел параллельно с укреплением позиций «социально-экономического направления» в историографии, представители которого, в свою очередь, полемизировали с марксизмом. В рамках этой полемики оттачивалась «теория факторов», да и само ее концептуальное оформление связано с этой полемикой.

Принципиально новым явлением в дискуссии с марксизмом на рубеже веков было переведение проблемы о роли экономического фактора в истории сугубо в методологическую плоскость. Рельефно это выразилось в работах молодого поколения всеобщих историков, однако нашло свое отражение и у исследователей старшего поколения, например, у В.О.Ключевского.

Стремясь оправдаться перед своими слушателями за недостаточное внимание к роли идей в «Курсе русской истории», ученый говорил: «Полагая в основу исторического изучения процессы политические и экономические, я не хочу сказать, что историческая жизнь состоит только из этих процессов, и что историческое изучение должно ограничиваться канцеляриями да рынка-

ми. Не одними канцеляриями и рынками движется историческая жизнь: но с них удобнее начинать изучение этой жизни.¹⁰³ И далее лектор подчеркивал: «Я хочу сказать, что факты политические и экономические полагаю в основу курса по их значению не в историческом процессе, а только в историческом изучении. Значение это чисто методологическое».¹⁰⁴ Однако такой поворот открывал широкие возможности релятивным интерпретациям истории, поскольку вопрос о порядке описания объекта лежит полностью в рамках компетенции исследователя. Объективно этот поворот был направлен не подрыв позитивистской парадигмы, нацеленной на получение надежного позитивного знания, близко соответствующего исторической реальности.

Наконец, говоря о серьезном воздействии полемики с марксизмом на формирование позитивистской теории факторов, неправомерно само обращение науки к широкому изучению социально-экономической стороны истории сводить только к влиянию марксизма.

Е.В.Тарле, объясняя современный интерес к экономической истории, очень верно отметил в 1903 г., что тут соединились запросы текущей действительности и научного знания.¹⁰⁵ Рассматривая роль последнего элемента, исследователь глубоко вскрыл связь интереса к социально-экономической стороне истории с потребностями разработки позитивистской парадигмы. Дело в том, писал ученый, что с 50-60-х г. XIX в., главным образом под непосредственным влиянием О.Конта в социальных науках усилилось стремление превратить историю из собрания фактов в «настоящую науку, вывести ряд законов, правильность которых была бы неизбежно оправдана и установлена всеми известными нам историческими фактами. И вот тут-то оказалось, что почти отсутствует в науке разработка хозяйственного прошлого людей, а без знания этого прошлого <...> историк всегда был, есть и будет совершенно бессилён».¹⁰⁶ В итоге исследователям пришлось серьезно заняться изучением экономической истории людских обществ. То есть, потребность была рождена из стремления познать историческую реальность во всех ее проявлениях. Об этом же писал А.К.Дживелегов в обобщающей статье «История» для энциклопедического словаря товарищества Гранат.¹⁰⁷ Плюралистический подход был заложен в самой познавательной установке позитивизма. На практике это зачастую оборачивалось эклектизмом.

В то же время позитивистский подход к истории на основе изучения действия отдельных факторов предполагал, что в итоге можно получить цельное представление об историческом процес-

се как некоем устойчивом объекте. Такая установка на поиск и анализ «малой системы» сыграла с историками-позитивистами злую шутку в период бурных социальных катаклизмов первой четверти XX века, когда отдельные составляющие системы, как и вся она в целом, повели себя вопреки устоявшимся представлениям и прогнозам. Именно несоответствие этих представлений реалиям вызвало к жизни полные драматизма статьи Р.Ю.Виппера 1913-1920 г., объединенные в сборник «Кризис исторической науки» (Казань, 1921), в которых историк констатирует крах целого мировоззрения. Оказалось, что на самом деле общество относится к категории сложных саморегулирующихся систем с весьма непредсказуемым взаимодействием элементов.

Таким образом, основное содержание позитивистской парадигмы истории можно свести к следующим элементам: 1) гносеологический оптимизм и рационализм, вера в возможность средствами науки познать и преобразовать в благоприятную для человека сторону мир (данный элемент следует признать доминирующим для позитивистской историографии); 2) утверждение единства научного знания; 3) стремление «подтянуть» историю до уровня естественных наук за счет реализации в ней основных идеалов и норм естественнонаучного исследования; 4) объективизм; 5) признание существования законов развития общества; 6) признание наличия прогресса в истории человечества; 7) трактовка общества как организма; 8) теория факторов. Как было показано, постулаты позитивистской парадигмы имели свои сильные и слабые стороны. Кризис парадигмы, в который она вступает на рубеже эпох, не означал необходимости отказа от всех составляющих ее идей, но потребовал их решительной переработки, приведения в соответствие с реалиями исторического исследования и новой эпохой. Первую часть этой задачи, то есть приведение парадигмы в соответствие с реалиями исторической работы на базе учета специфики познания в истории, впервые в отечественной историографии попытался решить Н.И.Кареев.

ГЛАВА 2. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ Н.И.КАРЕЕВА

Философия истории Н.И.Кареева представляет для нас особый интерес. Во-первых, его труды 70-80-е г. XIX в. являются важнейшим элементом теоретического обоснования позитивистской парадигмы. Складывание последней в российской историографии

просто нельзя понять без анализа работ Кареева. Во-вторых, своей концепцией историк пытался в то же время преодолеть ряд существенных недостатков позитивистской парадигмы, оставаясь в ее пределах.¹⁰⁸

Правомерно будет рассматривать автора «Основных вопросов философии истории» (Т.1-2, 1883) как первого профессионального методолога истории в России и одного из первых в Европе. Ему принадлежит приоритет в постановке целого ряда проблем философии истории. Во многом идеи Кареева оказались симптоматичными для последующего развития философско-исторической мысли. Однако судьба ученого как методолога в чем-то представляется драматичной. Творческая активность историка охватывает около 60 лет и падает на бурную эпоху буржуазных преобразований в России – период становления позитивистской парадигмы в истории, социальных потрясений первой четверти XX в. – время серьезных теоретико-методологических дискуссий в отечественной науке, вступления историографии в состояние кризиса. На фоне этих перемен положение ученого выглядит непростым. В момент выхода главного труда Кареева по философии истории многие его положения оказывались для современников слишком радикальными и были восприняты в штыки. Исследователь был обвинен в пропаганде субъективистского подхода к истории. На судьбе Кареева сказалась общая тенденция, характерная для развития наук и отмеченная Т.Куном: разрешение проблем кризиса хотя бы частично бывает предвосхищено в течение предшествующего периода, когда в соответствующей науке не было никакого кризиса, но при отсутствии его эти предвосхищения игнорируются.¹⁰⁹ Нельзя, конечно, сказать, что труд Кареева прошел бесследно. Его многочисленные философско-исторические работы, как и преподавательская деятельность, несомненно, способствовали пробуждению глубокого интереса в отечественной историографии к ее теоретико-методологическим проблемам. Однако, когда в 90-е годы стали широко переводиться соответствующие работы немецких авторов, когда выдвинулся ряд блестящих отечественных методологов (таких, как Р.Ю.Виппер, А.С.Лаппо-Данилевский и др.), взгляды Кареева показались устаревшими: эпоха кризиса породила собственных теоретиков.

Ученый учитывал изменившуюся обстановку. Подчеркивая свой приоритет в постановке ряда дискутировавшихся в начале XX в. проблем, Кареев попытался заново систематически изложить свои взгляды, что было им проделано в «Теории исторического зна-

ния» (1913) и в «Историологии (Теории исторического процесса)» (1915). Не все противоречия, связанные с сущностью позитивистской парадигмы, ему удалось преодолеть, но эти работы в целом соответствовали времени. Пожалуй, особенно основательно в начале века были скорректированы представления исследователя о ходе всемирной истории. В этом отношении его взгляды укладываются в рамки критического течения в либеральной историографии всеобщей истории в России и будут рассмотрены в следующих главах.

Н.И.Кареев был не только выдающимся историком, но и крупным социологом. На формирование его методологических взглядов несомненное воздействие оказала его принадлежность к школе «субъективной социологии» в России. Ряд представлений историка берет свое начало в идеях П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского, на что указывал сам ученый.¹¹⁰ Анализ философии истории Кареева требует учета этого влияния.

Занятие социологией обусловило особый интерес исследователя к ее создателям О.Конту и Г.Спенсеру. По его словам, Конт имел «громадное значение в умственной жизни XIX в.», поскольку точно выразил «научный дух» века.¹¹¹ Историк отмечает благодатное воздействие французского мыслителя на отечественную науку и складывание собственных представлений.¹¹² Кареев посвятил целый ряд специальных работ анализу «позитивной философии» (включая сюда и «субъективную социологию»)¹¹³ Обращаясь к наследию Конта и Спенсера, русский ученый принимал из него далеко не все. Однако, как справедливо отмечает Б.Г.Могильницкий, беря на вооружение одни из их положений и полемизируя с другими, Кареев при этом всегда сохранял должный по отношению к ним пиетет.¹¹⁴ Как и у других отечественных историков-позитивистов, с этой философией у Кареева ассоциировалось устранение метафизических предположений изучения реального мира, стремление поднять уровень исторических исследований за счет широкого использования опыта естественных наук, помочь истории опереться на разработки номологических наук об обществе – социологии и психологии.

Вслед за основоположниками позитивизма Кареев полагал, что нашему знанию доступны только явления и никак не сущность вещей. На этом различии явлений и сущностей он и основывал противоположность науки и метафизики.¹¹⁵ С этой точки зрения, по его мнению, нечего возразить против научности истории, поскольку она в своем предмете не выходит за пределы мира явлений, могущего

быть познаваемым.¹¹⁶ Все науки, по Карееву, одинаково основываются на фактических данных, подчиняются логическим законам и стремятся к открытию истины. Историк сознает, что к этому идеалу научности приближаться гораздо легче в естествознании, чем в социальных науках, но сам «идеал научности и основанные на нем требования, – считает он, – одни и те же и для натуралиста, и для психолога, и для социолога, и для историка».¹¹⁷ По общему признанию, пишет он, высшей задачей безразлично всех наук является «открытие и исследование законов причинности и развития, которым подчинены все предметы, факты, события и явления, как в мире природы, так и в мире человека».¹¹⁸ И с этой точки зрения история ничем не выделяется из ряда других наук. Наконец, гуманитарные науки, указывает он, сделали громадный шаг вперед на пути понимания человеческой жизни, заимствовав у естествознания самые важные условия научности – реализм и объективизм.¹¹⁹

Пока взгляды Кареева не выходят за рассмотренные нами рамки позитивистской трактовки идеалов и норм научного знания. Однако дальнейший ход рассуждений историка весьма решительно расходится с традицией, идущей от основоположников позитивизма. Ученый обращается к определению особенностей познания в социальных науках вообще и в истории в частности.

Из того, что история использует естественнонаучный образец, утверждает Кареев, еще не следует, что гуманитарные науки безусловно и целиком должны быть подчинены принципам и методам естествознания. Он предлагает пополнить социальное познание тем, что мы называем «субъективизмом» и «идеализмом»: «Эта необходимость вытекает из того нового, которое является в мире человека по сравнению его с миром природы».¹²⁰ Речь идет о наличии в социальном познании «кроме теоретического и утилитарного элементов, еще и элемента этического».¹²¹

В принципе такой поворот не противоречит общему направлению в развитии научного знания XIX в. В естественных науках с начала века наблюдалась тенденция к дифференциации дисциплинарных идеалов и норм исследования. Но в социальных науках она только намечалась. Правда, в немецком идеалистическом историзме неоднократно подчеркивалось отличие методов, применяемых в истории, от арсенала естественных наук, но методологические споры до 80-90-х г. и для немецкого историзма носили скорее допарадигмальный характер. Лишь в неокантианстве и в «философии жизни» были окончательно провозглашены границы между историческим и естественнонаучным познанием.

Что касается собственно кареевского подхода к поставленной проблеме, то он заключался в стремлении утвердить специфику исторического познания, сохранив основные нормативные требования к нему, выработанные на материале естественнонаучного исследования. Кареев выявил самое слабое звено, «ахиллесову пяту» позитивистской парадигмы в истории – гносеологию, и предложил собственные методологические разработки. При всей непоследовательности суждений исследователя некоторые его идеи сохраняют научную значимость по сей день.

§ 1. Место истории среди других наук

Построение собственной философии истории Н.И.Кареев начинает с классификации наук, обращая главное внимание на общественные дисциплины. Все науки исследователь делит на два рода – феноменологические, имеющие дело с данными феноменами, и номологические, имеющие дело с известными категориями законов». ¹²² Самое разделение наук на конкретные и абстрактные (феноменологические и номологические, по терминологии историка) заимствовано им у О.Конта. Заслуги последнего в классификации наук Кареев неоднократно подчеркивал. ¹²³ Однако принцип, лежавший в основе контовского деления наук, был несколько иным. Конт расположил науки по степени абстрактности в порядке их координации. Социология и естественные науки шли у него в одном ряду.

Позиция Кареева была более сложной. Формально в основу классификации наук исследователь положил теоретико-познавательный признак – деление по познавательному интересу отдельных наук: «Все доступное нашему познанию, – писал он, – есть совокупность явлений, управляемых законами. Наше изучение может быть направлено на самые явления или на их законы, смотря по тому, какие цели мы себе ставим. Одна задача описать явления и показать их взаимную связь, другая – найти общие законы их существования в пространстве и последовательности во времени». ¹²⁴ В более поздней работе Кареев подчеркивает, что дело «не в том, что является предметом науки, а в том, как наука своим предметом занимается, будет ли этот предмет нечто общее или единичное». ¹²⁵ На основании нашего познавательного интереса, указывает историк, любой индивидуальный предмет, единичный факт может рассматриваться с двух сторон – либо как экземпляр какого-нибудь вида, пример, какого-нибудь отношения, случай какого-нибудь правила, либо – сам по себе, как нечто существующее только

один раз и в данном месте, в данное время при определенной обстановке, с не менее определенными причинами и следствиями. В первом случае важно знание общего, во втором – единичного. Вопрос же о том, что взять за предмет рассмотрения – результат самостоятельного решения исследователя.¹²⁶

Однако наряду с теоретико-познавательным принципом разделения наук у Кареева фактически можно обнаружить и другой – по наличию этического отношения к предмету исследования. «Такое этическое отношение, – подчеркивал ученый, – возможно лишь к миру человека, к явлениям духа и общества, и оно должно составлять весьма важную сторону человеческого мирозерцания».¹²⁷ Здесь четко выделяются две группы наук: 1) включающие в результаты своего исследования этическое отношение или оценку – науки об обществе, и 2) индифферентные к такой оценке – науки о природе. Историк прямо писал, что науки делятся на «естественные, имеющие своим предметом природу и человека, как часть природы, и на науки гуманитарные, изучающие мир человека, взятого с духовной и общественной сторон человеческого бытия. История, конечно, относится к наукам гуманитарным».¹²⁸ Оба критерия в известной степени сближают Кареева с неокантианцами. Поэтому целесообразно сравнить в ходе анализов взглядов Кареева эти два подхода к классификации наук, тем более что в советской историографии высказывалось мнение о соединении в мировоззрении историка позитивизма и неокантианства.¹²⁹

Следует сразу оговориться, что работы неокантианцев баденской школы по методологии истории появились после выхода кареевских «Основных вопросов философии истории», поэтому говорить о каких-то «влияниях» не приходится. Однако позднее историк мог учесть эти исследования при корректировке собственных позиций. Действительно, в теоретико-методологических трудах начала XX в. Кареев сочувственно отзывается о поисках неокантианских авторов,¹³⁰ но говорить о совпадении метода отнесения к ценности и кареевской этической оценки не приходится.

Классифицируя социальные науки с теоретико-познавательной точки зрения, Кареев выделяет феноменологическую науку историю и номологические науки – социологию и психологию¹³¹ в качестве основных наук, а кроме того, философию истории. Последнюю, в отличие от многих современников, ученый рассматривал как самостоятельную науку в одном ряду с историей и социологией. Не случайно, что ее разработка стала предметом докторской диссертации Кареева. В работах 10-х г. XX в. он разделил философию

истории на теорию исторического знания и историологию или теорию исторического процесса. В итоге получались довольно стройная система, сохраняющая свое значение и сегодня.

Социология, по Карееву, номология всякой истории, философия же истории – «идиография только единичной, лишь один раз нам данной истории – истории человечества».¹³² Своей задачей последняя имеет «философское, проникнутое объединяющей и руководящею идеей, рассмотрение феномена всемирной истории».¹³³ С этой точки зрения О.Конт, например, по Карееву, вместо общей социальной динамики в своем учении о трех формах мирозерцания дал философский обзор всемирной истории.¹³⁴ Исследователю не удалось четко разграничить предмет изучения социологии (социальной динамики) и историологии. Обе науки нацелены на открытие законов, действующих в жизни общества и истории, но социология занимает более высокую ступень по уровню абстрагирования.¹³⁵ Философия истории рассматривается Кареевым как дисциплина, занимающая промежуточное положение между социологией и историей.¹³⁶ Именно она, по убеждению исследователя, нуждается в идее прогресса, носящей по своей сути оценочный характер. Если историческая наука, полагает ученый, имеет задачей представить объективно эволюцию человеческих обществ, то философия истории «есть не что иное, как субъективное отношение к этой эволюции, рассмотрение ее с точки зрения прогресса в жизни единого по своей природе человечества».¹³⁷ Она позволяет увидеть в прогрессе смысл человеческой истории.¹³⁸ Одновременно она выполняет функцию суда человечества над самим собой.¹³⁹

Таким образом, философия истории в качестве теории исторического процесса предстает под пером Кареева как некий обобщенный опыт всемирной истории, включающий в себя этическую оценку итогов пройденного человечеством пути. Теория же исторического знания – это методология исторической науки, в которой изучаются предмет и метод истории, проблемы исторического источника и исторического факта, роль теоретического знания в исследовании, соотношение истории с естественными и социальными науками, проблема объективности в историографии, связь науки и общества.¹⁴⁰

Собственно история, по Карееву, наука феноменологическая, конкретная.¹⁴¹ Она занимается как раз «тем в предмете, что отличает его от других подобных предметов, фактов, явлений, т.е. несущественным с точки зрения классификации, статистики, номологии, и имеет в виду не общее, а единичное с собственным име-

нем, с обозначением места и времени и других обстоятельств; ее интересует все индивидуальное – личность, народ, событие, процесс, – отмеченное собственным именем, топографическим и хронологическим указанием». А так как история имеет дело с единичным и неповторяющимся, то повторяемость не может служить руководящим принципом в историческом исследовании.¹⁴²

Индивидуальность исторических событий понимается Каревым весьма широко – не только в смысле их уникальности, но и в плане их влияния на последующее развитие событий, и в этом отношении события для него уникальны именно в силу своей значимости.¹⁴³ Такое понимание индивидуального давало историку возможность ориентироваться в историческом материале, поскольку оно включало в себя учет не только формальных отличий объекта из ряда других, но и содержание его объективных связей в горизонтальной и вертикальной системе координат. Так, определяя выбор народов, подлежащих изучению в средней школе, историк считал необходимым включить в учебник те: 1) которые играли видную роль в международных отношениях, 2) чья внутренняя история была богаче формами и представляет особый теоретический интерес, 3) чья внутренняя жизнь играла первенствующую роль и в общем развитии цивилизации.¹⁴⁴ Среди таковых в первую очередь ему представлялись греки и римляне в древней истории; французы, немцы и англичане – в средней и новой.¹⁴⁵ В трактовке индивидуального Кареев, вероятно, ближе к В.О.Ключевскому, чем к неокантианцам.

Напротив, для социологии, пишет ученый, важно знание именно общего, ее интересует все, что рассматривается в качестве общих и постоянных отношений. Мерилом существенного в социологии является не что иное, как повторяемость одного и того же.¹⁴⁶ Социология и психология как номологические науки должны открывать законы развития общества, а не феноменологическая история, которая индивидуализирует даже тогда, когда имеет дело с коллективностями, ибо они даны нам раз и никогда не повторяются.¹⁴⁷ Если история изучает коллективности либо их составляющие во всей их индивидуальности и совокупности, то номологические науки рассматривают тот же объект лишь в качестве частного случая от общего правила, обратив свое внимание на то в объекте, что подводится под общий закон.¹⁴⁸

Феноменологическую направленность исторической науки Кареев подкрепляет спецификой предмета ее изучения, указывая, что исторические факты сами по себе не повторяются, «они вполне ин-

дивидуальны» и, по сути, представляют для исследователя особое «этическое» значение. Связывая этическое отношение в истории с ее идиографической сущностью, одобрительно поминая при этом Г.Риккерта,¹⁴⁹ ученый не разделял неокантианской идеи об особом аксиологическом методе, противопоставляющем историю естествознанию. «Этическое отношение, – подчеркивал историк, – находится в очень близком родстве с отношением теоретическим».¹⁵⁰ Следовательно, речь идет о едином общенаучном методе, дополняемом в гуманитарных науках оценочным суждением. В итоге задача исторической науки формулируется Н.И.Кареевым следующим образом: «Задача истории не в том, чтобы открывать какие-либо законы (на это есть социология) или давать практические наставления (это дело политики), а в том, чтобы изучать конкретное прошлое без какого то ни было попользования предсказывать будущее, как бы изучение прошлого и ни помогало в иных ситуациях предвиденью того, что может случиться или наступить».¹⁵¹

В отличие от многих своих коллег Кареев настаивал, что не дело истории открывать какие-либо законы при наличии номологических наук об обществе – социологии и психологии. Для ученого безусловно, что «в природе и истории, конечно, все закономерно, все подчинено известным и неизменным отношениям».¹⁵² В этом плане он правомерный позитивист. И понятие «закон» исследователь трактует сугубо в русле философии позитивизма, только как «единообразные связи причин с их следствиями, а не силы, которые производят явления, и не данные течения истории, производимые действием постоянных и общих причин...»¹⁵³, что является результатом общего для всех позитивистов отрицания мира сущностей, доступного научному познанию.¹⁵⁴ Причем Кареев выделяет законы причинения, или каузальные, и законы развития, или эволюционные.¹⁵⁵ Первые наблюдаются соответственно в рядах или цепях каузальных, вторые – в эволюционных. Современная историография, по мнению ученого, дополняет каузальный подход эволюционным и объединяет их «в общей генетической точке зрения – как что произошло из того, что нам фактически дано в истории».¹⁵⁶

Таким образом, по Карееву, история имеет дело с определенными законообразными рядами и «изображает не простую беспорядочную смену случайных явлений, а закономерную их последовательность, стараясь установить необходимость того, что было, как оно было».¹⁵⁷ Что же касается всемирной истории как какого-то целого в теории, то в ней историк не видит разумности, планомерности и целесообразности. Ход истории разных народов, пишет

он, до того не схож, что нет никакой возможности найти общий закон перемен в их жизни, а в их судьбах больше различий, чем сходства.¹⁵⁸ Всемирная история, вынужден он в итоге констатировать, есть не что иное как «хаотическое сцепление случайностей, происходящее во времени».¹⁵⁹ Исторические факты в своей индивидуальности никогда не повторяются, между ними отсутствуют постоянные и неизменные отношения, в своей совокупности они даны нам лишь один раз, поэтому исследователь приходит к выводу о невозможности существования каких-то исторических законов, типа тех, что действуют в мире природы.¹⁶⁰ Но это вовсе не означает, что он не признает постоянных отношений и повторяющихся элементов в рамках отдельных общественных явлений и процессов, выделяемых в результате разложения фактов и подлежащих изучению номологическими науками.¹⁶¹ В равной мере из этого не следовало, что в своих конкретных историографических трудах, таких как «История Западной Европы в новое время» (Т. 1-7. – Спб., Пг., 1892. – 1917) и др., ученый не стремился подчинить материал определенным общим принципам, выявить общие моменты развития для отдельных групп народов. Напротив, Кареев утверждал, что в историческом отношении Западная Европа, например, представляет из себя «обособленное целое», и ее история в средние века и новое время не есть лишь сумма частных историй, но история «одного западноевропейского общества, одной западноевропейской цивилизации». Корни последней исследователь выводил из Западной Римской империи, христианства, германского быта.¹⁶² Соответственно для всех западноевропейских народов историк пытался установить общие тенденции развития.

Исследователь убежден, и в этом суть проблемы, что история не потому сама не открывает законов, что ей это не под силу, а потому, что это не входит в ее задачу: «Преобразование истории по типу номологических наук было бы ее упразднением или, вернее, превращением в социологию».¹⁶³ Вывод, с которым, на наш взгляд, следует согласиться. Формулируя данное положение, Кареев не сводит задачи истории к индивидуализации явлений. Напротив, он подчеркивает: «Пусть историк обобщает: его обобщения могут принести большую пользу и социологу; но пусть он не думает, что составленные им формулы – законы истории, когда они только эмпирические обобщения».¹⁶⁴ Эмпирические обобщения, согласно обоснованному суждению ученого, не могут быть названы законами, поскольку допускают массу исключений, тогда как законы выводятся в социологии применением дедуктивного метода.¹⁶⁵

Следует указать, что ученый, оспаривая существование «исторических законов», допускал слишком жесткую трактовку понятия закона вообще,¹⁶⁶ что отметил еще его критик Л.Слонимский.¹⁶⁷ Вне учета историчности социальных законов под сомнение можно поставить любой социологический или психологический закон, признаваемый Кареевым, поскольку они неизбежно ограничены временем и пространством, как исторична личность, социальные институты и общество в целом. Даже в естествознании жесткая формула закона долго не продержалась и была пересмотрена с развитием релятивистской физики.

Если в момент выхода работы Н.И.Кареева «Основные вопросы философии истории» научный мир принял весьма настороженно отрицание исследователем «исторических законов»,¹⁶⁸ усматривая в этом угрозу позитивистской парадигме истории, то в начале XX века положение изменилось. В 1913 г. историк вспоминал, что тридцать лет назад критика «усмотрела величайшую ересь» в таком подходе, и с удовлетворением отмечал, что сейчас это – общераспространенный взгляд.¹⁶⁹ Однако при внешнем сходстве подходов Кареева с неокантианцами и представителями «философии жизни» в этом вопросе нельзя отождествлять их позиции. Они расходятся в главном – в решении вопроса о познаваемости мира человека. Разница в самом настрое исследователей. Кареев верил в скорое решение многих спорных проблем социального развития, открытие законов, управляющих обществом, но как методолог стремился строго научно разграничить задачи различных социальных наук.

Критическая же философия истории конца XIX – начала XX в. начинает свою работу с сомнения если не в существовании законов развития общества, то в наших возможностях их скорого познания. Так, Г.Зиммель тоже писал, что нет «особых законов исторической эволюции», а единственно реальными являются движения мельчайших частиц и те законы, которые ими управляют.¹⁷⁰ Однако он утверждал, что мы никогда не можем быть уверены в результатах нашего анализа элементарных движений и потому не получим убедительного объяснения мировых событий. Поскольку закон имеет чисто идеальный характер, то, по Зиммелю, нет моста, который бы вел от него к реальной действительности.¹⁷¹ Как индивидуализирующая наука история может обращаться к выработанным в номологических науках законам, но последние, заключает философ, служат только в качестве предварительных ориентиров в материале.¹⁷² Зиммель неоднократно подчеркивает не про-

сто относительный, а условный характер законов.¹⁷³ Они могут, по его мнению, содержать в себе некоторое приближение к истине, они лежат на пути к познанию реального исторического процесса, но «находятся бесконечно далеко от этой цели, и каждый из них, раз он выставляется действительным законом, должен быть прямо отвергнут».¹⁷⁴

Г.Риккерт шел еще дальше по пути отрицания исторических законов и заявлял, что он вообще отвергает «возможность нахождения законов истории как при помощи эмпирической исторической науки, так и при помощи философии истории...».¹⁷⁵ Все так называемые «исторические законы», по его убеждению, содержат в себе в скрытом виде понятие ценности, и, стало быть, не являются совсем законами.¹⁷⁶ Столь откровенный скептицизм Карееву был чужд.

Рассматривая историю как науку феноменологическую, русский ученый вовсе не желал тем умалить ее значимость, либо подвергнуть сомнению ее научность.¹⁷⁷ Когда в начале XX века активизировались попытки прорыть пропасть между историей и естественными науками, громче стали скептические оценки познавательных возможностей историографии, Кареев решительно выступил в защиту своей науки, доказывая, что, несмотря на специфические задачи, стоящие перед ней, особенности предмета ее исследования, история не перестает быть наукой, сохраняет связь с естествознанием.¹⁷⁸

Увязывая задачи истории и номологических наук об обществе, исследователь допускал известную психологизацию истории. Значение психологии для истории определяется Кареевым действием в историческом процессе человеческого фактора. «Личность – единственный фактор истории», – утверждал он.¹⁷⁹ Все виды социальной жизни суть только разные системы отношений между личностями, а исторические события – не более как сумма отдельных человеческих поступков.¹⁸⁰ Поступки человека определяются, по мнению исследователя, характером человека и мотивами, поэтому определить причины какого-либо исторического события означает для него вскрыть соответствие между мотивами и поступками исторических деятелей.¹⁸¹ То есть, каузальная связь в истории объявляется Кареевым психологической.¹⁸² Поскольку вскрыть такую видимую лишь изнутри причинность можно только своего рода психологическим творчеством, ученый готов признать в этом конкретном смысле, что «задача истории есть по существу своему задача психологическая».¹⁸³ Кареев справедливо требовал от историка знания законов индивидуальной и коллективной психо-

логии. С познанием психологической причинности связан и отстаиваемый им «субъективный метод» в истории. Психологизация истории сближает Кареева с представителями «философии жизни» – В. Дильтеем, Г. Зиммелем, Л. П. Карсавиным, но лишь до той границы, где он оставался в пределах позитивистской парадигмы. В конкретных трудах исследователь далеко выходил за рамки психологической интерпретации истории, о чем речь ниже.

Поскольку общество рассматривалось Кареевым односторонне, прежде всего как «известная организация, в какую складываются находящиеся между собою в психическом взаимодействии отдельные живые особи»,¹⁸⁴ то он допускал психологизацию и социологии, рассматривая ее как науку, опирающуюся в первую очередь на материалы психологических исследований. В коллективной психологии, считал он, можно найти «истинную основу социологии».¹⁸⁵ Это вовсе не означало, что исследователь сводил социологию к психологии, у каждой из них свой предмет изучения.¹⁸⁶ В построении философии истории, неоднократно подчеркивал он, социологическая и психологическая точки зрения должны дополнять друг друга.¹⁸⁷

Достаточно четко Кареев определяет моменты, где социология как «общая теория истории» может оказать последней помощь: во-первых, она позволяет историку «предвидеть законосообразность совершающегося»; во-вторых, помогает выделить существенное и необходимое в историческом процессе из массы осложняющих его подробностей и случайностей; в-третьих, дает возможность разобраться в теоретическом вопросе об относительном значении в жизни факторов исторического процесса.¹⁸⁸ Не следует становиться в позу обиженного и акцентировать внимание на том, что якобы история при таком подходе находится в подчиненном положении в отношении социологии. Напротив, следует согласиться с Кареевым и признать, что история и социология дополняют друг друга, что они должны «идти рука об руку, взаимно одна другой помогая, одна другую контролируя; социология – со стороны общих научных идей, история – со стороны научно установленных фактов».¹⁸⁹

Таким образом, своей классификацией наук Н. И. Кареев значительно расширил и углубил позитивистское понимание места и задач истории среди других наук. Его классификация учитывает как теоретико-познавательные цели наук, так и отличия в объекте их исследования. Позиция отечественного ученого, имея внешнее сходство с критической философией истории, исключает противопоставление общественного и естественнонаучного познания, при-

сущего неокантианству и «философии жизни», как и сомнение в познавательных возможностях истории. Концепция Кареева даже в части указания на индивидуализирующий характер исторической науки не выходила за рамки позитивистской парадигмы, а только ее развивала.

§2. Соотношение субъекта и объекта в историческом исследовании.

Особенности объекта исторического изучения

Позитивистская парадигма исходила из стремления добиться максимально точного объективного знания на пути усвоения историей методов естествознания. В условиях начавшейся дифференциации познавательных идеалов наук такой подход к истории не мог во второй половине XIX в. не быть поставлен под сомнение. В отечественной науке первыми серьезное внимание на проблему специфики социального познания обратили представители школы «субъективной социологии». Глубокий интерес Н.И.Кареева к особенностям познания в истории не в малой степени вытекает из его принадлежности к этой школе. Как профессиональный историк Кареев попытался обобщить и развить идеи о специфике социального познания, высказанные Н.К.Михайловским и П.Л.Лавровым применительно к истории. Исследователь учитывал опыт, накопленный немецким историзмом. Однако его собственная задача заключалась в решении проблемы в рамках позитивистского понимания истории, в упрочении парадигмы, а не в расшатывании ее основ. В итоге решение проблемы Кареевым заключало в себе имманентные противоречия, не было последовательным, но являлось шагом вперед на пути осмысления методологических проблем истории.

Специфику исследования в исторической науке в отличие от естествознания ученый пытается обосновать как с точки зрения соотношения субъекта и объекта в историческом познании, связанного со спецификой объекта исторического изучения, так и с позиции особой природы социальных наук, их органической связи с жизнью общества. В первую очередь Кареев выделяет именно особенности объекта исследования в истории.

Проблема специфики познания в социальных науках была поставлена исследователем уже в первой его теоретической работе – в докладе «О субъективизме в социологии», прочитанном в 1879 г. на заседании Московского юридического общества.¹⁹⁰ Этот доклад представляет интерес как своего рода программный документ,

где в сжатой форме изложены основные идеи методологической концепции Кареева, развитые в его докторской диссертации.

Сравнивая познание в науках о природе и социальных науках, докладчик выделяет два важнейших момента, их отличающие. Во-первых, что в «гуманных» науках «исследователь может случайно занимать такое положение по отношению к изучаемым им специальным фактам, какого не бывает в изучении явлений мира физического; во-вторых, что природа многих социальных фактов сама по себе несколько иная, чем всякого другого подлежащего к изучению».¹⁹¹ Понимание особого соотношения субъекта и объекта в историческом познании у Кареева только формировалось, поэтому «субъективизм», проистекающий на этой почве, носит для историка случайный характер. Зато необходимым признается особое «субъективное» отношение к социальным фактам.¹⁹²

Для исследователя социальный факт (факт действительности) органически включает в себя определенный субъективный элемент: «Прежде всего это – внутренний мир человеческих личностей, совокупность которых создает общественную жизнь и двигает историю...».¹⁹³ Если историк, говорит Кареев, действительно желает понять свой предмет, а не ограничиться его внешним описанием, то отношение познающего к познаваемому будет неизбежно субъективным. В противном случае «мы рискуем оставить для себя закрытым смысл явления, читать книгу на языке, значение слов которого не знаем, хотя и умеем их хорошо произносить».¹⁹⁴ Сам принцип научного объективизма, подчеркивает ученый, требует, чтобы предмет изучался со всех сторон, во всех его проявлениях, и если мы находим субъективную сторону в социальных фактах, то мы не можем не допустить субъективного элемента в социологию.¹⁹⁵ В дальнейшем эта формула была полностью распространена и на историческую науку.

Очевидно, что введение субъективного отношения в научное познание прошлого довольно резко противопоставляло позицию Кареева нормативному позитивистскому идеалу, предполагающему, напротив, исключение субъективного элемента из процесса познания. Однако историк следовал внутренней логике своего понимания социального факта. Его субъективное, личностное отношение к историческому факту прямо вытекало из признания личности demiургом истории, сознательно творящим ее в своих целях: «Все изменения в политике, праве, экономических отношениях, – утверждал ученый, – вышли из сознания индивидуума, выраженного в формуле: «Не я существую для них, а они для меня; следовательно»

но, не я должен к ним прилаживаться, а они ко мне». ¹⁹⁶ Не случайно роли личности в истории исследователь посвятил специальный (третий) том своих «Основных вопросов философии истории». ¹⁹⁷ Относиться же индифферентно к личности и ее поступкам невозможно, считал ученый, поскольку это препятствует адекватному пониманию истории.

Не без основания Кареев указывал, что устранять субъективные элементы из науки необходимо не только в той степени, в какой это возможно, но и в какой мере это нужно, ибо самое безличие есть крупная ограниченность. ¹⁹⁸ Другое дело, что кареевское понимание личности в истории не давало объективных критериев ее оценки, а его апелляция к суждениям других исследователей и современников событий ¹⁹⁹ недостаточна для научного исследования. Слишком различны бывают эти оценки, да и современникам не часто удается понять действительное значение того или иного события в общем процессе. Как справедливо писал С.Л. Утченко, «любой современник лишен тех объективных преимуществ, которые таит в себе ретроспекция». ²⁰⁰ Мы не можем обойтись без учета того, как видели развитие событий деятели прошлого, как они сами оценивали свои поступки и своих современников. Это действительно некоторый объективный критерий подхода к прошлому, на чем справедливо настаивали Н.И. Кареев, Э. Бернгейм, ²⁰¹ В.М. Хвостов ²⁰² и др. Но нельзя, говоря словами К. Маркса и Ф. Энгельса, верить «на слово каждой эпохе, чтобы та ни говорила и ни воображала о себе». ²⁰³ Поэтому проникновение в дух эпохи, глубокое изучение ценностных установок, господствующих в рассматриваемый период, будет действительно эффективным лишь вкупе с социальным анализом, позволяющим, не сводя личность к набору классовых признаков, определить объективные общественные рамки ее деятельности. То есть, необходим системный подход, в основе которого лежит признание единства в общественно-историческом развитии единичного, особенного и общего, их каузальной и функциональной связи.

Второй, отмеченный Кареевым, момент, обуславливающий наличие субъективного элемента в общественных науках, связан с соприкосновением социального факта с областью наших философских убеждений, моральных правил, общественных идеалов и прочим. Таким образом, делает вывод ученый, «социальный факт вызывает нас необходимо на субъективное к себе отношение даже тогда, когда мы не находимся случайно в особом к нему отношении, как члены известной общественной группы, представители

известного направления».²⁰⁴ Речь здесь идет о неизбежности и деятельности этической оценки в общественных науках на основании определенного нравственного идеала.

Следует отметить, что тезис об отсутствии нравственного отношения к природе в противоположность отношению к человеку, отстаиваемый историком, сомнителен. Современный экологический кризис является безусловным аргументом в пользу оппонента Кареева В.С.Соловьева, который писал о недопустимости кареевского утверждения о том, что «по отношению к природе все наши цели одинаково хороши, все наши правила одинаково нравственны <...> ибо к природе у нас нет нравственного отношения». Философ был глубоко прав, полагая, что «всякое воззрение, отвергающее неразрывную связь, единство и солидарность человека с природой, тем самым отрекается от научной истины в пользу произвольного предрассудка».²⁰⁵ Последствия девиза «извлекай из природы все, что можешь» мы переживаем сегодня в полной мере. Скорее речь необходимо вести об особенностях этического отношения к природе, а не об его отсутствии. Общество вырабатывает свои специфические ценности, выходящие за рамки мира природы, включающего в себя, в частности, и человека. Поэтому специфика общественного познания – реальный факт, но специфика, а не противопоставление в какой-либо форме истории – естествознанию, общества – природе.

Главным фактором, определяющим специфику исторического познания, является качественное совпадение субъекта и объекта познания в нашей науке. Суть здесь в том, что, говоря словами В.Дильтея, «я сам являюсь историческим существом, что исследует историю тот же субъект, который ее творит». Кареев шел к такому осмыслению проблем исторического знания и можно обнаружить некоторое сходство его позиции со взглядами представителей направления «философии жизни». Было бы натяжкой говорить здесь о прямом влиянии немецкого историзма, скорее, искать его следует ближе, в работах П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского.

Основатели школы «субъективной социологии» в России неоднократно подчеркивали особенности социального познания, связанные с совпадением субъекта и объекта в общественных науках. Так, Лавров в своих «Исторических письмах» указывал, что «для всей группы наук, относящихся к человеку, критерий важнейшего должен прилагаться сообразно характеристическим особенностям человека, особенности же эти неизбежно определяются по его субъективной оценке, потому что исследователь сам – чело-

век и не может ни на мгновение выделиться из процессов, для него характеристичных».²⁰⁶ На этом основании формулировался так называемый «субъективный метод» в социологии, включающий в себя идеи сочувственного переживания и нравственной оценки. По определению Михайловского, «субъективным методом называется такой способ удовлетворения познавательной потребности, когда наблюдатель ставит себя мысленно в положение наблюдаемого». «Субъективный путь исследования, – продолжает философ, – употребляется всеми там, где дело идет о мыслях и чувствах людей».²⁰⁷

Н.И.Кареев пишет о специфике понимания в исторической науке: «Понимать в применении к известной категории явлений, значит не только уловить их (социальных фактов – А.Н.) внешнюю связь; кроме внешних отношений нам дается еще здесь внутренний смысл явления <...>. Понимать здесь – значит переживать чужой внутренний опыт, уловлять его внутреннюю связь с вызвавшей его причиной, – словом, стоять на чужой точке зрения, разделять чужие радость и горе. Понять поступок человека, значит также стать на его место, войти в его положение, разделить сознательные или бессознательные мотивы его поступка...».²⁰⁸ Словом, историк настаивает на сочувственном отношении к изучаемому историческому человеку, проводя прямую параллель между творчеством художника и историка. Его цель выражается призывом И.Тэна открыть за внешним человеком внутреннего.²⁰⁹ Однако ученый решительно отказывается видеть в сочувственном переживании специфический метод познания в социальных науках, ратуя за общенаучный метод. Отвечая многочисленным критикам, Кареев заявлял, что в своей защите субъективизма, порождаемого особой природой социальных фактов, он требует «не особого метода для их исследования, а особого к ним отношения <...> и речи об особом субъективном методе быть не должно».²¹⁰ Таким образом, речь у Кареева ведется лишь о специфике исторического объяснения, а не о специальном научном методе.

А.К.Дживелегов был глубоко прав, когда писал, что «субъективизм» Кареева не означает особого метода, приписываемого ему людьми, плохо понимающими его доктрину. При известном сходстве подходов отечественного историка и теоретиков немецкого историзма, подчеркивал Дживелегов, между ними есть принципиальное различие, поскольку кареевский субъективизм «всецело обосновывается средствами позитивизма».²¹¹ Кареев пытался совместить безусловные для исследователя-позитивиста ценности

общенаучного метода, идеал объективности с признанием особенностей исторического творчества. Следует учесть и направленность исследовательских интересов ученого. Его магистерская диссертация посвящена аграрным отношениям во Франции в конце XVIII в.,²¹² наиболее интересные обобщающие труды рассматривают социальные процессы в Европе. Как указывал Кареев в предисловии к «Истории Западной Европы в новое время», это многотомное сочинение «есть по преимуществу история учреждений и идей и история общественных движений».²¹³ В изучении данной тематики «метод вживания» и в случае признания его исследователем не мог оказать существенной помощи: сфера его применения в первую очередь распространяется на личность в истории. Кареев же, провозглашая в теории личность главным фактором исторического процесса, в исследовательской историографической практике мало интересовался историческими портретами. В конечном счете, в своих работах начала XX в. он вообще оставляет идею сочувственного переживания, сохраняя требование субъективной оценки в истории.

Необходимость нравственной оценки в общественной науке – излюбленная идея русской «субъективной социологии». Данная идея предполагала оценку относительной важности явлений на основании нравственного мирозерцания (идеала) исследователя и построение научной теории при помощи того же критерия.²¹⁴ Так, Лавров прозорливо указывал на особую роль мировоззрения в общественной науке. По его убеждению, человек сознательно или бессознательно «прилагает ко всей истории человечества ту нравственную выработку, которой он сам достиг. В итоге исследователю волей-неволей приходится «прилагать к процессу истории субъективную оценку, т.е. <...> расположить все факты истории в перспективе, по которой они содействовали или противодействовали этому идеалу...»²¹⁵. В таком развитии нашего нравственного идеала в минувшей жизни человечества философ видит «единственный смысл истории, единственный закон исторической группировки событий, закон прогресса, считаем ли мы этот прогресс фактически непрерывным или подверженным колебаниям, верим ли мы в его реальное осуществление или только в его сознание».²¹⁶ Лавров не скрывает субъективности подобного критерия подбора фактов и конструирования модели, но видит залог успеха в том, что у лучших представителей цивилизационного меньшинства в обществе складывается единая «нравственная выработка», гарантирующая преобладание над разнообразием личного произвола. Одна-

ко гарантия от произвола личного не является таковой от произвола коллективного. Поскольку, по мнению мыслителя, господствующее мирозерцание определяет, что более важно и что менее важно в истории, то и для каждой эпохи жизни каждого общества оказывается свой закон истории.²¹⁷ Было бы не совсем точно говорить, что Лавров совсем отрицает прогресс в историческом познании,²¹⁸ поскольку он признает прогресс мировоззрений. Но, безусловно, его позиция была чревата релятивизмом. Тем более, что философско-исторические изыскания самого Лаврова были политизированы. Требования отцов «субъективной социологии» в России нравственной оценки в социальной науке были выработаны не столько в рамках научного творчества, сколько в сфере политической борьбы. На практике это означало подчинение задач научного исследования революционной борьбе с самодержавием, то есть *воплощению* в жизнь нравственного идеала народничества.²¹⁹ Кареев не мог полностью разделить подход Лаврова ни по политическим реформаторским, либеральным взглядам, ни по научным позициям.

Историк осознавал, что невозможно свести субъективный элемент в общественном знании только к оценке фактов, обоснованно усматривая взаимосвязь отбора фактов и их построения с общей теорией исследователя. «Под субъективизмом, – пишет Кареев, – в изучении общественных фактов разумеют обыкновенно только субъективную оценку. Нам кажется это несправедливым и вот почему. Руководящая идея и основной критерий здесь между собой тесно связаны, взаимно обуславливаются. Руководящая идея играет роль в сортировке знания о фактах, считая между прочим одни знания важными, другие неважными по тому, важны ли самые эти факты, и делая, таким образом, оценку их самих, что уже предполагает некоторый критерий. С другой стороны, руководящая идея указывает, на что главным образом должна быть направлена оценка, о которой идет речь».²²⁰

Нельзя не согласиться и с другим утверждением Кареева, что руководящая идея не может быть произвольной: она должна отражать «какой-нибудь существенный процесс». Указывая на факты, подлежащие изучению, она не может выдумывать отношения между ними, которых нет в действительности. Это гарантирует объективность исторического исследования в смысле верности изображения.²²¹ В качестве такой главной руководящей идеи в истории, по убеждению ученого, должна выступать идея прогресса.²²² Кареев дает развернутое понимание идеи прогресса в истории, значительно обогащая тем позитивистскую теорию. Он решительно

выступает против трактовки прогресса как исключительно метафизического понятия. Идея прогресса, убежден историк, есть результат обобщения многих научных фактов,²²³ то есть она соответствует общему направлению хода реальной истории, а прогресс по своему содержанию означает «осуществление наибольшего количества блага в жизни человечества...»²²⁴. То есть, понятие прогресса носит у Кареева общечеловеческий характер, совпадает с современным пониманием главенства общечеловеческих ценностей, его нельзя признать произвольным. Выдающаяся заслуга Кареева как гражданина в том, что всю свою жизнь он отстаивал ценность идеи прогресса, воспитывал своих учеников в духе необходимости борьбы за воплощение в жизнь идеалов прогресса.

Важно подчеркнуть, что Кареев далек от взгляда на прогресс как на единственный и исключительный закон реальной истории, то есть, от его прямолинейного толкования. Он указывает, что идея прогресса вовсе не требует непрерывной наличности единства человечества.²²⁵ При всем его сочувствии всемирно-исторической точке зрения, которую он требовал положить в основу преподавания всеобщей истории,²²⁶ исследователь готов был признать, что «то общее, которое мы называем человечеством, в большей части своей истории не было чем-то целым, хотя взятое в своих разрозненных частях, и является единым и единственным...»²²⁷ Прогресс, не без основания полагает он, может осуществляться и в одном или в группе народов.²²⁸ В этом аспекте его точка зрения близка взглядам В.О.Ключевского.²²⁹

В своих трудах Кареев отмечает противоречивый характер исторического прогресса. Историк писал, что прогресс идет через хаос, знает возвращение вспять: «Линия истории даже не кривая, поддающаяся вычислению, а ломаная, то с более длинными, то с более короткими частями, то идущая вперед, то поворачивающая назад».²³⁰ В работах начала века исследователь довольно остро ставил вопрос о цене прогресса. Так, он писал, что с высоты полета философии истории, откуда видны главные контуры исторического процесса, история XIX века представляется «как прогрессивное движение, не прямолинейное, правда, и не без задержек, не без остановок, но все-таки движение вперед в сторону далекого и заманчивого идеала. Но было бы слишком односторонне вносить в оценку культурных итогов прошлого столетия только одни жизне-радостные ноты: у европейского прогресса XIX в. была и своя обратная сторона».²³¹ Негативные стороны распространения европейской цивилизации по Земному шару Кареев видел в завоевании и

истреблении или угнетении целых народов; в росте милитаризма и совершенствовании техники уничтожения людей и продуктов человеческого труда; в усилении настроений национализма, шовинизма, антисемитизма и пр. Рост национального богатства, подчеркивал Кареев, иногда сопровождался обнищанием народа, а свободные политические учреждения бывали орудием интересов классового меньшинства. «И если бы, вдобавок, отрицательные стороны новейшей цивилизации были пережитками из давно прошедших времен или только рецидивами, а ведь многое отрицательное как бы создавалось самим процессом жизни, было до известной степени чем-то в ней новым», – пронизательно отметил историк.²³² Труды Кареева по всемирной истории пронизаны идеей борьбы сил прогресса и реакции как содержания исторического процесса, но он был настроен оптимистично и верил, что старые формы ветшают, отживают свое время, слабеют в отстаивании себя от натиска обновляющей жизни, хотя временами и одерживают победу: «В конце концов, однако, они осуждены историческим процессом, который <...> все более сплачивает естественные силы, идущие на завоевание новых форм».²³³ Последующие упреки критического направления к позитивистской парадигме относительно трактовки прогресса как прямолинейного движения от низших ступеней к высшим скорее относились к общим формулам типа О.Конта. Взгляды историков-практиков, тем более ведущих, таких, как П.Г.Виноградов, М.М.Ковалевский или Н.И.Кареев, были куда более гибкие и основательные.

Раскрывая роль идеи прогресса как руководящей в историческом исследовании, ученый считал, что она позволит выделить существенное в безбрежном океане исторических фактов. Таковым, по его убеждению, является «изображение перемен в состоянии общества, изменений в общих течениях его деятельности, его переходов на высшие ступени развития».²³⁴ То есть, ценность того или иного народа в истории должна определяться богатством и индивидуальностью его прошлого: «Великий народ – тот, деятельность которого принесла известные плоды, сделавшиеся достоянием человечества...».²³⁵ Объективно констатированные исторические факты должны, по Карееву, группироваться вокруг «процесса развития человечества и удовлетворения его потребностей...».²³⁶

Следует в то же время указать, что исследователь в теории делал акцент на моментах поступательного движения в историческом процессе как на главном объекте изучения науки. В этом крылась опасность оторваться от реальной истории, необосно-

ванно сузить круг исторического исследования. Правда, сам Кареев неоднократно предупреждал, что теория прогресса не должна конструировать, а тем более подменять реальную историю. Научная историография, писал он, «отказывается построить историю из идей, но считает возможным эмпирически построенный ход истории измерять меркой общей идеи прогресса <...>, ставить истории идеальную цель».²³⁷ Однако историк явно недоучитывает факт зависимости «эмпирически построенного хода истории» от руководящей идеи, выполняющей функцию известных априорных предпосылок исследования. И совсем Кареев сходит с реальной почвы, заявляя: «Прогресс – это... идеальная дорога, по которой должна была бы идти история, чтобы иметь определенный смысл и смысл для нас благоприятный. Вся задача историка – следить, шла ли история по правому пути, т.е. сравнивать ее действительный ход с идеальной линией, нами начертанной...».²³⁸ Ученый не уточняет, откуда возьмется эта «идеальная линия» прогресса, но она ему необходима для этической оценки исторического процесса.²³⁹ При этом Кареев разрывает историческое суждение и оценку, вынося последнюю за рамки исследования: она идет после того, как факт констатирован, изучен и включен в систему строго объективным образом.²⁴⁰

Разведение Кареевым оценки истории с точки зрения теории прогресса и реальной эмпирически построенной истории являлось логическим следствием отстаиваемого им позитивистского идеала науки как «копии объективного мира».²⁴¹ Жесткие границы позитивистской парадигмы требовали от ученого резкого ограничения творческой активности субъекта познания, детерминированности его свойствами и характеристиками изучаемого объекта. Ценой стремления исследователя сохранить основные постулаты парадигмы являлась непоследовательность его в решении вопросов теории исторического познания. Поскольку характерным признаком науки Кареев считает «подчинение знания своему объекту», он требует соблюдения этого принципа в истории.²⁴² Вопреки всем своим рассуждениям о роли руководящей идеи в историческом исследовании ученый считает возможным заявить, что история, во-первых, «только воспроизводит факты, данные в действительности, и их только обобщает; во-вторых, она построит свое знание, следуя действительной связи между отдельными фактами и их группами; в-третьих, свои общие положения она выводит из фактов же...».²⁴³ То есть, точность знания как высшая цель истории, по Карееву, достигается его подчинением объекту изучения. В

итоге из исследования исключается внеисточниковое знание, значение которого огромно на всех этапах исторической работы.

Безусловная шаткость позиции Кареева в этом вопросе обуславливается тем обстоятельством, что, во-первых, понятие «объекта» в исследовании всегда носит условный характер и определяется известными априорными установками субъекта и его восприятием.²⁴⁴ А во-вторых, говоря словами критика Кареева В.Соловьева: «Если же под «объектом» разуметь не данные чувственного восприятия и житейской действительности, а подлинную природу существующего, то, что есть на самом деле, – то ведь это и для науки, и для философии одинаково есть искомое. Каким же образом можно подчиниться тому, что не дано, неизвестной величине, какому-то искомому x или y ?». ²⁴⁵ Неудачен сам термин «подчинения», как предполагающий пассивный процесс познания и априорное знание о том, что еще лишь предстоит изучить. При кареевском подходе факты истории выступают в готовом виде, с пометками и указателями, как их необходимо группировать, нечто вроде разрезных картинок или сборных моделей для ребят. В итоге наблюдалось вопиющее противоречие с собственными новаторскими поисками ученого в сфере теории исторического познания. Поэтому в 1913 г. Кареев, оставаясь на позициях объективизма, вынужден был согласиться, что научный факт гораздо более сложное образование, чем ему представлялось ранее. Под влиянием Р.Ю.Виппера – в целом методологию истории Виппера историк принял в штыки – Кареев признал, что, оперируя фактами, мы должны учитывать процесс их создания: «...собственно говоря, это мы сами объединяем отдельные моменты в общее представление некоторого события. Исторический факт, как предмет изучения, нельзя уподобить материальному предмету, точно ограниченному от других предметов в пространстве. Без некоторой условности здесь дело не обходится...». ²⁴⁶ Специальные предметы изучения – религия, дипломатия, право и т.д., писал теперь историк, «не имеют самостоятельного существования, каким обладают вещественные предметы. Все это – наши умственные категории, отвлекаемые нами от единства реальной жизни того или другого человеческого коллектива» ²⁴⁷. Конечно, в этом случае говорить о подчинении знания объекту изучения затруднительно. Тем самым Кареев делает еще один шаг вперед в развитии своей методологической концепции, и этот шаг означает отход от одного из догматов позитивистской парадигмы в сторону критической философии истории.

Таким образом, первую отличительную черту исторического познания, в отличие от естественнонаучного, Кареев видел в качественном своеобразии социальных фактов. Проблема соотношения субъекта и объекта познания в истории во всей ее широте ученым не создавалась, однако он справедливо поставил вопрос о неизбежности оценочного суждения в общественной науке, отметил связь оценки с руководящей идеей и роль последней в исторической работе. Стремясь решить вытекающие отсюда проблемы в рамках позитивистской парадигмы, ученый не был достаточно последователен в своих суждениях. Вторую черту, определяющую специфику исторического исследования, Кареев видел в особой природе социальных наук, их обусловленности жизнью современного общества.

§ 3. Социальная природа исторической науки

Вопрос об особой природе истории как социальной науки постоянно занимал Н.И.Кареева. Связь историографии и общественной жизни волновала его как ученого и гражданина. Исследователь жил в золотое для исторической науки время. Как указывал его современник В. Дильтей, «в великую мировую эпоху, которая сейчас разворачивается, социальные науки завоевывают все возрастающее влияние».²⁴⁸ Кареев прекрасно осознавал это обстоятельство и полагал, что «история научного движения XIX века дает этому веку такое же право называться историческим, какое имеет XVIII век, чтобы называться философским».²⁴⁹ Общество предъявляло к истории высокие требования, рассчитывая с ее помощью решить острые социальные проблемы научным путем. В свою очередь, позитивистская социология и историография обещали скорое открытие законов общественного развития и безукоризненную точность результатов своих исследований. Связь истории с общественной жизнью признавалась как нечто данное, само собой разумеющееся и не препятствующее при должной добросовестности автора объективности исторических исследований. В то же время серьезного научного анализа такой связи вплоть до работ Кареева в отечественной историографии не предпринималось.²⁵⁰

В своем анализе социальной природы исторического познания Кареев испытал определенное воздействие идей П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского, в работах которых в 60–70-е годы немало внимания уделялось проблеме влияния жизни современного общества на социальные науки. По убеждению Михайловского, «за вычетом

некоторых блистательных исключений, в общем нравственные и политические науки необходимо отражают в себе практическую жизнь с ее шероховатостями». ²⁵¹ Поэтому истины общественной науки, включающие в себя понятия нравственности, справедливости, права, «должны пробиваться на свет Божий под гнетом общественного расстройств или неустройства, под градом ругательств, доносов, клевет и насмешек. Это отражается и на ищущих истину». ²⁵² Разногласия в социальных науках, справедливо полагал философ, порождаются «не различием в количестве знаний, а различием симпатий и антипатий, различием общественных положений...». ²⁵³ Работа историка, по его мнению, отражает национальные и в еще большей степени социальные интересы автора. ²⁵⁴ К природным ограничениям человеческой личности исторический ход вещей прибавляет свои, особенные, общественные: «Скажи мне, к какому общественному союзу ты принадлежишь, и я скажу тебе, как ты согласишься на вещи». ²⁵⁵

В весьма своеобразной форме Михайловский требовал открытой «субъективности» общественной науки, пытаюсь психологический метод вживания совместить с оценочным суждением. Он призывает исследователя «не забывать своих симпатий и антипатий, как советуют объективисты, сами не исполняя своего совета, а только выяснить их, прямо заявить; вот тот род людей, которым я симпатизирую, в положение которых я мысленно переношусь; вот чьи чувства и мысли я способен представить себе в форме своих собственных чувств и мыслей; вот что для меня желательно и вот что не желательно». ²⁵⁶ Речь идет у философа именно о личностном уровне субъективности в общественной науке, включающем в себя в том числе и социальные характеристики субъекта, которые должны быть открыты как исходные посылки познания.

Очевидно, что здесь мало общего с ленинским требованием партийности социальных наук, обязывающим исследователя «при всякой оценке событий прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы», ²⁵⁷ проводить в обществоведении определенную классовую точку зрения. Для Михайловского защита социальными науками идеалов прогресса, напротив, коренилась в творческой свободе познающего субъекта, независимости, снятии партийных напластований. В конечном счете, социологии, по его мнению, «мы никогда не будем иметь, если борьба интересов не расчистит для нее почвы, сгладив общественные дифференцирования». ²⁵⁸ Нельзя не заметить определенной наивности надежд социолога на возможность научной социологии в этом

случае когда-либо в обозримом будущем. Не выдерживает с теоретико-познавательной точки зрения критики и его представление об открытом «субъективизме» как некоем сознательном познавательном акте, базирующемся на самоанализе. Но даже будь он возможен, что делать в истории с тем родом людей, которым исследователь не симпатизирует, и которых, следовательно, не способен, по Михайловскому, понять? Исключить их из истории вообще? Справедливо настаивая на необходимости тесной связи общественной науки с жизнью, считая, что только в этом случае гарантирован прогресс в развитии и общества, и науки, Михайловский неглубоко представлял себе возникающие на этой почве познавательные проблемы, в первую очередь связанные с критериями объективности познания в обществоведении.

На обусловленность исторического суждения современностью указывал и П.Л.Лавров. Перемены в историографии выводились им не столько из внутреннего процесса развития науки, сколько из постоянно меняющейся жизни современного общества. «...Факты истории остаются, – писал мыслитель, – а понимание изменяет их смысл, и каждый период, приступая к истолкованию прошлого, вносит в него свои современные заботы, свое современное развитие. Таким образом, исторические вопросы становятся для каждой эпохи связью настоящего с прошедшим».²⁵⁹

В работах Лаврова и Михайловского социальная природа общественных наук рассматривалась в наиболее общей форме. К тому же последовательное проведение в истории их познавательных установок ставило под сомнение возможность достижения объективности исследования, что для Кареева являлось совершенно неприемлемым. Его собственная концепция социальной природы истории вполне оригинальна. Она сочетает в себе признание социальной обусловленности исторического познания со стремлением элиминировать влияние на исследователя общественной среды, указание на необходимость связи общественной науки с практической жизнью – с призывом к ученым возвыситься над нею.

Кареев справедливо настаивал на невозможности полного отождествления характера в развитии наук о природе и наук об обществе. Процесс развития естествознания, полагает он, мы можем представить себе в качестве логического процесса, в котором каждая последующая стадия определяется предыдущей, иное дело науки социальные, «здесь каждый момент отражает на себе ту или иную эпоху, зависит от характера общественной жизни в данное время. По мере того, как жизнь выдвигает новые вопросы,

вырабатывает новые точки зрения, развивает известные интересы и порождает известное настроение, – и наука набрасывается на эти вопросы, и наука изменяет свои точки зрения, и наука начинает служить известным интересам, и наука принимает то или другое направление».²⁶⁰ Всякая историческая работа, убежден ученый, мыслится «только в известном обществе, как плод работы только известного человека».²⁶¹ То есть, история как наука развивается параллельно с историей как процессом, испытывая на себе все его шероховатости. Кареев отмечает важный момент: изменение исторической интерпретации часто зависит не от накопления нового материала, а от изменений самого общества. Отсюда историческая литература для него есть «зеркало, в котором отражается целое общество...».²⁶² Историю исторической науки немислимо создать вне учета перипетий общественной жизни, философских, моральных доктрин соответствующих эпох: «тут важно не то, что сказал такой-то автор, а почему он это сказал».²⁶³ Поэтому логично звучит вывод историка, что сила нашей науки не в подражании точным наукам: подражать математике «значило бы стремиться не к тому, чтобы поднять историю на степень науки, а остановить ее развитие, не дать ей поспевать за жизнью, принизить ее на степень мертвой и застывшей в известных формах системы».²⁶⁴

Страницы «Основных вопросов философии истории», посвященные социальной природе истории, написаны И.И.Кареевым на высоком подъеме. Они выгодно отличаются от других разделов прекрасным стилем, эмоциональностью, образностью сравнений. Историк был прав, восстав против перенесения образца естественных наук в науки социальные, пытаясь выйти за сковывающие рамки позитивистской парадигмы. Однако его призыв с трудом прорывался сквозь толщу сциентистских настроений. Надо, конечно, признать, что сам Кареев весьма упрощенно представлял развитие естественных наук как простой логический процесс. Проблема возникновения нового знания в науке относится к категории таких, в решении которых позитивизм оказался наиболее несостоятельным.²⁶⁵ На самом деле, неверно не учитывать зависимости естественных наук от развития общества. Как указывает А.Стерн, «каждая теория – естественнонаучная или историческая – носит печать своей эпохи».²⁶⁶ В этом отношении историография находится не в столь уж более невыгодном положении, чем естествознание: «Категории картезианской механики, – подчеркивает американский философ, – существовали не дольше категорий схоластической физики Аристотеля. Ньютон не долго использовал категории

Декарта, и категории физики Эйнштейна и квантовой механики отличаются от ньютоновских. Подобным образом, категории эволюционной и генетической ботаники не долго пережили категории статической ботаники Линнея.²⁶⁷ Конечно, характер связи естественных наук и истории с жизнью современного общества качественно иной. Там речь идет о зависимости от общего достигнутого уровня развития, здесь, кроме того, об отражении факторов социальных, национальных, конфессиональных и т.д., но одно не исключает другого. Ошибочно, говоря о влиянии современности на науку, сводить дело к одной историографии.

Раскрывая социальную природу истории, Кареев достигает понимания обусловленности всего процесса исторического познания современностью. Сегодня, как и свыше ста лет назад, актуально звучат его слова: «Историк не может уйти из своего времени: даже становясь, по-видимому, выше его, он только разделяет передовые идеалы своей же эпохи. Каждый – сын своего века и потому, так или иначе, отражает на себе волнующие его вопросы, существующие в нем точки зрения, интересы, разделяющие его современников, и господствующее в них настроение».²⁶⁸ Следует подчеркнуть мысль Кареева о том, что ни один исследователь не может выйти за рамки своего времени. Это положение вступало в безусловное противоречие с установкой позитивизма на получение вневременного абсолютного знания.

Отводя значительную роль мирозерцанию в творчестве историка, Кареев много сил и времени отдал подготовке специальных изданий, которые, по замыслу автора, должны были оказать молодежи помощь в формировании научного мировоззрения.²⁶⁹ Причем ученый призывал молодежь к выработке «полного и цельного мирозерцания», опирающегося на достижения всех наук, поскольку только тогда историк будет стоять на высоте передовых идеалов своей эпохи. Это выгодно отличает Кареева от исследователей-релятивистов критической философии истории, разорвавших мировоззрение и науку.

Кареев, опираясь на положение о социальной обусловленности исторического познания, сформулировал научно обоснованный вывод о реальном содержании исторической работы: «Понимание и оценка прошлого – вот задача истории, но никак не пассивное воспроизведение прошлого. Историческая книга, историко-философская теория не простое зеркало, в котором отражается внешняя сторона прошлого, не самопишущий аппарат, отмечающий общественные явления и создающий нечто вроде протокола, это – про-

дукт мысли, перерабатывающий в своем горниле данные опыта, продукт той же способности, которая оценивает впечатления и стремится к новым, продукт творческого духа, практической мысли в одной из ее форм». ²⁷⁰ Этот вывод исследователя сохраняет свою значимость по сей день. Близкие определения исторического творчества характерны и для современной науки. ²⁷¹

В отличие от теоретиков критической философии, Кареев считал вполне совместимым признание социальной обусловленности и творческого характера исторического познания с его объективностью, поскольку, по убеждению методолога, каждому моменту познания присущи «известные объективные основания». Историк утверждал, что данные опыта, методы науки и достигнутые результаты не могут разниться для различных исследователей, так как действительные истины для всех одинаковы, в знании есть нечто объективное, есть общеобязательные приемы мысли, есть общечеловеческая логика, а проблемы возникают из-за недостаточности знаний и пристрастий. ²⁷² Вот на базе этого общечеловеческого, общеобязательного элемента познания он и пытался найти выход из проблемы, каким образом в результате субъективного творчества должны получаться объективные научные результаты.

Как профессиональный историк Кареев не мог не понимать, что сведение историографии к отражению перипетий общественно-политической жизни есть ликвидация ее как науки, развивающейся по своим внутренним законам, подчиняющейся определенным исследовательским нормам. ²⁷³ Меньше всего ученый стремился представить историю в виде простой функции идеологии. Следовательно, необходимы были заслоны, обеспечивающие известную автономность, защищенность истории от общества. Иными словами, перед исследователем стояла задача ограничения субъективного элемента до какого-то предела, не подрывающего фундамент исторической истины. Кареев попытался решить задачу, отграничив «законный субъективизм» от «пристрастий и односторонностей».

Положительное влияние современности на историческое познание ученый справедливо усматривал в постановке новых проблем и задач перед наукой, в выработке новых углов зрения на исторический материал. Без этого влияния науке грозила бы своего рода рутинность. ²⁷⁴ Каждому поколению исследователей, отмечает Кареев, присущи свои особые взгляды, выдвигающие на первый план ту или другую сторону исторического процесса как главную. ²⁷⁵ В частности, отличительную черту современной ему историографии он обоснованно усматривал в обращении ею пристального внимания

на социальную борьбу в прошлом: «Самое возникновение социального вопроса и развитие социализма заставили историков, раньше игнорировавших эту сторону истории, обратить на нее внимание».²⁷⁶ Наблюдая социальную борьбу нашего времени, историки были вынуждены обратить внимание на аналогичные факты в истории греков и римлян.²⁷⁷ Обращаясь к творчеству собственному и коллег по перу, Кареев подчеркивает, что интерес к истории крестьянства в Западной Европе возник в непосредственной зависимости от остроты аграрного вопроса в России и великого акта 19 февраля 1861 года.²⁷⁸ При этом ученый чутко уловил условие, необходимое для того, чтобы история, откликаясь на запросы жизни, бралась бы за разработку проблем, имеющих действительно важное научное значение. Таким условием является понимание интересов современной жизни «не в смысле мимолетной злобы дня, а в смысле процессов, совершающихся в глубине народного быта».²⁷⁹

Однако воздействие современности на историографию имеет, по Карееву, и иное, негативное следствие, порождающее «пристрастия и односторонности». Прежде всего, сами отдельные эпохи истории «представляли собой односторонности», выделяющиеся определенным достигнутым состоянием общественной жизни. Преодолеть эти ограничения историк должен, знакомясь с взглядами других эпох и народов.²⁸⁰ Очень желательным ученый считал удаление исследователя во времени от изучаемого исторического периода, поскольку издали лучше видно и процессы прошлого меньше затрагивают наши сегодняшние интересы. Он даже заявлял, что «научная история своего времени невозможна...»,²⁸¹ что, впрочем, не помешало ему довести до современности свой труд по истории Западной Европы.²⁸²

Однако пристрастия и односторонности в истории порождаются, по убеждению Кареева, преимущественно той средой, в которой исследователь воспитывался, «культурной группой, к которой он принадлежит, местом, занимаемым им в определенной социальной организации».²⁸³ То есть, речь идет об «особом положении», в которое поставлен историк по отношению к объекту изучения, вытекающем из его общественного статуса. Это поистине излюбленная идея Кареева. Такое положение исследователя методолог считает «случайным» в смысле случайности рождения в известной среде и судьбы человека. К порождаемым им пристрастиям Кареев относит «влияния известной национальности, известного вероисповедания, известной политической партии и иных таких же общественных союзов...».²⁸⁴ Односторонности этого рода,

полагает ученый, отражают не индивидуально-личностные качества субъекта, напротив, здесь «рисует» не «я» автора, а физиономия известного общественного агрегата, костью от костей и плотью от плоти которого является автор».²⁸⁵

В работах 80-х годов Кареев больше внимания уделял борьбе с пристрастиями национальными, в дальнейшем на первый план выходит его критика партийных и классовых влияний на науку. Это, конечно, не случайно, а отражает развитие социальных процессов в России второй половины XIX – начала XX в. и перипетии личной судьбы ученого, ряд лет проработавшего в стенах Варшавского университета (1879-1885). По воспоминаниям Кареева, ситуация в Варшавском университете была чрезвычайно напряженная в связи с противостоянием в нем двух партий – польской и русской, поддерживающей русификаторскую политику царского правительства. Между ними и лавировал молодой историк, пытаясь избежать крайностей националистических подходов.²⁸⁶

Молодому профессору удалось предстать перед польской общественностью не русификатором, а представителем прогрессивной части русского общества, о чем свидетельствуют отзывы его коллег по университету²⁸⁷ и оценки польской историографии.²⁸⁸ Не порывал своих связей с поляками Кареев и в последующие годы, выступая за либеральный подход к польскому вопросу.²⁸⁹ Постоянно сталкиваясь с национальными проблемами и отражением их в исторической литературе, историк соответственно уделил им внимание как теоретик. В его «Теории исторического знания» наряду с главами «Конфессиональный субъективизм в истории», «Политическая партийность в истории», мы видим и отдельную главу «Национализм в истории», которой он открывает анализ пристрастий в науке. Утверждая высокое социальное призвание историка, Кареев в то же время решительно выступал против национализма в историографии. Он остроумно замечал, что для ведущих историков разных стран именно их государства представлялись центром мировой истории: для Гизо – это Франция, для Бокля – Англия, для Гегеля – Германия, для Джироверти – Италия. При этом все они ссылались на научный принцип отбора фактов, а не на национальную заинтересованность.²⁹⁰

Весьма скептически оценивал Кареев тот базис, на котором складывается представление относительно родного прошлого, из-за чего научная работа историков по самому своему существу находится в постоянном конфликте с националистической традицией.²⁹¹ На редкость актуально звучат кареевские слова: историк-патриот доказывает свою любовь к Отечеству не тем, что под-

держивает приятные иллюзии, но своим стремлением раскрыть перед народом всю историческую правду о нем.²⁹² Острая критика национализма в истории сочетается в концепции Кареева с признанием права каждого народа вносить в науку свое понимание и свою оценку истории, выработанные особенностями его духа и исторических судеб. Более того, исследователь писал: «чем многочисленнее и разнообразнее будут эти национальные вклады в науку, тем шире и полнее будет сама наука».²⁹³ При этом Кареев пронизательно отметил, что именно передовые нации человечества способны выработать более научное понимание прошлого и каждая из них вносит свой вклад в понимание истории и свои особые идеи в общечеловеческий идеал.²⁹⁴ К таковым он, безусловно, относил и русскую нацию.

Вопрос о роли и значении русской культуры вообще и в развитии славянской в особенности бурно дискутировался в стенах Варшавского университета. Так, в спорах с А.Л.Блоком – отцом знаменитого российского поэта – родились работы Кареева «Мечта и правда о русской науке» и «Лекция о духе русской науки», посвященные данной проблеме.²⁹⁵ По мнению историка, именно русская наука способна отличаться «наибольшей трезвостью мысли и наибольшею широтою взгляда»,²⁹⁶ что позволяет ей быть беспристрастной в решении чужих и своих собственных проблем. Действительно, особенности складывания российского государства, его многонациональный характер сделали русскую науку мало восприимчивой к националистическому взгляду. В этом ученый был прав, как и в том, что ему самому удалось достаточно беспристрастно подойти к истории зарубежных народов, в том числе поляков. По оценке польского историка М.Серейского, Кареев в своих взглядах «старался встать над тенденцией дружественной и недружественной Польши во имя исторической правды...».²⁹⁷

Однако, исходя из позитивистской установки, что историческая истина, являясь научной, может быть только одна для всех национальностей,²⁹⁸ Кареев требует большего, чем просто объективности исторического познания. Чтобы получить одну науку для всех людей, он призывает вообще устранить влияние национальности на исследователя,²⁹⁹ как будто это сделать столь же просто, как снять пиджак. По аналогичной схеме рассматривал методолог влияние на историю пристрастий классовых и партийных. Для Н.И.Кареева в качестве либерального историка всякие рассуждения о партийности в науке были, безусловно, неприемлемы как противоречащие принципу объективности. Слова «партийность» и «про-

извол» для него являлись синонимами, поэтому ученый решительно боролся с марксистским представлением о классовом характере социальных наук. Признание такого характера означало для историка отрицание возможности научного знания об обществе.³⁰⁰ Кареев не сомневался, что «классовая борьба вообще играет <...> громадную роль в исторической жизни...», что она прямо отражается «на самом содержании тех известий о прошлом, на основании которых наука это прошлое изучает и объясняет, а также на суждениях о прошлом историков...». При работе с историческими источниками Кареев требовал учитывать партийный отпечаток, накладываемый на них их авторами, однако полагал, что как на этапе критики источников, так и на всех последующих, «какая бы то ни было партийность должна быть устраняема самым тщательным образом».³⁰¹

Исследователь, по его мнению, не может пройти в истории мимо фактов классовой борьбы. Причем Кареев призывал учитывать особые интересы отдельных классов, поскольку каждая «нация разделяется на разные общественные классы со своими преданиями и стремлениями...».³⁰² В своих трудах по всеобщей истории ученый постоянно стремился представить программы и действия различных социальных сил, участвующих в том или ином историческом движении. Это нашло отражение и в его определении предмета всеобщей истории, где наряду с выяснением идейной подоплеки исторических процессов содержится требование изучения «общественного устройства, определяющее положение и судьбу всех членов данного общества и членов отдельных его классов...».³⁰³ С уважением отзывался Кареев о главном проповеднике классового подхода к истории, подчеркивая, что в лице Маркса социальное движение в Германии приобрело такого теоретика, какого не выставили ни Англия, ни Франция. В частности, заслугу Маркса он видел в том, что тот «глубоко понял <...> характер «классовой борьбы» XIX века...».³⁰⁴

Методолог не выступал против оценок того или иного явления с классовых позиций после проведения строго научного исследования, но решительно возражал против подчинения результатов и направлений поиска классовым симпатиям или антипатиям. Научная истина для историка выше чьих-либо интересов.³⁰⁵ Священная обязанность исследователя быть строго объективным «от критики источников до самих отвлеченных обобщений».³⁰⁶

Не ставил Кареев на один уровень и различные политические партии. Напротив, он готов был признать, что «сами партии могут сто-

ять в различных отношениях к истине», то есть одни – заинтересованы в ее сохранении, а другие в том, чтобы показать правду в полном ее объеме.³⁰⁷ Более того, ученый указывал, чем меньше в идеалах отдельных наций, вероисповеданий, партий группового эгоизма, чем ближе они к общечеловеческим ценностям справедливости, «тем понятнее людям, держащимся этих идеалов, голос объективной истины, голос научного беспристрастия».³⁰⁸ Но критерий истины, вновь и вновь повторяет историк, вне партий, им владеет наука.³⁰⁹

Очевидно, что научная позиция Кареева по вопросу о партийности и объективности в науке значительно глубже, чем она была представлена в последующей критике, в частности, в работе Г.В.Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». В ходе полемики между «субъективными социологами» и марксистами шло взаимное упрощение взглядов противоположной стороны. В споре было слишком много язвительной критики в ущерб объективности. Г.В.Плеханов лишь отчасти был прав, упрекая «субъективных» социологов и Кареева среди них в том, что их «мир должного, мир истинного и справедливого» стоит вне всякой связи с объективным ходом исторического развития»,³¹⁰ что они забывают о реальных общественных отношениях и поэтому не способны ни на что, кроме нравственного негодования в своих исторических оценках.³¹¹ Разница в подходах заключалась в том, что объективисты пытались апеллировать к общечеловеческим ценностям и верили в возможность снятия партийных, национальных и прочих напластований, тогда как российские марксисты считали, что последовательное отстаивание ценностей пролетарской революции уже само по себе гарантирует постижение истины. К сожалению, последнего оказалось далеко не достаточно. Однако и объективизм Кареева не являлся, да и не мог быть независимым от его политических, нравственных и других убеждений, сводимых к либеральному мировоззрению. Об этом, например, свидетельствует его анализ творчества Альбера Сореля, автора восьмитомной работы «Европа и французская революция». Делая высокую оценку работ своего коллеги, русский историк особо отмечает его беспристрастие, удаленность от партийных распри.³¹² Кареев правильно квалифицирует политические настроения Сореля как «умеренно-либеральные». Эта «бледность» политической физиономии ученого и позволила ему, по мнению историографа, достичь успеха, сохранить объективность, в отличие от Мишле, Тэна либо Зибея.³¹³ Сорель сумел, полагает историограф, отрешиться и от национализма «в пользу всемирно-исторического содержания».³¹⁴

Кареев не идеализирует французского исследователя; указывает, что он почти не касается социальной стороны истории, в особенности экономической.³¹⁵ Однако он видит выдающуюся заслугу Сореля в том, что тот показал универсальный характер французской революции, ее общеевропейское значение, установил связь революционных событий в Европе в конце XVIII – начале XIX в. с предыдущей ее историей и доказал, что «тут был не разрыв, а продолжение».³¹⁶

Объективизм Сореля и Кареева где-то смыкается в процессе изложения последних основных идей «Европы и французской революции». Так, русский историк сочувственно пишет, что Сорель восторгается деятельностью Дантона и особенно Мирабо, безоговорочно осуждает якобинский террор и Робеспьера рассматривает как ничтожество,³¹⁷ конституцию 1795 г. оценивает выше конституций 1791 и 1793 г., а деятельность Конвента после падения Робеспьера – выше, чем в предыдущий период.³¹⁸ Сорель много и в приподнятом тоне говорил в 1905 г. о Наполеоне и его завоевательной политике, но это место из его речи Кареев решает упустить, поскольку оно «портит общее впечатление».³¹⁹

Очевидно, что Сорель привлекает Кареева не только своим универсальным подходом, но и антиреволюционным настроением, преклонением перед реформой как средством предотвращения революции. Достигали ли либералы большей объективности в науке и более глубоких долговременных успехов в практической политике? Как правило, да. Но это не отменяет наличия у либерального историка некоторых классовых и партийных тенденций, отражающихся в его творчестве. Прав канадский историк А. Дюбюк, указывающий: «Претендующие на то, что они стоят в стороне от любой идеологии, в одно и то же время отказываются подвергнуть сомнению свою научную проблему и признать существование в самих себе некоторых понятий. Такие ученые заблуждаются и вводят в заблуждение других. На самом деле положение об исчезновении идеологий есть наиболее идеологическое из всех прочих».³²⁰ Не стоял в стороне от этой общей тенденции и Кареев, обосновывавший в своей историографической практике идеалы либерализма и даже являвшийся, вероятно, одно время одним из членов ЦК партии кадетов.

Ратуя за освобождение исторической науки от всякого рода «случайных» пристрастий и односторонностей, ученый делал вывод: «...нужно устранять влияние среды, нужно освободиться от

тех определяющих субъективность влияний, которые препятствуют объективному познанию. В этом смысле объективизм есть высочайший идеал научности». ³²¹ Цель такого обнажения познающего субъекта от «случайных» определений, по Карееву, есть «возвышение его со степени члена известной группы на степень члена всего человечества, со степени существа, выполняющего ту или другую функцию в социальной жизни, на степень разносторонне развитой личности». ³²² Цель, как видим, благородная – возвыситься до общечеловеческих ценностей и норм, но трудно осуществимая. Впрочем, сам исследователь полагал, что ему удалось смотреть на жизнь и историю надклассово, надпартийно, с точки зрения просто человеческой личности. ³²³

Представляется, что ход рассуждений Кареева поставил его в довольно сложную в логическом отношении ситуацию. С одной стороны, согласно нормам позитивистской парадигмы, методолог требует от исследователя очиститься от всего, что принадлежит его собственному «я» и стать на точку зрения просто человеческого разума, если он желает добиться научного осмысления истории, незамутненного никакими примесями, ³²⁴ то есть, довольно прямолинейно решает извечный вопрос об объективности социального познания путем элиминации познающего субъекта из среды. С другой стороны, как человек, занимающий активную гражданскую позицию, ³²⁵ как исследователь, утверждающий личность главным субъектом истории, наконец, как «субъективный» социолог Кареев не мог отказаться от провозглашения важности личной инициативы, необходимости энергичной борьбы за воплощение в жизнь идеалов прогресса: «...защищаемый нами субъективизм, – писал он, – тесно связан с признанием за личностью, противопоставляющей действительности свои идеалы и своею деятельностью стремящейся их осуществить, известной активной роли в жизни и в истории». ³²⁶ В работе «Суд над историей» Кареев даже приходит к интересному, хотя и спорному, выводу о том, что социальная природа исторической науки предполагает, что научное понимание в ней возможно лишь на базе активной жизненной позиции исследователя. ³²⁷ Однако превалирующей тенденцией в творчестве Кареева была тенденция на отрыв познающего субъекта от окружающей действительности, рассмотрение его вне деятельности. ³²⁸ Причем, эта тенденция нарастала по мере обострения идеологической борьбы в российском обществе. Поэтому уже на закате лет историк не без оснований утверждал, что всегда имел идеалом науку, неразделенную на враждующие партии и секты. При этом он справедливо призывал оценивать

ученых не по их личностным или политическим характеристикам, а по их реальному вкладу в развитие науки.³²⁹

Но для Кареева не мог не возникнуть и другой вопрос, откуда набрать этих критически мыслящих личностей, способных возвыситься над средой для создания подлинно научной истории? Свои упования в этой области ученый довольно долго связывал именно с русской бессловной интеллигенцией, свободной от грехов своих западных коллег.³³⁰ Честные личности, полагал историк, объединяются в России в группу истинной интеллигенции «на почве одинакового понимания истины и справедливости».³³¹

Взгляды Кареева имели то основание, что в пореформенный период шел довольно быстрый рост российской интеллигенции, формировавшейся из всех сословий. Эта разночинная интеллигенция искренне стремилась «оплатить долги» народу, трактуя последний весьма абстрактно. Единство идеалов интеллигенции оказалось, конечно, иллюзорно, и революция 1905-1907 г. выявила наглядно борьбу партий и интересов в ее рядах. Но и сами идеалы народопоклонства отнюдь не всегда способствовали развитию науки³³² и, в конечном итоге, обернулись трагедией для самого народа.

Для полноты понимания взглядов Кареева на социальную природу истории необходимо уделить внимание еще одному вопросу в системе его методологии истории – о социальных функциях исторической науки. Вопрос этот решался историком в прямой зависимости от программы русского либерализма, ратующего за общественные реформы, открывающие путь развитию России по буржуазно-демократическому пути.

Ученый был убежден в высокой социальной значимости исторической науки. Удачное разрешение общественных задач, по его мнению, «бывает возможно лишь при свете знания, в чем и заключается великая роль исторической науки».³³³ Поскольку будущее находится в руках самих людей, чтобы его хорошо устроить, «нужно знание и добрая воля. Знание, по крайней мере, без уроков исторического опыта невозможно...».³³⁴ Историческая наука, считал Кареев, способна поэтому оказать обществу громадные услуги, а многие социальные ошибки как раз и являются результатом того, что «мы не прибегаем к историческому методу или слишком поздно начали им пользоваться».³³⁵ В связи с этим он призывает деятелей практической жизни, политиков прислушаться к голосу историков, поскольку задача нашей науки в том и состоит, чтобы «объяснить прошлым настоящее, знание и понимание которого было бы немислимо без такого объяснения».³³⁶ В своем по-

нимании важности обращения к опыту истории Кареев, конечно, был не одинок. Из этого исходили все крупнейшие историки прошлого века.³³⁷ Условно эту функцию истории, по Карееву, можно назвать эвристической, то есть познание прошлого для лучшего понимания современности.

Вторую важную функцию истории он видел в формировании народного самосознания, определим ее как воспитательную. Ученые, полагал мыслитель, с помощью науки должны привести общество к высшему национальному самосознанию.³³⁸ Прежде всего Кареев призывал к работе с молодежью: помочь ей найти свое место в жизни, выработать у молодого поколения научное мирозерцание. Он учил своих читателей и слушателей, что занятие наукой не отрывает человека от жизни, наоборот, только усвоив знания, накопленные человечеством, сформировав себя как личность, можно стать настоящим гражданином, полезным обществу.³³⁹

Третья функция истории – социальной памяти. Среди собственно научных задач истории, эта функция, справедливо полагал ученый, – главная; она состоит «в восстановлении того, что было и как было тогда-то и тогда-то, там-то и там-то, т.е. в определенных времена и в определенных местах»³⁴⁰ В этом смысле историю, писал Кареев, «можно назвать биографией народов и всего человечества...».³⁴¹ Что же касается прогнозирующей функции истории, как мы уже указывали, ее историк решительно отвергал, хотя и допускал возможность предвиденья будущего с опорой на материалы исторической науки.³⁴²

Однако, предвидя опасности, возникающие на пути тесной связи общественной науки с жизнью, Кареев пытался определить те границы, при которых история, сохраняя свою социальную значимость, не превратилась бы в служанку политики. Главная идея методолога – в сохранении наукой автономии в рамках общественной структуры. Общество либо какая-нибудь партия, полагал он, могут ставить науке задачи, делать социальный заказ, однако выполнять его история должна совершенно самостоятельно. Излюбленная идея Кареева в том, что «наука может служить жизни лишь одним путем – ища прежде всего истину, удобна или неудобна эта истина для той или другой стороны в жизненной борьбе отдельных общественных групп».³⁴³ Она не исключает важной роли истории в обществе, не отменяет ее социальную природу, но дает известные гарантии объективности, повышает не только престиж, но и социальную ответственность науки. Сохраняется, конечно, ценностная ориентация историографии, но она освобождается от тенденциоз-

ности и конъюнктуры. Полностью сохраняют актуальность слова Кареева о том, что каждая добросовестная общественная партия должна искать оправдания своей программы в независимой общественной науке³⁴⁴

Однако в борьбе с пристрастиями в науке историк не всегда знал меру. Отдельные его высказывания, особенно относящиеся к бурным годам XX века, можно трактовать как стремление изолировать историографию от общества.³⁴⁵ Дело доходит до определения связи науки с жизнью «утилитарным подходом к знанию» и утверждения основного мотива обращения к прошлому в чистой любознательности на разных ее ступенях – от простого любопытства до глубокой жажды знаний.³⁴⁶ Подобный подход содержал в себе скрытую опасность для исторической науки превратиться в собрание антикварных древностей, утратить к себе общественное доверие и, в конечном счете, возможность прогрессивно развиваться. В целом он противоречил кареевской интерпретации социальной природы истории.

Таким образом, развивая идеи позитивистского понимания истории, Кареев обосновал тесную связь историографии с современностью. Ему удалось показать зависимость развития нашей науки от процессов, происходящих в обществе, и благотворное взаимовлияние общества и истории. Исследователь выделил важнейшие социальные функции истории, подчеркнув значение исторического знания для деятелей практической жизни. В то же время он выступал против какой-либо зависимости науки от государства либо политических партий и в свободе исторического творчества видел залог научной объективности. Идеи социальной обусловленности исторического познания, хотя и недостаточно последовательно отстаиваемые Кареевым, раздвинули рамки позитивистской методологии истории и оказали серьезное влияние на формирование молодого поколения исследователей.

Наконец, остается рассмотреть отношение Кареева к важным структурным элементам позитивистской парадигмы истории, теории факторов и органическому подходу к обществу.

§4. Теория факторов

В философии истории Н.И.Кареева такие элементы позитивистской парадигмы, как сравнение общества с организмом и теория факторов занимали совершенно различное место. Сразу отметим, что историк выступил решительным противником органической кон-

цепции Г.Спенсера и доказывал недопустимость отождествления процессов, проходящих в обществе и индивидуальном организме. Он исходил из представления о качественном своеобразии общественной жизни и критиковал разного рода биологические аналогии в социальных науках.³⁴⁷ Вообще исследователь признавал, что биология играла значительную роль в философских построениях последней трети XIX столетия. Однако в начале XX века она уступила свое место физике, а в области социологии Кареев констатировал полное крушение идей органицизма.³⁴⁸ Иное дело – вопрос о факторах исторического процесса, которому теоретик посвятил немало страниц своих исследований. Эта проблема основательно рассматривалась в монографии Б.Г.Могильницкого,³⁴⁹ поэтому мы отметим лишь наиболее принципиальные и новые моменты.

В своих трудах Н.И.Кареев дал весьма глубокий анализ содержания исторического процесса и ратовал за освобождение от «крайних точек зрения» идеализма и экономического детерминизма. Его взгляды по этому вопросу претерпели известную корректировку в направлении преодоления некоторых ограничений факторного подхода в позитивистской науке. Процесс этот не был завершен, но к моменту фактической ликвидации российской либеральной историографии в начале 20-х годов Кареев был среди тех ее представителей, кто занимал в ней передовые рубежи. В своей философии истории, подходя к историческим явлениям с точки зрения их психологической интерпретации, Кареев в то же время признавал значение фактора экономического. Его позиция была в целом дуалистическая, что нашло отражение как в теории, так и в обобщающих трудах по всемирной истории. Особенно рельефно этот дуализм виден в работах 80-90-х г. XIX в. Так, рассматривая основания истории Западной Европы в новое время, он указывал, что люди обмениваются в исторической жизни не только идеями, но и продуктами своего труда, то есть находятся не только в психическом, но и в экономическом взаимодействии, на почве которого вырастает известная общественная структура. Поэтому «основа культурно-социальных явлений есть основа двойственная – психологическая и экономическая».³⁵⁰ Материальные интересы и моральные принципы он называет «двумя великими деятелями истории» и их соединение видит «в основании наиболее крупных исторических движений».³⁵¹

Следует отметить, что эта исходная установка не осталась на уровне абстрактного положения, но достаточно последовательно реализовывалась в историографической практике ученого. Он

добросовестно прослеживает взаимодействие указанных факторов в основе важнейших событий и процессов западноевропейской истории. Показательны уже выделяемые историком разделы в его 7 томной «Истории Западной Европы в новое время». Например, рассматривая эпоху перехода от средневековья к новому времени (XIV-XV вв.), Кареев делит первый том на три хорошо просматриваемые части: 1) «Политические формы конца средних веков», 2) «Средневековые социальные отношения» (включая сюда социальный строй, землевладение, формы зависимости крестьян, цеховое устройство промышленности, денежное хозяйство), 3) идейные движения и положение церкви («Средневековый католицизм», «Возрождение и гуманизм», «Порча церкви и стремление к реформе»). Далее факторы исторического процесса выделяются им в рамках важнейших процессов европейской истории: гуманизма, реформации, буржуазных революций XVII-XVIII в. (т.2-3/. Т.4-7, по сути, полностью посвящены проблемам радикальных перемен в Европе XIX – начала XX в. в результате взаимодействия идейного и социально-экономического факторов.

Для верного понимания позиции Кареева по рассматриваемому вопросу нельзя подходить к ней с оценкой, много или мало места он уделял социально-экономическому фактору в своих исследованиях. Ответим сразу, уделял достаточно много и значительно профессиональнее целого ряда иных историков, считавших себя марксистами. «Нельзя не радоваться, – писал ученый, – что столь важные отношения, как отношения экономические, начали, наконец, приниматься в расчет при объяснении исторических движений...». ³⁵² Еще сравнительно недавно, указывал он, экономическая история была почти совершенно не разработана, и даже такой мыслитель как Т.Н.Грановский полагал, будто политическая экономия важна только для историков, изучающих последних три-четыре века европейского прошлого. Сейчас положение серьезно изменилось, возникло экономическое направление в историографии, выяснилось, что многие вопросы, хорошо изученные с политической и социальной точек зрения, требуют дополнительного освещения с экономической точки зрения. Вообще, с 90-х г. XIX в. явно прослеживается, что Кареев подчеркивает «исключительную важность экономических отношений в генезисе и эволюции социального строя». ³⁵³ Весьма показателен в этом отношении факт, что со второго издания курса западноевропейской истории он вводит во второй том дополнительную главу «Взгляд на экономическую историю Западной Европы в XVI в.». В ней историк показывает связь

реформации с экономическими процессами XVI в., особенно подчеркивая обусловленность классовых различий экономическими отношениями.³⁵⁴ Исследователь проницательно заметил, что «народы в разных своих слоях дорожили не столько реформой отвлеченных догматов религии или внешнего строя церкви, сколько реформой практических отношений жизни, реформой государственного строя, реформой правового порядка, реформой хозяйственных отношений».³⁵⁵ С переворотом в экономике Кареев справедливо связывает происхождение главных социальных сил нового времени – буржуазии и пролетариата.³⁵⁶

Серьезное внимание социально-экономическим вопросам уделяет ученый и при изучении древней истории народов Востока и Европы. Так, он указывает на зависимость социально-политического строя Древнего Египта от необходимости устройства в долине Нила больших плотин и каналов. Ирригационные работы, пишет Кареев, способствовали сплочению страны в единую большую монархию, сделавшуюся организатором работ в масштабах всей страны.³⁵⁷ Они же вызвали необходимость раннего объединения Египта.³⁵⁸ Концентрация власти в руках фараона есть результат необходимости ирригационных работ и регулирования пользования водой между отдельными номами. В свою очередь, сосредоточение материальных средств и власти в руках египетского правителя привело к закреплению крестьянства и образованию восточной деспотии.³⁵⁹ Кареевское понимание особенностей образования египетской деспотии стоит довольно близко к взглядам некоторых современных исследователей.³⁶⁰

В изучении античного полиса Кареев также занял вполне определенную позицию. Он указывает, что тема его изучения совпадает со знаменитой книгой Фюстель де Куланжа «Гражданская община античного мира», однако это замечательное произведение, по его словам, односторонне по принятой точке зрения и во многом устарело. Свою эволюцию античного государства-города русский историк строит по иной схеме, отводя должное место фактору экономическому.³⁶¹ Свои симпатии в изложении социальной истории античности Кареев отдает не «культурно-религиозному» взгляду Фюстель де Куланжа, а «социально-экономическому» Эд.Мейера.³⁶² Следствия, которые отсюда вытекали, мы еще рассмотрим при анализе смены представлений об античной истории в отечественной науке начала XX в.

Историк обоснованно подчеркивал огромную роль развития техники в жизни общества: «Технические изобретения <...>, вызы-

вая перевероты в способах производства или обмена продуктов, а также в способах ведения войны, оказывают сильное влияние на всю материальную жизнь общества, на его экономический строй, а через него и на разные социальные отношения других категорий. Известно, например, – писал Кареев, – что промышленная революция, создавшая современный капитализм со всеми его общественными следствиями, была в значительной мере результатом изобретения и применения к промышленности машин».³⁶³ Особое внимание исследователь уделил техническим изобретениям в Англии в первой трети XIX в., являвшимся составной частью промышленной революции в этой стране.³⁶⁴ Вполне возможно, что это положение историк прямо заимствовал из марксистской литературы. В главах, посвященных экономическим переменам в Западной Европе в конце XIX – начале XX в., Кареев приводит большой статистический материал, характеризующий экономическое соперничество отдельных стран.³⁶⁵ В итоге первая мировая война получает определенную социально-политическую и экономическую подкладку.

Говоря о росте интереса к экономической истории в современной науке, исследователь выступает против смешения экономической и социальной истории. Первая, полагает он, касается только производства и распределения хозяйственных благ, тогда как предметом социальной истории является «общественный строй с его классами и сословиями, взаимные их отношения в хозяйственном, правовом и государственном смыслах, их борьба в разных сферах жизни и сопровождающие эту борьбу идейные течения, поскольку в них формируются интересы и традиции, новые стремления и старые предрассудки отдельных социальных классов».³⁶⁶ Выделение социальной истории в особое направление Кареев относит ко второй половине XIX в. и, безусловно, принадлежит сам к ее приверженцам. Конечно, вопросы социальной и экономической истории являются самостоятельным предметом исследования, однако очевидна их взаимосвязь. Создать научную социальную историю, игнорируя экономическую, невозможно. Вопросы социальной борьбы занимают важнейшее место уже в магистерской диссертации ученого.³⁶⁷ В последующие десятилетия интерес историка к ней только усиливался. В работах второй половины 90-х годов XIX – начала XX в. исследователь, по сути, применяет марксистскую терминологию. Причем этот инструментарий относится как к работам по новейшей, так и по древней истории. Рассматривая внутреннюю историю античных полисов, историк пишет, что она «рисуетя нам как борьба сословий и социальных клас-

сов», наполняющая все летописи жизни государств-городов.³⁶⁸ Чтобы у читателей не осталось никаких сомнений о его научной позиции, Кареев подчеркивает, что борьба в античных республиках, о которой он повествует, «есть по преимуществу борьба классовая и революционная, борьба социальная, вызванная распадом античного гражданства на два враждебных класса – богатых и бедных, имущих и неимущих».³⁶⁹ Это были не просто теоретические формулы, а положения, последовательно реализуемые в ученых трудах по древности.

Социальная точка зрения ярко выражена и в его курсе западноевропейской истории в новое время. Кареев отмечает заслуги нового социального направления в истории изучения таких важнейших проблем, как реформация, буржуазные революции, промышленный переворот конца XVIII в. и т.д., поскольку оно соединилось с политическим взглядом и углубило его посредством привлечения к анализу социальных и особенно экономических перемен в жизни общества.³⁷⁰ Показательно, что среди исследователей, апробирующих социально-экономический подход, например, к реформации, ученый называет таких авторов, как Р.Ю.Виппер и К.Каутский.³⁷¹ Сам Кареев отбрасывает религиозный и сугубо культурологический подход к истории XVI–XVIII в. и утверждает, что реформация, как и французская революция, была явлением политико-социальным.³⁷² Историк показывает, что отдельные классы в новоевропейской истории выдвигали свои программы, отстаивали каждый свои интересы. Именно это, в частности, явилось причиной того, что в Германии реформационной поры рыцарское и крестьянское восстание совершились одно отдельно от другого, выступая под общим знаменем религиозной реформы. «Это обстоятельство, – подчеркивал Кареев, – не было случайностью, ибо не могло же быть солидарного действия двух сословий, между которыми существовал резкий антагонизм. Причины крестьянской войны лежали в юридических и экономических отношениях сельского населения и землевладельческих классов, т.е. и князей, и клира, и рыцарей: господа угнетали землевладельцев, и последние во время своего восстания не делали различия между духовными и светскими, между крупными и мелкими владельцами».³⁷³ Представляется, что использование элементов классового анализа истории позволило ученому глубоко подойти к внутренним пружинам исторического процесса.

При исследовании европейской истории второй половины XIX – начала XX в. Кареев обоснованно уделил особое внимание рабо-

чему движению. Ему посвящены главы «Рабочее движение и социализм в конце XIX века»³⁷⁴ и «Рабочее движение и социализм в главных странах Западной Европы в начале XX века».³⁷⁵ Среди авторов, на которых он опирается при изложении рабочего и социалистического движения, не только буржуазные исследователи разной политической ориентации, такие, как В.Зомбарт, П.Б.Струве, Т.Масарик, В.А.Мякотин, А.А.Исаев, Н.С.Русанов и др., но и видные вожди и теоретики рабочего и социалистического движения: Г.В.Плеханов, Л.Мартов, А.Лабриола, Ж.Жорес, Г.Эрве, Ф.Меринг, Ж.Сорель, Э.Бернштейн, К.Каутский, Ю.М.Стеклов и др. Столь разнообразие источников информации позволили Карееву дать обстоятельный очерк, выдержанный в спокойных тонах, с явным сочувствием направлениям и деятелям, выступающим на стороне мирного улаживания классовых конфликтов. Ученым использована богатая статистика, раскрыты различные формы борьбы рабочего класса за свои права: стачечное, профсоюзное движения, политические организации в различных европейских странах. Много внимания Кареев уделил различным течениям внутри социалистического движения. Важнейшие социалистические центры он находил в Англии, Франции и Германии, а подлинной родиной социализма называл Францию.³⁷⁶ Своим введением рабочего и социалистического движения в общий курс истории Западной Европы в новое время историк выступал как новатор, исследователь, глубоко чувствующий веяния современности.

Кареев немало страниц уделяет развитию женского движения за свои права – еще одна актуальная для современности проблема, причем опирается при его анализе не только на таких известных авторов как А.Бабель, но и на работы будущего видного деятеля революционной борьбы и советского государства А.М.Коллонтай.³⁷⁷ Как гражданин Кареев полностью сочувствует женскому движению и выступает за полное равенство прав женщин в общественной жизни.

Ученый прекрасно осознавал взаимосвязь процессов классовообразования, как и явлений политической и духовной жизни общества, с процессами, протекающими в экономике. Характерен его анализ реформационного движения. Кареев считает, что особый здесь интерес представляет вопрос о связи религиозной реформации с экономической историей по отношению к классовым различиям западноевропейского общества XVI в. Отвечая на него, историк прямо указывает: «Никто не станет отрицать, что в основе классовых различий лежат экономические отношения, и что не толь-

ко политические, но и религиозные партии в большей или меньшей степени отражают на себе эти различия».³⁷⁸

Таким образом, вопросы экономической и социальной истории получили в исследованиях Кареева достаточно глубокое освещение и в этом отношении его научные позиции вполне соответствовали требованиям, предъявлявшимся к истории в начале XX века. В чем же тогда причина острой полемики с ним по этой проблеме русских марксистов, в первую очередь Г.В.Плеханова? Почему сам историк противопоставлял себя материалистическому направлению в понимании истории? Ответ лежит прежде всего в теоретической области. Кареев выступал последовательным противником всякого монизма в истории, будь то материалистический или идеалистический, понимая монизм как доминанту одного из исторических факторов. Оба подхода для него принципиально неприемлемы, поскольку противоречат исходному догмату позитивизма о равноправии отдельных факторов истории. Всякий свой шаг в сторону материалистической интерпретации истории ученый тут же сопровождает оговоркой о своем неприятии «экономического детерминизма». Так, он писал: «Односторонность исторического идеологизма очевидна сама собой, но не менее очевидна и односторонность того «экономического материализма», который поставил себя на место прежнего исторического мирозерцания, объявив, что экономический строй общества каждой данной эпохи представляет ту реальную почву, свойствами которой объясняется в последнем анализе вся надстройка <...>. В своем представлении исторического движения на Западе я буду исходить из той общей мысли, что обе эти общие концепции ложны, как односторонние увлечения <...> и, тем не менее, истинны как обобщения определенных категорий фактического содержания истории».³⁷⁹

Критика Кареевым «экономического материализма» в истории довольно однообразная и весьма общая. Она направлена не столько против конкретных авторов и их работ (хотя и упоминается, например, Каутский) сколько против определенной идеалнотипической модели, напоминающей ту, с которой столь долго воевали отечественные марксисты, только с обратным знаком. Пик его теоретической полемики с марксизмом приходится на 90-е г. XIX в., когда в русском образованном обществе стала широко распространяться марксистская идеология. В эти годы ученый написал целую серию работ против «экономического материализма» в истории.³⁸⁰ Лейтмотив их был тот, что подлинный историк, стремящийся к всестороннему пониманию культурной и социаль-

ной жизни человечества, в споре между идеализмом и материализмом должен занять нейтральное положение и заимствовать из обоих направлений рациональные элементы, исключив односторонние увлечения.³⁸¹

Конечно, Кареев был прав в той мере, в какой некоторые последователи К.Маркса и в Германии, и в России пытались усмотреть в экономическом факторе панацею для решения всех теоретических вопросов истории. Однако ему показались слишком радикальными теоретические позиции даже таких исследователей, как П.Г.Виноградов или Д.М.Петрушевский,³⁸² которые никогда марксистами не являлись. Причем на почве конкретной истории в своих исторических курсах сам Кареев смыкался с их взглядами.

Критикуя «односторонности» марксизма, исследователь уделил много внимания его основоположнику и попытался объективно изложить основные идеи К.Маркса, как и полемику, возникшую среди его последователей по интерпретации наследия учителя.³⁸³ Ученый демонстрирует несомненное знание основ марксистского учения, порой опирается на труды Маркса, но ссылки на него редки.³⁸⁴ Положительную оценивая вклад Маркса в науку, Кареев все-таки пришел к распространенному в начале XX века выводу, что марксизм как цельная теория устарел и переживает серьезный кризис. Обновление марксизма историк, насколько его можно понять, связывал с развитием ревизионистских учений, в частности, Эд.Бернштейна.³⁸⁵ Научность и в марксизме, пишет ученый, стала побеждать, он перестает ориентироваться сугубо на классовые истины и цели пролетариата в пользу истины объективной.³⁸⁶ В то же время, по Карееву, догматики марксизма, спасая свои основные положения (несостоявшаяся замена капитализма социализмом), выдвигают идеи империализма и финансового капитала, идущего на смену капиталу промышленному, как новую неизбежную стадию развития общества: «С этой точки зрения мировая война была даже признана лишь муками родов нового строя!»³⁸⁷ В свете сегодняшнего взгляда на развитие теории марксизма в начале века позиция Кареева не лишена оснований. Ортодоксальный подход к марксизму способствовал его окостенению, превращению в догму, оторванную от реальной жизни. Кризис марксизма в начале XX века не был выдуман исследователем, это была реальность, через которую прошло социалистическое движение всех ведущих европейских стран. Poleмика с материалистическим пониманием истории не прошла безрезультатно для самого Кареева. Его подход к историческому процессу стал более содержательным, социально-

экономическая сторона истории заняла ведущее место в его курсах по всеобщей истории.

Следует отметить, что в идее ученого о том, что в разные исторические периоды разные факторы исторического процесса играли неодинаковую роль, содержится рациональное зерно. Подлинно монистический подход к истории заключается не в предоставлении приоритета одному «фактору» истории, а в понимании ее как единого «потока», в котором все элементы находятся в самой тесной стохастической взаимозависимости при наличии элементов системообразующих и менее важных. Кареев был прав, когда, определяя ведущую роль технических изобретений в переворотах в способах производства и опосредованно в социально-экономических отношениях, одновременно указывал, что сами изобретения есть следствие развития научного знания, применение в практике определенных научных открытий.³⁸⁸ Лишний раз это подтверждает современный научно-технический прогресс, когда научное знание определяет все стороны общественной жизни, само базируясь на технических достижениях. Искать, какой элемент первенствует в научной революции – техника или наука, то же, что решать задачу, кто появился первым – курица или яйцо. Простое сведение истории к исключительному главенству одного элемента – будь то экономика, идеология, религия, государство и т.д. – есть такой же факторный подход, как и провозглашение равнодействия всех элементов. В основе лежит механическое деление единого процесса на условные составляющие и рассмотрение их в качестве самостоятельных сущностей, то есть подход к общественной жизни как к «малой системе», механическому устройству с жестко детерминированными связями элементов. Это отражается, в частности, и в самом понятии «фактор».

Наличие в обществе как сложной саморегулирующейся системе определенной уровневой организации позволяет гибко реагировать на запросы жизни с подключением к управлению системой тех или иных подсистем либо их элементов. Поэтому, например, в средние века столь большое значение в общественной жизни играли религиозные идеи. Это, конечно, не означает, что они порождали экономический строй средневековья, но чрезвычайно воздействовали на его развитие. Кареев справедливо в этом плане писал, что невозможно «отрицать громадного влияния человеческих мирозерцаний на социальную жизнь целых народов и эпох».³⁸⁹

Весьма показателен в этом плане анализ историком влияния идей протестантизма и католицизма на социально-экономическое

развитие европейских государств в XVI–XVIII в. Принципиальная позиция историка в том, что реформация не могла быть порождением только одного какого-либо фактора, а являлась результатом их взаимодействия.³⁹⁰ Для ее осуществления были необходимы как экономические, так и культурные успехи.³⁹¹ Вопросам связи реформационного движения с развитием капиталистического способа производства много внимания уделено в советской науке. Кареев же ставит вопрос и об обратном влиянии – о зависимости капитализации европейских стран от победы в той или иной из них либо протестантизма, либо католической реакции. Рассматривая протестантизм как главный принцип реформации, историк подчеркивал, что «протестантизм не оставался мыслью и словом, а переходил в дело; под его знамя становились другие исторические факторы, так как он овладевал умом, чувством и волею людей и, так сказать, их до известной степени перевоспитывал».³⁹² Протестантизм, по Карееву, нес в себе дух индивидуализма, личного начала, которое являлось «главным фактором прогрессивного исторического процесса». Он выводил человеческую личность на новую дорожку, воспитывал ее в духе самоопределения и самостоятельности.³⁹³ Несмотря на негативные элементы, ему присущие, в протестантизме историк видит фактор культурного прогресса, а в католической реакции – регресса. Католические страны испытывали на себе гнет церкви и монашества, церковного землевладения, многочисленных праздников, сокращавших годовое время, духовный застой. «Все это не могло не отражаться невыгодно на экономической жизни католических стран, где, кроме того, и дух населения, опекаемого священниками и монахами, не мог проявить такой энергии, какую отмечались более свободные, менее стесняемые и менее обираемые протестанты».³⁹⁴

В итоге страны, в которых католическая реакция возобладала, обоснованно обобщает Кареев, отстали в своем развитии от протестантских государств. Среди них оказались католические части Германии, Австрия, Испания, Италия, католические кантоны Швейцарии, Бельгия, Польша. Что касается Франции, то и там «протестантская часть населения славилась особенно трудолюбием и духом предприимчивости». Зато преуспели протестантские Голландия и Англия.³⁹⁵

Напрашиваются аналогии кареевского подхода к роли протестантизма в социально-экономической истории Европы с взглядами М.Вебера, чье творчество все более привлекает внимание отечественных историков. Так, немецкий ученый выделял в каче-

стве одной из доминант хозяйственной этики, влияющей на хозяйственную организацию общества, религию.³⁹⁶ Именно протестантская «методически-рациональная система жизненного поведения», по его мнению, играла роль одной из сил, расчищавших путь капитализму.³⁹⁷ Протестанты, в отличие от католиков, указывал Вебер, питали «специфическую склонность к экономическому рационализму».³⁹⁸ Ученый писал, что причинная зависимость между капиталистическим «духом», порождаемым протестантизмом, и его базисом оказывается «несколько иная, чем это обычно рисуется историческим материализмом».³⁹⁹ Однако в конкретном контексте истории Западной Европы в новое время Кареев связывал развитие капиталистического предпринимательства с реформационным движением, тогда как Вебер исходил из понимания капитализма как идеально-типического понятия, применимого к любой эпохе.⁴⁰⁰ Но и здесь, как мы убедимся ниже, между ними не было принципиального различия.

Таким образом, придерживаясь нормативных требований позитивистской парадигмы истории, Кареев проявил склонность к исследованию социально-экономической стороны истории. Последняя рассматривалась им в непосредственной связи с идейными движениями той или иной эпохи, что позволяло дать достаточно цельное представление об историческом процессе. В меньшей степени историка интересовали проблемы быта, так называемой «повседневности» – тема, которая только пробивала себе дорогу в позитивистской историографии в трудах О.А.Добиаш-Рождественской.

Давая общую оценку философии истории Н.И.Кареева, следует сказать, что она открывала известные возможности решения проблем позитивистской парадигмы, однако не устраняла их. Собственные позиции историка не отличались строгой последовательностью, неся на себе «родимые пятна» позитивизма. Кроме того, философия истории Кареева стояла несколько изолированно в рамках позитивистской историографии и не имела прямых последователей, как и серьезных критиков. Нарастание кризисных тенденций в позитивистской парадигме к концу XIX столетия резко активизировали как поиски альтернативных концепций истории, так и стремление ее защитников согласовать общие принципы позитивизма с запросами современной науки. В качестве мощного катализатора кризисных процессов действовала общественно-политическая ситуация конца XIX – начала XX в., характеризовавшаяся обострением социальной борьбы в российском обществе.

ЧАСТЬ II

КРИЗИС ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСА ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

§1. Перемены в духовной культуре и кризис историографии

Явления, протекавшие в исторической науке конца XIX – начала XX в. шли в русле общих процессов, характеризующих духовное производство европейского человечества рассматриваемого периода. В это время происходят радикальные перемены, касающиеся самого взгляда на мир, норм мышления в различных сферах культуры. Выяснение направления перемен позволит более адекватно рассмотреть и оценить процессы, протекавшие в историографии.

Важнейшим фактом развития человечества в конце XIX – первой половине XX в. явилась третья глобальная научная революция, связанная с преобразованием стиля научного мышления и становлением нового, неоклассического естествознания. Среди основных признаков этой революции В.С.Степин выделяет следующие. Происходит цепная реакция революционных перемен в различных областях знания: в физике (открытие делимости атома, становление релятивистской и квантовой теорий), в космологии (концепция нестационарной Вселенной), в химии (квантовая химия), в биологии (становление генетики). Сюда следовало бы добавить и открытие бессознательного в экспериментальной психологии. Идеалы и нормы новой, неклассической, науки характеризовались отказом от прямолинейного антагонизма и пониманием относительной истинности теорий и картины природы, выработанной на том или ином этапе развития естествознания. В противовес идеалу единственно истинной теории, «фотографирующей» исследуемые объекты, допускается истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания. Осмысливаются корреляция между онтологическими постулатами науки и характеристиками метода, посредством которого объект изуча-

ется. В совокупности это обеспечивало пути к освоению сложных саморегулирующихся систем.

Новые представления формируются и относительно активности субъекта познания, который рассматривается уже не как дистанцированный от изучаемого мира, а как находящийся внутри него, детерминированный им. На этой основе вырастал и новое понимание категорий истины, объективности, факта, теории, объяснения и пр. Осознание несводимости состояний целого к сумме состояний его частей привело к возрастанию роли случайного и потенциально возможного, в итоге возникает понятие «вероятностной причинности». Категория объекта уже рассматривается не как «тело», а как процесс.

Переход от классического к неклассическому естествознанию был подготовлен изменением структур духовного производства в европейской культуре рассматриваемого периода, кризисом мировоззренческих установок классического рационализма.¹ Процессы взаимозависимые и взаимодополняемые с развитием естествознания наблюдаются и в области литературы и искусства. Неправомерно проводить аналогии в двух различных сферах духовного творчества, но не следует рассматривать их и изолированно друг от друга.

Прорыв к новому взгляду на мир осуществляется сначала отдельными индивидами, выступающими творцами новых ценностей и подходов. В области литературы в первую очередь следует выделить творчество Ф.М.Достоевского, чей «полифонический роман», по справедливому убеждению М.М.Бахтина, является огромным шагом вперед не только в развитии романной художественной прозы, но и вообще в развитии художественного мышления человечества.²

Хотя Достоевский скончался в 1881 г., представляется, что именно его произведения открывают собой литературу XX века.³ Необычайная современность его творчества, как и его воздействие на различные сферы духовной жизни, неоднократно подчеркивалась в науке. По признанию виднейших естествоиспытателей А.Эйнштейна, А.А.Ухтомского, В.М.Бехтерева, одного из отцов музыкального экспрессионизма Г.Малера и др., Достоевский дал каждому из них больше, чем самые крупные авторитеты в их собственной области творчества.⁴ Известный исследователь экзистенциализма В.Кауфман с его имени начинает ряд имен теоретиков этого направления.⁵

Заслуга Достоевского выражается, по определению Бахтина, в создании им совершенно нового типа художественного мышле-

ния, условно называемого полифоническим.⁶ Характерные черты этого мышления выражаются в том, что в романе разворачивается множественность равноправных сознаний с их мирами, которые сохраняют свою неслиянность в единстве некоторого события. В романе Достоевского мы видим мир полноправных субъектов – героев, а не объектов авторского рассказа. Несмотря на кажущуюся хаотичность построения романа писателем с точки зрения монологического видения, мы на самом деле имеем дело с глубоко органическим произведением. Это целое не одного сознания, а взаимодействия нескольких сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого, поэтому читатель оказывается созерцающим участником. Мир Достоевского предстает глубоко плюралистичным, где общаются неслиянные души. Это сосуществование и взаимодействие духовного многообразия, а не этапы становления единого духа.

Обостренное восприятие писателя позволило ему увидеть многое и разнообразное там, где другие видели одно и одинаковое. Все, что казалось простым, в его мире стало сложным и многосоставным. Поэтому ему и удалось совершенно новое видение и изображение внутреннего человека. Бахтин обоснованно видит связь полифонического романа Достоевского с эпохой становления в России капитализма.⁷

Важно подчеркнуть вклад Достоевского в разработку проблем бессознательного. Человек, по его мнению, не только сознательное, но и бессознательное.⁸ В этом плане идеи романиста совпадали с направлением поисков экспериментальной психологии, которые оказали обратное воздействие на развитие литературы. Ставя проблемы человека и человеческого, Достоевский выступил с критикой идей рационализма и позитивизма.

Начало XX века ознаменовалось широким распространением новых веяний в литературе, оформлением целого ряда течений, подвергших критике так называемое реалистическое направление, господствовавшее в духовной культуре второй половины XIX в. и соответствовавшее канонам позитивистской науки. В основе этих течений лежали релятивистский взгляд на мир и поиск новых форм художественного воплощения наших представлений о себе и окружающей действительности. Среди новых течений можно назвать символизм, акмеизм, кубофутуризм, эгофутуризм и др. В своих литературных манифестах представители модернистских течений неоднократно провозглашали полный разрыв со старой реалистической традицией и переход к новым принципам творчества.

В тесной связи с этими переменами шли преобразования в искусстве, которые, по словам П.М.Бицилли, «представляют параллель развитию идеографических наук». ⁹ Инициатором их выступили французские художники-импрессионисты. В основе импрессионизма, по определению М.В.Алпатова, «лежало новое художественное видение мира, новая поэтика». ¹⁰ Главный вопрос, стоявший перед импрессионистами, был не что писать, а как писать? Б.Христиансен видел суть новаторства импрессионизма в «радикальной декомпозиции непрерывности», что означает разорванность изображения, предполагающая в то же время высокий тип синтеза воспринимающим субъектом. ¹¹ На своих полотнах импрессионисты стремились передать движение материальной и духовной субстанции. Они разрушили представление о главной и единственной точке зрения, она подвижна и непредсказуема. Это, в свою очередь, вызывает децентрализацию изображения, необычность ракурсов, смещение композиционных осей, «произвольные» срезы частей композиции, предметов и фигур рамой картины. ¹²

Для импрессионистов характерна оригинальность пространственных построений. Главным героем их картин стал свет в его изменчивости и постоянстве. В итоге в импрессионистском искусстве мы встречаем как движение реальных объектов, так и света, слитых воедино. ¹³ Мир в представлении импрессионистов изменчив, находится в вечном движении во времени и пространстве. По свидетельству современника, импрессионизм начала XX в. соответствовал вожелениям эпохи в сильных нервных раздражениях. ¹⁴

В России первые шаги нового искусства связаны с именами К.Коровина, В.А.Серова, но окончательное утверждение оно получило лишь с оформлением «Мира искусства», объединившего коллектив молодых художников, в который вошел и С.Дягелев. Их оппонентами были художники-передвижники, занявшие к концу века ведущие позиции в Академии.

Намечая лишь общие штрихи нового взгляда на мир, формировавшегося на рубеже столетий, нет возможности специально останавливаться на философских течениях переломной эпохи, стремившихся подвести теоретическое основание под поиски в различных сферах духовной культуры. Отметим лишь несколько принципиальных для них моментов.

Приоритет в философском осмыслении новых проблем, вставших перед естествознанием в конце XIX в., следует отдать эмпириокритицизму, или махизму. Его идеи не прошли бесследно для прагматизма, неопозитивизма, неореализма и др. течений XX в.

Для критического направления в философии было в целом характерно выдвижение субъекта в качестве активного организующего начала. В махизме это положение реализовывалось в учении о «принципиальной координации» субъекта и объекта. Как утверждал Авенариус, «я» и «среда» всегда находятся во всяком опыте вместе и не существуют один без другого. Эта принципиальная координация «я» и «среды» была им названа эмпириокритической, «член ее, обозначенный как «я» – центральным членом, составные части сопринадлежающей «среды» – противочленами». ¹⁵ Всякий опыт был не без основания поставлен в зависимость от индивида. ¹⁶ В итоге различие физического и психического в эмпириокритицизме оказалось условным в зависимости от точки зрения, с которой их рассматривают. ¹⁷ Это определило релятивистский подход Маха к важнейшим категориям физики, таким, как время, пространство, движение и пр., позволило ему показать ошибочность их трактовки как чего-то абсолютного и неизменного.

Махисты предложили пересмотреть содержание основных философских категорий с точки зрения их соответствия действительно данному в опыте. Однако при этом Авенариус полагал возможным существование некоего «чистого» научного опыта, из которого «должно быть исключено всё то, что хотя бы и известно мыслящему субъекту, но взято не из данного опыта, а привнесено им самим». ¹⁸ Плодотворным являлось стремление эмпириокритиков освободить науку от решения «вечных вопросов», по самому своему существу не имеющих однозначного ответа, путём провозглашения «экономии мышления». Однако при этом сущее было сведено исключительно к «ощущению», ¹⁹ а «материя» стала рассматриваться просто как познавательная абстракция. ²⁰

В наиболее радикальной форме идея познавательной активности субъекта, причём деятельность субъекта, была представлена на рубеже веков в прагматизме. В.Джемс, не отрицая существования объективной реальности как таковой, писал: «Наличность действительности принадлежит ей, но содержание ее зависит от выбора, а выбор зависит от нас. Как со стороны восприятий, так и со стороны существующих между ними отношений, действительность нема, она ничего не говорит о себе. Мы говорим за неё». ²¹ Всякая познанная реальность не может не иметь субъективной «добавки». Однако в прагматизме это верное наблюдение было доведено до крайности, приравнивающей научное познание к обыденным суждениям, сугубо произвольным толкованиям о действительности. Всякая познанная реальность была объявлена не про-

сто субъективной категории, но суррогатом, изготовленным для нашего употребления.²²

Прагматисты поддерживали идею «экономии мышления», настаивали на возможности совместимости различных теоретических формул для одних и тех же фактов.²³ Однако, подчиняя научное познание практическим целям, они свели проблему его истинности исключительно к полезности.²⁴ Идеал научной объективности был объявлен предметом наших недостижимых стремлений.²⁵ Применительно к исторической науке Джемс подчеркнул, что истинность её выводов определяется современностью.²⁶ Сильной стороной этих суждений была их нацеленность на решение вопросов практической жизни, выделение творческой активности субъекта, отказ от мертвых схем и авторитетов, представление об изменчивом, пластичном характере окружающего нас мира. Но релятивный характер научных истин вовсе не дает оснований рассматривать их в качестве произвольных толкований о действительности. Поэтому далеко не все положения критической философии были сочувственно восприняты научным сообществом и сыграли неоднозначную роль в формировании мировоззрения современного человечества.

Историческая наука, тем более в её позитивистском варианте, ориентированном на идеал естественнонаучного познания, не могла остаться и не осталась в стороне от радикальных перемен в духовной культуре. Из всего многообразия новых проблем и идей, связанных с преобразованием картины мира и норм мышления в конце XIX – начале XX в., для историографии важнейшими оказались следующие: 1) творческая активность субъекта познания и зависимость от нее результатов научного опыта; 2) неожиданно сложный и непредсказуемый в своих характеристиках окружающий мир, не укладывающийся в разработанную систему понятий и законов; 3) релятивный характер научных истин; 4) зависимость результатов научного опыта от применяемого метода; 5) возможность и совместимость различных теоретических формул для одних и тех же фактов; 6) роль бессознательного в жизни общества и индивида.

Так или иначе, исторической науке предстояло пересмотреть свои требования к результатам и нормам исторического познания в зависимости от общих перемен в духовном производстве. Особенности этого процесса обуславливались общественной природой историографии. Необходимо отметить, что известное отставание в развитии историографии от естественных наук, наблюдавшееся

в XIX столетии, сохранялось и в начале XX века. Перемены в ней происходили не столь заметно, как в естествознании, в философии или в искусстве. В своей массе историки-практики были настроены достаточно консервативно: стремясь сохранить позитивные результаты развития своей науки за предшествующий период, они весьма настороженно относились ко всяким новациям. Э.Бернгейм высказывал не только свое мнение, утверждая, что общий кризис как коренное сомнение в надежности всего человеческого познания вообще едва затронул историю, хотя критика и устранила всюду массу дат и мнений, оказавшихся ошибочными. «Объясняется это тем, – писал ученый, – что предмет истории (человеческая деятельность) слишком очевидно соответствует ежедневно познаваемому как действительно существующее в нашей духовной жизни...».²⁷ Можно полагать, что методология большинства современных исследователей и преподавателей истории, стоящих далеко от теоретических споров по ряду принципиальных моментов, до сих пор мало чем отличается от представлений их коллег столетие назад. Поэтому необходимо учитывать существующий разрыв в осмыслении методологических проблем истории на уровне теоретиков науки и рядовых ее жрецов, руководствующихся в своей практике набором «очевидных» истин.

§ 2. Постановка проблемы кризиса историографии конца – начала XX в. в работах историков-«критических позитивистов»

Конец XIX – начало XX в. – сложный и крайне противоречивый период в развитии отечественной исторической науки, когда на ее передовых рубежах происходит коренной пересмотр основных принципов философии истории, господствующих в XIX в., и в первую очередь, позитивистских установок. Пересмотр осуществлялся в общем русле формирования нового взгляда на мир, однако имел свои характерные особенности в каждой отрасли науки, в том числе в истории.

Если процесс развития исторической науки не сводить исключительно к воздействиям общественной среды, то первостепенное значение имеет тот факт, в какой степени и каким образом осознается кризис самим научным сообществом. Действительно, новые парадигмальные решения могут появиться лишь на базе осознания «больных» проблем. Само же это осознание не может не быть делом отдельных личностей в науке, наиболее чутко настроенных и инициативных, как правило, молодых ученых. С отдельными ис-

следователями связано и выдвижение новых парадигм. Но если формирование новой парадигмы в историографии следует соединять с конкретными мыслителями, то об ее утверждении мы можем говорить лишь при наличии широкого научного признания, создания на ее базе общих исторических курсов, учебников, исследовательских трудов. В противном случае мы вправе констатировать лишь кризисную ситуацию, характеризующуюся, по словам Т.Куна, быстрым умножением вариантов теории.²⁸ На этом же основании не всякое новое направление в теории истории следует квалифицировать в качестве «готовой» парадигмы, если оно не продвинулось дальше создания методологии истории. С этой точки зрения, на наш взгляд, дальнейшего обоснования требует выделение неокантианства как «направления» в отечественной исторической науке.²⁹ Оно создало стройную методологическую систему, но не получило сколько-нибудь широкого практического выражения именно в историографии. Но, в любом случае, наше внимание неизбежно сосредоточивается на «кризисных» фигурах, определяющих перемены в науке.

Ни одна парадигма не способна удовлетворительно решить все проблемы, стоящие перед исследователями, поэтому ни одна не может претендовать на исключительность. Трудности для парадигмы накапливаются и усугубляются по мере нарастания нерешенных проблем. Первый крупный опыт осмысления «неудобных» для позитивистской историографии вопросов предпринял Н.И.Кареев, который обратился к самой слабой ее стороне – гносеологии. Ученому удалось выявить «ахиллесову пяту» позитивистской методологии – рассмотрение познающего субъекта в рамках рационализма как некоего вневедомственного разума. Однако, указав на погруженность познающего субъекта в исторический процесс, Кареев не был последователен, пытаясь совместить это принципиальное положение с позитивистской установкой на возможность в истории «чистого опыта». Не вызвав серьезного сочувствия к своим поискам, ученый тем не менее был настроен оптимистично. В 1890 г. он писал, что «главные основания исторической методологии (беря это слово в самом широком смысле) можно считать установленными прочно, по крайней мере, практикой научных исследований, если не их теорией».³⁰ Хотя недостаток в теории Кареев признавал.

Относительно спокойный период в развитии русской исторической науки кончается где-то в середине 90-х г. XIX в., когда впервые раздаются голоса о кризисных тенденциях в историографии. В нача-

ле 900-х годов эти отдельные голоса слились в многоголосый, хотя и противоречивый, хор. Среди его «исполнителей» выделяется группа всеобщих историков, вышедшая из лона позитивистской науки конца 80-90-х г. XIX в. Среди имен, которые можно к ней отнести, следует назвать Р.Ю.Виппера, Д.М.Петрушевского, Е.В.Тарле, В.П.Бузескула, Н.А.Рожкова, А.К.Дживелегова, М.И.Ростовцева, В.М.Хвостова, М.М.Хвостова, Е.Н.Щепкина и некоторых других.

Конечно, всякая систематизация всегда условна: ни одна индивидуальность не вписывается в строго определенные рамки и каждая крупная – стихия, находящаяся в постоянном движении. Однако и без известной группировки в науке обойтись нельзя. Поэтому сразу подчеркнем, что данная группа историков весьма аморфна и не представляет собой четко выраженного направления в российской историографии. Это достаточно свободная структура, которая объединяет авторов, осознавших недостаточность теоретического обоснования позитивистской парадигмы истории и стремившихся к ее пересмотру. Названные исследователи были по-разному настроены: в то время как подавляющее большинство их покусалось на отдельные элементы старой парадигмы, стремясь ее модернизировать в соответствии с запросами новой эпохи, другие вели дело к разрушению ее основополагающих структур. В то же время все они не выходили за рамки позитивизма, понимаемого широко как философское учение, обосновывающее приоритет опытного знания. При всем отличии личных судеб, политических взглядов, научных интересов и поисков указанных ученых есть и другие черты, их сближающие. Так, большинству из них присущи были взаимный интерес к творчеству друг друга (многочисленные ссылки, рецензии на работы), зачастую личное знакомство и даже дружба; повышенное внимание к теоретико-методологическим вопросам истории в сочетании с критическим отношением к современным им методологическим течениям (прежде всего к неокантианству); признание заслуг исторического материализма (при отказе от экономического детерминизма); активная разработка проблем социальной и экономической истории в собственном научном творчестве.

Н.А.Рожков выделял в историографии начала XX в. течение «критических позитивистов», к которым относил и себя. Идеализму, как и старому позитивизму, его представители, по словам ученого, старались противопоставить систему взглядов «положительной философии» современного критико-позитивного мирозозерцания». Они выступали за феноменологический монизм в теории познания, за опытное знание и отметили метафизическую теорию прогресса.³¹

Под это понятие «критического позитивизма» с теми или иными оговорками можно подвести рассматриваемую группу ученых. Судя по росту ее рядов и влияния в начале века (особенно на студенческую молодежь), ее активности как в создании трудов по методологии истории, так и учебных курсов для университетов и гимназий, широком издании работ для самообразования,³² можно предположить, что именно активисты «критического позитивизма» могли претендовать на создание новой парадигмы истории. Отметим, что речь идет о незавершенном процессе, который протекал не в чистых лабораторных условиях, а под мощным воздействием бурных событий начала века. Современность выступала в качестве катализатора данного процесса и одновременно его деформировала, усугубляя научный кризис кризисом социально-политическим.

Следует предварительно оговориться, что вопрос о кризисе исторической науки в России в первой четверти XX в. в ее рамках ставился дважды: первый раз – в начале 900-х г. и второй раз – после 1917 г. в связи с первой мировой войной, падением Российской империи и с гражданской войной. Хотя и отмечались некоторые общие основы данных кризисов, но они все-таки явственно различались по своему содержанию и значению. Кризис рубежа веков рассматривался как сугубо научный, вызванный заменой научных парадигм, а последующий – в качестве общемировоззренческого, социального, приведшего к разгрому либеральной науки в целом.

Сколько-нибудь подробное рассмотрение кризиса отечественной историографии после 1917 г. выходит за рамки данной работы, и потому будут отмечены лишь отличительные его признаки. Одним из первых среди отечественных историков о радикальных переменах в науке заговорил мало кому тогда известный автор – Д.М.Петрушевский. Уже в 1892 г. в работе «Новое исследование о происхождении феодального строя»³³ молодой ученый констатирует брожение в современных ему общественных науках. По его словам, задачи и методы научного исследования решительно изменились, стерлись границы между отдельными науками, возник ряд совершенно новых дисциплин, как в результате дифференциации наук, так и привлечения к изучению новых сторон жизни. Однако, раскрывая содержание перемен, ученый еще не выходил за рамки позитивистской парадигмы. Главным объектом его критики являлась идеалистическая, так называемая «культурная», история, отождествляющая развитие общества с человеческим организмом и отрывающая идеи от их среды. Поэтому в качестве главных характеристик нового подхода к истории Петрушевский выделял на-

целенность науки на изучение генезиса и развития общественных явлений, использование приемов, выработанных в естественных науках, факторный подход, стремление уяснить законы общественного развития (вплоть до замены всеобщей историей социологии).³⁴ Но появляются и элементы, симптоматичные для последующего развития «критического позитивизма». Это представление о том, что история должна начать ab ovo, с требования «чистки» исторических понятий ввиду их засоренности представлениями, полученными не в итоге научного анализа, а привнесенными в науку со стороны, наконец, уделить особое внимание материальной стороне исторического процесса.³⁵ В последующих работах ученого эта критическая струя резко усиливается, не оставляя в стороне и собственно позитивистское понимание истории. В данной статье важно подчеркнуть представление Петрушевского об истории как «широко теоретической науке»,³⁶ определившее его интерес к методологии истории.

В ряде работ 90-х – начала 900-х г. историк настойчиво проводит мысль, что ходом социальной жизни и науки подорваны теории, принципы и символы веры, некогда столь просто и понятно объяснявшие исторические явления, сообщавшие стройность и практическую ясность общественному мировоззрению. Все они должны быть подвержены критическому анализу со стороны соответствия их реальной исторической действительности.³⁷ К числу доктрин, погружающихся вглубь истории, к наследию «чисто метафизической эпохи» ученый в равной мере относил и исторический идеализм, и исторический материализм. Обе доктрины, по его мнению, упрощают действительность, предрешая вопрос о главном факторе исторического процесса, в котором исследователь видит суть проблемы смысла истории.³⁸ Однако главное, что формулирует Петрушевский, это необходимость «привнесения в анализ теоретико-познавательной точки зрения в смысле критики ходячих исторических понятий со стороны условий и способов исторического познания...».³⁹

Широко заговорили в России о глубоком кризисе научного метода анализа и понимания явлений прошлого в историографии с начала 900-х г. Эта мысль последовательно развивалась в трудах Р.Ю.Виппера, В.П.Бузескула, Е.В.Тарле, Н.А.Рожкова, Д.М.Петрушевского и др. На рубеже 10–20-х г. интересные суждения по проблеме кризиса общественных наук высказали Н.А.Бердяев, П.М.Бицилли, Л.П.Карсавин и Н.И.Кареев, причем последний с позиций, близких «критическим позитивистам». Рассматриваемая

группа авторов подвергла широкой ревизии теоретические представления предшествующей историографии. Конечно, в наиболее сложных отношениях она оказалась с позитивизмом. Хотя, как подчеркивал Виппер, характер нынешнего кризиса «оттеняется методами периода «позитивизма»,⁴⁰ но формирование новой парадигмы проходило именно на основе методов и понятий позитивистской науки. По верному наблюдению Куна, поскольку новые парадигмы рождаются из старых, то они вбирают в себя большую часть словаря и приемов, как концептуальных, так и экспериментальных, которыми старые парадигмы пользовались. Но в рамках новой парадигмы старые термины, понятия и эксперименты оказываются в новых отношениях друг с другом.⁴¹

Нормы и постулаты позитивистской науки 70-90-х г. XIX в. продолжали воздействовать на историографию и преодоление их осуществлялось разными исследователями далеко не в одинаковой степени. Наиболее острым ее критиком являлся Виппер. Однако виPPERовский радикализм был неприемлем для других исследователей. Их настроения достаточно точно отразил Тарле, который подчеркивал: «Может быть и много грехов числится за позитивизмом семидесятих годов, но умственные навыки – и именно историкам <...> он давал хорошие».⁴²

Для раскрытия содержания кризиса в историографии «критические позитивисты» обращаются к анализу его характера и причин, породивших кризисную ситуацию в науке. Каковы же эти причины? В своем представлении о развитии исторической науки рассматриваемые историки обоснованно исходили из двух важнейших факторов его определяющих: 1) саморазвитие науки (новые теории и новый материал) и 2) влияние общественной среды. Раскрывая перемены в изучении греческой истории, В.П.Бузескул в этой связи писал: «...тут наблюдается интересное совпадение: с одной стороны, меняются вообще воззрения на исторический процесс и его факторы; обращается внимание на такие явления исторической жизни, которые до сих пор оставались в пренебрежении, в тени: к истории, как к науке, предъявляются новые требования, ей ставятся новые задачи; с другой стороны, открывается новый материал для решения этих задач...».⁴³ В самих переменах в общих воззрениях на историю, ее предмет и задачи, основные факторы исторического процесса В.П.Бузескул, Р.Ю.Виппер, Д.М.Петрушевский, Е.В.Тарле и др. отводили выдающееся место влиянию современности, о чем подробнее ниже. В своих многочисленных работах они, в противовес предшествующей историографии, подчеркивали

тесную связь, которая существует между состоянием общества, его строем и настроением, идеалами и умственными течениями, с одной стороны, и взглядами историков – с другой. В связи науки и общественной жизни либеральным ученым виделся неиссякаемый источник развития для историографии. «Именно это вольное или невольное привнесение в науку живых впечатлений живой жизни, – подчеркивал Петрушевский, – и двигает ее вперед, создает новые точки зрения и при свете их дает науке возможность открывать новые перспективы там, где все уже казалось исследованным и уже не поднимало никаких вопросов». ⁴⁴ По убеждению Виппера, эти постоянно обновляемые под влиянием современности точки зрения на прошлое не какой-то придаток или «зло» субъективизма, напротив, они «составляют живую, двигающую и организующую силу общественной науки». ⁴⁵ Изменения в научную группировку или объяснение явлений, полагал историк, может вносить как открытие каких-то памятников прошлого, так и новая теоретическая конструкция, берущая начало в наблюдении над современностью. В итоге старый бесконечно, по-видимому, использованный материал «может вдруг засветиться новым светом: дело в том, что его можно читать новыми глазами». ⁴⁶ То есть, речь идет о диалектическом сочетании внешнего и внутреннего факторов в развитии исторической науки. Такие исходные методологические посылки позволили изучаемым авторам дать глубокий анализ причин, вызвавших к жизни необходимость нового понимания истории и дать ему развернутое обоснование.

По удачному определению Петрушевского, ферментом, произведшим брожение в социальных науках, явилась эволюционная сравнительно-историческая точка зрения: «Наука стала изучать генезис и развитие общественных явлений, – писал историк, – путем тщательного и всестороннего анализа общественных явлений во всей их индивидуальности и в полном их контексте <...> изучение историческое каждый момент переходит в изучение сравнительно-историческое». ⁴⁷ В более поздней работе ученый вновь обращается к этому вопросу и еще раз подчеркивает: «Эволюционная историческая точка зрения – вот где разгадка современного кризиса в области общественной мысли». ⁴⁸ По существу Петрушевский развивал мысль своего учителя – П.Г.Виноградова – о значении для прогресса исторического знания идеи эволюции. Выработанная в рамках позитивистской парадигмы эволюционная точка зрения в научном плане вполне нейтральна и была высоко оценена в критической историографии. ⁴⁹ Однако в ее новой интер-

претации она оказалась прямо противопоставлена «всемирной истории» XIX в. (как в варианте немецкого историзма, так и позитивистской теории прогресса).

В эволюционной точке зрения историки – «критические позитивисты» особое значение придавали сравнительно-историческому подходу к явлениям общественной жизни. По мнению М.И. Ростовцева, сравнительно-историческая точка зрения является единственно правильной.⁵⁰ Виппер, Петрушевский и Рожков трактовали сравнительно-исторический подход в качестве новых социологических требований к истории,⁵¹ на его базе они формировали свой взгляд на исторический процесс.

Новые задачи сравнительного изучения истории определили поиск соответствующего исходного материала, поступление последнего, в свою очередь, усиливало необходимость переосмысления традиционных подходов. Объясняя кризис схем и теорий в историографии рубежа веков, Тарле прямо указывал на значение притока новых фактов: «Старые сети, – писал он, – вовсе не были рассчитаны на такой улов и на такую крупную рыбу, – и часто разрывались и расплывались как бы сами собой».⁵²

Рассматривая применение в истории Греции идеи эволюции, Бузескул отмечал ее связь с появлением нового археологического литературного материала.⁵³ В один голос Бузескул, Виппер, Ростовцев, Тарле и др. говорили о колоссальном значении открытия нового материала в расширении перед исследователями прошлого горизонта в науке. Только благодаря археологическим раскопкам, писал Бузескул, мы получили представление об огромном периоде греческой и догреческой истории – так называемой крито-микенской культуре;⁵⁴ памятники и надписи Пергама и др. малоазиатских городов вызвали поток литературы, а открытие папирусов дало могучий толчок разработке греко-римского Египта.⁵⁵ Начало современного изучения греческой истории ученый справедливо относил к 70-м годам XIX в., когда начались систематические археологические раскопки, представившие многочисленные надписи, как бы «каменный архив» Эллады. Они позволили не ограничиваться свидетельствами древних авторов, но сделать греческую историю документальной.⁵⁶ Без надписей, подчеркивал Бузескул, многие вопросы и стороны хозяйственной жизни Греции вообще не могли быть изучаемы.⁵⁷ Поэтому с глубоким уважением писал историк о XIX веке как времени великих изобретений и археологических открытий.⁵⁸

В свою очередь Виппер неоднократно говорил о значении археологических открытий, которые, по его убеждению, «раздвигают

нули необычайно область древней истории и дали ряд поразительных картин, изменивших наши понятия о культуре человечества».⁵⁹ Историк выступал со специальными публичными лекциями, посвященными успехам в исследовании прошлого человечества.⁶⁰ В своих работах он указывал, что благодаря археологии перед нами открылись такие глубины истории, о которых прежде и не подозревали, например, культура каменного века.⁶¹ Пришло понимание громадной протяженности истории человечества. Теперь, убежден исследователь, мы затруднились бы ответить, где тот исходный порог истории человечества и существует ли он вообще.⁶² Перевернулись все наши представления о древней истории, которая оказалась не только в 4-5 раз длиннее известной, но и составляет основную часть всего, что пережито культурными людьми. Так, оказалось, что совершенно безоснователен европоцентризм. Напротив, «Восток, т.е. вся Передняя Азия, долго, очень долго был оригиналом, а Европа – копией, ученицей».⁶³ Отсюда глубокий интерес ученого к истории Древнего Востока, его стремление сопоставить развитие восточной и античной культур.⁶⁴ Историк, исходя из нового материала, пришел к убеждению, что троянская и эгейско-критская культуры не уступают в древности нильской и евфратской и что объединение античного мира совершилось не в итоге походов Александра Македонского, а по крайней мере за 2-3 тыс. до н.э.⁶⁵ Археологические открытия последних 30 лет, указывал Виппер, позволили отнести древнейшие слои греческой культуры к каменному веку, а высокий этап ее развития – поднять до второго тысячелетия до н.э.⁶⁶ В итоге «то, что называли Древностью еще в середине XIX в. <...> оказалось ничтожным во времени промежутком»,⁶⁷ – заключал историк.

М.И.Ростовцев не только глубоко интересовался результатами археологических раскопок,⁶⁸ но и сам являлся выдающимся исследователем в этой области.⁶⁹ Много лет он изучал живопись Керченских гробниц. В итоге появился его монументальный труд «Античная декоративная живопись на юге России» (Т.1. – Текст. – СПб., 1914; Т.2. – Атлас. – СПб., 1913), основанный на обширном археологическом материале, освещенном со сравнительно-исторической точки зрения. Почти исключительно на археологических источниках выполнены такие фундаментальные труды ученого, как «История государственного откупа в Римской империи (От Августа до Диоклетиана)» (СПб., 1899), «Римские свинцовые тессеры» (Ч.1-3, – СПб., 1903), «Эллинство и Иранство на юге России» (Пг., 1918). «Iranians and Greeks in South Russia» (Oxf., 1922) и др. Эмиг-

рировав в США, историк возглавил археологические исследования в Йельском университете. В 1928-1937 г. он провел раскопки этого университета в Дура-Европос и обобщил их результаты в специальном исследовании.⁷⁰

М.И.Ростовцев не только впервые написал историю государственного откупа в Риме или показал взаимодействие эллинов, скифов и иранцев в Северном Причерноморье и на Кавказе, но внес качественные перемены в интерпретацию археологического материала вообще. Как указывает Г.А.Кошеленко, Ростовцеву в первую очередь принадлежит заслуга в том, что эти материалы стали использоваться как полноправный исторический источник для выявления процессов экономического и даже социального развития античного общества.⁷¹

Следовательно, для обоснования собственной концепции истории представители «критического позитивизма» широко обратились к новым материалам, представленным археологией, а некоторые из них внесли вклад в поиски и обработку археологических памятников, раскрыли их познавательные возможности.

Связав кризис в историографии с необходимостью нового теоретического осмысления фундаментальных вопросов истории, рассматриваемые авторы признали обязательной критическую проверку исходных теоретико-методологических посылок своей науки. Они были убеждены, что кризис в историографии конца XIX – начала XX в. имел теоретико-методологический характер. «Если говорить очень обще, – писал Р.Ю.Виппер, – позитивное направление мало интересовало самим научно-мыслящим субъектом; молчаливо позитивизм принимал человеческий ум за аппарат, за группу средств, служащих для простого и чистого отражения внешних фактов. Наши умственные определения вещей он склонен был отождествлять с сущностью вещей; в наших схемах <...> позитивизм склонен видеть истинный порядок вещей <...>; наконец, в повторяющихся впечатлениях смены или одновременности явлений позитивизм думал найти ни что иное, как отражение законов движения и сосуществования самих явлений».⁷² Вполне логично отсюда вытекает требование ученого к истории «определить, что мы сами вносим в восприятие, в наблюдение фактов; с какими категориями подступаем мы к ним; какие элементы нашей психики мы вводим наперед при всяком приступе нашем к предмету изучения».⁷³

Виппер указывал, что пересмотр научных представлений дело обычное, которое совершалось и совершается постоянно и непрерывно. Однако исследователь подчеркивал отличие нынешнего про-

цесса от предшествующих и видел его суть в «напряженности и всеобщности критического пересмотра» во всех областях науки.⁷⁴ Таким образом, вопрос о кризисе в науке ставится историком в методологическую плоскость. Ближайшую задачу нового направления он видит в анализе и пересмотре установившихся в истории и социологии рубрик, терминов, приемов и методов.⁷⁵

По мнению Е.В.Тарле, если прежде рассуждали об онтологических вопросах истории, то в начале века всеобщее внимание привлекает проблема реальности исторического познания. Вслед за Виппером исследователь указывает, что до сих пор не была решена одна предварительная проблема: о нашем мыслительном аппарате в применении к изучению исторических связей. Отсюда задачи нового подхода к истории он видит не только в том, чтобы пересмотреть весь исторический материал и проверить точность источников, но и проверить «все категории, все вопросы, нужно постоянно себя ловить, – подчеркивал исследователь, – что подлинный материал и что мы вносим свое в историю».⁷⁶ На пересмотр схем в истории как отличительную черту развития историографии на рубеже веков указывал Тарле в работах начала 20-х г. Все философско-исторические системы к началу XX в., по его мнению, обветшали и оказались настолько ослаблены, что скептицизм и критицизм уже был обращен прежде всего не против них, а против конкретных концепций истории. Причем, полагал ученый, дело часто даже и не доходило до создания частной теории и постройка опрокидывалась в начальной фазе.⁷⁷

На выдвижение новых проблем в исторической науке в связи с пересмотром исторического мирозерцания указывал М.В.Довнар-Залольский. Он полагал, что для русской науки «предстоит перспектива усиленной работы и наши представления об историческом процессе, в его целом, нуждаются в коренном пересмотре».⁷⁸ М.Н.Покровский утверждал, что истории, для того чтобы стать наукой, предстоит прежде всего критически обработать свой материал с теоретико-познавательной точки зрения.⁷⁹ В этом аспекте он сочувственно отзывался о работе критического позитивизма в философии в лице Э.Маха и его школы.⁸⁰ На принципиальные идеологические споры между марксизмом, позитивизмом и критицизмом по капитальным вопросам истории указывал А.К.Дживелегов. Разрешение этих споров виделось ему на пути «привлечения принципов гносеологии для выяснения природы различных моментов исторического процесса...».⁸¹ Большие надежды историк возлагал на перекрестную проверку методов различных направле-

ний в историографии. Он справедливо указывал, что одним из первых на путь изучения методологических вопросов истории стал Н.И.Кареев, чьи взгляды имеют точки соприкосновения с теориями немецких мыслителей В.Дильтея, Г.Зиммеля, Г.Риккерта и др. Из отечественных теоретиков истории Дживелегов выделял также Р.Ю.Виппера и А.С.Лаппо-Данилевского.⁸²

С середины 20-х г. появление немарксистских теоретических трудов в Советской России стало крайне затруднено. Тем не менее, в 1928 г. Петрушевскому удалось в последний раз охарактеризовать современное развитие социальных наук. Он вновь был вынужден констатировать непреодоленный «серьезный методологический кризис, который должен в конце концов отразиться на самых основах их логической структуры».⁸³

Теоретико-методологический характер кризиса исторической науки конца XIX – начала XX в. заставил исследователей разных школ и направлений обратиться к основополагающим вопросам теории познания. На их базе сформировалась новая историческая дисциплина – методология истории. Первые опыты разработки ее отдельных проблем и даже чтение специальных лекционных курсов связаны с именами В.И.Герье, В.О.Ключевского, Н.И.Кареева, П.Г.Виноградова. С середины 90-х г. в духе критической философии лекционные курсы по теории социальных наук и истории («Основные принципы обществоведения», «Систематика социальных явлений разных порядков», «Введение в историю» и др.) в Петербургском университете стал читать А.С.Лаппо-Данилевский.⁸⁴ Работа старшего поколения историков-позитивистов не прошла бесследно. Их творческие попытки продвинуть теоретическую разработку вопросов истории как науки вызвали сочувственное отношение историков критического направления,⁸⁵ хотя и не могли целиком удовлетворить последних. Поэтому на рубеже веков широко был поставлен вопрос о необходимости серьезной разработки проблем теории исторического познания.

Д.М.Петрушевский, ратуя за внесение в нашу науку познавательно-критической точки зрения, увидел важнейшую задачу теории исторического познания в том, чтобы она определила условия и истоки возникновения общих теорий и понятий, их внутреннюю ценность и влияние на процесс исследования.⁸⁶ «Теории исторического познания, – писал он, – предстоит много работы над всем этим материалом, чтобы <...> сделать вполне здоровой ту атмосферу предвзятых идей, без которой не может дышать никакой исследователь общественных явлений...». При этом ученый обоснованно

считал, что гносеологический анализ «непременно должен идти рука об руку с самым тщательным и всесторонним изучением конкретной исторической действительности...». Петрушевский призвал обратить внимание на появление первых работ по теории исторического познания немецких авторов.⁸⁷ Сам историк посвящает критике исторических понятий ряд специальных статей.⁸⁸

Широкое освещение вопросы методологии истории нашли в творчестве Р.Ю.Виппера. Исследователь сформулировал предмет и задачи исторического познания как специальной научной дисциплины. Причем он подчеркивал свой приоритет в формулировке названия и обосновании ее приемов и задач.⁸⁹ Кроме серии методологических статей, объединенных в различные сборники,⁹⁰ историк выпускает одну из первых в отечественной литературе монографий по теории исторического познания, выросшую из его университетского курса 1908-1909 г.⁹¹

В статье «Несколько замечаний о теории исторического познания» 1900 г. Виппер высказал уверенность в скором создании такой дисциплины на базе критической философии.⁹² Ученый поставил ей задачу, по его определению, боевую. В результате работы теории познания «должно произойти очищение понятий и приемов, устранение элементов чуждого, устарелого мировоззрения, которое не согласуется с нашими новыми запросами; вместе с тем должна получиться и более точная формулировка наших научных задач».⁹³ Исследователь особенно подчеркивал несоответствие наличных теорий и понятий, берущих начало в XVIII – XIX в., современному взгляду на мир. Это устаревшее мировоззрение, утвердившееся в толкованиях истории, он называл «анимистическим», поскольку оно, по его мнению, содержало в себе намек на скрытую силу, творческое начало, идущее из глубины вещей.⁹⁴ Безусловно, в рамки этого уходящего мировоззрения историк включал и «первый» позитивизм, так как последний игнорировал то обстоятельство, что исторические факты и категории «составляют наши умственные разрезы, наши умственные опыты, что наше «простое восприятие», простое наблюдение явлений прошлого составляет сложную комбинационную и творческую работу».⁹⁵

Теории исторического познания, которую должно выдвинуть критическое направление в историографии, Виппер, по существу, ставил психологическую задачу: проверить нашу терминологию, комбинации и построения фактов на основе выделения тех элементов нашей психики, которыми определяется толкование исторических явлений.⁹⁶ Иными словами, необходимо было исследовать

психические условия, в которых образуются наши представления о реальном мире, психологический смысл наших заключений о прошлом.⁹⁷ Эта работа в области истории мыслилась Виппером как продолжение критики чистого опыта в трудах Авенариуса, гносеологических исследований по физике Э.Маха.⁹⁸

Очевидна выдающаяся роль, которую отводил Виппер познающему субъекту в определении результатов познавательной деятельности. По его словам, теоретико-познавательный критицизм в истории напоминает о существовании целого ряда предварительных условий при изучении, связанных с гносеологическим субъектом, в силу которых «то, что мы называем объективной действительностью, должно быть признано одной из субъективных категорий, и притом категорий изменчивых по своему содержанию».⁹⁹ Это выдвижение активной творческой роли субъекта познания в исследовании является важнейшей чертой нового взгляда на мир, формирующегося с конца XIX в.

Призыв к критическому анализу процесса исторического мышления и акцентирование на субъективном характере последнего, психологизм в понимании задач теории познания сближают Виппера с представителями немецкой «философии жизни» В.Дильтеем и Г.Зиммелем. Для них задача теории познания состояла именно в том, чтобы исследовать реальные познавательные процессы, происходящие в сознании историка при построении им логически стройной картины прошлого.¹⁰⁰ Общие моменты прослеживаются у Виппера с французским социологом Э.Дюркгеймом.¹⁰¹

В свою очередь, под влиянием Виппера близко формулировал цели методологии истории Е.В.Тарле. Новая проблема, которая привлекала, по его мнению, всеобщее внимание исследователей, это «проблема о реальности исторического познания, тесно связанная с проблемой реальности познания вообще».¹⁰² Без изучения вопроса «о нашем мыслительном аппарате в применении к изучению исторических явлений» дальнейшее развитие исторической науки, полагал ученый, немислимо.¹⁰³ Впрочем, собственной разработки методологии истории как чего-то целого Тарле не дал, ограничившись критическими замечаниями в адрес философии истории XVIII–XIX в. и анализом отдельных вопросов. Историк сохранил нацеленность на объективизм и достоверность познания. Для ранних его работ характерен призыв следовать за первоисточниками, отдавать приоритет им, «довольствоваться сухими, неполными, но несомненными документами и отказываться от услуг воображения, всегда готового заштопать на свой лад все прорехи

документального рассказа». ¹⁰⁴ Как методолог Тарле, конечно, не мог равняться с Виппером или Петрушевским.

На значение разработки методологических вопросов истории обратил внимание и М.М.Хвостов, сам являвшийся автором работ в этой области. ¹⁰⁵ Он настаивал на необходимости решения этих вопросов с позиций «сознательного эмпиризма». ¹⁰⁶

Специально проблемами теории исторического познания занимался В.М.Хвостов. Он полагал, что без ее разработки не могут быть удовлетворительным образом решены вопросы классификации наук. Теория познания, по определению исследователя, имеет предметом установление границ доступного для нас знания, уяснение его источников и определение присущей ему ценности». Подобно Випперу, Хвостов базировал ее не психологии, так как «познавательный процесс составляет часть психической жизни». ¹⁰⁷ Но он не предрешал вопрос о ценности результатов познавательной деятельности человека, а видел задачу гносеологии как раз в том, чтобы выяснить условия, при которых было бы обеспечено проникновение «в реальное бытие того мира, членами которого мы являемся». ¹⁰⁸ В этом отношении его научная позиция более предпочтительна. Причем Хвостова нельзя упрекнуть и в наивном реализме: он признавал независимое от нашего сознания существование объективного мира, но видел субъективный характер процесса познания и стремился к максимальной его достоверности. ¹⁰⁹ Социолог критиковал имманентную философию как ведущую к солипсизму. ¹¹⁰

В.М.Хвостов, как и Н.И.Кареев, считал необходимым наряду с развитием теории исторического познания развитие в качестве самостоятельной дисциплины теории исторического процесса или философии истории. Ее главные задачи, писал исследователь, «во-первых, выяснение места истории в системе научного знания и, во-вторых, изучение того общего механизма факторов и сил, действием которого создается индивидуальное разнообразие исторических событий и состояний». ¹¹¹ В другой работе историк указывал, что философия истории есть абстрактная и систематизирующая дисциплина, а ее задача – сооружение на основании единичных исторических процессов «общих схем, которые бы нам разъяснили, что представляет из себя исторический процесс вообще <...>, какие в нем действуют силы, в какие сочетания вступают между собой эти силы, как познается историческая действительность и с какими специфическими затруднениями приходится считаться при ее познании». ¹¹² Представляется, что Хвостов нечетко разграничивал вопросы теории исторического познания и исторического

процесса, включая в предмет последней специфические гносеологические проблемы.

Об оживлении интереса к вопросам философии истории на рубеже веков писал А.К.Дживелегов. Новой гипотезой в этой дисциплине ученый называл экономический материализм, вызвавший «любопытную полемику» и «далеко не лишний пересмотр ее основных положений...». Историк приветствовал стремление ряда авторов «установить правильную точку зрения на сущность исторического процесса и на законы, им управляющие».¹¹³ Впрочем, Дживелегов пришел к выводу, что для философии истории в ее прежней трактовке нет места между научной историей и социологией.¹¹⁴ Зато он всячески приветствовал создание методологии истории, поставившей вопросы об особенностях истории как науки, круге явлений, ею изучаемых и способах исторического познания.¹¹⁵

При всем различии подходов историков «критического позитивизма» к задачам теории познания, фактически все они исходили из идеи ее основания на данных опытного знания. Н.А.Рожков в этой связи обобщал: «Человек всегда познает только феномены и ничего больше; он познает их лишь путем опыта и наблюдения; вот два положения, на которых покоится позитивно-критическая теория познания».¹¹⁶ Впоследствии это рассматривалось как ограниченность позитивизма в конкурирующей неохристианской философии истории.

Теория исторического познания в отечественной науке не развивалась изолированно от мировой. Русские исследователи с пристальным вниманием следили за успехами историографии в Германии, Англии, Франции, стремились использовать накопленный в этих странах позитивный опыт.¹¹⁷ На русский язык активно переводились основные новинки европейской исторической мысли. Среди авторов переводимой литературы по методологии истории большая часть принадлежала к неокантианскому направлению, ведущими представителями которого являлись В.Виндельбанд, Г.Риккерт и Эд.Мейер. Неокантианцы привлекли к себе самый широкий интерес как последовательные критики позитивизма, однако было бы неправомерно утверждать, что их собственные воззрения в полной мере соответствовали новому мировоззрению.

В неокантианской философии истории затейливо переплелись элементы, соответствующие новым запросам научного знания эпохи неклассической науки с целыми пластами отжившего мировоззрения. Да и сама неокантианская методология стремилась в первую очередь обобщить опыт развития немецкой историографии в XIX

столетии. Отдельные положения неокантианства совпадали с дильтеевской «философией жизни», хотя в целом они выступали со взаимной критикой. В России неокантианские идеи попадали на позитивистскую почву, поэтому в своем «чистом» виде они вообще не прижились, особенно в историографии. Те или иные элементы неокантианской философии были восприняты В.М.Хвостовым, Е.Н.Щепкиным, но собственно к неокантианцам среди историков можно отнести одного А.С.Лаппо-Данилевского. При этом следует учесть его стремление синтезировать положительные начала неокантианства, «философии жизни» и позитивизма.¹¹⁸ Дальше разработки методологии дело неокантианства в отечественной исторической науке не пошло. Некоторые важнейшие принципы его вступали в вопиющее противоречие с нормами и с практикой позитивистских исследований и потому не были приняты, что не мешало признанию общетеоретических заслуг этой философии.

Частично мы уже касались взглядов неокантианцев на предмет и метод исторической науки. В настоящее время нас интересует, в какой степени неокантианская методология истории согласовывалась с новым мировоззрением и каковы были ее взаимоотношения с «критическим позитивизмом». Неокантианство исходило из актуального для развития научного знания в конце XIX – начале XX в. требования дифференциации дисциплинарных идеалов и норм исследования. Его приверженцев особо интересовали проблемы классификации наук и специфики их методов. Отсюда то внимание к теоретическим проблемам исторического знания, которое проявила неокантианская философия. «Теория познания, – писал А.С.Лаппо-Данилевский, – лежит в основе методологии науки: без теории познания нет возможности обосновать систему принципов научного мышления и его методов. В самом деле, теория познания устанавливает то значение, какое наше сознание должно придавать нашему знанию, его априорным и эмпирическим элементам; те конечные основания, в силу которых мы признаем его достоверным и общезначимым, а не ложным и случайным, то объединяющее значение, какое оно имеет для наших разрозненных представлений; то научное значение, какое мы приписываем нашему знанию об общем и об индивидуальном и т.п.».¹¹⁹ Методологию науки неокантианцы конструировали с теоретико-познавательной точки зрения, решительно отвергая психологический подход.¹²⁰

В русле новых для своего времени идей неокантианцы выступили с развернутой критикой натурализма и позитивизма в исторической науке, ратуя за специфику исторического познания. Однако

эта критика превратилась в борьбу с «естественнонаучным мирозерцанием» в истории,¹²¹ прямое противопоставление наук о природе истории.¹²² Кризис физики, нанесший удар механицизму в обществоведении, способствовал укреплению этой антинатуралистической, антипозитивистской ориентации, уходящей своими идейными корнями в идеалистический историзм романтиков. Неокантианцы решительно заговорили о неспособности понятий и методов, заимствованных из естественных наук, отобразить сложность и многогранность мира человека. В условиях, когда естественные науки значительно опережали обществоведение по своему уровню развития, изоляция истории от наук о природе могла иметь негативный для нее характер.

И «критические позитивисты», и неокантианцы выступили с требованием критики научных понятий, но вкладывали в нее различный смысл. Если «критические позитивисты» призывали к «очищению» понятий на базе эмпирического знания, то неокантианцы – к исключению из истории чуждых ей понятий и методов естественных наук. Индивидуализирующая по своей познавательной цели история, по Риккерту, никогда не может стать систематизирующей наукой, напротив, она будет противиться не только законам, но и систематике вообще.¹²³ Такое принижение в истории роли общих понятий скорее соответствовало традициям ранкеанской историографии, нежели тенденциям науки начала XX в. Поэтому даже в самом неокантианском направлении оно вызвало неоднозначную реакцию. Например, отношение к общим понятиям в истории было пересмотрено в методологии М.Вебера, не было полностью принято и Лаппо-Данилевским.¹²⁴ В то же время, как уже указывалось, разграничение компетенции истории и социологии и ориентация нашей науки на познание конкретных причинно-следственных рядов развития имели рациональное основание. В этом отношении отечественная позитивистская историография обладала собственной традицией, идущей от Н.И.Кареева и В.О.Ключевского. Эта традиция была продолжена М.М.Хвостовым и В.М.Хвостовым.¹²⁵ Последний считал себя в этом случае последователем Ключевского.¹²⁶

Несомненной заслугой неокантианцев являлось обоснование специфики исторического метода исследования, выразившееся в их учении о ценностях. В аксиологическом учении наиболее рельефно видна направленность неокантианской философии как против натурализма, так и историзма.¹²⁷ С одной стороны, метод отнесения к ценностям противопоставляется генерализирующему подходу к истории позитивистской науки, а с другой – методу «вжива-

ния» В. Дильтея.¹²⁸ Категория ценности пронизывает всю философию Риккерта, играя роль связующего звена в его методологических поисках. Посредством этой категории исследователь пытался осмыслить весь комплекс философско-исторических проблем. Риккерт утверждал, что только «точка зрения ценности» позволяет отграничить историю от наук о природе,¹²⁹ одновременно придать ей научный характер,¹³⁰ наделить ее критерием отбора и построения материала.¹³¹

Аксиологический метод Риккерта выгодно отличался от субъективного по своей природе метода «вживания» своей рационалистичностью. Он обобщал специфические черты действительно присутствующие историческому познанию. Но в то же время неокантианская теория познания оставалась в рамках требований классической науки в своем стремлении к получению строго определенного достоверного знания, свободного от каких-либо субъективных элементов.¹³² В этом смысле риккертовская методология, возможно, являлась одной из последних попыток с помощью новейшего философского инструментария обосновать старый взгляд на историю. Решительное выступление Риккерта против историзма как мировоззрения как раз и было вызвано тем, что последний «представляет из себя в сущности одну из форм релятивизма и скептицизма; при последовательности в мышлении он необходимо должен привести к полнейшему нигилизму».¹³³ Иными словами, борясь с историзмом, немецкий логик стремился вывести историю из кризисного состояния в гавань трансцендентальной философии.

Стремясь придать аксиологическому методу объективные основания, Риккерт противопоставил практическую оценку в истории чисто теоретическому отнесению к ценности,¹³⁴ а сами ценности объявил всеобщими и трансцендентными.¹³⁵ После этого ученому оставалось только признать, что никакая философия не способна преодолеть дуализма трансцендентных ценностей и действительности, что «мы никогда не будем в состоянии понять, как эти два царства становятся единством». Но в этом единстве Риккерт нельзя было и сомневаться, поскольку тогда «все познание было бы лишено смысла...». Оставалось полагаться на чудо.¹³⁶ Из мира трансцендентного в исторический ценности вернул М. Вебер,¹³⁷ но вместе с тем возвратились и все проблемы получения объективно-истинного знания, все сомнения, характерные для науки XX в.

Представители «философии жизни», с которыми полемизировали неокантианцы, также боролись с крайностями натурализма позитивистской социологии и историографии. Но акцент они сдела-

ли на противопоставлении мира природы и мира человека, выделяя науки о природе и науки о духе. По словам одного из исследователей творчества Дильтея, его цель была «вскрыть структуру духовного мира как самобытной действительности, в которой социально-исторические факты нашли бы свое место и вместе с тем свою связь, допускающую их историческое и систематическое изучение». ¹³⁸ Главный тезис дильтеевской методологии: «Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем». ¹³⁹ Факты истории, полагал философ, даются нам непосредственно как реальность и как некоторая живая связь, которая никогда не прерывается. А поскольку объект познания включается в контекст «внутреннего опыта» ученого, то специфическим методом истории провозглашался метод «понимания» прошлого изнутри. ¹⁴⁰ Как справедливо указывает И.С.Кон, дильтеевская теория понимания – одна из первых попыток теоретически осмыслить проблему расшифровки значения и смысла социально-исторической деятельности. ¹⁴¹ Однако иррациональный в своей основе метод «вживания» не гарантировал объективного познания прошлого, к чему стремился сам немецкий ученый. Уже Зиммель писал, что не просто преодолеть пропасть между *Я* и *не-Я*, необходимо посредничество между ними внешних объектов. ¹⁴² Но самое главное – это субъективный характер воспроизведения в себе чужих, исторически дистанцированных представлений и чувств. ¹⁴³

Большое значение для развития исторического мышления имело утверждение Дильтея о единстве социальной практики и познания. Исследователя, по убеждению методолога, нельзя оторвать от общественной среды, в рамках которой формируется его мировоззрение, определяющее его познавательную деятельность. Мировоззрение же «является в результате занятой в жизни позиции, жизненного опыта, всей структуры нашего психического целого». ¹⁴⁴ «Последний корень мировоззрения жизнь». ¹⁴⁵ Происходит определенный отбор среди мировоззрений по их полезности для понимания жизни, ¹⁴⁶ но выжившие ведут между собой безуспешную борьбу: каждый мировой взгляд «обусловлен исторически и потому ограничен <...>, каждый <...> выражает внутри своих границ один из аспектов универсальности. В этом отношении каждый прав. Рассмотреть все эти аспекты в их суммарности нам отказано». ¹⁴⁷ Однако в этом случае философу пришлось признать, что характер достоверности в общественных науках иной, чем в естественных. ¹⁴⁸ Дильтей выступил также против попыток позитивистской социологии рассматривать историю как вспомогательную науку. ¹⁴⁹

Следует отметить идею Дильтея о наличии в истории «действенной связи», которая заключается в устойчивых продуктах творчества исторического человека, порождающего ценности и реализующего цели.¹⁵⁰ Для социологии она означала, что так называемые «факторы» исторического процесса являются не безличными и самодовлеющими структурами, но продуктами прошлой и настоящей деятельности людей. Эта идея также толкала на поиск конкретных культурно-исторических типов, носителей этого самостоятельного творчества в духовном мире. Дильтеевская «философия духа» оказывала воздействие на создание определенной научной атмосферы и если не прямо, как неокантианство, то опосредованно (через работы Зиммеля, Шмоллера, Бернгейма, Гумпловича и др.) должна была влиять на формирование отечественной методологии истории.

Основное положение немецкой философии истории – о коренном отличии историографии от естественных наук¹⁵¹ – было достаточно единодушно отвергнуто русскими историками, ориентирующимися на позитивизм. Выражая общее мнение, Дживелегов писал, что всем этим «субъективистским теориям», импортируемым из Германии, присуща одна неперемнная черта: они «либо целиком стоят на почве метафизики, либо имеют сильный метафизический привкус».¹⁵² Речь шла о том, что противопоставление наук по методу, предпринятое как неокантианцами, так и «философами жизни», имело спорный характер. В жертву логическим принципам во многом приносился опыт, накопленный исторической наукой в XIX столетии. В итоге историки – «критические позитивисты», с одной стороны, подвергли критике парадигмальные установки собственно позитивистской историографии, а с другой стороны, отмежевались от принципов методологии, развиваемых немецкими философами. Для российских исследователей речь шла не о противопоставлении естественных и общественных наук, а о выявлении специфики познания в последних. В этом принципиальное отличие методологических поисков историков «критического позитивизма» не только от германских авторов, но и от некоторых последующих отечественных исследователей, ориентировавшихся на идеалистический историзм (Д.П.Карсавин, П.М.Бицилли и др.).

Кризис в историографии российские историки вполне определенно связали с общенаучным кризисом конца XIX – начала XX в. Д.М.Петрушевский указывал, что «кризис переживает теперь не одна история: его переживают и все другие общественные науки».¹⁵³ Выпирет новое направление в области общей исторической

мысли назвал «теоретико-познавательным критицизмом» и поставил его в прямую связь с критическим направлением в философии и с успехами опытной психологии.¹⁵⁴ По его справедливому убеждению, переосмысление общих понятий и терминов в социальных науках имело общую природу с кризисом в естествознании, где в то время пересмотру оказались подвержены фундаментальные идеи материи, вещества, силы, энергии и пр.¹⁵⁵

Нельзя обойти позицию Н.И.Кареева в этом вопросе. Его подход интересен не столько анализом кризиса в историографии, сколько общей трактовкой перемен в научном знании рассматриваемого периода. В своих лекциях по новейшей истории русский ученый поддержал идею о «великой научной революции», протекавшей в естествознании на рубеже веков¹⁵⁶ и оказавшей влияние на развитие гуманитарных наук. Решающие сдвиги в научном движении, по Карееву, произошли в области физико-математических наук, где были поставлены вопросы о материи и познавательных способностях человека.¹⁵⁷ «Здесь, – писал историк, – даже происходила своего рода перестройка самых основных понятий <...>, толкавшая мысль на совершенно новые пути, как это можно сказать, например, о так называемом принципе относительности, вызвавшем среди физиков и математиков столько оживленных споров».¹⁵⁸ Успехи экспериментальной физики поколебали механическое понимание природы, показали относительную истинность всякой научной теории, что не могло, по мнению ученого, не сказаться на философии. Среди современных ему философских направлений Кареев определенно выделял эмпириокритицизм как соответствовавший нормам строго научного знания и успешно решавший проблемы, поставленные физикой.¹⁵⁹ Обоснованно характерную черту современной философии мыслитель вслед за А.Реем, И.Петцольдом, Г.Геффдингом усматривал в соединении проблем познания и деятельности.¹⁶⁰

Гуманитарные науки, по мнению ученого, оказались втянуты в общее русло перемен. Социология отказалась от ориентации на биологию и стала определяться в сторону психологии. Научный дух постепенно распространился в политико-юридических науках – последнем убежище метафизического мышления. Кареев признает, что «в области познания социальных феноменов еще так много спорного и даже хаотического...», но это для него болезнь роста. Вообще же гуманитарные науки «стоят на верном пути изучения фактов, то есть реальных явлений без стремления познания «вещей в самих себе»».¹⁶¹

Таким образом, теоретико-методологический характер кризиса вполне определенно связывался с общенаучным его проявлением. Не осталась вне внимания либеральных авторов и такая черта кризиса в историографии, как его функциональная зависимость от потрясений первой четверти XX столетия. Наиболее остро эта мысль была выражена в работах Р.Ю.Виппера. Причем кризис историографии после 1917 г. рассматривался им как прямо производный от общественного. Эта идея широко развивалась им в ряде сборников, таких, как «Гибель европейской культуры» (М., 1918), «Кризис исторической науки» (Казань, 1921), «Круговорот истории» (М-Берлин, 1923) и др. Она была поддержана и Е.В.Тарле.¹⁶²

Рассматривая развитие социальных наук в конце XIX – начале XX в., Виппер определенно указывает на такую характерную его черту, как распространение идеалистических учений. Сам этот процесс, по его мнению, являлся важнейшим показателем кризиса обществоведения: «Как нельзя более ярко, – писал ученый, – кризис отражается в жестком конфликте между идеалистическим и материалистическим истолкованием истории».¹⁶³ Более того, он писал о двух взаимосвязанных процессах: наступлении социальной и философской реакции: «По всей Европе, – утверждал историк, – распространяется вот уже второе десятилетие сильная струя философской реакции, которая у нас едва ли случайно совпала с реакцией общественной. Довольно разнообразные оттенки этой умственной реакции, от мягко неопределенного волонтаризма до необузданно христианизующей философии, охотно подводят себя под благозвучное название идеализма».¹⁶⁴ Наплыв реакционной волны ученый отмечает не только в области обществознания, но и в науках естественных,¹⁶⁵ в искусстве, в литературе.

Безусловно, в условиях поражения в России буржуазно-демократической революции 1905-1907 г., резкого социального «похолодания», наступления реакции на университетскую науку позиция Виппера являлась мужественной. Она обеспечила ему стойкую симпатию левых кругов. Он открыто связывал социальную и научную реакцию, указывал на район ее распространения – Россия и Германия;¹⁶⁶ заявлял, что цель реакции – подорвать реализм истинной науки, увести ее в область безбрежной метафизики и агностицизма,¹⁶⁷ искренне пытался ей противостоять. Тем не менее во многих аспектах заявления историка были спорны, а его общественная позиция небезупречна. В ней сказалась застарелая болезнь российской радикальной интеллигенции проявлять нетерпимость к несогласному с тобой собрату-интеллекту даже в теоретиче-

ских спорах. Кроме того, наблюдается интересное явление: Виппер – лидер в исторической науке «нового мышления», фактически не приемлет его проявлений в искусстве, в литературе, в позитивистской философии. Совершая прорыв в одной области знания, он оставался ортодоксом в решении других вопросов. Зато в своем понимании социальной и философской стороны кризиса он во многом сходил с Кареевым, взгляды которого на методологию истории не разделял.

Резко Виппер обрушился на тех либералов, которые отреклись от марксистского подхода к общественной науке, перешли в стан идеалистической философии.¹⁶⁸ Он отказывает в научности представителям критической «идеалистической философии», называя их «метафизиками», «мнимыми критицистами» и пр.¹⁶⁹ Характерную черту различных идеалистических направлений он видит в «боязни реальности, нежелании и неумении с ней обращаться...»¹⁷⁰, подразумевая дезориентацию ряда мыслителей как в научной, так и в общественной реальности.

Полную солидарность с Виппером в неприятии роста антициентистских настроений в обществе в начале XX в. мы встречаем у Кареева. Он указывает на возврат интереса к романтике и мистике в Англии, Франции, Германии и рассматривает его как протест против интеллектуализма.¹⁷¹ Историк выделяет два философских направления, которые, с одной стороны, ставят актуальную проблему деятельности, а с другой, носят ярко выраженный антирационалистический характер: это интуитивизм А.Бергсона и прагматизм В.Джемса.¹⁷² Сосредоточиваясь на критике этих двух направлений, «как наиболее симптоматичных для начала XX в.», Кареев не считал антиинтеллектуализм господствующей философией эпохи. Напротив, по его мнению, интерес к нему носит характер моды и у него нет будущего: «Увлечение обоими направлениями более характерно для общественных переживаний начала XX в., чем для поступательного движения самой философской мысли».¹⁷³ Среди основных недостатков интуитивизма ученый видит предпочтение в гносеологическом отношении инстинкта перед интеллектом, противопоставление рассудка – интуиции, приоритет своего рода поэтического созерцания в философии Бергсона над научным отношением к действительности.¹⁷⁴

Прагматизм Кареев понимал как примат дела над мыслью и с точки зрения такой широкой его трактовки считал возможным включить в прагматизм и марксизм. «... в наш век необычайного развития прикладного знания <...>, – прозорливо говорил ученый, –

и в философии, насколько она отражает на себе общее умственное состояние эпохи, с особою силою проявилось прагматическое течение...».¹⁷⁵ В философском прагматизме главное Кареев усматривал в признании за волею познавательной функции, что, как и в интуитивизме, настезь открывало в философии входную дверь перед метафизикой и даже мистикой. Прагматизм придает науке чисто утилитарный характер, утверждал историк, в нем исчезает самое представление об объективной истине.¹⁷⁶ Мыслитель соглашался, что прагматизм благоприятен эмпиризму, однако последний сочетается в этом учении с принятием религиозных представлений, более того, в прагматизме выделяется особый «религиозный опыт».¹⁷⁷ Кроме интуитивизма и прагматизма, Кареев подверг критике католический модернизм.¹⁷⁸ Рассмотренные идеалистические учения, по мнению ученого, получили должный отпор со стороны реалистической философии «критического и позитивистического направлений».¹⁷⁹

Ориентированный на объективность познания, Кареев сумел сохранить академический тон при изложении даже неприемлемых для него антирационалистических учений. Випперу, выступавшему в роли своего рода «человека идеи», этого сделать не удалось. Перефразируя Б.М.Энгельгардта,¹⁸⁰ можно сказать, что принципом ориентировки исследователя в научном мире являлась определенная форма его идеологического отношения к миру. Фактически отношение историка к научным поискам оцениваемых им авторов окрашивалось политической их оценкой, получая специфическое содержание. Он напрямую связывал их теоретико-методологические и общественные позиции. Этот радикализм способствовал росту его популярности среди студенческой молодежи, но не в среде серьезных ученых.

Своеобразной идеей-доминантой в работах Виппера первой четверти XX в. выступала мысль об особой исторической роли в России демократической интеллигенции – носительницы просветительского начала. В понятие «демократическая интеллигенция» он вкладывал широкий смысл, выходящий за рамки чисто социального определения. С точки зрения ценностей этой интеллигенции, историк ориентировался в общественном и научном мире. Много внимания уделяя связи истории и современности, исследователь пришел к выводу о «научно-дисциплинирующем влиянии» политики на науку. «После движения 1905 г. мы уже невольно определяем всех интеллигентных людей, – признавался Виппер, – по партиям, все равно, записаны они в них или нет... Вся страна

представляется нам ясно разделенной на большие, компактные по своим интересам общественные слои». ¹⁸¹ Историк принимал деление российского общества на классы, партии, но особенно его занимал раскол в среде интеллигенции.

В самом обращении к борьбе в истории общества сил демократии и реакции, защите демократии в начале века не было ничего необычного. Ей посвящались многочисленные труды либеральных исследователей, ¹⁸² но в творчестве Виппера эта идея борьбы приобрела особое значение. Раскол в стане интеллигенции представал перед ним как важнейший факт всеобщей истории, ему отведена программная статья одноименного сборника «Две интеллигенции...», ¹⁸³ посвященного теоретико-методологическим вопросам истории. Мыслитель обоснованно отводил интеллигенции видную роль в жизни общества, тем более в такие критические эпохи, как та, которую переживала Россия в начале XX века. ¹⁸⁴ Однако интеллигенция далеко не едина, и раскол в ее среде проявляется в политике, в науке и культуре как в далеком прошлом, так и в настоящем. Два типа интеллигенции – демократическая и консервативная, по его мнению, даны уже за 2400 лет до н.э.: одна, «которая зажигает светоч знания для всех и отдает свои силы делу необозримой массы безвестных работников жизни, и другая, которая прячет свою струйку света только для себя, только для самоусовершенствования, только для выработки внутренних сокровищ своей души...». ¹⁸⁵ В Древней Греции Виппер подвергает критике за антидемократизм и индивидуализм Платона, ¹⁸⁶ автора Псевдоксенофоновой Политии, ¹⁸⁷ вождей олигархического движения 411 г. – учеников софистов и философов, ¹⁸⁸ многих авторов политической комедии в Афинах V в. до н.э., ¹⁸⁹ Аристотеля ¹⁹⁰ и др.

В России после 1905-1907 г. речь у Виппера в первую очередь шла об авторах, составивших известный сборник «Вехи» (М., 1909). ¹⁹¹ «Веховцев» Виппер не приемлет в первую очередь потому, что они обвинили интеллигенцию в чрезмерной заботе о просвещении народа, улучшении его материального положения, вместо того, чтобы заняться собственным нравственным самоусовершенствованием. Эти «нападки» на интеллигенцию представляют, по его мнению, «повторение унылых мотивов упадочной поры» древнегреческой истории. ¹⁹² «Демократическую интеллигенцию», с которой связывался прогресс общественный и научный, Виппер ведет с Эврипида, Фукидида, Сократа, ¹⁹³ Фемистокла, Уфиальта, Перикла, ¹⁹⁴ Протагора, Эмпидокла, Геродота, Гипподама ¹⁹⁵ и др. В российском обществе эта цепочка протягивается от таких уче-

ных-просветителей, как Т.Н.Грановский, А.Герцен и Н.Г.Чернышевский (на последних Виппер сочувственно ссылается),¹⁹⁶ к В.О.Ключевскому,¹⁹⁷ известному педагогу С.А.Варшеру,¹⁹⁸ Д.М.Петрушевскому¹⁹⁹ и др. С ростом влияния и авторитета в обществе демократической интеллигенции ученый связывал решение всех его проблем,²⁰⁰ в том числе преодоление кризиса в общественных науках. Надо сказать, что Виппер справедливо отметил опасность отрыва интеллигенции от народа и раскола в ее рядах.²⁰¹ Однако своими собственными работами, наполненными выпадами против идеалистических или религиозных поисков интеллигенции,²⁰² ученый вряд ли содействовал сплочению ее рядов. Отказывался он видеть и многие просчеты «левой» интеллигенции.

Страшное отрезвление пришло к Випперу слишком поздно, когда произошел фактический разгром отечественной интеллигенции, а с ней и исторической науки. Этот разгром основательно сказался на кризисе мировоззрения историка после 1917 г. и заставил его пересмотреть свои взгляды, свое отношение к прошлому социального слоя, к которому он сам принадлежал. С горечью писал Виппер в 1920 г.: «Выросши в теплице, не обладая правами личности и правами корпорации, мы (работники высшей школы – А.Н.) ринулись в борьбу за права народа, за парламентарный строй, за Учредительное собрание <...>. Сейчас мы переживаем тяжелые последствия наших заблуждений, нашей разрозненности».²⁰³ Неорганизованная, раздираемая противоречиями интеллигенция ничего не может предпринять, чтобы остановить «нелепую и преступную борьбу классов».²⁰⁴

В годы гражданской войны Виппер осознал ответственность интеллигенции (и прежде всего «демократической») за развал государства и многочисленные жертвы социального катаклизма: «Романтизм, склонность к социальной мечте, недостаток технических вкусов и умений, готовность каяться, плакать о своих грехах вместо того, чтобы бороться за свое право, постоянные колебания между идеализацией народа и разочарованием, бегством от его дикости, – с горечью писал историк, – все эти черты свойственны не только нашим революционерам, но в большой мере также и вообще нашей интеллигенции».²⁰⁵ Среди вождей революции он видит ту же пораженную безумием, погибающую, «урезанную в своем умственном облике интеллигенцию», характер которой включил в себя недостатки, порожденные как самодержавной средой, так и демократическим бытом.²⁰⁶ В качестве главной ошибки российской интеллигенции Виппер признал ее увлеченность социальной утопией, велико-

лепными картинами будущего социального рая в ущерб будничной жизни народа.²⁰⁷ Печальным итогом этого явилось то, что Россия превратилась по преимуществу в поле «жесточкого опыта над человечеством».²⁰⁸ В различных статьях Виппер обосновывает мысль, что современная катастрофа – итог длительного развития России по индустриального пути.²⁰⁹ В «Предисловии» к сборнику «Круговорот истории» он особо подчеркнул, что нельзя сводить современную катастрофу к мировой войне и гражданскому междоусобию: «Напротив, в самых катастрофах думалось увидеть естественные последствия роковых данных, заложенных в предшествующей культуре, которую мы привыкли звать культурой XIX века».²¹⁰ Причем социальный развал, по его убеждению, начался не у нас, а на Западе, но последний «тем счастливее нас, что там, вероятно, не произойдет социалистического опыта...».²¹¹

Виппер не возлагал никаких надежд на вождей Октябрьской революции в выводе страны из социального и культурного кризиса, рассматривал их в роли «статистов, спешно набранных историческим роком для страшного финала».²¹² Поразительна при этом неистребимая вера историка в предназначение интеллигенции. Несмотря ни на что, он высказывал убеждение, что спасется Россия только через свою интеллигенцию, только от нее можно ждать возрождения.²¹³ Пока жива интеллигенция, составляющая отбор всех классов и слоев русского общества, «не погибло и общество, не погиб и народ».²¹⁴

То, что выглядело очевидным для Виппера в годы гражданской войны, не было таковым в 1900-е. В начале века историк решительно отстаивал политические идеалы радикальной левой интеллигенции и последовательно боролся с наплывом «реакционной идеалистической волны». В этой борьбе ему была свойственна известная прямолинейность, дихотомия в суждениях, чему способствовал публичный характер многих его выступлений и статей. Виппер явно злоупотреблял противопоставлениями и не всегда был способен оценить новаторство. Показательно в этом смысле его отношение к набирающему в то время силу символизму, отражавшему общие перемены в духовном производстве на рубеже веков. Исследователь посвятил его анализу специальную лекцию «Символизм в человеческой мысли и творчестве» (1904) и что же? В указанном направлении мыслитель видел не более как «протест против реализма». Безоговорочно Виппер отрицает за символизмом какое-либо новаторство и зачисляет его в стан идеалистической реакции. Символизм, по мнению историка, становится

ся все более беспредметен и не имеет будущего.²¹⁵ Причем сам Виппер в этом случае заявляет себя защитником позитивной науки и «механистичности научного мировоззрения».²¹⁶

Излюбленная идея ученого этого времени, что реакция любит облекаться в форму какой-нибудь реставрации (мысль, высказанная еще Д.П.Петрушевским).²¹⁷ «Символисты, – писал Виппер, – постоянно зовут к различным реставрациям: они любят, по их собственному выражению, приглашать «назад» к такому-то веку или «назад», к такому-то великому имени. Они любят говорить о возрождениях; они думают оживить идеи, исконные и вечно присущие человеку, но отодвинутые временно новой культурой».²¹⁸ Среди инициаторов реставраций исследователь называл неокантианцев, неофихтеанцев, неогегельянцев и др., но суть всех видел в одном: «Назад, к какой-нибудь тихой пристани, за какую-нибудь надежную стену».²¹⁹

Наиболее характерной и крупной реставрацией Виппер обоснованно признавал неокантианство. Он много внимания уделил критике неокантианства как течения в философско-исторической мысли, на чем необходимо будет остановиться особо. Отвечая стремление философов этого направления повернуть «назад к Канту», ученый спрашивал: «Но к какому Канту? Не к Канту, великому энциклопедисту-ученому, идейному сотруднику французского просветительства XVIII в., автору новой космогонии, не к Канту, беспощадному критику метафизических понятий, а к Канту, испугавшемуся богослову, проснувшемуся догматику, который слабеющей рукой старался воскресить то, что он же разрушил всем могущественным аппаратом научного анализа нескольких поколений».²²⁰ Тем самым Виппер высказал мысль, получившую признание последующих исследователей, что неокантианство не являлось вполне аутентичным истолкованием Канта.²²¹ Ученый расценил неокантианское направление в историографии как факт кризиса исторической мысли и получил в этом отношении поддержку Н.А.Рожкова,²²² М.Н.Покровского,²²³ А.К.Дживелегова.²²⁴ Неокантианство, в их трактовке, есть мнимый критицизм, разрушающий единство научного метода на базе противопоставления мира природы и общества.²²⁵ «Вся работа последних десятилетий в области истории идет, значит, в сущности насмарку», – делал вывод Рожков.²²⁶ Он особенно настаивал на реакционно-буржуазном характере неокантианской философии.²²⁷ Критика неокантианства как течения общественной мысли названными авторами имела известные основания.²²⁸ Но из-за критики, как мы увидим, был упущен вклад этого направления в развитие научного знания.

Следует отметить, что бескомпромиссная позиция Виппера по отношению к идеалистическим и даже религиозным увлечениям российской интеллигенции отнюдь не разделялась большинством последователей «критического позитивизма». В книге Б.Г.Сафронова приводится отрицательное отношение А.Н.Савина и Д.М.Петрушевского к «умственной нетерпимости» Виппера, его прямолинейности и резкости суждений по рассматриваемому вопросу.²²⁹ Куда большую лояльность в 900-е годы проявляли к идеализму Н.А.Рожков, В.М.Хвостов, Е.В.Тарле, В.П.Бузескул и др. Так, Рожков указывал, что идеализм привлекателен для широкой публики своей сосредоточенностью на проблемах морали и личности. Историк видел его направленность против «положительной науки»,²³⁰ однако признавал за ним «некоторое практическое значение» в проведении здорового нравственного начала, в прививке вкуса к мышлению о высших вопросах.²³¹ Рожков решительно отвергал идею «о религиозной нетерпимости позитивистов», но полагал, что нельзя смешивать истины науки и религии. По его убеждению, «при теоретическом разногласии, доходящем до крайности, критические позитивисты и идеалисты могут часто идти рука об руку в практической деятельности...».²³² Большинство идеалистов, позитивистов «старого оттенка», представителей «субъективной социологии», как и критические позитивисты, считал ученый, остаются в передовом лагере.²³³

В.М.Хвостов, стоявший по своим теоретико-методологическим воззрениям на границе «критических позитивистов» и неокантианцев,²³⁴ был еще менее склонен придавать анафеме идеалистическую философию. Как и другие интересующие нас авторы, он придерживался весьма либеральных политических воззрений и выступал за реформирование общества.²³⁵ Сам он увлекался метафизическими построениями и даже мистицизмом в области философии.²³⁶ Причем в обосновании данного положения мыслитель исходил из идей А.Бергсона и У.Джемса.²³⁷

Не все рассматриваемые авторы обольщались насчет прогрессивного характера позитивистской парадигмы. Так, Е.В.Тарле справедливо указывал, что «позитивизм ни в малейшей степени не оказался помехою для распространения и укрепления в обществе строго буржуазных тенденций и чувств. Мало того, позитивизм и историзм были притянуты для подтверждения теоретической правоты узеньких, классовых, манчестерских построек и измышленьиц...». Отсюда объяснимо, полагал историк, распространение среди современников идеалистических поисков. Сло-

ва «метафизика», «идеализм», «естественное право» и т.п. «перестали быть жупелами для прогрессивно настроенных людей...». Впрочем, идеализм, как философский, так и религиозный, по Тарле, притягивался буржуазной реакцией на службу ее классовым вожделениям еще чаще, чем позитивизм.²³⁸

Таким образом, распространение идеалистических учений в начале XX в. достаточно широко отмечалось в среде историков – «критических позитивистов», хотя их отношение к идеалистическим поискам являлось неоднозначным. Как факт кризиса социальных наук наступление неоидализма прямо оценил Р.Ю.Виппер. Позднее на эту точку зрения встали М.Н.Покровский в качестве официальной главы марксистской историографии, а также Е.Н.Щепкин.

Среди либеральных историков популярна была идея о реакционно-образном характере развития общественной мысли.²³⁹ Поэтому даже самые решительные противники подъема идеалистической волны были настроены оптимистично. Виппер, указав на периодичность наступления реакции и ее ослабление с каждым новым ударом,²⁴⁰ пришел к убеждению, что, «как ни высоко предречь ему еще долгое существование, во всяком случае, он не подвигается дальше в своих требованиях, утверждениях, не видно открывающейся перед ним работы».²⁴¹ Рожков полагал, что идеалистическая философия «слишком академическая теория, чтобы она могла получить значение боевого клича», и поэтому не видел для нее в перспективе широкой общественной роли. Будущее, по его мнению, не за метафизическими доктринами, а за теориями, обращениями к конкретной действительности, к которым принадлежит марксизм.²⁴² По мнению Тарле, «будут еще и разочарования в идеализме, и возвраты к позитивизму, и новые от него отпадения».²⁴³

Как бы ни относились «критические позитивисты» к современным идеалистическим направлениям, очевидно, что себя они с ними не ассоциировали, оставаясь на позициях «положительной науки». Свои исследования они рассматривали как вклад в развенчание идеалистических построений, выступая против рутины и косности в историографии. Рассматривая кризис исторической мысли конца XIX – начала XX в., они в своих исследованиях выделяли три характерные его черты: 1) его теоретико-методологический характер, 2) связь с научной революцией конца XIX – начала XX в. и формированием нового мировоззрения, 3) функциональная зависимость от социальной обстановки в России в начале века (включая сюда и острую идейную борьбу различных общественных групп). Трактровка кризи-

са историографии названными учеными свидетельствует о том, что они, с одной стороны, сознавали необходимость кардинального реформирования своей науки в соответствии с запросами времени, а с другой, выступали против решительного разрыва с ценностями, выработанными научным сообществом в XIX столетии. Следует подчеркнуть, что выход из кризисной ситуации связывался ими с обязательной разработкой теоретико-познавательных проблем истории, то есть наиболее уязвимого звена предшествующей историографии. В этом смысле направление их собственных поисков совпадало с общими тенденциями в развитии научной мысли.

ГЛАВА 2. РАЗРАБОТКА ПАРАДИГМАЛЬНЫХ УСТАНОВОК «КРИТИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА» В РАБОТАХ Р.Ю.ВИППЕРА

Теоретико-методологические воззрения Р.Ю.Виппера представляют собой оригинальную научную систему, оказавшую влияние на формирование новых подходов к истории в российской историографии начала XX в. В историю этих поисков ученый вошел как создатель релятивистской методологии. Ввиду неординарности его подхода к решению основных проблем теории исторического познания и особенностей историографической практики ученого, его взгляды требуют специального изучения. Оригинальность Виппера заключается не только в радикализме его суждений об истории, но и в стремлении к развернутому обоснованию новой парадигмы на базе позитивизма. Свои методологические установки историк пытался реализовать в исследовательской практике, вызывая достаточно бурную и неоднозначную реакцию у коллег. Его поиски в сфере методологии истории оказались симптоматичными для последующего развития теории истории в 20 – 60-е гг. XX столетия.

§ 1. Природа и метод исторической науки в трактовке Р.Ю.Виппера

Формулируя основные положения теории исторического познания, Виппер поставил перед собой задачу обосновать специфику истории как науки, но одновременно решительно отверг противопоставление методов исторического и естественнонаучного познания. Критическое отношение у исследователя вызывала как позитивистская парадигма, так и альтернативные ей концепции немецкой философии истории.

Развернутую постановку проблемы специфики исторического познания Р.Ю. Виппер дал в статье «Новые направления в философии общественной науки» (1903), где он писал, что нашу науку часто упрекают в субъективизме, выставляя как идеал беспристрастия науки естественные. Многие историки и социологи, с сарказмом продолжал теоретик, усердно старались очистить образы прошлого от всякой окраски в современном вкусе. Но «хотя подобной иллюзии отдавались очень крупные умы, нельзя все же не признать ее ошибочности <...>. Для каждой группы наук, – заключает ученый, – есть свой особый идеал, и образец естествознания не может служить целиком для социологии». Развивая свою мысль, историк вскрывает специфику субъектно-объектных отношений в социальных науках: «Ведь о жуках и грибах, – указывает он, – составляют науку посторонние им люди, а не сами объекты науки, тогда как в общественной науке изучаемый объект и изучающий субъект до известной степени совпадают, и она представляет собой именно то самое, что в определенное время и в определенной среде думают о людях и о своем собственном общечеловеческом прошлом».¹ Соответственно на первый план Виппер выдвигал исследование коллизии между объектом познания и познающим субъектом, возникающей в процессе познания.

Положение об особенностях субъектно-объектных отношений в социальных науках как краеугольном камне, определяющем специфику исторического познания, утвердилось в методологии истории.² Конечно, оно не исчерпывает всех проблем специфики именно исторического познания, поскольку характеризует социальное познание вообще, но имеет ряд важных для историографии следствий.

В презентистской методологии из идеи качественного совпадения субъекта и объекта познания делался вывод об их тождестве. Вследствие этого Ч.Бирд, Б.Кроче, К.Беккер объявили всякую историю современной. На пластическом характере прошлого настаивали Э.Трельч, Г.Ренир и другие историки 20 – 50-х гг. В этом направлении шел и Виппер. Правда, он был далек от мысли рассматривать совпадение субъекта и объекта в истории как абсолютное тождество. Объект познания, полагал он, находится вне мышления, но исследователь не в состоянии осознать его объективно. На этой базе Виппер развивал идею об отличии концепции исторической объективности от естественнонаучной, близкую последующим западным исследованиям.³

Всякий исторический опыт ученый интерпретировал в субъективном смысле. Он утверждал, что познавательные возможности

субъекта ограничиваются его мировоззрением, связанным с определенными социальными запросами, достигнутым уровнем общественного развития, индивидуальными особенностями исследователя. В этом отношении показательны уже публичные лекции Виппера 1898/1899 гг. «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе», в которых системообразующим элементом в общественной науке историк называл импульс, идущий от современности. «Всякое общественное учение, – говорил он, – исходит от впечатлений, данных существующим порядком, от оценки его: впереди оно рисует известный идеал, а в прошлом предполагает такие начала, из которых могла или должна сложиться организация, пригодная к достижению этого идеала». Поэтому ни одна историческая теория, убежден ученый, не есть одно создание ученого любопытства или желание держать в порядке общественный архив: «В ней всегда стоит живой вопрос: правилен или нет, крепок или нет общественный строй переживаемой эпохи».⁴

Эпоха создает, по Випперу, определенную систему представлений, образов, символов, формул, некую атмосферу, в рамках которой творят люди, относящиеся к разным общественным лагерям. Несмотря на все кажущееся различие в их ценностных ориентациях, политических пристрастиях и индивидуальных интересах, их исторические построения всегда имеют много общего, относящегося к эпохе. Они, по словам историка, «располагают в известной мере одной и той же картиной прошлого, поскольку дело идет о его главных существенных чертах, применяют один и тот же метод».⁵ Так, западники и славянофилы в России, вооруженные различными общественными программами, с глубоко отличной оценкой эпох русского прошлого, примыкали к одной и той же исторической концепции: обе школы исходили из представления о великом переломе, великом разрыве с прошлым в истории русского народа, совершившемся около 1700 года.⁶

Втянутая в борьбу социальных сил, историография, полагал Виппер, оказывается под их мощным прессом. «Нечего и говорить, – писал ученый, – как сильно на формулировке идей и толкований историка сказывается его принадлежность к тому или другому религиозному или политическому лагерю, к той или другой общественной группе».⁷ Либеральный историк сближался с марксистской трактовкой классового характера исторической науки, когда в современной ему германской историографии выделял три направления: буржуазное, социалистическое и клерикальное.⁸

Однако ученый был против какого-либо элиминирования истории из общественной жизни, будь даже это возможно. Он указывает на то отвращение к историографии у передовых деятелей XVI–XVII вв., которое она вызывала, погрязнув в антикварном хламе и школьном классицизме, устранившись от решения насущных общественных проблем. Показателен тот факт, подчеркивает Виппер, что толчок к развитию нашей науки в то время дали не профессиональные историки, а деятели практической жизни: Бодэн, Макьявелли, Гроций, Гоббс, «исторические изыскания которых являлись лишь орудием в их политической борьбе».⁹

Детально взаимосвязь истории и политики ученый раскрыл в статье «Либерализм» и первая историческая формула борьбы классов» (1901), посвященной творчеству О.Тьерри, исследователя, в котором, наряду с Ф.Гизо, Виппер видел основателя современной социальной исторической науки.¹⁰ Примечательно, что многие оценки русского историка Гизо и Тьерри и эволюции их взглядов совпадают с суждениями К.Маркса.¹¹ Кроме того, очевидно влияние французских историков эпохи Реставрации на складывание представлений самого Виппера, в том числе и в вопросе о связи истории и современности. Не случайно высказывание Гизо по данной проблеме он взял как эпиграф к названной статье. Выступая с позиций критической философии рубежа веков, Виппер напрямую замкнул результаты исторического исследования с мировоззренческими позициями его автора: «Историк, – писал он, – зависит в своих взглядах от меняющихся политических увлечений и философских настроений <...> Воздействие на исследователя того, что мы называем мировоззрением, настолько сильно, что в литературных источниках, в исторических памятниках он как будто читает и видит то, что хочет прочесть и увидеть, выделяет и оценивает то, что совпадает с его вкусами и направлением интересов».¹² Мировоззрение ученого, полагал Виппер, являясь продуктом занятой в жизни позиции, дает ему соответствующий угол зрения, заключает в себе те группы и рамки, в которые формируется материал. Самый вопрос, выбор темы работы «всегда есть продукт целого мировоззрения».¹³ Причем связь научной позиции исследователя с его мировоззрением, убежден Виппер, объективна и не зависит от его сознания.¹⁴

В обоснование своего взгляда Виппер рассмотрел труд немецкого историка А.Мейцена о земельном строе у древних европейских народов,¹⁵ в котором обнаружил обусловленность выводов, построения работы, компоновки фактов исходными посылками ученого, имеющими свои корни в его мировоззрении.¹⁶ Для всех, кто

придерживается иных взглядов на роль расы и нации в истории, скептически утверждал Виппер, рубрикация Мейцена «становится ненужной, неудобной, нелюбопытной. Для него, напротив, не могло быть другой постановки описания».¹⁷

Не обошел русский методолог вопроса о природе мировоззрения. В подходе Виппера к этой проблеме есть элементы классовой интерпретации. Они выявляются не только в его анализе творчества Тьерри, чьи взгляды он связывал с интересами крупной французской буржуазии, но и ряде других моментов. Так, он положительно оценивал методологическое требование марксизма отыскивать во всякой группе идей классовую основу и давать всякой идеологии социально-экономическое истолкование. Это требование ученый рассматривал как «важный шаг вперед в теории исторического познания».¹⁸ Однако он справедливо выступал против абсолютизации этого положения в практике многих исследователей-марксистов и решительно отказывался «сводить все идеи на противоположности классов...»¹⁹.

Обращаясь к структуре мировоззрения, Виппер выделяет в ней два взаимосвязанных уровня: 1) наследие традиции и 2) формирующийся под впечатлениями, исходящими от современности. Историк был недостаточно последователен в оценке их значимости, делая акцент то на одном, то на другом. Он представлял себе процесс нашего мышления как поле постоянной борьбы традиции и «злобы дня», борьбы, от которой зависят итоги познавательной деятельности субъекта. С этой точки зрения человеческое мышление бессистемно и неуправляемо. Как писал Виппер, «архисвободный, по-видимому, процесс (познания – А.Н.), знающий лишь собственный закон, собственные цели и собственную руководящую силу, оказывается гораздо хуже управляемым, чем заведомо механические процессы».²⁰ Наши познавательные конструкции в итоге – продукт стихии мысли, впечатлений и воспоминаний.

Так, в лекции «С Востока свет!» исследователь подчеркивает роль традиции в нашем взгляде на мир.²¹ Особенно настойчиво это положение проводится в его работах послеоктябрьского периода, когда катастрофа российской интеллигенции заставила заново обратиться к прошлому, чтобы выявить истоки современного кризиса. Говоря словами Н.А.Бердяева, «исторические катастрофы и переломы, которые достигают особенной остроты в известные моменты всемирной истории, всегда располагали к размышлениям в области философии истории...».²² Виппер в своих размышлениях этого времени углубился столь значительно, что попытался

свести составляющие современной культуры к достижениям каменного века. Последний, подчеркивал историк, жил десятки тысячелетий и «мы не создали других основ цивилизации сравнительно с каменным веком».²³

В науке традиционный пласт мировоззрения, полагал ученый, реализуется через ее категориальный аппарат. «Отражением старого мировоззрения, – писал Виппер, – остался наш научный язык, наши традиционные формы умственного общения».²⁴ По его словам, вся работа историка «движется в рамках традиционных готовых схем, которые направляют, регулируют наше дело, но вместе с тем стесняют свободу нашей мысли».²⁵ Схемы и термины буквально тираният живой материал; исследователю приходится приспособлять к ним новые данные. Категории отстают от происходящего в науке движения: «Вначале символы живых комбинаций мысли, они надолго переживают общее воззрение, которое их вызвало».²⁶ Раз укрепившись в науке, писал Виппер, термины получают особенную жизнь, превращаются в неоспоримые общие факты. Причины этого историк по-махистски объяснил «особыми свойствами нашей психики возводить в неподвижные абстрактные величины формулы и системы предшествующей работы, забытой в своих деталях и в своем реальном ходе...».²⁷

Главный итог господства в науке категориального аппарата, доставшегося ей в наследство от более ранних времен, исследователь видел в том, что явления и характерные черты прошлого сдвигаются как бы на одну плоскость, в неподвижную фиксированную картину, мало соответствующую своему реальному прототипу.²⁸ Отсюда понятным становится стремление Виппера произвести очищение исторических понятий от остатков старого мировоззрения с помощью теории познания, предпринятое им в «Очерках теории исторического познания».²⁹

В известной мере методолог архаизирует, упрощает научное мышление современного человека, многое здесь идет от полемического настроения исследователя. В целом следует признать верной идею Виппера о связи поколений в человеческом познании, согласиться с ним в том, что «идейная среда, в которой мы живем и которой мы подчинены, шире, чем та, какую мы привыкли чувствовать непосредственно вокруг себя».³⁰ Однако это положение в творчестве историка недостаточно сбалансировано с другим, о том, что каждое мировоззрение, каждая историческая теория есть продукт определенной эпохи, определенной социальной ситуации, и как

таковые подвержены принципиальной переработке либо исчезновению с изменением общественных условий.

Конкретный анализ механизма отражения социального бытия в общественном сознании Виппер дал на примере идеи прогресса в науке XVIII – XIX вв. Понятие «прогресс» в данном случае интересовало его не только в качестве центрального для социологии (философии истории) этого периода, но и как основа мировоззрения, источник горячей веры в лучшее будущее, «канонический догмат пророков культуры» конца XVIII – XIX вв. Не касаясь пока сути полемики историка с теорией прогресса, отметим, что появление ее он связывал с общим социально-экономическим и политическим подъемом конца XVIII века, приведшим к Великой Французской революции. «Выветривание» же идеи прогресса из общественного сознания он относил к концу XIX в., когда она пришла в противоречие с новыми социальными условиями и научными данными.³¹ В суждениях Виппера по этому вопросу много тонких наблюдений и остроумных замечаний, что делает их актуальными и сегодня.

В своих лекциях «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв.» ученый рассмотрел все основные социальные доктрины, от Вико до Маркса и позитивизма включительно. Что же касается критерия их объективной истинности, то у Виппера не видно другого, кроме соответствия доктрин определенным жизненным запросам современного общества. В этом плане его позиция близка Дильтею. Поэтому глубоко плодотворная сама по себе идея о единстве познания и жизни в методологии истории Виппера обрела яркую субъективистскую окраску.

Вольно или невольно, но в конкретном историографическом анализе работ своих предшественников и современников ученый постоянно стремился свести комплекс их идей и выводов к наличной общественной ситуации. Современность оказывается под пером Виппера не просто эмбриональной средой, в которой зарождается и развивается историческая мысль, но и своеобразным инструментом, направляющим проблематику исследования, его основные выводы и оценки. Так пункт за пунктом историограф демонстрировал, как немецкая историография античности XX в. реагировала на все перемены политического положения в Европе, связанные с тягой Германии к объединению.³²

Виппер был убежден, что пересмотр исторической традиции, связанный с воздействием современности, не ограничивается событиями недавнего прошлого. Напротив, писал он, «в смене исторических понятий особенно поразительно то, что она распространяет-

ся <...> и на такие отдаленные эпохи, которые не имеют никакой непосредственной связи с нашим временем». ³³ Например, если в середине XIX в. исследователи гражданских войн в Риме увлекались главным образом военно-политической стороной вопроса, указывал историк, то совершенно иначе на них должна взглянуть социальная история, сложившаяся под впечатлением массовых движений второй половины XIX – начала XX вв.: она «не может следовать за перспективами, которые внушены ей совершенно чуждым ей мировоззрением. Для нее тяжелый социальный кризис в Риме 49–47 гг. вовсе не образует вставной только случай гражданской войны и представляет больший интерес, чем операция при Фарсале или нильские приключения Цезаря и Клеопатры». ³⁴

Без сомнения, работы Р.Ю.Виппера, как и его старших коллег и учителей П.Г.Виноградова, В.И.Герье, ³⁵ Н.И.Кареева, В.О.Ключевского и др., способствовали раскрытию механизма связи историографии и современности. Однако его позиция в этом вопросе существенно отличается от воззрений исследователей старшего поколения ученых. Методолог стремился как бы поставить все точки над «і» в предлагаемой им интерпретации истории, довести до логического конца ее рассмотрение на основе принципа релятивизма. В этом смысле он, говоря словами Б.Кроче ³⁶, провозгласил принцип, из которого сделал все выводы, применил его к конкретным случаям, провел самостоятельное исследование.

Обоснованно настаивая на связи выбора предмета исследований, концепций и выводов историка с достигнутым уровнем развития общества, с социальной позицией ученого, Виппер воздействие последней абсолютизирует. Исторический релятивизм исследователя приводит его к крайним выводам: «Каждое поколение или ряд поколений, связанных общими идеями, каждая интеллектуальная группа, неизбежно приспосабливает к себе, к своим нуждам, к своим гаданиям о будущем, к своим психическим предрасположениям всю традицию о прошлом, весь исторический материал, можно бы сказать, препарирует для себя всю историю, творит для себя идеальное прошлое, набрасывает для себя собственную историческую картину». ³⁷ В итоге историческая наука смело объявляется Виппером «автобиографией общества», которая с течением времени не только добавляется новыми главами, «но постоянно и на всем своем протяжении перерабатывается с новых точек зрения» в угоду «того самого современного общества, которое желает иметь науку о себе и для себя». ³⁸ В логическом отношении история оказалась представленной методологом в качестве системы «умствен-

ных разрезов» материала, весьма произвольных в своей основе: «Настроение, темперамент исследователя, степень его близости к переживаемым событиям, – писал историк, – все это способно менять постановку; и где один видит превращение, там другой отмечает неизменность».³⁹

В такой резкой формулировке Виппера проявляется та опасность, которая подстерегает методолога истории, базирующего свою теорию познания исключительно на релятивистском принципе. Речь должна идти не об отказе от релятивизма, но о законных его пределах, обеспечивающих нормальное функционирование науки. Разрешение теоретических и практических проблем современной жизни должно не противоречить главной цели исторической науки – объективному отражению прошлой реальности. Да и сама правильная современная политика не может опираться на искаженную интерпретацию прошлого. Явным преувеличением грешат слова Виппера: «Это общество неизбежно старается найти в обществе прошлого, если не портрет свой в более молодые годы, то фамильное сходство: оно хочет знать, были ли раньше жизненные вопросы, аналогичные современным и как они решались».⁴⁰ Прагматический или идеологический подход к прошлому, конечно, имеет место, но он не исчерпывает общественных запросов к историографии. Важнейшие ее функции – эвристическая и социальной памяти – далеко выходят за рамки прагматического подхода⁴¹.

Логика рассуждений Виппера, справедливо отметил Б.Г.Сафронов, приводит его к оценке образов прошлого и будущего, даваемых наукой, в качестве простых утопий. Истинным содержанием этих образов выступает, по мнению либерального историка, духовный статус современности: «Утопия – это историческое представление о будущем, а история – утопическая картина прошлого».⁴² Правы исследователи, которые видят в смене исторических представлений не простой калейдоскоп появляющихся и исчезающих точек зрения, а противоречивый, но неуклонный прогресс историографии. Как всякая наука, история не только отражает в своем развитии влияние современности (хотя и в качественно иной форме, чем науки естественные), но и развивается по своим внутренним законам и собственной логике.

Наконец, нельзя абстрактно решать проблему влияния современности на объективность исторического познания. Оно может иметь как плодотворный, так и негативный характер, о чем предупреждал уже Н.И.Кареев и что отразилось на собственной эволюции взглядов Виппера. Ученый чутко уловил наиболее общие усло-

вия, обеспечивающие стойкий позитивный характер влияния современности на историографию: «Приобретения общественной науки будут прочны в той степени, – писал он, – в какой они исходили из глубоких, продолжительных, многократно проверенных общественных впечатлений: те научные разрезы и выводы, которые внушены более мимолетными настроениями, без сомнения, осуждены и на более скорое исчезновение».⁴³ Предлагать же конкретные рецепты для того, чтобы выделить позитивные импульсы современности, представляется делом ненадежным. Развитие науки далеко не всегда определяется обслуживанием интересов передовых общественных сил (достаточно вспомнить о вкладе в историю романтиков), да и самые благородные стремления нередко приводят к обратным результатам.

Таким образом, главным моментом, определяющим специфику исторического познания в отличие от естественнонаучного, для Р.Ю.Виппера является социальная природа историографии, порождающая проблему его объективности. Историческое суждение в интерпретации ученого получило пластический характер, оно менялось в соответствии с изменениями общественных запросов. Признание специфики исторического познания стало важнейшим структурным элементом формируемой исследователем исторической парадигмы. В то же время Виппер определенно высказал свое отрицательное отношение к попыткам критической философии истории противопоставить историографию другим наукам. Речь идет о вопросах, связанных с методом истории, ее компетенцией в деле исследования закономерностей общественного процесса и роли общих понятий в нашей науке.

Историк подверг резкой критике учение неокантианцев, связывающее особенности исторического изучения с особым аксиологическим методом в науках о культуре. В своей критике он был вполне солидарен с румынским методологом А.Д.Ксенополем⁴⁴ и в полемическом запале вообще не усмотрел рационального зерна в понятии о ценности в истории.

Виппер сознательно лишил аксиологическое суждение в общественных науках какого-либо качественного отличия от оценок в естествознании. С позиций вульгарного материализма он вопрошал: «Разве мы не изучаем всюду своего рода ценностей с точки зрения потребностей и свойств нашего организма?»⁴⁵ И сам же отвечал утвердительно, настаивая, что «всякое познание есть и оценка». Исторические ценности Виппер определял их биологическим значением для человека; культурные блага, разъяснял он, это – жизнеохраняющие элементы.⁴⁶

Правда, ученый был вынужден признать факт, доказательству которого сам же посвятил немало страниц своих работ: «Без сомнения, в исторической жизни ценности образуют особенно сложные комбинации. Представления о них, оценки меняются быстрее, более зависят от состояния культуры, более варьируются в зависимости от партийного, профессионального, классового положения». Но все это для Виппера лишь «делает затруднительным соглашение воззрений разных групп людей. Но в пределах каждого отдельного мировоззрения эти, так называемые субъективные черты не меняют дела, не вызывают необходимости применять какой-либо особый, иной метод...».⁴⁷

Вслед за Виппером и Н.А.Рожков отвергал ценностный подход, смешивая его с нравственной оценкой, и полагал, что в истории, как и в естествознании, критерий оценки отдельных народов и общественных союзов один – «способность к сохранению существования», т.е. взятый из биологии.⁴⁸ В этом смысле исследователь вообще не видел специфики исторической науки. Рожков не признавал за нравственными ценностями абсолютного характера, замечая, что они «столь же изменчивы и относительны, как и понятия о всем существующем».⁴⁹

Можно спорить о наличии особого аксиологического метода в истории либо о его месте среди других исследовательских методов; следует согласиться, что ценностные отношения в истории не исключают правомерности сравнения, выделения типического и т.д.; но представляется неприемлемым отрицание качественного своеобразия культурных ценностей и их исследовательского восприятия. Столь же ограничено сведение Виппером проблемы истины к соглашению в рамках отдельных систем.

Другим пунктом критики неокантианства в методологии истории Виппера была позиция баденской школы по вопросу об исторических законах и познавательных задачах истории. Существование определенных законов общественного развития являлось аксиомой позитивистской интерпретации истории. В этом отношении развиваемые ученым взгляды не отвергали нормы позитивистского понимания истории, но радикальным образом перерабатывали их в соответствии с махистской теорией познания. В своей критике он сосредоточился на ключевых понятиях позитивизма «закон» и «причина», фактически «снимаемых» применительно к истории неокантианцами. Исследователь подчеркивал, что современная наука все более отмечает ряды повторений и совпадений в историческом процессе и приходит к признанию общего принципа, что

«социальные явления – не горы случайностей, не арена волшебных скачков, а группы постоянных сцеплений, образующих механически повторяющиеся единства. Все ближе мы подходим и к установлению «законов» этих сцеплений...» Заимствуя из уходящего мировоззрения идею «механических повторений», историк в то же время определял за Махом закон как «ограничительные условия, которые мы вносим, руководствуясь возрастающим опытом в наши ожидания и предвиденья». ⁵⁰ В такой формулировке он реализовывал свою цель пересмотреть понятие «закон» в применении к истории. ⁵¹

Соответствующим образом теоретик подходил и к понятию «причина». Виппер утверждал, что позитивисты были вполне правы, когда призывали спрашивать, не почему произошло известное явление, а только как оно произошло. По его мнению, новейший реализм в лице Маха еще отчетливее формулирует позитивистское ограничение, считая, что «хорошее, меткое описание явления составляет лучшее научное понимание и оценку его». ⁵² Само различие причины и следствия исследователь вслед за Авенариусом называл интросекцией и предлагал, ссылаясь на Маха, говорить не о причинной, а о функциональной зависимости явлений. ⁵³ Таким образом, понятия «закон» и «причина» в истории в трактовке методолога выступали в качестве инструментов познания, упорядочивающих действительность. Очевидно, что инструменталистская трактовка центральных понятий исторической науки сближала випперовскую методологию с неокантианством и «философией жизни». Разделительная полоса между ними проходила по признанию того, в какой мере исторический процесс подчиняется закономерным и причинным связям, и по возможности их установления. Разумеется, с учетом того, что собственно русский ученый вкладывал в содержание этих связей.

Виппер был убежден в существовании «повторяемости исторических явлений в определенных рядах». ⁵⁴ Критикуя позицию Риккерта и Эд.Мейера, он писал, что нельзя противопоставлять природу и историю как мир повторяемого и единичного, напротив, «нельзя упускать из виду, что повторяемость, будто бы свойственная только миру внечеловеческих отношений, также встречается в явлениях общественной жизни, т.е. в области истории». Исследователь подчеркивал, что «повторения охватывают самые существенные стороны исторического процесса». ⁵⁵ Однако возникал вопрос, в компетенцию какой науки или наук входит исследование законов исторического процесса? Спор об этом

был начат еще в 80–90-е годы XIX в. в рамках позитивистской науки. В этой дискуссии Виппер принял точку зрения, идущую от Фюстель де Куланжа⁵⁶ и развиваемую в ряде работ рубежа веков Д.М.Петрушевским. Последний утверждал, что конечной целью общественных дисциплин является «воссоздание общественного процесса» и «выяснение законов его развития». По его мнению, осуществить эту цель можно, лишь «сознательно встав на социологическую точку зрения...»⁵⁷ Главную роль в этом деле Петрушевский отводил истории: «Таким образом, – писал ученый, – общественная наука, стремящаяся к уразумению исторического (общественного) процесса и его законов, во-первых, является историей, и, во-вторых, становится по необходимости на почву сравнительного, сравнительно-исторического изучения».⁵⁸ Через исследование отдельных, индивидуальных, но в значительной степени повторяющихся процессов в истории, утверждал Петрушевский, именно историк может претендовать на открытие и обоснование социологических законов: «Историк и социолог должны совмещаться в одном лице, и разъединять их значит обрывать общественную науку на вечное детство».⁵⁹ Иными словами, история у него оказывается «дисциплиной, рассматривающей общественную жизнь в ее целом», которая заменяет собой социологию.⁶⁰ Последнюю ученый упрекал за крайне некритическое пользование материалом, случайно подобранным и интерпретируемым вне контекста, но не отказывал ей в заслуге выдвижения сравнительной эволюционной точки зрения.⁶¹

Отсюда понятна критика Петрушевским на рубеже веков неокантианцев – за противопоставление задач и методов истории и социологии и сведение первой к разряду описательных дисциплин.⁶² Сугубо индивидуализирующий подход к истории, отмечал исследователь, имел бы смысл лишь на базе старой философии истории, стоявшей на всемирно-исторической точке зрения и видевшей в истории отдельных «исторических» народов отдельные фазисы и ступени единого и единственного процесса всемирной истории.⁶³ Все это для ученого неприемлемо.

Развивая социологическую точку зрения на историю,⁶⁴ Виппер был склонен преувеличивать сферу компетенции историографии. Историки, по его мнению, исходят из того факта, что человечество проходит повсюду одни и те же ступени развития, и стремятся «из наблюдения аналогий и повторений вывести более точные законы общественного развития».⁶⁵ Возражая неокантианцам, ученый утверждал, что «история всегда была в ранге науки, при-

знававшей и наблюдавшей закономерность».⁶⁶ Виппер подверг сомнению возможность выделения в науке двух методов – конкретного и абстрактного.⁶⁷ Они, полагал исследователь, лишь два полюса, две предельности, среди которых движется наша мысль, поэтому историю нельзя отнести ни к категории конкретных, ни к категории абстрактных наук. Отсюда он делал вывод, что «едва ли есть необходимость различать две особые науки: абстрактную социологию, и конкретную, собственно историю».⁶⁸ С этой точки зрения «социология – преемница философии истории, социология, это – новые общие требования, предъявляемые истории».⁶⁹ Главную задачу современной историографии ученый видел «в выяснении общего пути, общих норм, в которых совершается жизнь аналогичных общественных групп в их целом составе, или в выяснении повторяющихся взаимоотношений, как, например, развитие государственного порядка в связи с эволюцией общественных форм и т.п.»⁷⁰

Для Виппера характерным являлось выделение типического в качестве главного объекта исторического изучения. Как он писал, «центр тяжести исторического интереса лежит в данную минуту <...> в изучении типического, в наблюдении повторяемости, правильности, в выделении постоянных, возвращающихся элементов».⁷¹ Такой органической единицей в сравнительном изучении, полагал историк, выступают определенное общество, конкретные стадии развития народной жизни, например, «средние века» или «Реформация».⁷² Недостаток предыдущей историографии исследователь видел в том, что, занимаясь обобщением, она выясняла не тип, а единственный в своем роде момент общего развития человечества. Для нынешнего же историка наиболее важная задача – определить повторяемость «явлений в пределах человеческих обществ, воспроизведение при сходных или одинаковых условиях форм жизни и понятий, движение каждой развивающейся общественной или народной группы по некоторым немногим типичным ступеням...».⁷³ Таким образом, ученый приходил к выводу, что современная ему «всеобщая история постепенно обращается в изучение исторических типов и типических соотношений».⁷⁴ Следует указать, что социологический подход у Виппера фактически доминировал над собственно историческим. Его интересовало не столько конкретное прошлое той или иной страны во всем его своеобразии, сколько поиск общей составляющей линии развития в определенном регионе на некотором этапе его истории. Поэтому он ратовал за такое построение общей истории Европы, когда внимание исследователя каждый раз сосредоточивается на той стране, где изу-

чаемый процесс выражен наиболее ярко. Такое «сводное изучение сходных групп», по мнению историка, позволяет выявить тенденции развития в пределах крупных эпох и пополнить знание истории одной страны за счет данных других, с нею связанных. Так, раннюю колониальную политику Виппер предлагал изучать на примере Испании, образование нового общества и развитие национально-монархической политики – на примере Англии XVI в. и т.д.⁷⁵

Виппер не ограничивался выдвиганием тезиса о выдающемся значении философского мышления в историческом творчестве и признанием оперирования историографией общими категориями. Он стремился доказать, что сами теоретики идиографизма (такие, как Эд.Мейер, Ранке) исполняют социологическую работу, не замечая этого или не желая признаваться в этом.⁷⁶ Ученый обращал внимание своих читателей, что образец идиографизма – Ранке – в своих работах был вынужден производить отбор фактов, выделять существенное из массы материалов. Но дело этим не ограничивалось: «Историк не только берет из многих проектов самый характерный, из манифестаций – самую резкую и т.д. Он еще сгущает отдельные черты и краски, он драматизирует целые периоды».⁷⁷ Из подобного рода драматизации, делал вывод историограф, состоит работа того же Ранке, который только хотел «рассказать, как было дело».⁷⁸

В отличие от Риккерта Виппер полагал, что прием упрощения есть приспособление воспринятой конкретности к известному типу изображения. Но и этого мало. «Упрощая, – утверждал методолог, – историк не только незаметно для себя ищет подходящего типа; своим изображением до известной степени сам вырабатывает тот или другой тип». Например, К.Маркс, по его мнению, превратил конкретную эволюцию социальных и хозяйственных отношений в Англии в типический процесс, распространив его значение в качестве общей стадии развития общества.⁷⁹ В работах всех ведущих современных историков – Моммзена, Тэна, Жореса, Фюстедь де Куланжа – исторический рисунок одновременно носит конкретный и типологический характер.⁸⁰

Не без оснований Виппер обращал внимание и на тот факт, что индивидуальное присуще не только миру духа, но и природы³¹ (при этом недооценивая качественного отличия индивидуального в двух сферах).⁸² Наконец, методолог напоминал о существовании описательных наук среди наук естественных, таких, как геология, астрономия или биология.⁸³

Конечно, в полемике с неокантианством ученый допускал существенные передежки. В особенности потенциальную опасность для исторической науки представляло его пренебрежение индивидуальным в истории. Социологизация истории была чревата потерей ее своеобразия, а также затрудняла выполнение такой важнейшей функции нашей науки, как социальная память. Следует согласиться с А.Я. Гуревичем, утверждающим, что историография – «наука прежде всего о конкретном и индивидуальном; наукой же об общем и повторяющемся она является лишь постольку, поскольку не игнорирует конкретного и индивидуального, но максимально собирает его в свои обобщения». ⁸⁴ Однако Виппер был прав, настаивая, что «история или вообще общественные науки по своим приемам и задачам не стоят в резкой противоположности к наукам естественным». ⁸⁵ Такая постановка вопроса в целом соответствует современному уровню методологии наук. Свидетельством этого является расширение сферы применения в историографии приемов и методов естествознания и математики, включая электронно-вычислительную технику, с одновременно более глубоким пониманием логики исследования в науках о природе и об обществе. ⁸⁶

Таким образом, важнейшим структурным элементом разрабатываемой Р.Ю.Виппером концепции стала защита общенаучного характера исторического познания с утверждением его специфики, определяемой социальной природой истории. В позитивистском духе историография рассматривалась ученым как наука, оперирующая общими понятиями и нацеленная на изучение исторической закономерности, типичного в истории. В то же время методолог решительно порывал с позитивистской парадигмой, скептически высказываясь о потенциальных возможностях истории в объективном познании прошлого. В методологии истории Виппера, что соответствовало тенденциям развития научного знания на рубеже веков, последовательно отстаивался релятивистский взгляд на историографию. Более того, им была выдвинута своеобразная концепция логической структуры исторической науки, рассмотрение которой позволит дать представление о его методологии истории как о достаточно согласованной системе теоретических взглядов.

§ 2. Логическая структура историографии в понимании Р.Ю.Виппера

В научных трудах Р.Ю.Виппера, даже системно излагающих его представления о методологии истории, нет четко оформленной концепции логической структуры историографии. Однако она может

быть выявлена на основании его многочисленных высказываний по данному вопросу. В своих суждениях об объективности научных понятий, категории «исторический факт», соотношении теории и факта в историческом исследовании ученый представил свежий и оригинальный взгляд на актуальные проблемы методологии истории.

Критикуя позитивистскую парадигму истории, Виппер заявил, что все важнейшие категории нашей науки представляют собой наши «умственные разрезы», наши «умственные опыты».⁸⁷ Своей задачей он видел рассмотрение реальной цены научных картин истории и анализ процесса их построения.

При приближенном подходе к историческому творчеству, утверждал методолог, нам бросится в глаза, что цельность исторической картины воображаемая, искусственная: порядок исторического описания «заключает в себе не строй самих вещей, а ход его (исследователя – А.Н.) мысли. Он в сущности перебирает множество событий, вырезывает из них обрывки, обозначает их условными знаками и из пометок такого рода составляет свой систематический чертеж».⁸⁸ В действительности же исторический процесс представляет собой бурный поток, состоящий из идей, учреждений, личностей, событий и прочего. Историческое описание, по Випперу, есть сведение в одну плоскость многих разнородных черт и характеристик из не учитываемой массы разнообразных элементов во времени и пространстве. То, что мы обозначаем системой исторических отношений, и что мы описываем в качестве таковой, полагал исследователь, есть «наша фикция, наше умственное отвлечение. Эта фикция очень полезна для изучения вещей, но мы должны помнить ее происхождение и ее назначение, и не смешивать ее с реальными ходом вещей, не предполагать, что система родится и умирает такой, какою она нам представляется».⁸⁹ Виппер прочно ввел в свою теорию исторического познания понятие «драматизация истории». Последняя, по его убеждению, постоянно наблюдается при изображении исторической жизни.⁹⁰ «История, – писал он, – нередко обращалась в большую драму с первыми и вторыми актерами и хорами на античный манер. Но живой человек, конкретная среда мало чувствовалась в этих просторных рубриках, и их символы звучали нередко весьма монотонно, как в ложноклассической трагедии».⁹¹

В основе драматизации теоретик видел представление об обществе как некоем коллективном психическом целом, чья жизнь похожа на жизнь личности.⁹² Книги исследователя наполнены примерами такого рода в науке. Он обнаруживал драматизацию в опи-

сании отдельных событий и личностей. Так, ученый указывал, что была создана целая легенда о Солоне как родоначальнике афинской демократии, его образ оброс «идеализирующей фантазией и резонерством». В реальности же историк видел в Солоне одного из популярных тиранов (из того же рода, что и Писистрат), от которого остались лишь «политические элегии в народническом духе».⁹³ В свою очередь и рассказ о тирании Писистрата в изложении Аристотеля, по Випперу, обязан своим происхождением работе политических и социальных романов: «Изображение Аристотеля вызывает сомнение именно по логичности и симметричности построения...», от всеобщего задолжания и разорения крестьян до Солона к золотому веку при Писистрате.⁹⁴ В не меньшей степени на роман, полагал исследователь, похож рассказ о Перикле, его кружке и роли в нем Дамона.⁹⁵ Виппер подверг критике Ив.Иванова за его драматический рассказ о Сен-Симоне, в результате которого последний из полузабытого оригинального мыслителя «вырастает до размеров исполинской фигуры, готовящейся повернуть весь свет», превращаясь «в главного философского наставника XIX века»⁹⁶ и т.д. Исследователи, по Випперу, не очень церемонятся с прошлым, они сгущают черты и краски и драматизируют как отдельные общественные движения,⁹⁷ так и целые периоды. Так, романтической обработке, считал ученый, подверглась древняя история Спарты, в описание которой были привнесены чаяния и программы публицистики эпохи упадка античной Греции. «Литераторы смело переносят теории наилучшего общественного строя и проекты реформ в виде идеальных картин на глубокую древность и связывают их осуществление с личностью Ликурга, предполагаемого создателя спартанского государства».⁹⁸ При этом Виппер отмечал особую склонность составителей исторических картин сокращать и сгущать далекие от нас периоды в компактные психические массы, в результате чего жизнь нескольких, иногда даже многих, поколений стягивается как бы в одну человеческую жизнь.⁹⁹

Своими многочисленными аргументами и примерами «драматизации» истории исследователь подводит своих читателей к выводу об историческом описании как «мысленном разрезе» действительности под заданным углом зрения, продукте творческой работы с материалом прошлого со стороны познающего субъекта. Он утверждал: «Мы сами делаем разрез действительности, руководствуясь известными, наперед намеченными признаками, установив себе критерий и единицу меры для подбора явлений. От нас зависит сузить или расширить количество признаков, которые

мы будем принимать во внимание при описании. От нас зависит составить из них ту или другую комбинацию».¹⁰⁰

Мысленные разрезы, по мнению теоретика, являются снимками, произведенными историком-наблюдателем путем перемещения на различные точки зрения по отношению к изучаемому материалу. «Отсюда, – заключал Виппер, – получаются различные определения целого». За каждым снимком исследователь склонен признавать самостоятельное значение, тогда как в действительности перед нами был цельный процесс. «Но историк, – скептически замечает методолог, – придает, по-видимому, другую цену своей работе, он принимает свои снимки за отдельные явления и раздвигает их в перспективу».¹⁰¹ Иными словами, «разрезы», по его убеждению, лишь названия, символы, термины, знаки умственной операции расчленения целого на частности. Однако эти необходимые орудия техники мысли, созданные для ориентировки в материале, предварительного истолкования явлений историк неосознанно превращает в самостоятельные авторитеты.¹⁰² Субъективные категории становятся сущностными, с чем Виппер решительно не согласен, признавая за ними лишь значение «объективированных моментов нашей психики».¹⁰³

Свою концепцию «мысленных разрезов» исследователь трактовал достаточно широко, охватывая ею различные «этажи» исторической науки: теории, факты, общие понятия. В качестве наиболее общих «разрезов» у Виппера выступали фундаментальные научные теории, являющиеся результатом достигнутого уровня развития общества в целом. Всякая научная работа, писал ученый, представляет собой исследование и решение частных задач на основе тех приемов и по тем основным линиям, которые указаны крупными проблемами. «Эти проблемы в сущности уже являются большими идеальными построениями материала. Поколения, которые над ними работают, до тех пор не находят себе успокоения, пока не проверят такого построения, т.е. пока не разместят всего запаса известных данных по наметившемуся идеальному чертежу».¹⁰⁴ Среди таких «разрезов» историк выделяет теорию исторического прогресса, идущую ей на смену сравнительно-историческую эволюционную теорию¹⁰⁵ и другие. Смену исторических теорий методолог связывал в первую очередь с переменами в общественной жизни. «Новые идеи в истолковании истории, – указывал он, – в сущности новые разрезы явлений, новые углы зрения, образуемые силой вновь возникающих общественных впечатлений».¹⁰⁶

Виппер не без оснований писал о давлении на последующих исследователей раз созданной теоретической конструкции. Хотя они того или нет, но в своем обращении к прошлому испытывают влияние уже заданного угла зрения на материал. Так, Аристотель, по его мнению, заимствовал для своей Афинской Политии при характеристике общественного устройства и положения Афин VII–VI вв. до н.э. материал, группировку явлений и их объяснения из Аттид: «Аристотель и его школа не имели уже перед собой разрозненного первоначального материала; различные данные были сведены в систематические изображения; эти связанные картины могли различаться между собой в оттенках, могли быть спорные толкования частных фактов, между которыми оставалось выбирать составителю Политии; но возможные источники были уже использованы, основные рубрики, последовательность фактов были уже установлены. Новый составитель находил утвердившиеся в литературе темы...». ¹⁰⁷ Если следовать логике Виппера, можно предположить, что изменившиеся со времени Аристотеля социальные условия заставят его как-то пересмотреть взгляды составителей Аттид. Однако в «Лекциях по истории Греции» этого не происходит. Моменты следования историками традиции и ее пересмотра под воздействием современности вообще у методолога плохо согласуются, оказываются разорванными в соответствии с потребностью доказательства того или иного факта. Читателю остается неясным, почему в таком-то случае пересмотр старой концепции произошел, а в другом – нет.

Второй вид «разрезов», по Випперу, – исторические научные факты. Исследователю, безусловно, принадлежит приоритет в постановке проблемы факта в исторической науке как определенной эвристической конструкции. ¹⁰⁸ Если Н.И.Кареев вскрыл онтологическую специфику исторического факта, то Виппер четко разграничил событие прошлого и факт науки. Еще в 1900 г. он писал, что «предшествующая эпоха в научной мысли слишком настаивала на «объективном» характере фактов, подлежащих нашему изучению: «объективные факты» представляли в ее глазах твердую группу, которая лишь дожидается, чтоб ее открыли». ¹⁰⁹ Тем самым ученый замахнулся на святая святых позитивистской парадигмы истории: именно вера в непрерывность научных фактов лежала в основании утверждения позитивистской историографии о возможности достоверного исследования прошлого. Русский исследователь шел в том же направлении, что и его итальянский коллега Б.Кроче, призывавший оставить наивную точку зрения на

объективность историка, будто события говорят сами за себя и ученый должен выслушивать и записывать их голоса.¹¹⁰ Как методолог-релятивист Виппер делал акцент на субъективном характере факта науки, его зависимости от общей концептуальной системы, в которую факт включен.

Историк обоснованно настаивал, что в нашей науке нет прямого и простого отражения действительности: «Группы, которые мы называем фактами, не составляют чего-либо нам данного, что пассивно нами усваивается или просто открывается».¹¹¹ С одной стороны, это связано с ретроспективным характером исторического познания; невозможностью прямого наблюдения над прошлым. Но здесь, полагал ученый, наше положение не является безнадежным, поскольку наука располагает приемом реконструкции, т.е. заключения от более поздних явлений к более ранним для заполнения пробелов прошлого. По останкам старины и разрозненным следам и переживаниям история может восстановить цельную картину предшествующего строя жизни.¹¹² Однако главное в проблеме исторического факта для исследователя то, что научный факт существует лишь в качестве эвристической конструкции. «Сознание известного факта прошлого, – писал Виппер, – есть результат прежде всего нашей способности, нашей привычки воспринимать впечатления в известной группировке, в известном сцеплении, связи. Представления наши о фактах зависят от тех рамок, в которые мы вводим отрывочные данные традиции и остатков прошлого».¹¹³ Ученый поставил перед наукой важный вопрос о соотношении факта и теории, вопрос, который до сих пор вызывает дискуссии, да и не может быть однозначно решен.¹¹⁴

Позитивистская парадигма исходила из приоритета факта над теорией. Авторитет этого постулата в начале XX в. не был серьезно поколеблен, и в 1915 г. Бузескул убежденно писал, что в «истории, как и во всякой другой науке, анализ должен предшествовать синтезу».¹¹⁵ В противоположность распространенному взгляду Виппер утверждал, что на самом деле процесс научного творчества идет обратным путем: мы приступаем к историческому анализу или описанию с готовым планом работы, под влиянием которого «происходит невольный, но определенный подбор фактов, их постановка» в известный угол зрения <...> Если выразиться строже – под влиянием такого плана происходит даже и не подбор, а создание фактов в уме нашем, их формулировка по чертежу, по архитектурным линиям известной системы».¹¹⁶ Этот бессознательный процесс заметен лишь постороннему наблюдателю.

Свои наблюдения о соотношении факта и теории методолог развил в «Очерках теории исторического познания», посвятив им отдельную главу «Элементы абстрактности и конкретности в исторической, науке». В этой книге он не только критиковал позитивистский, неокантианский и марксистский подход к проблеме, но и уточнил собственные положения, ранее высказанные. Лейтмотив рассуждений исследователя заключался в том, что различие в истории двух отдельных методов – абстрактного и конкретного – является фикцией. В реальном научном опыте наблюдение, поиск нового материала, построение фактов и их конструирование в определенные схемы сливаются в неразличимое целое. В исторической науке, писал теоретик «нет чистой индукции, нет описаний, которые бы предшествовали выводам».¹¹⁷ В свою очередь, «общий принцип никогда не стоит вне опыта».¹¹⁸ Факты – порождение теории, которая, в свою очередь, возникла на базе наблюдения конкретного материала, нередко одного ряда фактов.¹¹⁹ И все-таки, указывая на опытное происхождение теоретического знания, именно последнему отдавал приоритет историк как определявшему в конечном счете результаты научной работы. Он писал, что «остается в силе наше первое заключение: чистых, беспринципных описаний нет; во всяком обзоре конкретной группы участвует организующая общая мысль; она сначала представляет постановку вопроса, его рубрики; она возвращается в конце в виде ответа, заполняющего конкретным материалом эти рубрики, подчиняющего конкретность предварительной постановке».¹²⁰

Нельзя не согласиться с мнением Виппера о том, что внеисторичное знание присутствует на всех этапах исторического исследования. Однако его жесткая формулировка нуждается в уточнениях. Во-первых, что значит «общая мысль», которая руководит всем исследованием? Это не итоговое заключение, стоящее в конце длинного ряда аналитических суждений, а предварительная гипотеза. О необходимости выдвижения в исторической науке предварительных гипотез задолго до Виппера писали П.Г.Виноградов и другие авторы. Причем подход Виноградова отличался взвешенностью, столь необходимой в науке. Он указывал, что гипотезы сами по себе не доказательны и не добыты путем точного вывода: «проверяются они всем наличным материалом, но вытекают не из всестороннего расследования, а из общих соображений, отдельных наблюдений, инстинктивной или глазомерной оценки». Если даже в более точных науках гипотезы открывают путь к величайшим открытиям, то тем более они значимы, указывал исследователь,

для истории, где неприменимы количественные измерения и экспериментальные методы, отрывочны источники. Устранить здесь гипотезы значило бы отказаться от самого изучения. Поэтому следует сосредоточить строгость методологических требований, убежден Виноградов, «не на стеснении этого необходимого фазиса изучения, а на тщательной проверке предложенных комбинаций наличностью имеющихся в распоряжении данных».¹²¹

На таких же позициях стоял М.И.Ростовцев. Он писал, что при исследовании государственного откупа в Римской империи ввиду отрывочности материала ему «приходилось не раз прибегать к гипотезам, чтобы получить хотя бы контуры развития. Создавая гипотезы, мы, однако, старались никогда не сходить с почвы фактов и не терять основание под ногами».¹²² Во взаимной проверке теории и фактов, теории и источникового знания, очевидно, и заключается нормальный путь исторического творчества.

Когда Виппер писал о соотношении теории и фактов, он видел уже в последних известные теоретические конструкции, в которых структурообразующим элементом является теоретическое знание. Поэтому он настаивал на эластичном характере научных фактов: «факты» появляются и исчезают в различных исторических представлениях и картинах. Факты существуют для одного глаза и отсутствуют для другого».¹²³ Это не значит, что ученый выдумывает факты. Историк, по его мнению, отвлекает определенные элементы остатков реального прошлого и здесь он связан. Свобода его проявляется в конструировании элементов источникового знания, заполнении пробелов на базе теории в соответствии с выбранным углом зрения.

Для подтверждения своей мысли Виппер приводил пример с судьбой двух фактов исторической науки: поздним формированием в науке факта промышленной революции в Англии конца XVIII столетия и отказом современных исследователей от признаваемого ранее факта «влияния на Европу крестовых походов».¹²⁴ Детальный анализ этого примера дан в монографии Б.Г.Могильницкого,¹²⁵ мы же со своей стороны лишь отметим, что историк не всегда рассматривал тот же факт промышленной революции в Англии исключительно как элемент научного знания. В работе «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе» он фигурирует как реальный факт прошлого, оказавший колоссальное влияние на последующую европейскую историю.¹²⁶

Виппер справедливо обратил внимание своих современников на сложность категории «научный исторический факт», раскрыл различные аспекты данной проблемы. Его взгляды оказались симптоматичны для релятивистской трактовки факта в презентистской методологии истории. Заостренная полемичность формулировок методолога, неординарный подход, талант исследователя производили впечатление на читателей. Однако положения Виппера не были непосредственно восприняты его коллегами-историками в силу дефицита научной уравновешенности. Ни один историк-практик не может отказаться от признания известного научного значения за своими исследованиями. Хотя возможно множество равнозначных интерпретаций,¹²⁷ это не означает правомерность любой. Как справедливо подчеркивал Э.Карр, исследователь обязан уважать факты, и эта обязанность «не исчерпывается только заботой об их точности. Он должен также выявить все известные или могущие быть известными факты, существенные в том или ином отношении, для рассматриваемой им темы или для предложенной интерпретации».¹²⁸ Критерий отбора фактов не может лежать исключительно в плоскости теоретических представлений автора, в отрыве от накопленного материала, предъявляющего свои права. «Лишь комбинируя понятие о ценности и о действительности индивидуального, – справедливо писал А.С.Лаппо-Данилевский, – историк получает основания признать за ним историческое значение; такое сочетание и служит ему в качестве критерия выбора исторических фактов».¹²⁹

В качестве научной конструкции факт не может возникнуть вне своего источника в прошлой реальности. Историк и факт друг без друга не существуют. Е.В.Тарле был глубоко прав, предупреждая об опасности пренебрежительного отношения к фактам, их собиранию. Без них, в конечном итоге, невозможны и новые серьезные научные теории.¹³⁰ Вероятно Виппер «драматизировал» ситуацию с проблемой объективности исторического факта. Наше положение, говоря словами Карра, менее затруднительно, чем оно кажется на первый взгляд.¹³¹ Если не выдвигать неприемлемого требования – достижения абсолютного знания, – историки-профессионалы достигают необходимой степени достоверности в познании прошлого. Центр тяжести смещается к реальным объектам, дошедшим от прошлого, составляющим «те фиксированные точки, на которые может опереться мысль исследователя и от которых он может оттолкнуться».¹³² Одновременно ведется работа в области совершенствования исторической методологии и приемов «чтения» источников.

Наконец, третий вид «мысленных разрезов» в истории, по Випперу, – общие исторические (социологические) понятия, такие, как базис и надстройка, причина и следствие, исторические факторы, социальный строй и пр. Без анализа происхождения исторических категорий и их внутренней цены спор идеалистов и материалистов, дуалистов и монистов представлялся исследователю безнадежным.¹³³ Он ставил «основной вопрос философии» сугубо в теоретико-познавательную плоскость: «Можно ли говорить о двух процессах или о двух видах проявления жизни, или же то, что мы называем духовной и материальной жизнью – ни что иное, как два различных мысленных разреза, два различных способа исследования и изучения одного и того же процесса? И, может быть, окажется, что для научной классификации эти рубрики материальных и духовных явлений неприемлемы, что они годятся лишь в качестве внешних учебных рамок».¹³⁴

Виппер являлся монистом в том смысле, что видел цельность и единство исторического потока, но в то же время решительно утверждал, что наблюдать и описывать его возможно лишь в отдельных элементах или проявлениях. По его терминологии, ученый «может воспользоваться различными видами разрезов или вскрытий».¹³⁵ Выделенные и построенные в определенном порядке элементы историк, полагал Виппер, называет причинами, условиями, моментами, факторами, «группирует их по известным типам в твердые категории». Наиболее часто встречаемая группировка факторов по четырем категориям: явлений экономических, социальных, политических и культурных.¹³⁶ Однако и исследователи, придерживающиеся материалистического взгляда на мир, и их противники из стана идеалистической философии совершают, по Випперу, непоправимую ошибку: «Они забывают <...>, что экономика, политика, культура и т.д. составляют результаты или снимки с произведенных нами разрезов», они «обращают их, в сущности, в твердые единицы жизни, приставляя к ним термины и атрибуты: <...> раньше – позже, основное – производное, фундамент – надстройка и т.д.»¹³⁷ Поэтому исследователь призывал присмотреться ближе к характеру исторических категорий, тогда мы увидим их нетвердость и зыбкость, невозможность точно определить их границы. Именно отсюда, полагал он, появляются в употреблении смешанные термины: например, говорят «социально-экономические условия» и разумют при том цельный процесс.¹³⁸ Но если мы с такой легкостью составляем новые группы, утверждал методолог, то, очевидно, мы не имеем перед собой данного в реальности

отчетливого разделения явлений по категориям. Вывод ученого: «Мы сами делаем разрез действительности, руководствуясь известными, наперед намеченными признаками, установив себе критерий и единицу меры для подбора явлений. От нас зависит, сузить или расширить количество признаков, которые мы будем принимать во внимание при описании. От нас зависит, составить из них ту или другую комбинацию». ¹³⁹

Таким образом, источником формирования научных категорий в методологии истории Виппера является начало субъективное, интеллект и воля исследователя, производящие произвольные операции над действительностью. Исторические понятия оказываются весьма относительно связанными с реальным процессом. Так, историк брал понятия «событие» и «состояние». Можно ли, спрашивал он, рассматривать их как первичное и производное? Конечно, нет, так как обе категории лишь наши эвристические конструкции. Политическую жизнь историки изображают по типу событий, а экономическую жизнь – по типу состояний. При описании событий факты группируются в порядке их следования во времени; при характеристике состояний рисуются длительные, повторяющиеся, разрозненные, в отдельности мало заметные соотношения. Факты, различные по времени и пространству, стягиваются здесь в одну плоскость; нам кажется, что медленно складывающиеся состояния предшествуют событиям, хозяйство – праву. ¹⁴⁰ «Но что из этого следует, – вопрошает Виппер, – для общего, для философского заключения о последовательности, о связи явлений? Ничего. Потому что нельзя сопоставлять в качестве реальностей две наши композиции, да еще сработанные по разному плану». ¹⁴¹ Историки же сопоставляют события и состояния не в качестве двух наших умственных разрезов, а как противоположные реальные вещи или реальные отношения, они склонны искать между ними причинную связь, что означает «искать причинной связи между результатами двух способов нашего наблюдения». ¹⁴²

Рассуждения Виппера не лишены остроты и наблюдательности. Однако вряд ли можно сводить вопрос о взаимозависимости исторических явлений к операциям с понятиями, игнорируя процессы, протекающие в реальной действительности. К тому же еще Н.И.Кареев остроумно ответил на выпад Виппера, что он не знает ни одного исследователя, который бы полностью разрывал события и состояния: «События происходят среди длящихся (и изменяющихся) состояний, которые сами длятся (или изменяются) во время совершающихся событий». ¹⁴³ Но сама идея о факторах как

категориях научного знания была плодотворна и укрепилась в историографии.

Разновидностью «мысленных разрезов», по Випперу, оказывается и категория причинного объяснения истории, в которой ученый видит поиск души во временных, в последовательных сменах.¹⁴⁴ В причинном объяснении он видел только констатацию последовательности сменяющихся явлений и условий и высмеивал тех последователей историко-материалистических формул, в головах которых «все еще бродит мысль об экономическом факторе, как организующей, толкающей силе».¹⁴⁵ Под группу причин и следствий, писал Виппер, все еще пытаются распределить элементы крупных исторических фактов. С причинами связывают оттенок скрытности, замысел; со следствием – факты, которые вскрылись и лежат перед всеми на виду. «И мы нередко видим, – заключал теоретик, – что историк добросовестно вычерчивает в виде причины известного явления, проекцию того же явления откинутого назад».¹⁴⁶

Еще один распространенный вид категориальных разрезов действительности, по Випперу, выделение определенных исторических периодов. Их названия превращаются в символы, тиранищие живой материал. «Силою таких символов, – писал исследователь, – обладают, прежде всего, обозначения «веков», понимаем ли мы их в смысле столетий или вообще хронологически приблизительно отграниченных эпох».¹⁴⁷ Например, таким «полумистическим словом», приуроченным к XIV – XV вв., историк считал «Возрождение»; под него подставляется что угодно – свобода духа, жизнерадостность и т.п., а добросовестный исследователь потом вынужден искать его точную границу.¹⁴⁸ Другой аналогичный термин – «античная эпоха», в которой пытались отыскать однородные хозяйственные условия, и притом родственные культурным.¹⁴⁹

Вывод исследователя вполне определен, категории «образуют очень важные и удобные для нас группы описаний, ряды снимков, подобранных по одинаковым признакам; но эти наши разрезы и композиции не могут быть сопоставляемы в качестве моментов, ступеней и фаз движения социальной жизни; нельзя категории в их целом отождествлять с группами явлений первоначальных и явлений производных».¹⁵⁰

Признавая значение критики Виппером исторических понятий, далеко не со всеми моментами их трактовки как «мысленных разрезов» прошлого можно согласиться. Подвергая сомнению объективность существующих в науке категорий, историк оставил от-

крытым вопрос о том, возможно ли создание более достоверных? Он легко переходил грань между призывом к «очищению» понятий и скепсисом в возможности существования объективных научных понятий вообще. Не порождался ли скепсис Виппера явным несоответствием исторических категорий прежнему рационалистическому идеалу научного знания (по принципу – «все или ничего»), который исследователем так и не был окончательно преодолен? Значение Виппера как методолога могло быть более велико, если бы главные усилия в своих теоретических исследованиях он направил не на критику старой парадигмы, но создание новой, т.е. переход на качественно новую ступень в достижении положительного знания. В таком направлении двигался его немецкий коллега М.Вебер, чьи идеи органически включены в современное понимание истории.

Вебер настаивал не только на необходимости, но и возможности существования общих исторических понятий при трезвой их оценке и правильном применении. «Самое большое заблуждение, в которое все еще впадают некоторые – не все – историки, – писал он, – состоит в том, будто «сложность» и «текучесть» исторических явлений не допускает применения твердых и точных понятий <...> Но это нерасчлененное многообразие фактов не доказывает, однако, что мы должны образовывать неясные понятия, но, наоборот, что ясные «идеально-типические» понятия должны быть правильно применяемы, не как схемы для преодоления исторически данного, но для того, чтобы с их помощью определить экономический характер явления, поскольку оно приближается к тому или другому «идеальному типу».¹⁵¹ Ученый подчеркивал многообразие и неисчерпаемость исторических явлений; это, по его мнению, делает задачу исследователей более трудной, но не освобождает их от четких определений.¹⁵² Поскольку историческое понятие, например, «дух капитализма», относится к явлению, полному индивидуального своеобразия, то оно, по Веберу, «может быть постепенно составлено нами в процессе исследования из отдельных элементов исторической действительности. Окончательное представление о нашем объекте может быть, следовательно, не в начале, а в конце нашего исследования».¹⁵³ Немецкий методолог не отрицал существования предварительного мнения или доопытных понятий, но связывал их окончательную формулировку с итогами научного исследования. Он не смешивал понятия с действительностью и ограничивал их задачу тем, чтобы «сообразно с ними классифицировать каждое отдельное государство (говоря о «типах» государства – А.Н.), чтобы выяснить, приближается ли оно в большей или

меньшей степени в данный момент, в общем или в каких-нибудь определенных отношениях к тому или другому из этих типических понятий. Ибо реальные государства всем самым важным исторически, что составляет своеобразие каждого из них, конечно, являются живым протестом против всякой подобной упрощенной классификации».¹⁵⁴

В методологии истории Вебера схвачен процесс образования общих понятий, получивший наименование в философии «конструктивизации действительности».¹⁵⁵ Этот процесс имеет под собой известные объективные основания благодаря диалектическому характеру самой действительности. Исторические категории не есть набор произвольных операций над прошлым, а определенный более или менее объективный результат обобщения черт, элементов и отношений, присущих ему как таковому (если не вести речь о не имеющих отношения к научному познанию прямых фальсификаций истории). Историческая наука в логическом отношении такой инструмент познания, который включает в себя опыт длительного процесса освоения человеком объективной прошлой реальности.

Таким образом, в методологии истории Виппера справедливо подчеркнут активный характер познавательной деятельности исследователя, однако результаты опытного знания сведены им, в конечном счете, к заданной точке зрения субъекта. Его скептицизм вытекал из отрицания в объекте изучения таких существенных признаков, которые бы не зависели от индивидуальной познавательной точки зрения,¹⁵⁶ определяемой современностью. Методологические поиски историка оказались достаточно симптоматичными для последующего развития зарубежной теоретической мысли в историографии в 20–50-е гг., испытавшей сильное воздействие релятивистских идей. Можно обнаружить известные параллели системы «мысленных разрезов» Виппера и методологии истории К.Беккера, концепции «перспектив» К.Манхейма, «разных уровней» П.Гардинера и др.

В свете випперовского подхода к исторической науке как определенной системе «мысленных разрезов» возникал вопрос, остроту которого чувствовал и сам ученый: возможно ли в принципе достижение объективно-истинного знания в истории? Приближаемся ли мы путем таких поворотов, наклонов и отклонений к истине? «Да, конечно, – отвечал исследователь, – если под истиной не разуметь нечто неподвижное. Если истина составляет возможно точное приспособление доступных данных к возможно развитому умственному зрению при возможно разнообразной постановке вопросов, тогда мы идем постоянно к истине и постоянно ее достигаем

<...> в меру чуткости и вдумчивости того общества, которое творит и вырабатывает для себя науку».¹⁵⁷ Методолог справедливо трактовал истину не в качестве определенного, заранее известного результата, а как процесс движения, постепенного овладения все более достоверным знанием. Как критерий достоверности на том или другом этапе развития исторической науки у него выступает соответствие полученных результатов практическим потребностям общества.¹⁵⁸ Такая постановка вопроса имеет резон, но она недостаточно учитывает отношение содержания познавательного образа к содержанию реального объекта, подлежащего изучению, и в этом отношении чревата субъективизмом.¹⁵⁹

Таким образом, методологические воззрения Виппера на логическую структуру исторической науки являются достаточно согласованной системой и демонстрируют собою направление развития новой парадигмы. Однако для того, чтобы випперовский вариант оказался приемлемым для широкого круга отечественных исследователей, он должен был очиститься от крайностей субъективистских трактовок вопросов методологии истории.

Р.Ю.Виппер не ограничился критикой методологических идей предшествующей историографии, но достаточно широко ревизовал общеисторические представления позитивистской трактовки истории.

§ 3. Теоретические представления об историческом процессе Р.Ю.Виппера

Методологические идеи Р.Ю.Виппера нашли свое логическое продолжение в его теории исторического процесса. В историографической практике исследователя определенно выражено стремление отказаться от позитивистской схемы всемирной истории как единого и прогрессивного процесса. На ее место ученый пытался утвердить теорию множественности самостоятельных потоков истории, не вытягиваемых в одну цепь.

Теоретические представления Виппера об историческом процессе создавались на базе не простого отрицания позитивистской парадигмы, но развития ее определенных важных идей. К таковым, прежде всего, относится факторный подход к истории. Как справедливо отмечает Б.Г.Могильницкий, критики методологии позитивизма вышли из лона позитивистского социально-экономического направления в русской историографии.¹⁶⁰ Социально-экономическая интерпретация истории в трудах Р.Ю.Виппера, Д.М.Петрушевского, Е.В.Тарле и других рассматриваемых авто-

ров стала более последовательной. Можно сказать, что социально-экономический подход к истории, сформированный еще на базе «первого позитивизма», стал важнейшим элементом и его нового варианта. Такой подход открывал большие возможности для поступательного развития исторической науки в начале XX в.

К вопросам природы исторического процесса Виппер широко обратился с середины 90-х гг. XIX в., но значение социально-экономического фактора в истории исследователь отмечал со своих первых работ.¹⁶¹ Уже диссертация ученого «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма» (М., 1894) зарекомендовала его как серьезного социального историка. Давая высокую оценку работы, П.Г.Виноградов не без оснований указывал, что ее автор пренебрег отношениями между идеями, догматикой кальвинизма, сосредоточившись на «столкновении материальных сил и интересов. Несколько странно читать ученую книгу по истории религиозного переворота, в которой нет речи о религии». В отличие от своих предшественников, Виппер, по словам историографа, «погрузился в историю городских партий, классов и учреждений <...> Для изучавших его книгу кальвинизм будет не измышлением книжников, а продуктом живой общественной борьбы».¹⁶²

К вопросам реформационного движения исследователь вновь обратился в работе «Общество, государство, культура Запада в XVI веке».¹⁶³ Выяснению сущности религиозного движения и гуманистических идей данной эпохи историк предпослал специальные очерки «Экономические условия в Западной Европе к 1500 г.» и «Экономический подъем и экономический кризис в XVI веке». Сами религиозные дискуссии и столкновения политических сил изучаемой эпохи, по мнению Виппера, «не могли бы разыграться без скопления и борьбы масс капитала», а содержание и распространенность религиозных программ «останутся нам непонятны, если мы не схватим тех могущественных пружин материальной жизни, влияние которых объединило в XVI веке Европу, подняло или разрушило различные общественные группы в среде европейских наций».¹⁶⁴ Раскрывая научную новизну данных очерков Виппера, Н.И.Кареев отмечал стремление автора вскрыть экономическую подкладку реформационного движения.¹⁶⁵

Взятое направление выдержано ученым и в других работах второй половины 90 – начала 900-х гг. Виппер связывал его с новыми веяниями в исторической науке, согласно которым идеи вводятся «в общее течение исторических явлений» и рассматриваются не в качестве путеводных светочей истории, а прежде всего

«как продукт и как выражение известных жизненных отношений в разнообразных социальных группах».¹⁶⁶ Ученый последовательно проводил свою линию в учебных курсах, играющих первостепенную роль в утверждении той или иной парадигмы. Это относится как к учебникам для средних школ,¹⁶⁷ так и к лекционным университетским курсам педагога. Особую роль среди них имели «Лекции по истории Греции», пользовавшиеся большой популярностью и выдержавшие три издания (М., 1905, 1906, 1909 гг. – 230 с.), а затем основательно переработанные и вышедшие под названием «История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р.Хр.» (М., 1916. – 575 с.).

Высокую оценку «Лекции» Виппера получили от видного антиковеда В.П.Бузескула. Последний отмечал, что это труд талантливый, оригинальный и самостоятельный, внесший в изучение греческой истории широту и непредубежденность взгляда.¹⁶⁸ Рецензент подчеркнул, что на первый план автор ставит как основную цель курса возникновение социальных отношений. Соответственно, видное место в «Лекциях» отводится торговле и экономическим воздействиям, но фактически игнорируются вопросы религии и культуры греков.¹⁶⁹ Действительно, в освещении всех крупных периодов и событий древнегреческой истории Виппер исходил из их обусловленности социальными и экономическими явлениями. Одновременно он сузил значение географического фактора в истории страны¹⁷⁰ и климата.¹⁷¹ Внешние факторы, по мнению ученого, «образуют благоприятную обстановку для выработки культуры в некотором направлении, но сама культура в своем целом – результат сложных сцеплений».¹⁷²

Одним из недостатков «Лекций по истории Греции» Виппера было то, что в них полностью отсутствовал крито-микенский период, материал о котором уже был в какой-то мере собран в результате раскопок с 70-х гг. XIX в. Однако само это упущение показательно, поскольку сделано историком вполне сознательно: найденный материал, считал он, относится главным образом к истории искусства, технической и внешней культуры и мало дает для основной цели курса – «воссоздания социальных отношений».¹⁷³

«Главным и почти непрерывным фактом греческой истории» ученый считал колонизацию. В переработанном курсе 1916 г. он прямо заявлял: «Не будь колонизации, Греция не имела бы истории. Переселения дали случай грекам войти в сношение с другими народами и узнать элементы чужой культуры <...> та среда, которую мы вправе назвать греческим обществом, сложилась

лишь в ходе рассеяния народа и благодаря, этому рассеянию». Колонизацию он разделил на два периода, подразумевая под вторым – эпоху эллинизма.¹⁷⁴

Отводя столь выдающееся место в греческой истории колонизации, последнюю исследователь ставил в связь с экономическим развитием Аттики. Передвижение племен и недостаток средств пропитания на родине для Виппера фактор, вызвавший первую волну греческой эмиграции.¹⁷⁵ Причины и условия, в которых она протекала, Виппер рассматривает в разделе под характерным названием «Продукты страны. Некоторые условия экономической политики греческих общин». К последним он относил: 1) необходимость для нормальной экономической жизни страны борьбы за золотые рудники Македонии и Фракии в условиях дефицита металла в самой Греции; 2) потребность во ввозе хлеба при нехватке пахотных земель, что вело к сношению с хлебными рынками Черноморского побережья и Египта; 3) особое экономическое значение для Аттики выращивания оливы и контроль государства за ее экспортом.¹⁷⁶ Однако позднее, с развитием обмена, выступил и другой фактор колонизации, сугубо экономический: индустрия. Правда, приоритет в связи колонизация – индустрия ученый отдавал первому элементу.¹⁷⁷ Итогом развития рынка и индустрии явилось распространение монеты.¹⁷⁸ Историк также обращал внимание на «техническое совершенствование индустрии».

Одной из центральных проблем древнегреческой истории для Виппера, как и для других русских антиковедов рубежа веков, была проблема афинской демократии, политически актуальная в условиях становления российской демократии. По сути, первые издания «Лекций» ученого посвящены преимущественно истории Афин. Поэтому он ставил вопрос о причинах, вызвавших к жизни строй и культуру Афин, обеспечивших этому городу преимущество над другими общинами.¹⁷⁹ При их раскрытии исследователь, во-первых, обращался к вопросу о «промышленном развитии Аттики»,¹⁸⁰ и, во-вторых, к социальным преобразованиям в афинском обществе, которые связывал с именами Солона, Писистрата, Клисфена.¹⁸¹ Сам Виппер считал, что главный шаг в развитии афинской демократии сделал именно Клисфен.¹⁸² Его реформа выдвинула на первое место средние классы населения, особенно мелких землевладельцев.¹⁸³ Демократические тенденции одержали верх окончательно с усилением роли стратегов и заменой выборов архонтов назначением по жребию: «Народ становился теперь непосредственно правящим государем».¹⁸⁴ В итоге демократических преобразо-

ваний в Афинах, писал Виппер, установился подвижный, сложный, осмотрительно выработанный порядок, при котором афинский многоголовый государь был не капризным деспотом, а добросовестным в исполнении обязанностей конституционным правителем.¹⁸⁵

Требую исторического подхода в оценке афинской демократии, ученый справедливо утверждал, что в пределах того, что могла дать античная Эллада, афинские демократия и морская держава «были самыми сложными, крупными и деятельными организмами; это были высшие политические и социальные продукты греческой городской культуры».¹⁸⁶ В противоположность Афинам историк подчеркивал культурную отсталость и политическую косность Спарты, в которой «социальные формы жизни <...> издавна застыли» на стадии крепостничества.¹⁸⁷ Виппер отмечал большие потенциальные возможности Спарты, заключающиеся в ресурсах населения. Она, по его мнению, могла бы даже объединить всю Грецию, но при одном неременном условии – «только при полном перевороте в социальных отношениях, при условии освобождения крепостных и уравнивания подчиненных с гражданами».¹⁸⁸ Именно демократический строй Афин, считал Виппер, обеспечил полису быстрое экономическое развитие и известное «индустриальное» и торговое преобладание над другими. При этом исследователь связывал развитие денежного хозяйства и ликвидацию крепостного права.¹⁸⁹

Большое место в своем лекционном курсе ученый уделил истории государства и общественных союзов в древней Греции – классов и партий, допуская при этом, как и при характеристике социально-экономических процессов, элементы модернизации истории (об этом речь ниже). Виппер решительно выступал против подхода к возникновению и развитию государства и общественных союзов в работах Фюстель де Куланжа, критикуя его за преувеличение роли семейного начала и религиозных идей, в особенности культа предков.¹⁹⁰

Уже с гомеровского общества историк отмечает «резкое деление на классы, образование крупного культурного и экономического неравенства» и видит свою цель в том, чтобы проследить, «в какой мере эти социальные различия и крайности связаны с развитием землевладения, с распределением земельной собственности».¹⁹¹ Ученый прослеживал развитие индивидуального права на землю, процесс обезземеливания крестьянства, стремление господина закрепить за собой фетов, обострение социальной борьбы в афинском обществе, приведшей к установлению демократичес-

кого строя. Исследователь отмечал и рост количества рабов в греческом обществе, в первую очередь в главных индустриальных и торговых центрах – в Афинах, Коринфе, Этне, Сиракузах.¹⁹²

Особенное обострение классовой борьбы в Греции, столкновения «представителей капитала с организованными пролетариями» ученый отмечал в конце IV и в III вв. до н.э. В этот период социальная история обогатилась в Греции новыми событиями: в Сицилии, в Пелопоннесе «в самых резких формах прошла истребительная борьба классов».¹⁹³ Раскрывая социальное значение Пелопоннесской войны, Виппер подчеркивал, что вражда соседей или торговых соперников «осложнялась столкновениями общественных классов внутри воюющих общин <...> Враждующие классы примыкали к разным лагерям, и каждая почти община была разрезана надвое».¹⁹⁴ Внутриполитическая борьба, как и война вообще, имели для Греции самое губительное значение.¹⁹⁵

Вопросы социальной борьбы в греческом обществе еще более заострены (и модернизированы) Виппером в «Истории Греции» 1916 г.¹⁹⁶ В книге ясно видны следы недавно разразившейся в России первой революции и современной автору войны. Возвращаясь к описанию Фукидидом классовых столкновений в Греции под воздействием Пелопоннесской войны, ученый восклицает, что ему невольно хочется дополнить объяснение греческого историка: «Острый характер внутренней борьбы имел, без сомнения, свои особые основания, помимо толчков, принесенных большой Пелопоннесской войной. И можно обратно сказать, что война не была бы такой упорной и ожесточенной, или она вовсе не разразилась бы, если бы не резкие столкновения социальных групп внутри общин».¹⁹⁷

Таким образом, в своей «Истории Греции» Виппер действительно предстает как социальный историк с сильным креном в сторону материалистической интерпретации истории. То же можно сказать о других работах исследователя рубежа веков. Наибольший интерес под рассматриваемым углом зрения имеет статья «Очерки исторической мысли в XIX веке. Либерализм и первая историческая формула борьбы классов» (1901). Из заглавия явствует, что в ней анализируется творчество О.Тьерри и Ф.Гизо. Работа читается с интересом и сегодня. Заслугу Тьерри историограф видел в том, что никто из либеральных историков не подчеркивал в такой мере материального фактора, экономического мотива в основе социально-политической борьбы, что «сближает Тьерри с современными нам толкованиями социального процесса».¹⁹⁸

В трудах французского автора, писал Виппер, «положены были основания социальной истории. Он ясно формулировал и главное явление социально-исторического процесса под именем «борьбы классов».¹⁹⁹ Книгу Тьерри «Опыт истории третьего сословия» ученый относил к числу классических сочинений по истории, сохраняющих всегда свой жизненный интерес, закладывающих фундамент мировоззрения позднейших поколений.²⁰⁰

Социальный подход Виппера к истории свое выражение получил и в «Очерках истории Римской империи» (М., 1908; изд. 2-е. – Берлин, 1923). Главной целью своего курса, возникшего из лекций, читавшихся в Московском университете в 1906 г., ученый видел в том, чтобы «объяснить социальные условия возникновения Римской империи, описать общество, устремившееся в движение империализма», показать, как создание колониальной державы в свою очередь отразилось на общественном строе Рима и как в итоге произошел кризис, приведший к замене республики принципатом. Последний историк связывал с концом быстрых военных успехов римского общества, «слабо развившего производительную энергию, и превращенного, благодаря новым, хищнически нажитым богатствам, в большую сеньериально-крепостную громаду».²⁰¹ Реалистический взгляд ученого на судьбы римского и италийского общества позволил ему заключить, что римская монархия была далека от каких-либо демократических задач. В римской истории исследователю удалось по-новому подойти к некоторым конкретным проблемам.²⁰²

Наблюдается связь оценки Виппером тех или иных исторических трудов с приверженностью их авторов к социально-экономической точке зрения в науке. Так, например, рецензент видел пробелы в работе Ч.М.Эндрюса «Историческое развитие современной Европы от Венского конгресса до нашего времени. 1815-1850» (Т.1, 2. – М., 1899), в том, что в ней на первом плане стоят международные отношения, но нет и речи об экономическом росте, классовой группировке и ее влиянии на политическую борьбу, формирование различных социальных отношений. В итоге читателю будет неясен самый подбор явлений.²⁰³ Ученый упрекал Ш.Сеньобоса, автора «Политической истории современной Европы» (Т.1, 2. – СПб., 1899), за то, что он недостаточно выясняет социально-экономические основы партий в европейских государствах, слабо отражает экономическое положение отдельных стран. Особо критичен Виппер в оценке подхода Сеньобоса к истории социалистических групп и партий и революций 1830, 1848 и 1870 гг.²⁰⁴

Характерной чертой нового направления в исторической науке рубежа веков Р.Ю.Виппер признавал также отрицание выдающейся роли личности в истории. Все теории в науке о роли великих личностей, полагал он, представляют собой развитие традиционной идеи о героях и являются «остатком старого мифологического мировоззрения».²⁰⁵ Уже в юбилейной статье 1896 г. о Екатерине II исследователь призывал выяснять связь исторической личности со средой, которая ее формирует и выдвигает.²⁰⁶ В лекционных курсах по греческой и римской истории Виппера личности отводится роль если не символа некоторого социального движения, то далеко не главного его элемента. Цели исторических деятелей, указывал историк, «определяются жизненными интересами больших общественных групп, их насущными нуждами, зависят от их умения разобраться в настоящем <...> от степени приспособляемости к современным переменам».²⁰⁷ Конечный успех – в соответствии потребностям времени и социальных сил, которые они представляют. Много места этому вопросу исследователь уделил в «Очерках теории исторического познания», где попытался объяснить привычку искать лидеров во всяком историческом движении и действии бессознательными процессами в человеческой психике. На самом деле, утверждал методолог, сознание «разлито» в обществе куда более равномерно, чем предполагают, а увлечение тем или иным деятелем нередко объясняется подражательными инстинктами толпы.²⁰⁸ Исследователь вообще много внимания уделял проблеме бессознательного в жизни общества. В этой связи он высоко оценивал исследования Н.К.Михайловского и Г.Тарда по изучению роли подражательности в обществе.²⁰⁹

Исторические воззрения Р.Ю.Виппера не оставались неизменными на протяжении его многолетнего творчества. Особенно значительно перемены сказались в освещении проблем, связанных с выяснением роли отдельных элементов или факторов в историческом процессе. Указанные перемены стояли в непосредственной связи с кризисом общемировоззренческих установок либерального историка, разразившимся с началом первой мировой войны, революцией и гражданской войной в России. Однако серьезному пересмотру общеисторических воззрений исследователя после 1914 г. предшествовал своеобразный «переходный» период, отраженный в «Очерках теории исторического познания». Во время его ученый явно отдает приоритет гносеологической концепции исторического процесса по отношению к теории исторического раз-

вития в ее онтологическом смысле. Такой подход выделял его из группы историков-позитивистов новой волны.

В «Очерках» методолог в принципе верно подчеркивает, что экономическое и политическое строение общества не существуют изолированно, что это наши научные абстракции, «отвлечения известных признаков общего процесса жизни». Иными словами, по его терминологии, факторы – разновидность «умственных разрезов». На этом основании исследователь вообще снимает вопрос о приоритете того или иного из них.²¹⁰ Все зависит от заданной точки зрения: «Известная формула материалистического истолкования истории, настаивающая на том, что экономические условия образуют основу всей социальной и культурной жизни, – писал Виппер, – в своем роде безукоризненно верна, но она верна лишь как описание действительности по раз намеченному плану».²¹¹ Можно сказать, заявлял историк, что экономика составляет всю жизнь, но можно сказать, что «идеология, т.е. религия, право, наука, искусство, составляет всю жизнь. В самом деле, все отношения можно рассматривать, как идейные переживания <...> Жизнь есть переживание реальных отношений в идеях».²¹²

Рассмотрение онтологических проблем сугубо в гносеологической плоскости, таким образом приводило, исследователя к выводу о том, что ни одна из структур исторического процесса не может быть причиной возникновения другой; каждый ряд явлений есть цепь взаимообусловленных моментов, из одного ряда другой не выводится. Соответственно, задачу исторического исследования он видел в поиске взаимоотвечающих друг другу моментов по разным рядам явлений, т.е. горизонтальных связей.²¹³

Виппер справедливо отвергал «экономический детерминизм» в истории, которым грешил марксизм. Однако как возможно рассматривать общественную жизнь в качестве сложной системы, а тем более единого живого потока, ликвидируя взаимообусловленность качественно разнородных явлений? Почему «вертикальные» связи есть абстракция, а «горизонтальные» таковыми не являются? На эти вопросы теоретик не давал ответа и его критик Н.А.Рожков, в принципе, был прав, упрекая Виппера в отказе от провозглашаемого им монизма (в смысле единства всего исторического процесса).²¹⁴

Из сказанного, правда, не следовало, что Виппер в теоретико-познавательном смысле ставил в «Очерках теории исторического познания» исторический материализм и исторический идеализм как научные концепции «на одну доску». Он продолжал признавать

определенные преимущества исторического материализма. Последние ученые видели в том, что исторический материализм каждый раз дает «одинаковое и последовательное размещение исторических категорий»,²¹⁵ в его монистических толкованиях, хотя и непоследовательно, «проводится понятие единства жизненного процесса»;²¹⁶ он предоставляет более удобный порядок описания явлений,²¹⁷ удовлетворяет современному запросу на реализм, на конкретизацию исторических явлений.²¹⁸ Материалистическая философия правомерно видит в личности прежде всего представителя группы, требует «отыскивать во всякой группе идей классовую основу и давать всякой идеологии социально-экономическое истолкование».²¹⁹ Подытоживая заслуги исторического материализма, Виппер формулировал их в «открытии важного метода» и ставил задачу перед наукой – усовершенствовать «принятый и всюду торжествующий прием».²²⁰

В «Очерках» исследователь скорректировал и развил свое понимание классов и роли классовой борьбы в истории. Революция 1905–1907 гг., по его мнению, сделала классовое истолкование идейных течений и социальных программ самым естественным способом их рассмотрения.²²¹ Однако материалистическая трактовка категории класса как группы, основными признаками которой являются место в производстве или характер производства и отношение ее к орудиям производства, ученого не устраивала.²²² Не без оснований историк полагал, что подобная характеристика слишком обща и недостаточна для эффективного научного анализа. Поэтому он стремился дополнить определение рассматриваемого понятия. Так, Виппер указывал на необходимость учета культурных признаков как дополнительной конституитивной силы в образовании того или иного класса.²²³ Классовая идеология, отмечал методолог, появляется не как итог экономического положения группы, но в той или иной форме формируется вместе с классом, влияет на процесс становления последнего.²²⁴ Ученый также отмечал, что, рассматривая государства как соединение определенных общественных сил и даже как организацию господства определенного класса, мы не вправе игнорировать обратного влияния: «класс формируется только на почве государства, <...> вне государства и раньше государства нет классов как объединенных групп, как действующих сил».²²⁵ Образование государства, полагал Виппер, момент, благоприятный для становления одних классов и неблагоприятный для других.²²⁶ Наконец, он указывал, что неправомерно классовую борьбу выставлять как сущность всего исторического процесса, поскольку такая теория «недостаточно оценивает факт

перевеса организованных сил общества, факт подавляющей силы государства...».²²⁷ В последнем заявлении историка заметно влияние поражения в России первой революции.

С либеральных позиций оценивал ученый революционную программу марксизма, базирующуюся на диалектическом методе. Последний Виппер интерпретировал в формуле «чем хуже, тем лучше», т.е. чем хуже положение рабочих, тем скорее победит социалистическая революция. Однако такая программа, по его наблюдению, вступила в противоречие с жизненными реалиями, т.к. ожидаемый кризис все отдалялся. Поэтому он считал, что марксистская теория только выиграет, отказавшись от революционной диалектики, тем более, что рабочих теперь более интересует улучшение своего социально-экономического положения, чем абстрактные идеалы социалистической революции.²²⁸ Историк утверждал, что исторический материализм, соответственным образом переработанный, может стать философией современных интеллектуально развитых людей безразлично какого класса,²²⁹ т.е. выступал против классовой интерпретации марксизма.

В послеоктябрьских работах Виппер подчеркивал непригодность марксизма к современному социологическому анализу общества: «Теория эта, – писал он, – остаток устарелой романтики 1848 г.». Ученики Маркса, по его словам, за 50 лет ничего нового не сделали для разработки его метода, ничему не научились.²³⁰

Эволюция воззрений Виппера в известной степени отразилась в его новом лекционном курсе «Древний Восток и Эгейская культура» (М., 1913. – 139 с.). В целом данное пособие выдержано в нормах социальной истории. Выдающийся отечественный востоковед Б.А.Тураев выделял эту работу как талантливую попытку дать очерк истории Древнего Востока «с точки зрения социальной и экономической».²³¹ Сам автор в предисловии ставил одной из главных задач курса «поставить всюду, где возможно, в теснейшую связь те два рода явлений, которые различают обыкновенно под названиями внешних событий и внутренних состояний». Виппер резонно писал, что историк, излагающий политические события без попытки связать их с социально-экономическими явлениями, «рискует остаться непонятым и неинтересным». В свою очередь, немислимо отрешать идейные движения от социально-политических фактов.²³² Выдерживая методологическую установку, он подробно освещает эволюцию крепостнических, а позднее рабовладельческих отношений в Египте,²³³ Вавилоне,²³⁴ Ассирии;²³⁵ хозяйственное развитие этих держав древности.²³⁶

Вопросы религиозной жизни древних народов, если и рассматриваются автором, то почти исключительно в связи с фактами социальной и политической борьбы.²³⁷ Однако появляются и новые моменты. Во-первых, особая роль, которую историк отводит завоеваниям, их влиянию на историческую жизнь народов. Виппер выделяет четыре крупные волны движения номад (скотоводов-кочевников) на культурные центры древнего Востока, соответственно составившие эпохи его исторического развития.²³⁸ Причем переселение номад-кочевников ученый объяснял весьма упрощенно, связывая их со «страстью к приобретению чужого, духом предпринимательства и авантюры, соединением героизма и коммерческой жизни...». Организацию же военных громад он рассматривал как результат подражательных действий патриархальных племен великим государствам.²³⁹

Во-вторых, обнаруживается повышенное внимание исследователя к государственному строю держав Древнего Востока. Характерно, что при анализе причин возникновения древнейших государств Виппер, наряду с внутренними, важнейшую роль отводил завоеваниям. Так, он допускал, что первые династии фараонов Египта были вождями номад.²⁴⁰ Но дело, по его мнению, не ограничилось одним Египтом, «несколько раз мы видим потом на судьбах Двуречья, что государство образуется из завоевания, что носители политической власти – посторонние пришельцы». Чаще всего среди них – группы номад, вторгающиеся в земледельческие общества. Подобные государства, возникшие из завоеваний, историк рассматривал как организацию правящего военного класса, которая носит все типичные черты строя, называемого феодализмом.²⁴¹ Т.е., речь идет о юридическом толковании сущности феодального государства.

Весьма подробно описывал ученый государственный строй ведущих держав Древнего Востока, которые в первую очередь предоставляли ему материал для характеристики самодержавного строя. Образец последнего он видел в вавилонском, ничем не ограниченном абсолютизме. Средневековые и даже современные исследователи государства Востока во многом, полагал он, сохранили строение древней вавилонской администрации.²⁴² Во всем этом явственно ощущаются влияние проблем, стоявших перед российским обществом 900-х гг. и наметившееся разочарование Виппера в той форме материалистической интерпретации истории, которая была близка марксизму.

Но эволюция исторических воззрений нашего автора на этом не закончилась. Оглушающее впечатление на эмоционального исследователя оказали события первой мировой войны и особенно вызванная войной революционная буря в России. Наиболее остро кризис мировоззрения, который переживал Виппер в то время, отразился в сборнике «Кризис исторической науки» (Казань, 1921. – 37 с.).²⁴³ Показательна по рассматриваемому вопросу помещенная там лекция «Состояния и события, массы и личности, интересы и идеи» (1920). Говоря о том, что ныне жизнь учит историю, Виппер призвал пересмотреть содержание исторических представлений в свете происшедших событий: «Теперь факт падения России, наукой весьма плохо предусмотренный, заставляет историков проверить свои суждения».²⁴⁴ Норма прежнего преподавания и изучения истории – социальный подход – его уже не устраивает, так как мало внимания уделялось политической истории и роли отдельных личностей в событиях. Первостепенное значение признавалось, сожалеет историк, за интересами, а не идеями, т.е. преимущественно описывались состояния, а не события. Понятно, что при таком взгляде войны уходили на задний план, останавливаться на них считалось старомодным. И вот «над этим-то закосневшим в своих предрассудках обществом, заснувшим над поверхностью kloкотавшего вулкана, – восклицал Виппер, – и стряслась двойная беда – война и социальная революция...».²⁴⁵

Современные события заставляют искать, полагал исследователь, новые подходы к прошлому: повсеместно интерес привлекают войны, революции, личности вождей, роль идей в судьбах человечества.²⁴⁶ В итоге ученый приходил к следующему выводу: «Мы теперь хотим прежде всего знать события, роль личностей, сцепление идей. Когда эту смену воззрений и вкусов захочет определить философ, он скажет: общественное мнение перешло от воззрения материалистического к идеалистическому».²⁴⁷

Однако было бы явным преувеличением на этом основании заявить, что сам Виппер перешел на позиции идеалистического понимания истории. Это не так. Он лишь предполагал, что в нем заключается запрос нового поколения, выросшего среди катастрофы. Сам же он по-прежнему признавал ограниченность обоих подходов, взятых в отдельности.²⁴⁸ Другое дело, что он попытался дополнить парадигму социальной истории элементами, заимствованными из политической и культурной историографии. На практике подобные дополнения и переоценки выглядели не всегда удачно, хотя вряд ли правомерно списать их все в разряд научных провалов. Например,

перемены затронули уже «Историю Греции в классическую эпоху IX— IV вв. до Р.Хр.» (1916 г.). Работа вызвала резкую оценку Д.Н.Егорова, компромиссный дружеский отзыв Ф.И.Успенского, а прежний рецензент «Лекций по истории Греции» В.П.Бузескул вообще отказался давать на нее отзыв.²⁴⁹ Упреки Егорова и последующих историографов касались того факта, что в «Истории Греции» действительно гораздо слабее, чем прежде, представлен социально-экономический интерес автора. Зато много места уделено политическим событиям, характеристике личности вождей социальных движений, идейным программам, а также психологическим характеристикам, далеко не всегда удачным.²⁵⁰ Причины начала колонизации, которой Виппер отводил столь значительную роль в греческой истории, виделись ему теперь не столько в племенных передвижениях или нехватке земли, сколько в психологических мотивах: «...недовольство стесненными порядками домашней среды, пробуждение жадности к новым богатствам, искание новых путей наживы, усиление личной предприимчивости, уверенность беспокойной молодежи в том, что она сама лучше устроится на новом месте».²⁵¹ Однако в новом издании лекций появилась история Спарты, значительно больше представлено материала о других греческих полисах. Да и в самом игнорировании фактов политической истории и характеристик исторических деятелей в социальной историографии в прошлом были явные передержки. Поэтому было бы ошибочно однозначно оценивать поиски Виппера.

Пересмотр прежних воззрений отразился и в работе историка «Возникновение христианства» (М., 1918, 1923), в которой он решительно выступил против «материалистов», сводящих идеи к материальной среде.²⁵² Новым в книге Виппера был акцент на критике именно материалистического подхода к раннему христианству, что вызвало в итоге резкую отповедь В.И.Ленина.²⁵³ В сущности, Виппер был прав, утверждая, что нельзя все оттенки мысли и обряды сводить к социально-экономическим условиям, чем страдала антирелигиозная советская литература этого времени.

В начале 20-х гг. выходит единственная книга Виппера, посвященная исторической персоналии – «Иван Грозный» (М., 1922.– 115 с.). Написанная ярким, образным языком, занимательная, она полна фактических ошибок и ляпов.²⁵⁴ Например, чешских таборитов автор изображал как «здоровых и сильных молодцов, не желающих заниматься правильным трудом» и «опустошающих земли свои и чужие».²⁵⁵ Вообще, XVI столетие для Виппера – беспокойный военный век, когда люди были неспособны заняться мирным

трудом, сами создавали войны и бесконечно их тянули.²⁵⁶ Личность царя в целом оценивается высоко, исследователь выступил защитником Ивана IV от несправедливой, по его оценке, критики.

Наконец, отметим учебник Виппера для школ «Русская история» (Рига, 1929. – 191 с.). В нем не только значительное место уделяется отдельным царствованиям, но и органично вписана история православной церкви, указаны ее заслуги в деле становления российской государственности и русского народа. Но социально-экономическая сторона истории освещена просто слабо и недостаточно.

Таким образом, ведущий теоретик «критического позитивизма» Р.Ю.Виппер на протяжении 90-х гг. XIX – 20-х гг. XX вв. претерпел серьезную перемену взглядов: от решительного отстаивания социально-экономической интерпретации истории как важнейшего элемента новой парадигмы он все более склонялся на сторону политической историографии. Випперовская эволюция являлась следствием общего мировоззренческого кризиса отечественной либеральной историографии, но она не была типичной.

Вторым структурным элементом теории исторического процесса в «критическом позитивизме» являлась общая концепция всемирной истории. Если для позитивистской историографии второй половины XIX столетия таковой была теория исторического прогресса, то Р.Ю.Виппер, Д.М.Петрушевский, В.П.Бузескул, М.И.Ростовцев, М.М.Хвостов и др. обратились для обоснования собственных взглядов к конструкции Эд.Мейера.²⁵⁷ Идеи немецкого историка на рубеже веков быстро завоевали авторитет в отечественном антиковедении и медиевистике и через статьи в «толстых» журналах, лекционные курсы и пособия получили широкое распространение.

Среди инициаторов критики теории прогресса в русской историографии,²⁵⁸ поддержавших Мейера, были Виппер и Петрушевский. Отказ от всемирно-исторической точки зрения трактовался ими в качестве важнейшего требования социологического подхода к истории. Наиболее непримиримым критиком теории прогресса в любых ее вариантах был Виппер. Лишь в одной из первых своих работ, причем коллективной и весьма специальной по назначению, историк выступил с поддержкой всемирно-исторической точки зрения при выборе и распределении материала.²⁵⁹ С середины же 90-х гг. XIX в. он разворачивает последовательную и всестороннюю критику идеи единства человеческой истории и ее поступательного развития. Борясь за «очищение» научных понятий от «старого мировоззрения», ученый потребовал решительного пересмотра традиционного деления истории на древнюю, среднюю и новую.

Современная наука, по его словам, не знает, что делать с этим унаследованным канонem, подгоняющим факты частных прерывающихся эволюций под общую линию прогресса.²⁶⁰ Целый ряд своих теоретических работ Виппер посвятил критике идеи прогресса, отыскивая на протяжении десятков лет все новые аргументы для ее опровержения (что само по себе свидетельствует о жизненности этой идеи). Мы ограничимся лишь указанием на важнейшие элементы его критики. Истоки идеи бесконечного прогресса ученый возводил к христианской истории.²⁶¹ Он проследил основные этапы развития теории прогресса и сопоставил ее положения с историческими реалиями.

Данная теория, на его взгляд, пыталась свести разрозненные человеческие группы к одному целому, к одной линии развития, к единой цели. В основе такого подхода лежал европоцентризм. Среди любых катастроф, в самое удручающее время она пыталась найти момент будущего восхождения на очередную ступень.²⁶² Связанная с социальными интересами торговцев и промышленной буржуазии,²⁶³ теория прогресса, по Випперу, обожествляла успехи производства, считала скорым и неизбежным установление всеобщего благосостояния,²⁶⁴ мира,²⁶⁵ реализацию прав личности и укрепление общественных связей.²⁶⁶ Зато она была склонна представлять старинное общество как примитивное, а дикаря как воинственное чудовище.²⁶⁷ Успехи историографии, а главное, наблюдения над современностью, по Випперу, подорвали центральную идею мировоззрения XIX столетия: «Наше время, и особенно впечатления колоссальной войны, немилосердно разбили все эти религиозные видения и восторги. Едва ли когда-нибудь так трагически и так сразу погибало мировоззрение эпохи...»²⁶⁸ От прежнего символа веры, по убеждению историка, не осталось ни одного догмата.²⁶⁹

Оказалось, писал Виппер, что капитализм несет не только технический прогресс, но и конвульсивность в развитии общества, упадок личных умений и навыков, сокращение оригинальной личной жизни, упадок морали, обострение классовых антагонизмов.²⁷⁰ Империализм вызвал новую волну воинственности и жесточайшую из войн; войны оказались вечными, а пацифизм лишь историческим курьезом.²⁷¹ Ни одна из прежних войн не знала такого варварства, как мировая.²⁷² Все это вызывало у Виппера «жуткое сознание катастрофы, разразившейся над европейским человечеством ...», когда культура начала сама себя уничтожать.²⁷³

Отказавшись от всемирно-исторического подхода и связанной с ним теории прогресса, Виппер предлагал обратить внимание

на малоподвижность общественных форм. На огромном протяжении, указывал он, мы наблюдаем одни и те же формы: семью, союз по занятиям или интересам, племя или национальность, государство, т.е. «формы господства и подчинения». Все они при всем своем разнообразии «остаются живыми типами, существующими с незапамятных времен». ²⁷⁴ Рассмотрев ряд примеров из всемирной истории, в которых, по его мнению, наблюдаются прямые аналогии и повторение типов, ученый восклицает: «Социолог поражен этим обилием аналогий с другими временами и другими обществами. Вместе с тем он не может не остановиться и на другом факте, который ярко выступает в тех же чертах сходства: какое упорное повторение социальных комбинаций, как они немногочисленны, как невелика, в конце концов, социальная изобретательность человека или же в какой мере она ограничена в выборе средств и способов». ²⁷⁵ Поэтому не случаен интерес исследователя к этнологии, к изучению дикаря, с помощью которого, полагал он, можно лучше понять современного человека и культуру: человеческая природа, по Випперу, едина, а на ранних ступенях развития культуры все черты будущего даны более непосредственно. ²⁷⁶

Таким образом, социологическая точка зрения привела Виппера к признанию повторения в истории одних и тех же общественных форм и идейных мотивов (типов) на базе единства человеческой природы, из чего логично вытекало, что всемирный исторический процесс распадается на «много самостоятельных групп, по большей части вовсе не примыкающих друг к другу, в виде звеньев одной цепи». Эти группы представляют собой «местные общественные и культурные типы, с характерным строением весьма длительного свойства». ²⁷⁷ Не отрицая полностью их взаимосвязь, ученый относил момент, когда отдельные потоки начинают сливаться в немногие крупные к поздним временам. ²⁷⁸ В связи с этим утраченный принцип единства всемирной истории Виппер требует заменить другим: сосредоточением интереса на эволюции отдельных групп: «...закономерность развития может быть изучаема только в замкнутых группах, только там, где мы имеем цельный процесс». ²⁷⁹ Иными словами, он призывал встать на сравнительную социологическую точку зрения, с которой традиционные периоды всемирной истории становятся обозначением типичных стадий в развитии народной жизни. На таком историческом взгляде, указывал Виппер, основан и особый интерес, с которым историк на рубеже веков обращается к древнему миру, рассматривая его как «законченный круг жизненных форм и идей, во многом аналогичный

новоевропейскому». «В более узком географическом районе, при меньшем разнообразии форм, – утверждал исследователь, с характерной ссылкой на Эд.Мейера, – греки и римляне проходят главные стадии общественного развития, которые мы потом встречаем в средней Европе IV – XVI вв.: от родовых союзов <...> переходят они к более сплоченной и государственной жизни, от экономической замкнутости самодавяющих групп к широкому развитию обмена, крупной индустрии и торговле с характерными явлениями капитализма и т.д.». ²⁸⁰

Все это укладывалось в концепцию Эд.Мейера, ²⁸¹ но с одной существенной оговоркой. Для немецкого ученого его идея о двух параллельных процессах в истории народов, проживавших по берегам Средиземного моря, была не более как эмпирическим обобщением: Мейер весьма скептически относился ко всяким законам истории. Виппер же (как Петрушевский и Рожков) возвел ее в ранг социологической закономерности. В курсах лекций отечественного историка встречаются многочисленные положительные ссылки на Мейера в вопросах концептуального характера. ²⁸² Безусловно, труды Эд.Мейера, Р.Пельмана и Ю.Белоха явились исходной базой собственных випперовских построений по древней истории. ²⁸³ Под их впечатлением он призывал заняться поиском многочисленных аналогий между древней и новоевропейской историей. ²⁸⁴

В принципе исследователь понимал относительность всяких повторений и аналогий в истории, ²⁸⁵ однако его историографическая практика изобилует злоупотреблениями в этой области. В самые разнообразные исторические эпохи Виппер пытался отыскать завершенные циклы истории отдельных обществ и народов и в их рамках выделить аналогичные стадии развития или исторические типы. Так, первым крупным культурно-историческим циклом в европейском прошлом ученый, очевидно, считал крито-микенский. «Мы должны допустить, – писал историк, – что на почве Греции произошло два культурных процесса, что здесь была своя особая древняя история, более продолжительная, чем та, собственно греческая история, которую мы до сих пор знали главным образом по литературным данным и которая является новой по отношению к первой, открывшейся нам теперь в археологических следах и остатках». ²⁸⁶ Расцвет крито-микенской культуры ученый относил к 1600–1300 гг. до н.э., а начало к III тыс. до н.э. Применительно к ней греки, полагал он, выступили как варвары-разрушители; культура закончилась катастрофой, после нее не осталось ни следа, ни традиции. В то же время Виппер считал, что в микенский период

была своя «широко развитая промышленность», высокое искусство. По своей старине она могла бы соперничать с переднеазиатской и египетской и составляла с ними большую «международную, политическую и культурную систему».²⁸⁷

В «Лекциях по истории Греции» гомеровское общество предстает как воинственное, придворно-аристократическое, рыцарское, напоминающее средневековое.²⁸⁸ В переработанном издании 1916 г. гомеровский век прямо за Мейером определяется как «греческое средневековье», противопоставляемое эгейско-критской древности.²⁸⁹ В гомеровском обществе ученый признавал значительное классовое деление общества,²⁹⁰ наличие рабов,²⁹¹ но отрицал его принадлежность к натурально-хозяйственной стадии развития.²⁹² «Новый» период греческой истории, по Випперу, характеризуется развитием городов, «индустрии», торговли и рабства в связи с колонизацией.²⁹³ В героический век, отмечал ученый, городского общества еще не было, а сами города представляли собой большие слободы, выросшие вокруг замков.²⁹⁴

К первым «колонизаторам» историк относил «витязей и их дружины», позднее колонизация ведется «купцами и промышленниками».²⁹⁵ Классическая эпоха Греции, по Випперу, время создания «промышленного» общества, когда в городах «кипела промышленная жизнь», «капиталистическая горячка». Городское законодательство строилось в соответствии с интересами, привычками и вкусами «возникающей греческой буржуазии».²⁹⁶ К последней исследователь относил купцов, судовладельцев, «промышленников» и «индустриальных предпринимателей». «Капиталисты» активно стали использовать рабский труд, с массовым применением которого изменился, по его мнению, и характер индустрии: «Предприятия <...> расширились и приняли фабричный характер». Он, правда, оговаривается, что греческие фабрики нельзя отождествлять с современными, но считает их соответствующими английским промышленным предприятиям XVIII века. При таком направлении развития сами невольники стали товаром: владение рабами, покупка рабов, отпуск рабов на заработок или перевод их на оброк стали важным способом помещения капитала.²⁹⁷ Афины, наряду с Хиосом, становятся крупнейшим рынком работорговли.²⁹⁸

Под влиянием Эд.Мейера²⁹⁹ Виппер рабов, занятых в ремесле, рассматривает как аналог индустриальных рабочих капиталистической эпохи.³⁰⁰ Поэтому недостаток в рабских руках в Афинах из-за сокращения привоза рабов в ходе Пелопоннесской войны, особенно после массового бегства рабов в период осады города спартанца-

ми, привел, писал ученый, к резкому ухудшению экономического положения, закрылась значительная часть «промышленных заведений».³⁰¹ Следует отметить, что само понятие «капитализм» Виппер понимал, подобно Петрушевскому, который считал, что капиталистический строй господствует в таком обществе, хозяйство которого представляет собою организованную деятельность, имеющую в виду прибыль,³⁰² т.е. капитализм отождествлялся с хозяйственной деятельностью, носящей характер предприятия.

По образу XIX столетия Виппер выделял в Афинах две политические партии, отражавшие две тенденции социально-экономического развития: 1) «консервативную», связанную с землевладельческим аристократическим и крестьянским населением Аттики, сторонники которой стремились к мирным отношениям со Спартой; к «консерваторам» ученый относил известные старгородские группы – мелких продавцов и ремесленников, которых «давило новое капиталистическое развитие» Афин; 2) «демократическую» радикальную партию, отражавшую интересы новых капиталистических классов – «капиталистов», «торговцев», «индустриальных рабочих» (свободных). Эта партия сравнивалась историком с «капиталистической», «демократической» партией в Риме последнего столетия республики, ее программа определялась им как «империалистическая», направленная на политическое расширение, создание колониальной державы.³⁰³ На протяжении всей афинской истории Виппер пытался проследить борьбу этих двух социальных сил. В издании 1916 г. много места он уделил персональным характеристикам вождей обеих партий и их программам.

Историк явно преувеличивал степень экономической конкуренции между отдельными общинами в древней Греции. По его мнению, основной задачей Афин как сразу после победы над Персией, так и в период деятельности Афинского морского союза, было «экономическое подчинение Греции».³⁰⁴ В свою очередь спартанское общество Виппер рассматривал как крепостническое,³⁰⁵ но и оно, по его словам, втянулось в «империалистическую» политику.³⁰⁶ Следствием тяжелой Пелопоннесской войны исследователь считал упадок Греции и греческой демократии в конце V в. до н.э. В междоусобии, последовавшем в Греции с начала IV в., по его мнению, сильно сказалась социальная борьба. Свержение «афинских капиталистов» (403 г.) сопровождалось «реакцией пролетариев», которые требовали кассации долгов, раздела имущества и раздачи из государственной казны. Афины, Фивы, Аргос, Коринф бросились в войну, писал ученый, чтобы «занять, отвлечь и удовлетворить

свой домашний пролетариат». В это время, по его словам, широко распространяются коммунистические учения, причем особенно среди женщин по причине падения индивидуальных хозяйств, расстройств семейного быта, необходимости для женщин искать самостоятельного заработка.³⁰⁷ Вообще Виппер полагал, что социалистические идеи появились вместе с оформлением человеческого общества и «в древнем мире мы встречаемся не только с революционными организациями пролетариев, но также с выработанными учениями коммунистического или социалистического характера. В IV в. до Р.Хр. в греческом обществе коммунизм слагается в систему философии, т.е. в целое мировоззрение, охватывающее собою все стороны жизни».³⁰⁸

Насколько можно понять Виппера, на этом собственно греческий цикл культурно-политического развития завершается, хотя оно и не прерывается, а перерастает в эллинизм, а затем сливается с римским циклом. В свою очередь римляне проходили близкие стадии развития от родового строя к крупному государственному хозяйству, от натурального хозяйства к капиталистическому. Исследователь считал, что уже старая римская община по своему характеру являлась торговой.³⁰⁹ У Катона, по его мнению, нет и речи о натуральном хозяйстве: римский агроном писал о рациональном хозяйстве, нуждающемся в капитале и рабочих руках. Последние создавались в итоге разорения свободного крестьянства. Историк находит в описаниях Катона фигуру сельского капиталиста. Но на этом исследователь не останавливается, а утверждает, что политическому объединению Италии предшествовало создание экономического единства посредством разрастания римского капитала.³¹⁰ Поэтому уже в рамках республиканского Рима Виппер видел оформившееся капиталистическое хозяйство. Правда, капиталистическое предприятие в Италии, полагал он, сравнительно мало захватило «индустрию», но сильно выразилось в сельском хозяйстве.³¹¹ Период расцвета римского капитализма приходится на конец республики – первые века империи, а завершается этот процесс превращением военной державы в «сеньериально-крепостную громаду».³¹²

Типы политического развития Греции и Рима, по Випперу, различаются. Если Греция стала родиной демократической республики, то в Риме главенствующую роль играла аристократия и ее политический орган сенат, а позднее сложилась императорская власть.³¹³ Но Рим и Греция составляют вместе один культурно-географический центр, период или большой цикл развития, завер-

шившийся падением Римской империи. Рассматривая причины падения античных демократических обществ Греции и Италии, Виппер указывал, что они были «слишком малочисленны и одиноки; при своем расширении они не встречали равных соперников <...> империализм вырастал в виде одностороннего господства и в конце концов «становился могильщиком» создавшего его общества. Подданные окружали зерно энергичных завоевателей плотной стеной крепостной организации и эта организация вторгалась внутрь самого общества, разбивая таким образом первоначальную трудовую основу независимых хозяйственных элементов. Демократия была уже сильно разрушена, когда приходил соответственный политический конец, когда формы господства и иерархии, установившиеся на окраинах, в области империи, появлялись в метрополии».³¹⁴ Кроме сужения социальной базы, разорения мелкого собственника под влиянием империалистического расширения и рабства, усиления деспотизма власти государства, ученый указывал такие причины заката античной цивилизации, как обострение социальной борьбы в обществе, нашествие варваров и распространение христианских идей.³¹⁵ Рассмотренный период древней истории определялся Виппером как «греко-финикийско-римский». Он, по его словам, заходит в глубину «среднеевропейского», соединившегося с новым временем в одну непрерывную линию.³¹⁶ Среднеевропейский период совместно с новым составляют большой исторический цикл, знающий все стадии хозяйственного развития.

Характерной чертой випперовского восприятия современности, особенно на рубеже 10–20-х гг. XX в., было представление о закате новоевропейской цивилизации. Показательны уже названия его работ; «Гибель европейской культуры», «Круговорот истории». «Мы чувствуем, – писал ученый, – что наша цивилизация, подобно греко-римско-иудейской, клонится к кризису, дошла, после блестящего критицизма, после лихорадочного напряжения деятельности, до упадка и бессилия, слышит все больше и больше неминуемое приближение варварства».³¹⁷ Кругом историку видятся аналогии с Пелопоннесской войной и римскими гражданскими войнами, принесшими опустошение: «Мы еще находимся в начале катастрофы, – полагал Виппер, – но иные факты, знакомые нам по времени Сократа в Греции, Цезаря и Августа в Риме, успели уже обнаружиться». Среди них он видит равнодушие масс, в том числе и рабочих, к политике, обращение большевиков к приемам власти бюрократического самодержавия, утрату национального чувства, разочарование в демократии.³¹⁸ Особенно исследователь подчеркивает негативное воздействие

гражданской войны, которая «есть сплошная несправедливость, сплошной захват <...> нарушение всех существующих прав и всякого права, бесконечная и всеобщая экспроприация».³¹⁹

Виппер напоминает, что упадок Афин наступил, как и ныне, после жестокой войны, сравнивая Пелопоннесскую и первую мировую войну. И тогда война внешняя повела к ожесточению междуклассовой. И тогда толпа разуверилась в вождях, вырвалась на волю, буйствовали анархические настроения, уничтожались памятники культуры и библиотеки, кризис переживала интеллигенция. Древний мир, утверждал историк, знал все эти формы.³²⁰ Все эти факты падения античного мира, по мнению ученого, как бы «приблизились к нам, внезапно сделались возможными и повторимыми».³²¹ Сам интерес к античности, особенно к гражданским войнам, к раннему христианству, полагал он, не случаен, определяется современными настроениями в обществе, основанными на сознании сходства того времени и нынешнего.³²² Виппер не имел четких представлений о судьбе новоевропейской культуры. С одной стороны, он говорил о завершении очередного исторического периода и наступлении нового средневековья, а с другой, верил в возможное возрождение культуры, особые надежды в этой связи возлагая на интеллигенцию и женщин.³²³

Идея циклизма культур и возможного возврата европейской культуры к средневековью на рубеже 10–20-х гг. XX в. получила распространение. На Западе ее отстаивал О.Шпенглер (Закат Европы. – Т.1. – М.-Пг., 1923. – 445 с.); А.Тойнби, в России Н.А.Бердяев.³²⁴ В современной науке внимание все более сосредотачивается именно на исследовании определенных культур или цивилизаций. «Цивилизационный подход, – по словам Г.С.Гудожника. – должен осуществить такого же рода методологическую процедуру (по отношению к формационному – А.Н.), какую совершила физика Эйнштейна по отношению к физике Ньютона».³²⁵ Поэтому сам принцип Виппера выделения в истории определенных культур и исторических циклов являлся для своего времени перспективным. Сегодня он позволяет преодолеть односторонности марксистского формационного редукционизма.

Представление Виппера о повторении различными народами аналогичных стадий развития имело то следствие, что его работы переполнены сравнениями и аналогиями социально-политических процессов, институтов, экономических форм и прочего древнего мира и новой Европы. Причем зачастую они не столько углубляют понимание прошлого, сколько его модернизируют. Под влиянием

политики «военного коммунизма» ученый находил систему «коммунистической выдачи» со складов и магазинов вместо свободной торговли в древнем Шумере.³²⁶ Отказ от этой «коммунистической системы», по Випперу, произошел только в Вавилонском государстве, принявшем «капиталистический облик».³²⁷ В Египте переходного периода от Древнего к Среднему царству он видел аналогии с событиями и порядками Европы IХ–Х вв.³²⁸ Исинская династия в Вавилоне напоминала ему ранних германцев; Хаммурапи соответственно аналог Карла Великого.³²⁹ Военных «ленников» вавилонского царя исследователь сопоставлял с западноевропейскими средневековыми рыцарями, византийскими стратиотами, московскими помещиками и однодворцами.³³⁰ Хаммурапи, по Випперу, создал классическую самодержавную бюрократическую систему, ставшую образцом для подражания и заимствования ассирийского, персидского, эллинистических государств, римской империи, Византии и халифата.³³¹ Усиление жречества в Египте конца Нового царства XI–IX вв. до н.э. он отождествлял с укреплением церкви в Европе V–IX вв.³³²

Еще в большей степени сравнения пронизывали лекции Виппера по истории Греции. Политические институты гомеровской Греции прямо сравнивались им с политическим строем раннефеодальной Европы.³³³ Греческая колонизация, по мнению историка, в более широких размерах повторилась европейцами в XVI–XVII вв.³³⁴ Приход городской Греции на место рыцарской повторила западная германо-римская Европа в XI–XII вв.³³⁵ Тираны-реформаторы, например, Клисфен в Сиклоне, своими действиями против аристократии в пользу ремесленников и торговцев, по Випперу, производили перемены, похожие на вытеснение рыцарей коммунальной или патрициевскими цехами в средние века.³³⁶ Афинский театр, полагал он, исполнял роль современной прессы.³³⁷

Особенно сильно модернизация сказалась в 1916 г. на описании исследователем истории Греции периода Пелопонесской войны. Он писал о «революции» на о. Керкире, «пауперизации крестьянства», пролетаризации среднеродских слоев населения под влиянием спекуляций банкиров-капиталистов, появлении идей «черного передела» земли, об «аграрной революции» как ответе крестьянства на действия капитала.³³⁸ Заголовки отделов с описанием сражений звучат как название корреспонденций с фронтов первой мировой войны: «Бои в западной Греции и первая сицилийская экспедиция», «Успехи афинян в Мессении», «Подготовка великого похода афинян на Запад», «Сицилийская экспедиция», «Осада Сира-

куз», «Катастрофа афинян в Сицилии» и прочее. Виппер находил в произведениях Аристофана современную постановку вопроса об эмансипации женщин.³³⁹ Демократический переворот на о.Самос 412 г.до н.э. напоминал ему буржуазные революции средневековой Флоренции³⁴⁰ и т.д.

Аналогичным образом им модернизировалась римская история. Так, в лекции «Сумерки людей» (1910) он рассказывал своим слушателям о королях римской финансовой биржи, об этих «римских Рокфеллерах и Вандербильтах», вдохновлявших колониальные завоевания.³⁴¹ Юлий Цезарь предстал в его повествовании как патриций, потомственный демократ, проникнутый «самой живой симпатией к простому народу»: «В Риме Цезарь один из самых сильных проповедников нового Евангелия бедных. Литературно-образованные люди уверяют, что его социализм – чисто ученый, и вычитан у греческих революционеров...». Еще один «социалист» – трибун Сервий Рулл.³⁴²

Однако при всем том сам Виппер выступал против крайностей аналогий между Римом II–I вв. до н.э. и Европой XVIII–XIX вв. у Теодора Моммзена, указывая, что немецкий автор «представляет себе Италию, наподобие современной деревенской Европы...»³⁴³ Точно так же его не устраивали прямые сравнения политики Цезаря и Наполеона I, императора Августа и Наполеона III, предпринятые В.Гардтгаузенем: «Мы должны отбросить эти аналогии, – писал историк, – уже потому, что нет ничего общего в строении обществе той и другой эпохи».³⁴⁴ Таким образом, в принципе историк считал возможным сравнивать лишь однородные с социологической точки зрения явления и процессы, но далеко не всегда соответствовал собственным требованиям.

Следует отметить, что в работах историков – «критических позитивистов» впервые была поставлена как теоретическая проблема модернизации истории, т.е. насколько вообще исследователь способен познать прошлое, не навязывая ему свои ценностные ориентации, свою картину мира, не искажая прошлого. В проблеме модернизации истории своеобразно смыкаются исторические и методологические идеи рассматриваемых авторов. Отношение к ней было явно не однозначным. В.П.Бузескул отмечал модернизацию древней истории как характернейшую черту современной науки. Но при этом он оговаривался, что «под модернизацией я разумею не искажение древней истории посредством сообщения ей совершенно чуждых начал, не тенденциозное подновление, и, так сказать, фальсификацию ее, а скорее сближение и сопоставление

ее с современностью, проведение аналогии между развитием древнего мира и нового времени». ³⁴⁵ Сочувствуя такой постановке изучения истории, исследователь предупреждал против крайностей модернизации, ведущих к необоснованным сопоставлениям и опасности упустить из виду характерные черты прошлого. ³⁴⁶

Д.М.Петрушевский считал возможным решить проблему модернизации истории путем четкого разграничения социологических и исторических понятий, т.е. когда перестанут исторические понятия употреблять в качестве социологических категорий, переносить их из индивидуальной исторической обстановки, в которой они только и применимы, в иную столь же индивидуальную обстановку: «а с другой стороны, – писал исследователь, – перестанут смущать случаи истолкования и конструирования явлений отдаленного прошлого в терминах понятий, выработанных прежде всего на материале новейшего развития, раз эти, по своему происхождению чисто исторические понятия, были переработаны в социологические категории». ³⁴⁷

Защитником модернизации истории в той или иной форме выступал Виппер. Ему был непонятен протест против введения современных понятий в изучение истории древности и он заявлял: «мы находим именно близость, сходство между условиями старинными и современными, мы хотим обозначить посредством «модернизации» некоторый элемент постоянства жизненных условий, повторяемости исторических элементов. Вводя термины современной жизни, мы хотим прибавить новую реальную черту». ³⁴⁸ То есть, поскольку, по его мнению, человеческая природа постоянна и элементы исторической жизни повторяются, то задача историка «освободить» явления прошлого от «условных и маскирующих форм, в которых они выражены», перевести их на более нам привычный реальный язык». ³⁴⁹ В случае успеха такой операции, утверждал ученый, «историческая картина приобретает необыкновенный интерес. Она сливается с нашей собственной жизнью». ³⁵⁰ Следовательно, для Виппера проблема модернизации, как это ни парадоксально звучит, есть проблема аутентичного истолкования прошлого, узнавания в чужестранце общечеловеческих черт. ³⁵¹ Однако его собственные шаги в этой области вряд ли можно оценить как способствующие подлинному пониманию истории. Хотя он неоднократно и выступал против навязывания прошлому несвойственных ему черт, ³⁵² его теоретическая позиция означала нарушение принципа историзма, отказ в специфике, определенной замкнутости историческим эпохам. В этом смысле школа Ранке с ее требованием

максимально тактичного отношения к самобытным творениям прошлого, исходящая из убеждения, что «каждая эпоха непосредственно относится к Богу», занимала более приемлемые научные позиции. Виппер игнорировал тот факт, что каждая цивилизация характеризуется своим особым способом восприятия мира, что одни и те же события выглядели для современников вовсе не так, как для нас.³⁵³ Проблема модернизации не только вопрос преодоления языкового (понятийного) барьера между настоящим и прошлым, но и барьера психологического и мировоззренческого.³⁵⁴ Но для Виппера, рассматривавшего историю как проекцию современности, модернизация была естественна. Однако эти вопросы во всей глубине были поставлены лишь позже в исторической науке и заслуга «вторых позитивистов», что они обратили на них внимание.

Можно сделать вывод, что теоретико-методологические идеи Р.Ю.Виппера были направлены на преобразование стиля научного мышления в русле общих процессов, протекавших в общественном сознании на рубеже XIX и XX вв. Отличительной особенностью випперовского понимания теоретических проблем исторического познания был релятивизм и скептицизм в трактовке познавательных возможностей историографии. Его исследовательская позиция противостояла гносеологическому объективизму позитивистской науки и не столько преодолевала, сколько углубляла кризис исторической науки. В развиваемой ученым исторической теории можно выделить следующие основные элементы: 1) выдвижение на передний план теоретико-методологических вопросов истории, результатом чего явилось оформление методологии истории как самостоятельной научной дисциплины; 2) выдвижение субъекта познания в качестве активного организующего начала, трактовка субъекта в качестве детерминированного историческим миром; 3) утверждение специфики исторического познания, определяемой социальной природой исторической науки; признание единства познания и жизни; 4) признание относительного характера исторических истин, их зависимости от социальной практики и индивидуальных характеристик познающего субъекта; 5) стремление сохранить единство научного метода; 6) трактовка логической структуры историографии в качестве системы «мысленных разрезов»; 7) социальная интерпретация истории; 8) отказ от любых вариантов теории исторического прогресса и переход к сравнительному изучению отдельных локальных культур и стадий общественного развития; модернизация древней истории на базе идей исторического циклизма.

Разрабатываемая Виппером парадигма унаследовала от позитивизма такие сильные стороны, как веру в высокую социальную значимость историографии, стремление сохранить единство научного знания, ориентацию на поиск закономерностей в истории; пристальное внимание к социально-экономической стороне исторического процесса. Однако отсутствие научной уравниваемости в трактовке Виппером целей и познавательных возможностей исторической науки, гиперкритицизм и категоричность целого ряда суждений не могли не вызвать оппозиции в научных кругах. Поэтому концепция ученого вызвала серьезные нарекания даже среди тех исследователей, которые объективно стремились к реформированию позитивизма на близких исходных основаниях. Взгляды этих авторов нуждаются в самостоятельном рассмотрении.

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРИТИКО-ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ

С критикой позитивистских установок по коренным вопросам исторической науки в начале XX века выступила целая плеяда российских историков. Сознвая кризисные тенденции в развитии историографии, они стремились выработать надежный методологический арсенал, который позволил бы реформировать старую парадигму. Их теоретико-методологические воззрения представляют собой сложное образование, но все они в своем источнике имели позитивизм. Випперовский вариант коренного реформирования позитивизма был неприемлем для них в силу его радикализма и отказа от ряда общепринятых научных ценностей. Однако направление поиска Виппером новых подходов к истории оказалось достаточно характерным для отечественной историографии. Прежде всего это выразилось в повышенном интересе рассматриваемых авторов к теоретико-познавательным проблемам истории.

§ 1. Методология истории «критического позитивизма»

Российские историки начала XX столетия обратили внимание на особую природу историографии. Главным фактором, определяющим специфику исторического познания в отличие от естествонаучного, для Д.М.Петрушевского, В.П.Бузескула, Е.В.Тарле, А.К.Дживелегова, Н.А.Рожкова являлась связь исторической науки с жизнью современного общества. Полемизируя с объективи-

стской историографией, Д.М.Петрушевский писал: «Пора уже оставить эти (нередко, впрочем, лицемерные) хлопоты о какой-то свободной от всяких предвзятых идей науке. Такой науки не существует и никогда не существовало».¹ Историография разнообразными нитями связана с общественной жизнью, испытывая на себе ее влияние. В ученую работу «часто даже незаметно для исследователя, – подчеркивает ученый, – проникают тем или иным путем скорби и радости, сомнения и мечты того общества и той эпохи, среди которых он живет. Они-то и направляют, в конечном счете, его кабинетную работу, и как бы энергично он ни отрицал сатаны субъективизма, но его работа будет представлять собою зеркало его эпохи, ее умственных запросов и ее общественных стремлений, ее исторических и социологических представлений и идей».² Подобно Карееву, Петрушевский сравнивал историю нашей науки с «зеркалом, в котором отражается история самого общества», понять ее, полагал он, без истории общества невозможно.³

В разные времена различные социальные силы, указывая историографу, ставили перед исторической наукой неоднозначные задачи, привлекали ее данные в своих политических целях. История постоянно оказывалась в водовороте общественной борьбы и это не могло пройти бесследно для самой науки. Все, кто обращался за справками к прошедшему, вносили в него «злобу своего времени, видели в нем то, что им нужно было или хотелось видеть и что они могли видеть в зависимости от мирозерцания своей эпохи и той общественной группы, к которой каждый из них принадлежал».⁴ Но сказанное вовсе не означало, что Петрушевский как-либо стремился принизить научную значимость истории либо отрицать возможность ее средствами достижения достоверного познания. В его работах мы не встретим даже намека на подобную постановку вопроса, напротив, речь идет о безусловном прогрессе исторического знания. Единственно, что утверждает исследователь – своеобразный путь развития нашей науки и противоречивый характер получения объективно-истинного знания. На такой же позиции стояли Бузескул, Тарле, Дживелегов.

Е.В.Тарле исходил в своих исследованиях по методологии истории из того, что «общественные науки по самой своей природе тесно связаны с общественной жизнью и практически, и теоретически».⁵ В понимании природы и характера такой связи заметно влияние на историка русских «субъективных социологов». Сам Тарле в письме к Н.К.Михайловскому от 25 января 1898 г. признавался, что он воспитывался на его произведениях, привык ценить каждое слово

Михайловского и относится к философу как ученик к учителю.⁶ В статье, посвященной социологическим воззрениям главы школы «субъективной социологии» в России, историограф дает высокую оценку Михайловскому и называет его «одним из самых выдающихся русских публицистов последнего тридцатилетия».⁷ Творчество мыслителя импонировало Тарле именно потому, что в нем наблюдается прямая связь научной и общественной деятельности: «Редко где и редко какому писателю, – указывает историк, – пришлось столь наглядно обнаружить тесную, органическую связь между интересами общественной жизни и проблемами общественной науки, как это удалось сделать Михайловскому...».⁸

Тарле признавал невозможность выполнения требования позитивистской парадигмы по устранению всякого субъективного элемента из исследования. «Спору нет, – писал он, – историк не может никогда совершенно устранить личные свои воззрения из рассказа; его миросозерцание почти всегда оказывает влияние на отношение к фактам, к людям, к эпохе».⁹ И сама наша наука, по мнению ученого, находится постоянно в сфере политической борьбы, так или иначе отвечая на общественные запросы, обращаясь то к одним актуальным для современности проблемам, то к другим.¹⁰ Но независимо от целевого мотивирования исследования историк всегда должен исполнять долг всякого ученого: стремиться к истине: «Науке важна правда..., – подчеркивал Тарле, – в научном произведении нельзя задаваться апологетическими целями...».¹¹

Рассматривая различные аспекты связи истории и современности, ученый указал на важное методологическое значение изучения настоящего и ближайшего прошлого для подлинного понимания истории. «Наука, – писал он, – должна разобраться в пучине того фактического материала (современности – А.Н.) без опознания и понимания которого не только в текущей жизни, но даже и в предшествовавшей истории не все может быть анализировано и охвачено до глубины».¹² Тарле выделял важность знания истории XIX века как времени многих завершений, когда события протекали при особо ярком освещении.¹³ Поэтому не случайно историк стал одним из пионеров чтения курса новейшей истории в российских университетах, проявлял постоянный интерес к социально-политической истории XIX – начала XX вв.¹⁴

Необходимо отметить плодотворную идею Тарле о том, что разные эпохи неодинаково благоприятны для раскрытия смысла истории. Фактически ученый использует деление О.Контон историей на эпохи критические и позитивные. Свою современность ис-

следователь понимал как эпоху критическую, когда «рвется старая ткань, обнажаются концы и начала, выступает стихия, которую в другое время не видишь, а только подразумеваешь ее присутствие». Критические эпохи «обостряют способность к пониманию многого, что в другое время осталось бы не совсем ясным: они делают реальным то, что иначе оставалось бы пустым звуком». Иными словами, вскрывается стихия бессознательного, наблюдаются, по Тарле, истинные движущие силы исторического процесса, замаскированные от нашего взора в нормальные эпохи.¹⁵ Следовательно, связь исторической науки с современностью историк интерпретирует не только в плане ее влияния на объективность исследования, но и как источник получения нового, более глубокого знания о прошлом.

Бузескул не предпринимал специальных методологических исследований истории, хотя в его трудах теоретико-методологические вопросы исторического познания занимают много места. Ученый подходил к ним прежде всего как историограф. Среди проблем, определяющих специфику исторического познания, центральное место он, безусловно, отводил общественной природе исторической науки. На указанную проблему выводил сам предмет историографии, как его понимал Бузескул. В капитальном труде по историографии греческой истории он определил цель своих изысканий в том, чтобы «показать, что сделал минувший век по разработке этой истории, как менялись точки зрения и направления в ее изучении; <...> дать очерки исторической мысли, насколько она проявилась в греческой истории, изобразить то движение, которое происходило в этой области, обозреть великие открытия за последние десятилетия и проч.». Причем, историографические обзоры ученый рассматривал как «главы из истории науки», как «страницы из истории умственной жизни древности и XIX–XX вв.».¹⁶ Задача эта не могла быть выполнена без выяснения причин смены исторических представлений, природы новых точек зрения на исторический материал, связи между общественно-политическими, философскими и историческими учениями.

Бузескул имел хорошего учителя по историографии, пионера в этой области в России – М.Н.Петрова,¹⁷ автора исследования «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» (1861). Методологическое кредо Петрова, восходящее к гегелевской идее о единстве духа творящего и познающего, стало таковым и для его ученика. Показательна в этом плане работа Бузескула, посвященная творчеству главы малогерманской школы

Г.Зибеля, начинающаяся словами: «Если верно вообще, что «дух, творящий историю и объясняющий ею созданные явления – один и тот же»,¹⁸ что различные течения в сфере философской и политической мысли, настроения, стремления и идеалы общества находят себе отражение в трудах историков и самым могущественным образом влияют на изучение и оценку явлений прошлого, то в особенности это применимо к Зибелю».¹⁹

Немецкий ученый интересен Бузескулу именно в том смысле, что он сумел сочетать в себе качества крупного исследователя и практического деятеля. Для Зибеля история всегда была полем боя, где решаются спорные вопросы современной политики. Он подчеркивал неизбежный субъективизм в познании истории в отличие от познания естественнонаучного, который проистекает не только от пробелов в наших источниках и их субъективной окраски, но и от самого характера нашего восприятия прошлого человечества.²⁰ Отечественный историограф убедительно прослеживает отражение в научной практике Зибеля его теоретико-методологических позиций и современной ему общественно-политической борьбы. Под пером Бузескула немецкий автор предстал как активный участник борьбы за национальное и политическое объединение Германии. Происходившие на глазах историка события «вливали на самый выбор его тем, на точку зрения, на его симпатии и антипатии».²¹ Однако историографу импонировало, что, выступая с определенными политическими убеждениями, Зибель этого не скрывал и не прятался за маску беспристрастия. «Изучение прошлого служило ему, – пишет Бузескул, – ключом к пониманию настоящего и руководством при решении современных вопросов».²² Для русского исследователя в равной мере неприемлемо как искажение истории в угоду политике в духе Трейчке (чего не избежал частью и Зибель), так и индифферентизм и безличие, преклонение перед фактом, ратующих за «полную и безусловную объективность» в истории последователей Ранке. На почве научной достоверности Зибель смог удержаться, по Бузескулу, благодаря его личной добросовестности и усвоению им критического метода исследования, разработанного Ранке.²³

По убеждению Бузескула, ни один мыслитель, как бы ни был велик его философский гений, как бы ни было метафизично, и, казалось, лишено реальной основы его учение, не стоит изолированно от окружающей его действительности: «...его воззрения так или иначе имеют связь с характером и историей народа, с современной ему эпохой...».²⁴ В равной мере ни одна отрасль исторической

науки, к какой бы древности она ни была обращена, не может избежать влияния современности.²⁵ Это обстоятельство, «эту тесную связь с современным историку настроением и положением дел» необходимо иметь в виду, подчеркивал ученый, при обзоре литературы по истории Греции.²⁶

Данное положение не осталось просто теоретическим постулатом, но нашло разностороннее воплощение в историографической практике исследователя. Бузескул развил его как применительно к появлению в историографии античной истории новых направлений, так и в отношении анализа научного наследия отдельных ученых. Так, вторичное «возрождение классической древности» в германской науке во второй половине XVIII – начале XIX в. он связывал с новыми зародившимися потребностями, с развитием индивидуализма, «человеческой личности». Классическое наследие было подчинено делу возрождения Германии, развитию общественного самосознания, освобождению от подражания французским образцам.²⁷ При этом если в XVIII в. при слабом развитии в Германии общественно-политической жизни на первом плане стояли вопросы эстетики, указывает исследователь, то потрясения, связанные с Французской революцией, владычеством Наполеона и последующим стремлением к возрождению великой Германии, пробудили интерес к политической жизни древности, ее внутреннему, государственному и экономическому строю.²⁸ Появляются корифеи германской науки: Вольф, Нибур и потом Бек; «с ними начинается новая эпоха в разработке древней истории».²⁹

В рамках этой новой эпохи Бузескул выделял творчество И.Г.Дройзена как «одного из главных, характерных представителей немецкой исторической науки прошлого века». По определению историографа, Дройзен принадлежал к тому поколению, которое мечтало об объединении Германии, боролось за эту идею и возлагало свои надежды на Пруссию.³⁰ В философии истории немецкого ученого Бузескул видел элементы гегелевской философии, проявления фатализма, с которым нельзя соглашаться.³¹ Но Дройзен имеет громадные заслуги перед наукой, поскольку обратил особое внимание на эллинизм, на который до него смотрели пренебрежительно. После его работ сам термин «эллинизм» стал общеупотребительным.³² Историографическая практика немецкого автора, убежден Бузескул, отразила его политические убеждения, да и само обращение Дройзена к эллинизму не случайно. Эпоха Александра Великого привлекала ученого своим видимым сходством с современностью: «Дройзен, когда говорит об отношении Македонии к

Греции, представлял себе, очевидно, отношение Пруссии к тогдашней Германии, и это влияло на его оценку фактов и деятелей далекого прошлого».³³

Бузескул отмечал воздействие явлений общественно-политической жизни Европы XIX столетия на характер исторических интересов и научные оценки античного прошлого Г.Грота,³⁴ М.Дункера,³⁵ Т.Моммзена,³⁶ Ю.Шварца³⁷ и др. Применительно к отечественной науке всеобщей истории ученый подчеркивал влияние пореформенной действительности в России на формирование «русской школы» в изучении старого порядка и Великой Французской революции.³⁸ В равной мере, по Бузескулу, свои политические взгляды в науке выражали и историки далекого прошлого, например, Полибий.³⁹ Благодаря этому исторические исследования для нас, справедливо подметил ученый, являются «источником, так сказать, вдвойне; они не только отражают в себе, до некоторой степени, современную им эпоху, но и служат изложением самой истории».⁴⁰

Вызывает интерес идея Бузескула о том, что разные эпохи порождают различные по своему характеру исторические сочинения. Имеется в виду, что труды по всеобщей истории в греческой историографии – это произведения Геродота, Эфора и Полибия, – могли появиться только в соответствующие им исторические моменты, когда самые события приобретали более или менее универсальный характер и выходили из рамок истории отдельных народов.⁴¹ В этом смысле современность трактуется ученым как потенциальный источник нового концептуального знания, наблюдения над которым способствуют прогрессу науки.

Признавая специфику исторического познания, относительный характер его истин, Бузескул в то же время был чужд историческому субъективизму. Он последовательно выступал за возможное ограничение субъективного элемента в исторической науке, видя главную ее цель, как и всякой другой, в отыскании истины.⁴² Можно сказать, что центральными принципами исторического исследования для Бузескула были общенаучный принцип объективности и связанный с ним – историзма. Степень объективности исследователя являлась для историографа важнейшим критерием в оценке его научного творчества. Понятие объективности обоснованно выводилось отечественным ученым не только из степени политической пристрастности автора, но и из его мастерства работы с источниками, знания разработанности проблемы в науке, наконец, фундаментальности его научной концепции. В наибольшей степени указанным критериям, очевидно, для Бузескула удовлетворяли

Фукидид в античной историографии и Ранке в современной ему науке. Не случайно русский ученый нередко сопоставлял этих двух корифеев науки. Фукидид, писал исследователь, «положил начало истории как науке, и создал истинную историческую критику. Во многих отношениях он стоит уже близко к историографии XIX в., в особенности, к так называемой «Исторической школе», родоначальниками которой были Нибур и Ранке А. «Школа эта <...> провозгласила, что главная цель истории – отыскать истину. И Фукидид стремится к тому же – к точному знанию, к истине без прикрас и вымыслов...».⁴³ Конечно, античный автор не мог быть совершенно свободен от личных пристрастий, находясь среди борьбы партий, но «все-таки, – подчеркивает Бузескул, – по объективности, беспристрастию Фукидид стоит вообще чрезвычайно высоко. Его характеризует любовь к истине».⁴⁴ Вообще, полагал историограф, труд этого великого ученого навсегда останется «источником достоверным настолько, насколько вообще может быть достоверно произведение человека».⁴⁵

Ранке, по оценке Бузескула, справедливо носит имя главы «объективной школы», так как объективность – выдающаяся черта его творчества. «Его труды, – писал русский исследователь, – поражают своим беспристрастием и спокойным, невозмутимым тоном. Насколько вообще можно историку отрешиться от своих симпатий и антипатий при изложении явлений прошлого, настолько сделал это Ранке». Историограф совершенно точно отметил, что объективизм Ранке «вытекал из самого взгляда его на историю и ее задачи».⁴⁶ Среди античных авторов Бузескул выделял беспристрастность исторических построений Аристотеля,⁴⁷ Полибия.⁴⁸ Из историков XIX – начала XX вв. Бузескул указывает не беспристрастие Э.Курциуса,⁴⁹ М.С.Куторги,⁵⁰ А.Сореля⁵¹ и др.

В то же время историограф указывал на некритический подход к источникам и научную небрежность Диодора,⁵² Плутарха⁵³ и др. Достаточно жестко критиковал Бузескул за надуманность комбинаций, шаткость выводов и политическую тенденциозность Дункера,⁵⁴ русского историка-новиста И.И.Иванова.⁵⁵ Особенно резкие, но справедливые оценки исследователя заслужил немецкий историк афинской демократии Ф.Дреруп, предпринявший свои научные изыскания для обоснования империалистической политики Германии в годы первой мировой войны.⁵⁶ С глубоким уважением относясь к вкладу в античную историографию Фюстель де Куланжа и Эд.Мейера, отечественный ученый тем не менее считал необходимым указать на просчеты научной концепции французского

исследователя⁵⁷ и проявившиеся политические пристрастия немецкого историка.⁵⁸ Заслужено следует считать его требования соблюдения принципа историзма в историографическом исследовании. Так, выступая против излишне строгого суда над Геродотом, он утверждал: «...мы должны судить о нем не с точки зрения современной науки, а с точки зрения условий его времени».⁵⁹ Объективность невозможна без исторического подхода к объекту исследования.

В подходе к проблеме природы исторического познания А.К.Дживелегов занимал позиции близкие скорее к Н.И.Карееву, чем к Р.Ю.Випперу. В теоретической статье «История», подготовленной для «Энциклопедического словаря Товарищества Гранат», исследователь настаивал на связи истории и современности: «Общие условия всегда так или иначе оказывают влияние на содержание и дух исторических работ, – писал он. – Историк – сын своего времени и член определенной социальной группы; всегда, даже при самом добросовестном стремлении быть объективным, он вносит в свои труды элементы мировоззрения, только ему свойственные».⁶⁰ С этой точки зрения историограф охарактеризовал развитие нашей науки от Геродота до начала XX столетия.⁶¹ Более подробно на вопросе о социальной обусловленности в познании прошлого ученый остановился в статьях «Теодор Моммзен как историк и политик» и «Социальная наука и социальная философия». Методолог утверждал, что определенные субъективные посылки в общественных науках, в частности, в социологии, неизбежны. Ученый привносит их независимо от своих пожеланий, поскольку «в то время как у самого преданного своему делу биолога нравственная сфера остается совершенно индифферентной во время его работы, у социолога она бывает постоянно затронута».⁶² Сущность субъективных предпосылок Дживелегов видел в этических идеалах исследователя, а поскольку нравственное мирозерцание человека складывается в различных условиях, то и обязательного для всех нравственного идеала не существует. В связи с этим, когда оценка исторических явлений дается исключительно с точки зрения моральных норм, то «научное освещение фактов равно нулю».⁶³ Историк призывал поэтому прежде чем обращаться к субъективным элементам в познании (весьма произвольно вычлняя их), «взять от объективных все <...> все время иметь перед глазами добытые объективным путем результаты». Последние извлечены, по его мнению, «из эмпирического, то есть единственно научного материала». Отсюда логично вытекала резкая критика ученым неоиdealистам, которые, по его

словам, отдают приоритет субъективным предпосылкам (абсолютным нравственным ценностям), рассматривая научные выводы (содержание) как нечто текучее, изменчивое.⁶⁴

Не трудно в данном случае обнаружить влияние на взгляды Дживелегова позитивистской идеи о существовании двух методов познания – объективного и субъективного. Однако он стремился не столько к противопоставлению их, сколько к выявлению объективных оснований в историческом познании, признавая обусловленность последнего современностью. В этом плане характерна его оценка развития германской науки в прошлом столетии и места в ней Т.Моммзена. Немецкая историография в XIX в., по убеждению Дживелегова, испытала на себе могущественное воздействие политических событий: «Потрясение, испытанное Германией в эпоху Наполеоновских войн, сопровождавший его могучий подъем национального чувства, имело <...> то последствие, что страна, порождавшая до тех пор только философов и поэтов, стала дарить крупных историков. Никогда еще не являлось в одно и то же время такой блестящей плеяды корифеев исторической науки, как первую половину прошлого века в Германии. Все они либо сознательно переживали разгром и обновление Германии, как Нибур, Дальман, – либо юношами были свидетелями того и другого, как Ранке, – либо воспитывались под свежим впечатлением недавних событий, как Гизебрехт, Зибель, Моммзен, Гейсер и самый младший из всех –Трейчке.

Политические события, – подытоживал исследователь, – оказали на всех перечисленных нами историков огромное и многостороннее влияние».⁶⁵ Под заданным углом зрения ученый и рассматривал творческий путь Т.Моммзена. Немецкий историк интересен историографу во многих аспектах, немаловажным среди которых был тот, что он сочетал в себе гражданина и ученого.⁶⁶ Дживелегов справедливо указывал, что автору «Истории Рима» лучше всего удавались эпохи, которые его более всего волновали. Здесь он мысленно окунается в круговорот борьбы партий, точно он участник событий, переживает все перипетии борьбы. Особенно сказанное относится ко времени Цезаря, которого Моммзен трактовал как самого великого представителя правильно понятой верховной власти. Особенность творческого метода немецкого ученого историограф видел в том, что он уясняет себе и своим читателям факты и лица древности, сопоставляя их с современной историей: «Модернизируя» таким образом историю, Моммзен далекое делает близким; делая его близким, – насквозь пропитывает

духом собственной индивидуальности, налагает на него яркий отпечаток своих общественных и политических взглядов». ⁶⁷ Историк Рима – певец силы и победителей в прошлом, но это не всегда отражает его политические убеждения. ⁶⁸ Здесь Дживелегов высказывает интересную мысль об известном несовпадении историографической практики и политических воззрений ученого: «...как мы хорошо ни понимали историю..., – писал он, – мы всегда будем оценивать факты прошлого иначе, чем факты настоящего, ибо там мы все знаем до конца, а тут живем в незавершившемся кругу явлений». ⁶⁹ Так, у Моммзена доминирующими пунктами политической программы, по Дживелегову, были национализм и либерализм. Первый шел от освободительной эпохи, второй – от борцов 1848 г. Причем последний носил бесклассовый характер. Третий пункт программы немецкого историка – монархизм. ⁷⁰

Сам Дживелегов в своем историографическом исследовании открыто выражал либерально-демократические воззрения, что в частности проявилось в его осуждении позиции Моммзена в отношении социалистов, ⁷¹ шовинизма Трейчке, от некоторых страниц которого «пахнет кровью». ⁷² Российский исследователь вполне определенно осуждал искажение истории в угоду каким-либо социально-политическим пристрастиям, но полагал, подобно Карееву, что открытая партийность Моммзена, которая сразу бросается в глаза, не опасна: «Ведь вполне несубъективных историй, – обоснованно заключал он, – об этом теперь, кажется, больше не спорят, – не бывает <...> Во много раз хуже тот субъективизм, который искусно замаскирован...». ⁷³

Необходимым компонентом для получения достоверного знания Дживелегов считал профессиональное мастерство исследователя, в частности, владение им критическим методом работы с источниками. Автор его – Нибур, по оценке историографа, дал историкам «категорический императив – работать так, чтобы исторический факт рассматривался не как средство, а как цель». ⁷⁴ Успех Моммзена объясняется его умелым использованием критического метода.

Дживелегов подчеркивал, что правильный научный метод не может дать ни критико-познавательная точка зрения, ни телеология, но только эксперимент, «только строго проверенные научные результаты <...> одни они представляют истинно объективное знание, имеющее вполне реальный общеобязательный характер...». ⁷⁵ Призывая к бережному отношению к историческому факту, ученый справедливо полагал, что научной достоверности не достичь

на пути простого следования за источником. В эту ошибку, по его мнению, впадал Фюстель де Куланж, стремившийся ни на шаг не отходить от текста. Однако, пробелы в источниках заставили французского историка заполнять их логическими суждениями, которые сам он страстно осуждал в работах других авторов. В итоге Дживелегов отмечает натяжки в выводах Фюстель де Куланжа, вытекающие из его недостаточно критического отношения к источникам и пренебрежения ролью теоретического мышления.⁷⁶

Ратуя за научность исторического знания, Дживелегов в то же время выступал против объективизма, индифферентности в позиции ученого. Он справедливо подчеркивал, что наиболее популярными историками «были и будут те, которые пишут с увлечением, то есть с пристрастием <...> Только там получается выпуклое и живое изображение, где автор живет между своими действующими типами, где он любит и ненавидит, почитает и презирает. Все равно, какая тут тенденция, прогрессивная или реакционная: не она важна, а то, что она сделана». Поэтому читатели с одинаковым наслаждением читают либерала Маколя, ретрограда Трейчке, народника Мишле, ведь «их тенденциозность делает их рассказ живым и увлекательным.⁷⁷ Речь у Дживелегова идет о сохранении социальной значимости исторической науки, которая ставится под угрозу в случае ее полной элиминации из современности.

О позиции М.И.Ростовцева по проблеме взаимосвязи истории и современности в общих чертах позволяет судить его неопубликованный курс лекций по истории Греции. Во введении к нему Ростовцев указывал, что исследователь всегда смотрит на прошлое сквозь призму современности и отношение к ней в конечном счете определяет его научную позицию. Ученый скептически относился к возможности полной научной беспристрастности. Он призывал своих учеников учитывать фактор «злости дня», что, по его мнению, не только способствует обогащению культуры современности, но и позволяет лучше понять развитие исторической науки.⁷⁸

В целом, раскрывая социальную природу исторической науки, русские либеральные историки конца XIX – начала XX вв. много писали о социальной значимости и полезности истории, продолжая в этом отношении линию позитивистской историографии второй половины XIX столетия. Д.М.Петрушевский указывал, что историческая наука, стремясь к открытию законов комбинации общественных элементов, показывает потенциальные возможности современной действительности. Тем самым история избавляет нас

от рабского преклонения перед действительностью и дает «твердую уверенность, что мы можем воздействовать на общество, сделать действительностью одну из общественных возможностей, наиболее для нас желанную». «Без знания того, что было и как было, — за Ключевским писал ученый, — невозможно знать того, что будет и должно быть».⁷⁹ Вполне обоснованно Петрушевский видел в историографии важнейшее орудие в борьбе различных социальных сил, независимо от сознания самих деятелей науки.⁸⁰

Е.В.Тарле, в свою очередь, признавая высокую социальную значимость нашей науки, скептически относился к возможности ее средствами прогнозировать будущее. Самое большое, что вполне трезво он готов признать, это прогнозирование наиболее общих моментов социальных процессов на ближайшее будущее, да и то при существенной оговорке: если не случится ничего непредвиденного.⁸¹ Вполне солидарен с ним был В.М.Хвостов, считавший, что элемент случайного в истории неустраним; он готовит нам постоянно «нечто новое, небывалое и уже потому непредвидимое». Кроме того, в истории отсутствуют простые повторения одного и того же, следовательно, «предвиденье в области жизни, — полагал социолог, — немислимо...».⁸² Скептическое отношение к прогностическим возможностям истории проявлял Е.Н.Щепкин. Отсутствие тождественных повторений событий в истории и обязательных законов появления события каждый раз при наличии обуславливающих их причин, писал он, не позволяет историку предсказывать что-либо с достоверностью. В этом Щепкин усматривал ограниченность истории как науки.⁸³ Что касается Виппера, то, по его мнению, предвиденье затруднено во всех науках, имеющих дело с незавершенными рядами явлений.⁸⁴ Более оптимистично был настроен Н.А.Рожков. Правда, пока предвидеть будущее со всеми его подробностями, писал он, мы не в состоянии, но «с развитием обществознания и социальные предсказания неизбежно достигнут большей точности».⁸⁵ Другой социальной задачей истории Рожков считал помощь в определении «конкретных общественных идеалов данного времени в связи с главными условиями общественной жизни». История, утверждал он, дает основания для научной политики.⁸⁶ В понимании функций истории «критические позитивисты» мало отличались от предшествующей историографии. Более остро ими был поставлен вопрос о значении истории в идейно-политической борьбе современности и заметнее проявился скепсис в отношении прогностических возможностей нашей науки, но и в этом можно увидеть продолжение кареевского подхода к проблеме.

В начале XX века представление о неразрывной связи исторической науки и современности прочно вошло в сознание русских историков.⁸⁷ Анализ такой связи позволил исследователям в рамках изучения природы исторической науки указать на факт зависимости самого предмета истории от меняющейся общественной жизни. Как писал Петрушевский, жизнь последовательно выдвигала различные вопросы и это приводило к тому, что все новые стороны жизни становились предметом исторического изучения, выступали новые направления в науке. Следствием этого являлось обогащение предмета историографии. При этом ученый отметил любопытный факт: «Каждое направление в историографии проявляло в той или иной степени тенденцию считать главным и основным содержанием исторической жизни и главным и основным предметом исторической науки временное содержание своей науки».⁸⁸

Петрушевский, а за ним и Бузескул, указывали, что от проблем истории религии наша наука перешла к вопросам политической борьбы и политических учреждений, частично культуры. Обращение историографии к экономической и социальной стороне истории есть следствие обострения социального вопроса во второй половине XIX в.⁸⁹ «...в наше время, в век капитализма и рабочего пролетариата, могущества денег, развития торговли и промышленности, – подчеркивал Бузескул, – когда вопросы и отношения социально-экономические стоят на первом плане, интересуют и волнуют каждого мыслящего человека, и историческая наука, при изучении прошлого, обращает особенное внимание на них, на состояние общества и общественных классов, на борьбу этих классов, на отношение к ней государства».⁹⁰ Эту же мысль развивал в статье «Чем объясняется современный интерес к экономической истории» Тарле.⁹¹ В свою очередь Дживелегов видел заслуги исторической науки XIX столетия в двух «капитальных приобретениях»: во-первых, совершился поворот от внешней истории к внутренней, от истории вождей к истории масс; во-вторых, «выдвинулся вопрос об экономических отношениях и стал приковывать к себе внимание историков со второй половины прошлого века, когда определилась социальная борьба...».⁹²

Философское основание зависимости предмета историографии от уровня развития общества дал В.М.Хвостов, когда, определяя причины интереса к социально-экономической истории современной науки, писал: «Каждая эпоха вообще интересуется теми сторонами истории, которые играют наибольшую роль в ее собственной жизни, теми событиями, которые имеют отношение к наиболее

дорогим для нее культурным ценностям».⁹³ Данная идея прочно утвердилась в современной науке.

Следует отметить, что для подавляющего большинства «критических позитивистов» процесс развития историографии – включение все новых сторон жизни в поле ее исследования, появление новых точек зрения на материал – являлся поступательным. В его итоге историческая жизнь охватывалась постепенно всесторонне и создавались предпосылки для ее понимания как цельного единого процесса. Признание зависимости исторической науки от влияния общественной среды, релятивного характера исторической истины вовсе не означало для них отрицания самой возможности достоверного познания в истории. Как безусловное общенаучное требование сохранялась необходимость для исследователя прошлого быть объективным в той мере, как это позволяет специфика исторического познания, его социальный характер. Отказавшись от представления позитивистской парадигмы о пассивном характере процесса научного познания, ее требования полного объективизма в истории и абсолютизации фактического знания, они не приняли прагматического подхода к науке и стремились поставить пределы историческому релятивизму. В этом смысле можно говорить, что «критические позитивисты» пытались не столько разрушить позитивистскую парадигму, сколько реформировать ее на базе новых подходов неклассической науки.

Таким образом, для В.П.Бузескула, Д.М.Петрушевского, Е.В.Тарле, И.А.Рожкова, А.К.Дживелегова, как и для Р.Ю.Виппера, специфика исторического познания в отличие от естественнонаучного в первую очередь определялась социальной природой историографии. Однако в рамках «критического позитивизма» можно выделить и иной подход к проблеме специфика исторического познания, связанный с именами В.М.Хвостова и Е.Н.Щепкина, в чем-то дополняющий уже рассмотренный. Этот подход в своей основе психологический, он много почерпнул от В.Вундта.

В.М.Хвостов, обращаясь к теории исторического познания, исходил из идеи качественного совпадения субъекта и объекта в истории. Такое совпадение, по его мнению, с одной стороны, обеспечивает саму возможность познания,⁹⁴ а с другой – до известной степени определяет его субъективный характер. «...история, – писал методолог, – изучает процессы психические, и поэтому мы не можем понять ее иначе, как при помощи умозаключений, даваемых по аналогии с нашей собственной психологической жизнью».⁹⁵ Но совпадение, полагал ученый, не означает тождества: объект позна-

ния вполне реален и не зависит в своем существовании от субъекта,⁹⁶ хотя выделение предмета исследования всегда условно и «создается актом нашей мысли, расчленяющей материал опыта, где все слитно...».⁹⁷

Признание реальности чужих психик позволяло Хвостову рассматривать науку как коллективный опыт, в котором идеалом знания предстает «логическое объединение суждений всех людей». Наука в итоге трактовалась им как социальный институт, в котором научное знание имеет «характер сверхиндивидуальный, общеобязательный для всех людей».⁹⁸ Он даже писал о «сознании вообще», которое составляют суждения о мире, признаваемые всеми, обязательные для всех логически мыслящих людей.⁹⁹ Соответственно, критерий научной истины социолог видел в ее «согласованности со всеми остальными научными положениями и ее самоочевидности в конечном счете».¹⁰⁰ Истина эта – то, «что выдерживает проверку приемами научного анализа».¹⁰¹

Относительно истории, указывал Хвостов, распространено мнение, будто она в качестве науки о духе не является столь точной, как наука о природе. Исследователь признавал известную разницу в методах и приемах работы тех и других наук, вызываемую различием самих предметов исследования, но был убежден, что конечный идеал у них является общим: «Идеалом исторического познания, – писал он, – вероятно, впрочем, никогда недостижимым, является такое знание минувших событий, из которого вполне был бы исключен случай, в котором каждое событие представлено было бы как неизбежное последствие действия общих законов, управляющих жизнью мира».¹⁰² То есть, в этом отношении ученый не расходится с позитивистской парадигмой.

На в своей основе позитивистскую почву он пытался привить ряд идей, взятых у Риккерта, Вундта, Дильтея и им синтезированных. Хвостов решительно выступал против отождествления познавательных норм в науках о духе и о природе. Принципиальным моментом для него являлось признание наличия свободы воли в человеческой истории в противовес необходимости в физическом мире.¹⁰³ Как сам он показывал, для него встал вопрос о согласовании свободы воли в историческом процессе с идеей причинности, обязательной для мировоззрения ученого. Пытаясь удовлетворить тому и другому требованию, социолог приходил к идее особой психической причинности, развитие и обоснование которой он нашел у некоторых современных ему философов.¹⁰⁴ В первую очередь имеется в виду В.Вундт. «Важнейшим свойством психической при-

чинности, отличающим ее от физической или механической, – писал методолог, – является то, что в психике происходит постоянное творчество. Тогда как в мире физической природы мы имеем непрерывное повторение одних и тех же процессов <...>, причем следствие всегда целиком содержится в своих причинах; в мире духовной жизни, напротив, мы постоянно создаем качественно новые продукты, с которыми наше чувство нередко связывает положительную ценность». Мир духа не поддается точному количественному исчислению, «это мир – качеств». ¹⁰⁵

Ученый вслед за Вундтом утверждал, что в истории действует «закон творческого синтеза», то есть идет постоянное нарастание ценностей, тогда как в природе мы наблюдаем закон сохранения энергии. ¹⁰⁶ В итоге в наиболее общем плане специфика истории, по Хвостову, в том и состоит, что она «есть по самому существу своему наука о духе...» Понятие «психической причинности», таким образом, вводится им как принцип классификации наук. С этой точки зрения он критикует классификацию наук Г.Риккерта и его понятие «исторической причинности». ¹⁰⁷

В то же время Хвостов принимал позитивную идею неокантианцев о наличии ценностных отношений в истории: «Закон творческого синтеза в применении к общественно-психической жизни, – писал он, – порождает то явление, которое обычно называют творчеством культурных ценностей». ¹⁰⁸ Русский ученый положительно отзывался об аксиологическом методе Риккерта, подчеркивая, что только наш интерес к культурным ценностям приводит к тому, что мы изучаем индивидуальное в истории. ¹⁰⁹ Он соглашался с разграничением оценки и метода отнесения к ценностям, ¹¹⁰ ратуя за исключение субъективных суждений из истории. ¹¹¹ Ранке, по мнению историографа, был прав в своем требовании изображать исторические события такими, какими они были на самом деле. Однако достичь полного объективизма невозможно по ряду причин: историк должен проникать в духовную жизнь давно исчезнувших людей, производить отбор фактов. ¹¹² Не может исследователь стоять изолированно и от общества, поскольку каждый его член «находится под воздействием общественного сознания». Львиная доля внутреннего содержания каждого из нас, нашего мировоззрения, указывал Хвостов, «почерпнута из окружающей общественной среды». ¹¹³ Кроме того, известная субъективность заключается в самом аксиологическом подходе.

В отличие от Риккерта Хвостов отвергал трансцендентный характер ценностей: «Я не могу понять, – писал он, – как подобное

неопределенное нечто, которое не есть бытие, может быть для меня порукой в существовании независимой от меня реальности, как оно может меня вывести из субъективизма или даже из полного солипсизма и иллюзионизма...».¹¹⁴ Напротив, русский методолог отказывался выделять ценности из бытия, подразумевая под ними «те содержания мысли чувства и воли, которые создаются людьми в процессе их социально-психического действия».¹¹⁵ Он неоднократно подчеркивал, что процесс создания культурных ценностей незакончен (человечество развивается и задача каждого – участвовать в выработке ценностей и их реализации)¹¹⁶ и это не может не отражаться на объективности исторического исследования.¹¹⁷ Но не дело историка, по Хвостову, проверять правильность содержания общепризнанных ценностей, если он возьмет на себя такую задачу, «то неизбежно сойдет с пути точного знания и вдастся в область чистой метафизики».¹¹⁸

Не следует буквально понимать требование Хвостова к истории быть «точной и строгой наукой...».¹¹⁹ Указанные обстоятельства ставят определенные границы точности исторического знания. Поэтому вполне справедливо ученый заключал: «История пишется людьми и для людей, и на ней всегда будет отражаться несовершенство нашей познавательной деятельности, а также и те более или менее преходящие интересы, которыми живут люди, исследующие исторические события».¹²⁰

Таким образом, в постановке проблемы специфики исторического познания В.М.Хвостов совмещает идею об особой «психической причинности» в истории с аксиологическим подходом и признанием социальной обусловленности познания в нашей науке. Трактовка ценностей как исторических, становящихся, являющихся элементом общественного бытия сближает русского ученого не с Риккертом, а с М.Вебером. Думается, что в таком виде аксиологический метод по сути дополнял «критических позитивистов».

Другие авторы из круга рассматриваемых исследователей определенно к ценностному методу своего отношения не выразили. Можно лишь говорить о переходе Д.М.Петрушевского на позиции неокантианства по данной проблеме в работе «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (М.-Л., 1928).¹²¹

В рамках психологической интерпретации истории решал проблему специфики исторического познания Е.Н.Щепкин: «Итак, все здание истолкования исторической жизни, – писал ученый, – зиждется на постулатах суждения по субъекту и деятельности сообразно воле и цели, то есть на психологии индивидуального и кол-

лективного духа; его по справедливости надо назвать психологическим толкованием». ¹²² В основу своей методологии исследователь положил махистскую теорию познания («критического эмпиризма») и в принципе рассматривал историю в ряду других наук. ¹²³ Проблема истины в науке решалась им как результат «коллективного признания истолкований всеми специалистами по данному вопросу». ¹²⁴ Научные положения, по его мнению, могут быть «логически прямо-таки навязаны каждому нормальному человеку с достаточной общей подготовкой». ¹²⁵ А потому Щепкин выносил за рамки науки признание божественного либо трансцендентного происхождения идей как несоответствующее опытному знанию. Зато с точки зрения последнего он признавал особенно плодотворным для историографии то течение философской мысли XIX в., которое «старалось понять идеи с чисто психологической точки зрения, как силы доступные, имманентные миру ощущений...». ¹²⁶

Е.Н.Щепкин решительно отвергал упреки истории в ненаучности и утверждал, что в прошлом веке она выработала себе критический метод, обладающий ясной формулировкой и ведущий к положением всеобъемлющего характера, перенесла свое внимание с единичных фактов на повторяющиеся общественные явления, овладела колоссальными архивными материалами, привлекала к себе дарования, обогатилась категориями смежных наук и тем самым утвердилась в своем научном статусе. ¹²⁷ Одновременно исследователь указывал на ряд моментов, ограничивающих познавательные возможности истории и определяющих ее особенности как науки. Среди них Щепкин отмечал тот, что в общественной жизни не встречаются тождественные повторения событий, историки не могут вызвать событие искусственно, то есть. произвести опыт. ¹²⁸ Поскольку в истории речь идет, по мнению одесского ученого, о психической энергии, то исследователь «должен ограничиться установлением качественного (квалитативного) сходства и не может учесть количественное (квантитативное) отношение между факторами и их результатами». ¹²⁹ Это делает невозможным для историографии применение многих методов естественных наук, открытие индуктивным путем законов общественного развития и достоверных предсказаний. ¹³⁰

Столь же скептически ученый рассматривал реальность установления в истории определенных типов из-за отсутствия сколь-нибудь надежной статистики для прошлого. ¹³¹ Методолог также отмечал невозможность для историка непосредственного восприятия событий прошлого, так как они давно минули: «Отсюда новая

задача для его дисциплины – восстанавливать явления по свидетельским показаниям, рассказам участников и чужим пересказам». ¹³² Иными словами, им констатируется ретроспективный характер исторического познания. Он подчеркивал своеобразность проявления закона причинности в историческом процессе как психическом. Суть ее ученый усматривал в сознательной целеполагающей деятельности человека: «Итак, – писал он, – чтобы найти причину исторической деятельности надо ее цель проектировать обратно или, лучше сказать, целью исторической деятельности становится ее причина, проектируемая вперед». ¹³³ В психологии это – метод объяснения через характер и мотив деятельности индивида. К нему апеллировал и Н.И.Кареев.

Наконец, Щепкин отмечал воздействие современности на историческую науку. «Внимание историков, – писал он, – всегда охотно подчинялось зловым дням и направлялось интересами минуты <...> На всем протяжении своего материала, от восточной монархии и античного города и до капиталистической, демократически самоуправляющейся Западной Европы конца прошлого века, историки ввели в круг изучаемых сторон народной жизни вопросы, животрепещущие для их современников и для них самих». ¹³⁴ Следовательно, исследователь признавал фактическое наличие в историографии «разнообразных точек зрения», отнюдь не сводимых к единому общеобязательному суждению. Но это не исключало, по его мнению, возможность и необходимость последнего. ¹³⁵ В итоге ученый продолжал ратовать за научность историографии, но оставлял ей лишь «один существенный признак науки: она может объяснить происхождение события, когда оно уже наступило, обнаружив и доказав с общеобязательной убедительностью связь события с определенными предшествовавшими ему фактами». Историческое объяснение – от следствия к причине – он целиком сводил к психологическим основаниям, базируя его на «общеобязательных психологических законах». ¹³⁶

Сами постулаты истории, без которых, по его мнению, человеческая жизнь была бы совершенно недоступна для познания и понимания, взяты Щепкиным из психологии. ¹³⁷ Сугубо психологическим видел исследователь и методологический арсенал нашей науки, с помощью которого она устанавливает между событиями «психологически понятную связь»: 1) прием причинного объяснения исторических производных по качественному сходству с производителями, то есть объяснение какого-либо новообразования некоторыми сходными с ним по качеству факторами; ¹³⁸ 2) метод

связи по контрасту или принцип психической реакции, когда какой-то феномен объясняется в качестве реакции на господствующее в обществе настроение; 3) объяснение изменений в одних сферах жизни качественно близкими переменами в других.¹³⁹ Приемы для реконструкции прошлого историк, указывал Щепкин, «заимствует опять-таки у психологии, изучающей механизм познания вообще и ценность людских высказываний, свидетельских показаний в частности».¹⁴⁰ «Критико-эмпирическая гносеология», основанная на психологии, по мнению исследователя, позволяет преодолеть скептические утверждения о невозможности восстановления событий прошлого из-за отрывочности свидетельств. Цельное построение и восстановление события, – то есть, по Щепкину, комплекс закономерных связанных между собой переживаний, – происходит путем дополнения отдельных восприятий чужих для нас сознаний множеством тождественных, сходных или аналогичных действий. «Вот этот-то запас закономерных связей восприятий от явлений, аналогичных с изучаемым событием, – писал ученый, – историк имеет налицо в виде психологических обобщений и законов, которыми он связывает отрывочные свидетельства о событии в одно целое». Таким образом, исследователю нет нужды иметь полные свидетельские материалы, а достаточно такого их ограниченного количества, которое психологически понятными для нас связями позволяет слить известия в одно целое. В итоге Щепкин неизбежно приходил к выводу о том, что научная картина прошлого есть «искусственный препарат из дошедших до нас известий, аналогичный географическим картам».¹⁴¹

В стремлении разложить процесс исторического познания на составные элементы и интерпретировать их с точки зрения психологии Е.Н.Щепкин демонстрирует явное сходство с Виппером. Однако в методологии истории последнего все это проведено тоньше, глубже, остроумнее. Даже верные наблюдения Щепкина по методологическим вопросам истории теряются среди явно архаичных либо поверхностных представлений, например, таких как перечисленные им методы исторического исследования. Это обусловило отсутствие интереса у научной общественности к его теоретической работе, да и из конкретных трудов историка внимание привлекла лишь магистерская диссертация «Русско-австрийский союз во время Семилетней войны 1746-1758. Исследования по данным венского и копенгагенского архивов» (СПб., 1902. – 852 с.).¹⁴²

Таким образом, в «критическом позитивизме» в целом обнаруживается глубокая и разносторонняя постановка проблемы специ-

фики исторического познания. Было бы явной натяжкой утверждать, что методологические позиции рассматриваемых авторов совпадали. Но, безусловно, разброс мнений оставался в границах позитивистской науки. Общим моментом являлось стремление сохранить единство научного знания, уверенность при всех оговорках в возможности достоверного познания истории.

«Критические позитивисты», в отличие от немецкой критической философии были убеждены в потенциальной возможности средствами общественных наук выявить определенные законы исторического процесса. Как и Виппер, понятие «закон» они преимущественно трактовали в качестве инструмента овладения хаосом действительности. Так, в своих первых работах М.Н.Покровский упрекал «наивных реалистов» за то, что они искали законы, как золотую руду в земле, с убеждением, что эти законы существуют объективно, независимо от нашего сознания. Но в действительности, по мнению ученого, существует только хаос первичных ощущений. Поэтому все законы субъективны и есть лишь общие понятия. Закон не есть изображение действительности, он – «даже не план действительности, не ее схема: это ее мерка, масштаб».¹⁴³ Следовательно, «вопрос о «законах истории» не фактический – он сводится к вопросу о том, можно ли подводить явления, составляющие материал истории, под общие понятия».¹⁴⁴ По мнению Покровского, это делать можно так же, как и с материалом природы.

Е.Н.Щепкин утверждал, что процесс познания согласно эмпирической гносеологии покоится на изучении привычных связей между единичными восприятиями, которые «постепенно, благодаря личному и общечеловеческому опыту, срастаются в связи закономерные, в общеобязательные представления, понятия и законы последовательности явлений». То есть, закон для него – «постоянный по составу комплекс (связь) ощущений», обобщенные данные людского опыта.¹⁴⁵ В.М.Хвостов в определении закона шел за В.Вундтом, разумея под научным законом «формулу, выражающую правильную связь логически самостоятельных фактов, которая прямо или косвенно указывает их причинную или логическую зависимость».¹⁴⁶

Ни в коей мере исследователи также не собирались отказываться от каузального подхода в исторической науке. В частности, Е.В.Тарле настаивал на необходимости не ограничиваться констатацией сцепления причин со следствием, но искать «происхождение факта».¹⁴⁷ Н.А.Рожков высоко отзывался о Милле и заимствовал его формулировку причины, данную в «Системе логики» как «неизбежную и необходимую последовательность двух явлений».¹⁴⁸

Ученый настаивал на факте тождества повторений в истории и в природе и даже полагал, что индивидуальные особенности первых не более индивидуальны, чем особенности явлений, изучаемых естествознанием: «первые, как и вторые, объясняются общими законами, формирующими различные сочетания одних и тех же основных элементов».¹⁴⁹ В духе первого позитивизма социолог формулировал возможность и необходимость установления в общественном знании единообразных постоянных отношений между причинами и следствиями или так называемых общих научных законов. «Научный метод один, – заключал Рожков, – и его нужно применять одинаково во всех отраслях человеческого знания».¹⁵⁰

Е.Н.Щепкин большую роль уделял элементу случайного в историческом процессе, поэтому и полагал, что исторические сравнения факторов неточны.¹⁵¹ В то же время признание свободы воли, по его мнению, «не перерубает закона причинности на пороге духа».¹⁵² Методолог отвергал собственно «исторические законы» общественного развития, но выдвигал на их место психологические законы. Соглашаясь с влиянием на историю экономических, биологических, социологических явлений, все же в основе их законов он видел психологические отношения и законы психологии.¹⁵³

Элемент свободы воли в историческом процессе подчеркивал В.М.Хвостов, связывая его с действием «психологической причинности».¹⁵⁴ Социальные законы для него – «суть общие схемы о порядке, в котором протекает процесс межличностного духовного общения. Это – законы социальной психики».¹⁵⁵ Отдельные исторические факты, полагал ученый, индивидуальны, но это ни в коей мере не мешает признанию общей психической закономерности всего процесса «...именно эта закономерность дает нам право включить историю в общую систему наук, признать ее не только за дело памяти, как думал Шопенгауэр, но и за дело способности рассуждения», – заключал исследователь.¹⁵⁶

По мнению А.К.Дживелегова, «современное монистическое научно-философское мирозерцание прочно установило тот взгляд, что природа и общество подчинены действию одних и тех же законов, законов мировой причинности».¹⁵⁷ Исторический процесс, продолжал исследователь, подходит под это действие и «направляется психическим фактором». Поскольку новейшая психофизиология доказала закономерность психических актов, то и обществоведы получили «надежную предпосылку для конструкции закономерности исторического процесса».¹⁵⁸ Психика, по Дживелегову, – активный фактор общественной эволюции, а среда – пассивный.

История, в итоге, есть «приспособление человеческих обществ в окружающей материальной среде в целях наилучшего удовлетворения потребностей его членов». При всей индивидуальности исторических фактов они, следовательно, имеют общую основу, позволяющую установить закономерности истории.¹⁵⁹ С таких позиций Дживелегов отражал атаки на идеи закономерности и причинности в истории немецкой критической философии. Подвергнув критике воззрения Штаммлера и Штейна, он писал: «Каузальный метод есть научный метод по преимуществу и до тех пор, пока ученый хочет оставаться в сфере науки. И всякая теология должна подчиниться принципу причинности и согласиться быть простым его видоизменением».¹⁶⁰

Таким образом, наличие каузальных связей в истории и определенных законов общественного процесса не вызывало возражений «критических позитивистов», хотя их природу они определяли неодинаково. Более разнились их воззрения на то, какая из наук об обществе этими законами занимается, на предмет непосредственного историографии. Принципиальная возможность сравнительного социологического изучения истории, отстаиваемая Виппером и Петрушевскими, другими «критическими позитивистами» не оспаривалась.¹⁶¹ Ближе всего к воззрениям Виппера и Петрушевского по данному вопросу стоял Н.А.Рожков. Исследователь склонен был видеть рациональное зерно в позитивистской классификации наук, их разделении на конкретные и абстрактные. Причем преимущество этой классификации в сравнении с риккертской он видел в том, что у Спенсера оба разряда знаний тесно связаны и немыслимы один без другого, тогда как неокантианцы вырывают между ними глубокую пропасть.¹⁶² Однако ученый был убежден, что познавательные возможности исторической науки в действительности значительно шире, чем представляли себе Конт или Спенсер. Историк, по мнению Рожкова, должен сделаться любознательным исследователем, «обобщающим фактический материал, открывающим законы общественного развития, наслаждающимся целостностью, стройностью и связанностью своих научных построений».¹⁶³ Целью своей жизни как ученого Рожков называл «изучение исторической закономерности».¹⁶⁴ Так, задачей его «Русской истории в сравнительном историческом освещении» было установление социологической закономерности на основе конкретного исторического материала, выяснение особенностей русского исторического развития на базе исторического материализма и борьба с риккертством.¹⁶⁵ В целом предмет истории как науки

Рожков определял следующим образом: «История – не что иное, как научное изображение процесса развития человеческих обществ. Она имеет дело, значит, с людьми в их общественной и частной жизни, с их чувствами, желаниями, чаяниями, идеями, действиями, интересами, побуждениями и с результатами всех тех явлений, как они отражаются в жизни».¹⁶⁶

Проявление исторической закономерности Рожков видел в развитии психических типов, повторяющихся с некоторыми вариантами в истории разных стран и народов в соответствующие (как правило, неодновременные) периоды их развития.¹⁶⁷ «Психический тип, – определял исследователь, – это то же в истории духовной культуры, что тип экономический в истории хозяйства, тип социальный в истории устройства общества, тип политический в истории государства: это такое же объединяющее, обобщающее понятие, как, например, «натуральное хозяйство», «капитализм», «сословный строй» <...> и т.д.» Тип может подвергаться эволюции и потому являться степенью или ступенью развития.¹⁶⁸ Приверженность Рожкова к типологическому подходу в историографии наложила свой отпечаток на его подход к интерпретации исторического процесса, о чем ниже.

Основную задачу исторической науки М.И.Ростовцев видел в том, чтобы «выяснить прошлое человечества, восстановить жизнь людей во всем ее многообразии, как она развивалась с древнейших времен и до нашего времени».¹⁶⁹ Для этого историография, по его мнению, не может ограничиваться изложением фактов, но должна вскрывать их причины, а также рука об руку с другими общественными науками стремиться понять сложное строение социальной жизни человечества. Конечной целью истории как науки, полагал исследователь, «является определить законы развития человеческой жизни, закономерность в смене одних типов общественной жизни другими».¹⁷⁰

Совершенно определенно задачи истории и социологии различал А.К.Дживелегов. «Единственный путь для того, чтобы установить законы развития истории человечества, – писал он, – есть путь постепенного наведения и абстракции».¹⁷¹ Высоко оценивая в этом смысле поиски Вико, историк полагал, что, если итальянскому гуманисту не удалось открыть таких законов, то в настоящее время появляется возможность создания «настоящей «идеальной истории вечных законов, которым подчиняются все народы» – социологии с теорией прогресса».¹⁷² В этом отношении он отмечал заслуги О.Конта.¹⁷³ Задачей социологии, по мнению Дживелегова,

является изучение общей эволюции человеческого общества, тогда как «история исследует развитие отдельных народов во всей его конкретности...».¹⁷⁴ Историческая наука не может игнорировать случайное; наряду с общими элементами исторического процесса она нацелена на индивидуальное. Поэтому главную теоретическую задачу истории ученый видел в «установлении специфических исторических законов».¹⁷⁵ Конкретность истории, таким образом, не исключает возможности более общих выводов; история и социология поделили между собой те задачи, которые прежде приписывались философии истории.¹⁷⁶ Общее определение истории как науки у Дживелегова не очень удачно: «...наука, устанавливающая и объясняющая факты развития человеческих обществ, начиная от их возникновения».¹⁷⁷ Дживелегов решительно выступал против попыток изолировать историю от других наук под флагом специализации (разумая здесь германскую историографию) и приветствовал поиски Т.Моммзена по обнаружению незыблемых законов исторического развития.¹⁷⁸

Размышляя о предмете исторической науки, В.П.Бузескул видел заслуги древнегреческой историографии в лице Геродота, Фукидида, Эфора, Полибия в том, что уже она признала законосообразность и причинность исторических явлений, превосходящая положения современной науки.¹⁷⁹ Зато Эд.Мейер – наиболее яркий представитель последней, по мнению историографа, по своим теоретическим воззрениям на предмет и задачи истории примыкает к прежним направлениям. Главный недостаток его концепции Бузескул обнаруживал в отрицании исторических законов и сведении задач истории к изображению единичных фактов.¹⁸⁰

Безусловным сторонником включения в предмет истории поиска причин и закономерностей общественных явлений был Е.В.Тарле. В одной из своих рецензий он указывал, что делит историографию всех времен и народов на два главных течения: одно из них он выводил от Геродота, другое – от Аристотеля. Идущее от Геродота имеет цель рассказать о прошедших событиях, не заботясь о внутреннем смысле и связи излагаемого: «Аристотель же, не довольствуясь этим, первый дал смутную, неясную, но несомненную попытку объяснить, обобщить рассказываемое и узnanное <...> Аристотелевское течение совсем побеждает, – убежден ученый, – геродотовскую традицию...».¹⁸¹ Тарле отводил социологии вполне самостоятельную роль, рассматривая ее как «синтез всех проявлений социальной жизни», к которым он относил хозяйственный строй общества, политические учреждения, факты социаль-

ной и психической жизни общества¹⁸². Ученый считал необходимым взаимодействие истории и социологии как взаимосвязанных общественных дисциплин, каждая из которых обладает своим методом исследования.

Иную интерпретацию предмета истории давали Е.Н.Щепкин и В.М.Хвостов. Последний, правда, тоже включал в предмет историографии исторические типы, но видел в них лишь средство упрощения материала. «Тип, – писал он, – есть обобщение, которое не достигает, однако, значения научного или даже эмпирического закона. Закон имеет характер положения всеобщего и необходимого; он не допускает исключения. Напротив, тип есть такое общее понятие, которое допускает исключения».¹⁸³ Хвостов был убежден, что по своим задачам история – наука индивидуализирующая: «Ее предметом является изучение отдельных, неповторяющихся событий, взятых во всей их единичности, для историка не так важно то, что в различных исторических событиях оказывается сходным или общим, как то именно, что отличает их друг от друга».¹⁸⁴ За Вундтом ученый рассматривал историю как науку генетическую, которая исследует происхождение произведений духа и представляет собой приложение наук о процессах к наукам о предметах и продуктах. В этом смысле все индивидуальные явления прошлого история исследует с точки зрения их закономерности.¹⁸⁵ Установление же этих закономерностей, по мнению ученого, дело других, обобщающих социальных наук,¹⁸⁶ в частности, философии истории или теории исторического процесса.¹⁸⁷ Таким образом, обращение истории к установлению определенных типов, согласно Хвостову, не превращает ее в науку об общем по своим целям и задачам.¹⁸⁸ Очевидна близость позиций Хвостова и Кареева.

Е.Н.Щепкин признавал, что историк трудится «ради теоретического знания», но преимущественно историография наука описательная: «Научная история дает экономизированное описание событий, связывая закономерно немногие его части». Она может иметь дело не только с индивидуальными, но и типичными действиями, коренящимися во влиянии массовых процессов, постоянных или длительных, устойчивых факторов.¹⁸⁹ История, утверждал ученый, «не точна для теоретического построения собственных законов, но обладает достаточной приблизительной точностью для того, чтобы <...> ложиться <...> в основание практической деятельности человека».¹⁹⁰

М.М.Хвостов, признавая, что «история есть индивидуализирующая наука о человеческом обществе»,¹⁹¹ допускал социологический подход к прошлому.¹⁹² Он писал, что изучение экономиче-

ской эволюции древних обществ особенно важно «для историка-социолога, стремящегося сделать общие выводы относительно законов общественного развития». ¹⁹³ Существование последних сомнений у него не вызывало. Вообще, представление об индивидуализирующем, описательном характере исторической науки при одновременном признании известных законов общественного развития, открываемых социологией и психологией, довольно широко распространилось в конце XIX – начале XX вв. в российской историографии. ¹⁹⁴

Для «критических позитивистов» оказалось неприемлемым принижение Риккертом роли общих понятий в историографии. Они исходили из факта, что науки об общем и об индивидуальном органически дополняют друг друга. Их противопоставление, указывал Петрушевский, лишено смысла. ¹⁹⁵ Что касается истории, то о ней исследователь резонно писал: «Без общих социологических понятий совершенно невозможна и немыслима историческая наука». ¹⁹⁶ Иначе и быть не могло, поскольку основная задача всякой науки выделась ученому в том, чтобы «преодолеть бесконечное разнообразие бытия путем переработки его в понятиях». ¹⁹⁷ Историография в этом плане «ничем не отличается по своему логическому существу, по своему логическому стилю от всякой другой науки». Причем историк настаивал, что она вырабатывает свои общие понятия в собственной лаборатории, а не случайно берет их со стороны. ¹⁹⁸ В зависимости от социологических либо индивидуализирующих задач история создает и соответствующие рабочие инструменты – понятия. ¹⁹⁹ Другое дело, что Петрушевский считал необходимым очищение понятийного аппарата науки от негодных конструкций, оставшихся в наследство от прошлого. Понятия, по его убеждению, нередко передаются через целые века. Среди них мы встречаем и «идеологические отголоски давно угаснувших культур и давно пройденных стадий духовного развития современных обществ» и «переживание более новых моментов в жизни европейского человечества (в виде религиозно-мифологической по своей природе идеи единого человечества, шествующего по бесконечному пути прогресса) и сравнительно совсем новые продукты школьной учености филологов и историков старого типа», а «нередко и простые метафоры, тропы и фигуры, развитые в целую историческую философию». ²⁰⁰ Но среди категорий, указывает ученый, находятся и «новейшие, чисто научные гипотезы, отправляющиеся от ряда более или менее научно обследованных фактов и наблюдений над исторической действительностью». Но даже при самом стро-

гом приговоре над историческими категориями, убежден Петрушевский, невозможно поколебать законность их употребления. Дело за строго методической проверкой их обоснованности со стороны теории познания.²⁰¹

По мнению Покровского, исторические понятия «относятся к той же логической категории, как и естественнонаучные понятия», а специфика их кроется в том, что они большей частью берутся из жизни, а не вырабатываются при строго определенном методе. «Но это отличие, – подчеркивал историк, – в степени совершенства, а не по существу».²⁰² Вполне солидарен с названными авторами был Рожков, убежденный, что «относительно-индивидуальное» в истории «допускает обобщающую научную работу и вполне объясняется общими понятиями, составленными по методу точных знаний».²⁰³ М.М.Хвостов полагал, что истории просто «необходима система общих понятий, методически разработанная на основе эмпирического исторического материала. Образование таких понятий возможно потому, что в индивидуальных единичных фактах можно разыскать сходное».²⁰⁴

Среди важнейших исторических понятий В.М.Хвостов выделял «факторы исторического процесса», которые он стремился систематизировать. Методолог подчеркивал, что «исторический фактор есть абстракция. В жизни никаких факторов нет; она представляет собою слитный процесс, где все тесно связано и переплетено между собою и где ничто не повторяется в своей конкретности».²⁰⁵ Факторы, по Хвостову, не особые реальности и сущности, имеющие самостоятельное развитие из самих себя, но необходимые познавательные абстракции, позволяющие изобразить минувшие события и состояния во всей их конкретности.²⁰⁶

Таким образом, для формирующегося направления «критического позитивизма» был характерен глубокий интерес к теоретико-методологическим проблемам исторической науки. Показательным для данного направления было признание специфики исторического познания, отражающей социальную природу истории как науки. Отмечая относительный характер достоверности результатов исторической работы, в целом рассматриваемые авторы не приняли випперовской трактовки исторической науки как простой проекции современности и были убеждены в прогрессе научных знаний. В своих исследованиях по методологии они стремились выявить известные объективные основания исторического познания, отстоять его научность. Выступая против отождествления познавательных норм в общественных и естественных науках, «кри-

тические позитивисты» в то же время ратовали за единый научный метод, в ряде случаев подчеркивая его особенности применительно к истории. Нарождающаяся парадигма приняла от позитивизма второй половины XIX столетия установку на поиск каузальных связей и законов общественного развития. Однако среди ее последователей сохранились разногласия относительно познавательных задач собственно историографии. Одни авторы видели в истории науку преимущественно индивидуализирующую, другие делали акцент на поиске типичного, общего. Все «критические позитивисты» признавали выдающееся значение общих понятий в нашей науке и стремились внести вклад в их разработку. В связи с методологическими поисками «критических позитивистов» стояли их общеисторические представления, составляющие важный элемент научной парадигмы.

§ 2. Общеисторические представления историков – «критических позитивистов»

Критика общеисторических идей позитивистской и ранкеанской историографии XIX в., рассматриваемой группой авторов, была связана с утверждением эволюционного сравнительно-исторического подхода в исторической науке. Такая критика по своему характеру не являлась однородной и последовательной. Зачастую в борьбе с идеями немецкого историзма аргументы черпались из арсенала «первого» позитивизма. В то же время пересмотр исторической теории «первого» позитивизма рассматривался как отстаивание эволюционистского подхода в науке. Давая общую оценку пересмотра старых структур в историографии «критическими позитивистами», следует сказать, что этот процесс, как и у Р.Ю. Виппера, шел в направлении утверждения социально-экономического подхода к истории и отказа от всемирно-исторической точки зрения.

Среди основных недостатков предшествующей историографии Д.М. Петрушевский отмечал тот, что увлекаясь психологическими сравнениями общества и организма, «культурный» историк, помня заветы идеалистической философии, изолирует идеи от их среды: «материальная среда для него в сущности косная масса, важная постольку, поскольку она преобразовывается под творческим воздействием идеи, развившейся и воплотившейся в образе выдающейся личности, героя».²⁰⁷ Подобный взгляд для исследователя неприемлем, и он обращается к историческому материализму, оценивая его как значительный шаг вперед в деле понимания истори-

ческих явлений.²⁰⁸ Преимущества исторического материализма виделись Петрушевскому в том, что он отправляется от реальных факторов хозяйственной, экономической жизни, старается разобраться в материальной стороне общественного процесса, более поддающейся научному исследованию. То есть, суть нового подхода – начинать с материальной стороны – явлений хозяйственных и социальных как более простой и доступной познанию сферы и уж затем переходить к более сложным идейным, культурно-политическим проблемам. С этой точки зрения ученый призывал пересмотреть все ходячие схемы и точки зрения, унаследованные от прошлого, в том числе в области древней истории.²⁰⁹ В то же время он решительно выступал против крайностей «экономического детерминизма» или материализма в истории.²¹⁰

В конкретно-исторических исследованиях Петрушевский последовательно реализовывал свою методологическую установку. В трудах историка, как и его учителя П.Г.Виноградова, доминирует социальная сторона истории. Социальные вопросы, например, стоят на первом месте в известной работе Д.М.Петрушевского «Очерки из истории английского государства и общества в средние века» (Ч.1. – СПб., 1903. – 262с.)²¹¹. Исследователь полагал, что представить себе все своеобразие английской истории, понять ее как одну из вариаций общеевропейского движения возможно именно через анализ основных моментов в развитии государства и общества средневековой Англии. Правда, он откладывал систематическое рассмотрение проблем хозяйственной и социальной истории средневековой Англии для следующей книги, должной явиться продолжением указанной, но не устранялся от них в «Очерках». Социальному развитию не только уделяется много места, но политический строй автор рассматривал как одну из функций социального.²¹² Петрушевский в духе времени разделял общество, государство и феодализм.²¹³ Раскрывая «общую постановку феодализма» в Англии, он указывал, что «ему была отведена чисто служебная роль социальной формы, неизбежной в сравнительно широко поставленном государстве с натурально-хозяйственной основой; пока эта основа охранялась, и эта социальная форма, это политическое подчинение одного общественного класса другому не могло не сохраняться, лишь бы оно не шло вразрез с общегосударственными интересами».²¹⁴

Рассматривая развитие конституционных начал в английском государственном строе, начиная с Великой Хартии Вольностей, историк видел ограниченность гражданских свобод в стране. Они

обеспечивались лишь свободному человеку, в то время как «существовал обширный класс населения, который находился под частной властью и, в сущности, вне контроля государственной власти: и в Англии, – писал Петрушевский, – рабочая масса, производительные классы общества, крестьянство, стояла вне сферы общего права страны, была подсудна маноральной юрисдикции своих сеньоров, лордов, маноров, и отбывала барщину и другие повинности, являясь в глазах общего права не свободными людьми, а вилланами своих сеньоров». Однако свободы, обеспечиваемые Хартией, напоминал ученый, в конце концов стали общедоступными благодаря ходу хозяйственной эволюции, разрушившей основы английского общества, построенного по феодальному типу, и превратившей виллана в свободного человека.²¹⁵ Исследователь справедливо подчеркивал, что определенный политический строй и вырабатываемые им юридические нормы могут быть устойчивы лишь при их соответствии соотношению общественных сил. В этом аспекте он объяснял, например, неуспех Конституции 1258 г., выражавшей лишь интересы не преобладавшей социально общественной группы английских баронов.²¹⁶

Петрушевского, таким образом, интересовал широкий круг проблем социальной истории средневековой Англии, но главное его внимание было сосредоточено на изучении социально-экономических отношений и социальной борьбы в английской деревне XIV в. Кульминационным пунктом этой борьбы явилось восстание Уота Тайлера, исследование которого принесло ученому магистерскую, а затем и докторскую степени.²¹⁷ Историк прямо писал: «Нас лично оно (восстание – А.Н.) интересовало прежде всего и главным образом как крайне знаменательный момент в хозяйственной и социальной эволюции феодальной Англии, вскрывающий перед нами самые основные течения этой эволюции и тем облегчающий ее изучение».²¹⁸ Книга о восстании (переиздания «Восстания Уота Тайлера» осуществлялись одной книгой в 1914, 1927 и 1937 гг.) имеет характерный подзаголовок, отражающий познавательную установку автора: «Очерки из истории разложения феодального строя в Англии». Причины выступления английских крестьян Петрушевский увидел в «политических, социальных и хозяйственных условиях» тогдашней Англии, вызвавших в народе недовольство своим положением».²¹⁹ Соответственно эти условия явились главным предметом изучения во второй части труда. В его центре – эволюция английского манора во второй половине XIV в., приведшая к обострению классово-борьбы в деревне.²²⁰

Работа историка в целом получила высокую оценку в историографии, хотя дело не обошлось и без споров.²²¹ В рецензии Е.В.Тарле указывалось, что «труд этот является обстоятельным исследованием как тех социально-экономических условий, которые толкнули часть английского крестьянства на восстание, так и фактического хода самого восстания».²²² Само восстание, подчеркивал рецензент, интересует автора «исключительно как один из симптомов того болезненного, очень сложного и многообразного хозяйственного процесса, который происходил в Англии...».²²³ По мнению Тарле, эта книга – лучшее руководство по социально-экономической истории Англии в переходный момент от средних веков к новому времени.²²⁴ Труд Петрушевского был удостоен присуждения Академией Наук премии митрополита Макария.²²⁵

Д.М.Петрушевский считал, что политическая, хозяйственная и социальная история есть «лишь отдельные стороны единого целого исторического процесса, тесно связанные друг с другом», и их разведение производится для удобства научного исследования. Однако он выступал лишь против сколько-нибудь резкого разделения истории на эти элементы, не отрицая, что им соответствуют известные сущности.²²⁶ Ученый скептически относился к возможностям отдельной личности влиять на ход исторического процесса. Характерна в этом отношении его оценка деятельности автора английской конституции 1264 г. Симона де Монфора.²²⁷ Подход историка к содержанию исторического процесса являлся развитием идей позитивистской науки 80–90-х гг. XIX столетия. Для рассматриваемой группы авторов воззрения Петрушевского по этому вопросу были показательны.

Как характерную черту современной исторической науки рассматривал социально-экономический подход в истории В.П.Бузескул.²²⁸ «Социально-экономическое направление, – писал он, – можно считать теперь господствующим в исторической науке».²²⁹ Само значение экономических факторов в истории, указывал ученый, осознано в недавнее время и лишь в трудах новейших авторов им уделяется надлежащее место.²³⁰ Объясняя причины изменения интереса науки от внешней истории к истории государства и политических партий, отчасти к истории культуры, и, наконец, к социально-экономической, исследователь писал: «...в наше время, в век капитализма и рабочего пролетариата, могущества денег, развития торговли и промышленности, когда вопросы и отношения социально-экономические стоят на первом плане, интересуют и волнуют каждого мыслящего человека, и историческая наука, при

изучении прошлого, обращает особенное внимание на них, на состояние общества и общественных классов, на борьбу этих классов, на отношение к ней государства».²³¹ Историограф вполне согласен с Пельманом, видевшим во введении социально-исторического метода в круг исторических исследований «самый важный и богатый последствиями успех», достигнутый нашей наукой в новейшее время.²³²

В немалой степени историографические оценки Бузескула определялись тем, насколько основательно тот или иной автор освещал социальные и экономические вопросы истории. Так, он высоко отзывался о работе А.Бека «Государственное хозяйство афинян» (1817), в которой в те времена, когда греков склонны были представлять в идеализированном виде, пошла речь о прозаической стороне их жизни, таких вещах как цена, заработная плата, проценты, финансовое управление и пр. По теме и содержанию, полагал ученый, Бек опередил свое время, стоит на одном уровне с современными требованиями и задачами исторической науки.²³³ Среди основных заслуг Ю.Белоха, Эд.Мейера и Р.Пельмана Бузескул выделял ту, что в их трудах выдвинута социально-экономическая сторона жизни древней Греции, то есть то, чего не хватало в прежних исследованиях.²³⁴ Одновременно историк не забывает подчеркнуть, что все они далеки от односторонностей и крайностей «экономического» или «исторического материализма», стремящегося свести весь сложный исторический процесс к одному началу – к экономическому фактору.²³⁵

Мы уже указывали на оценки Бузескулом творчества Виппера. Из других отечественных исследователей он выделял труды М.И.Ростовцева и М.М.Хвостова, в которых проявлен интерес к экономической истории древнегреческого мира.²³⁶ Зато критические замечания историограф адресовал своему кумиру в молодые годы Леопольду фон Ранке, во «Всемирной истории» которого при всех ее сильных сторонах оставлена без внимания экономическая и социальная сторона исторического процесса.²³⁷ Тот же недостаток виделся ему в «Греческой истории» Курциуса.²³⁸ Фюстель де Куланжа Бузескул критиковал за преувеличение роли религии в истории общества.²³⁹

Последовательно указанный критерий оценки исторических работ проводился историографом в советское время в его труде «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века». Практически при рассмотрении взглядов каждого автора Бузескул указывал на его отношение к социально-экономической

стороне истории. Так, недостаточное внимание к социальной и экономической стороне он отмечает у М.С.Корелина,²⁴⁰ В.А.Бутенко,²⁴¹ В.К.Пискорского,²⁴² Л.П.Карсавина,²⁴³ Д.Н.Егорова²⁴⁴ и др. Зато повышенный интерес к социально-экономической проблематике историк подчеркивал у А.Н.Савина,²⁴⁵ Н.Н.Любовича,²⁴⁶ И.М.Гревса,²⁴⁷ Д.М.Петрушевского,²⁴⁸ М.И.Ростовцева,²⁴⁹ М.М.Хвостова²⁵⁰ и др. Причем Петрушевского Бузескул справедливо рассматривал как крупного теоретика исторической науки.

Сам исследователь в своих конкретно-исторических работах уделял много внимания социально-политической борьбе в древнегреческом обществе, анализу экономического и социального строя, идейных движений. Правда, в вопросах экономических, а также связанных с анализом социальной структуры общества, как правило, он не был самостоятелен. Показательна в этом отношении «История афинской демократии» (СПб., 1909. – 468 с.), где при освещении социально-экономической истории он большей частью черпает материал у Эд. Мейера, Р.Пельмана, Г.Бузолята, Ю.Белоха. Бузескул раскрывает основные классы афинского общества, пишет о борьбе классов имущих и бедных,²⁵¹ описывает политические «партии» Афин.²⁵² Историк указывал, что даже в период высшего расцвета афинской демократии «в социальном отношении полного равенства не было. По-прежнему были бедные и богатые. Со времени Пелопоннесской войны эта классовая противоположность усиливалась; пропасть между богатыми и бедными увеличивается, развивается капитализм и его спутник пролетариат».²⁵³ В то же время ученый выступал пламенным защитником афинского демократического строя и даже считал его органически присущим Афинам: «Для другого строя тут не было соответствующей почвы».²⁵⁴ Упоминаются в книге социальные проблемы, стоявшие и перед спартанским обществом IV в. до н.э.²⁵⁵ Следует отметить, что Бузескул никогда не отрицал роль идейного фактора в исторических событиях. В частности, по его мнению, именно нравственные силы греческого народа сыграли решающую роль в том, что маленькая Греция устояла в борьбе с громадной Персидской державой.²⁵⁶

Другой важной чертой современной исторической науки историк признавал умаление роли личности в истории. Было время, писал он, когда интересовались главным образом «великими людьми», в которых видели главный фактор исторического процесса. «В наш демократический век и историческая наука обнаруживает тенденцию к некоторой, так сказать, нивеллировке; она умаляет

значение отдельной личности, роль «великих людей», и на первый план выдвигает массу, общество».²⁵⁷ Однако, такая теоретическая установка не препятствовала самому Бузескулу немало внимания уделять отдельным личностям, историческим деятелям, что касается не только первых его работ,²⁵⁸ но и трудов начала века. Он пишет целую серию работ, посвященных творчеству отдельных мыслителей: Фукидиду, М.С.Корелину, И.Г.Дройзену, Эд.Мейеру, Г.Гроту, М.Дункеру, М.М.Лунину, А.Сорелю, Т.Н.Грановскому, Г.Зибелю, М.М.Ковалевскому и др. Но и в его «Истории афинской демократии» отдельные личности играют самую активную роль в исторических судьбах греческого народа. Подробные характеристики он давал качествам и деятельности Солона,²⁵⁹ Клизфена,²⁶⁰ Перикла,²⁶¹ Клеона,²⁶² Алкивиада,²⁶³ Крития²⁶⁴ и других. Таким образом, отстаивая нормативные требования социальной историографии, Бузескулу удалось избежать ее крайностей и продемонстрировать последовательность своих научных позиций.

Активными сторонниками социально-экономического исследования истории являлись: Е.В.Тарле, Н.А.Рожков, М.И.Ростовцев, А.К.Дживелегов, М.М.Хвостов. Тарле в специальной статье «Чем объясняется современный интерес к экономической истории» (1903) подчеркивал, что в настоящее время «ни одной стороной исторического процесса, так не интересуются, как именно историей социально-хозяйственной». В связи с этим он указывал на плодотворное влияние исторического материализма на науку в качестве метода познания,²⁶⁵ поскольку без разработки социально-экономической истории «шагу нельзя сделать вперед в понимании исторического процесса».²⁶⁶

На эту же черту современной исторической науки обращал внимание ученый в своем курсе «Очерки развития философии истории» (1908). Отстаивая новый подход, Тарле говорил, что с его позиций государство, которому недавно отводили столь выдающуюся роль, является «чем-то служебным и производным, функцией экономических явлений»; оно зависит и от организации общества.²⁶⁷ Не отрицая роли идей в истории общества, лектор видел в них отражение действительности, которая переживалась человечеством.²⁶⁸

Как исследователь Тарле сформировался на рубеже веков, поэтому социально-экономическая (наряду с психологической) интерпретация прошлого обнаруживается уже в его первых конкретно-исторических трудах. Так, в магистерской диссертации, посвященной воззрениям Томаса Мора, ученый утверждал, что для понимания и выяснения исторического места «Утопии» Мора недо-

статочен учет одних политических и умственных влияний: необходим анализ экономического и социального состояния Англии XVI в. – «это влияние было и самым сильным, и самым решающим по тем впечатлениям, которые оно откладывало в душе английского гуманиста».²⁶⁹ Поэтому явлениям экономической и социальной истории Англии XV–XVI вв., связанным с огораживанием, в работе отводится видное место.²⁷⁰ В то же время ученый выступал против предвзятого исследования взглядов Мора К.Каутским, который категорически связывал причинными отношениями идеи и способ производства, объяснял все экономическими первопричинами и просмотрел литературные источники идеалов «Утопии».²⁷¹

Оценки с точки зрения социально-экономического подхода к истории четко просматриваются в многочисленных рецензиях Тарле на научные сочинения. Например, книга Г.Вейнгартена «Народная реформация в Англии XVII века» (М., 1901), по его словам, «грешит слабостью основной точки зрения»: много внимания автор уделяет религиозным идеям, а социальная сторона стоит в тени.²⁷² В работе С.А.Котляревского «Францисканский орден и римская курия в XIII–XIV веках» (М., 1901), писал рецензент, начисто игнорируется социально-политическая среда, в которой вырос орден, что придает исследованию «старомодный вид».²⁷³ Историк указывал, что устарела общая историческая точка зрения А.Мишеля, автора «Идеи государства» (СПб., 1903), в кругозор которого «входит лишь борьба идей, а не борьба людей, литературная война, а не лежащая в ее основе – война междуклассовая».²⁷⁴ С другой стороны, он хвалил «Историю Западной Европы в новое время» Н.И.Кареева, «Всеобщую историю» (Т.1. – М., 1897) Э.Лависса и А.Рамбо за то, что в них на первый план выдвинута внутренняя культурная история человечества и внимание не отвлекается батальной и дипломатической историей.²⁷⁵ Основные научные труды Е.В.Тарле являются реализацией его методологической установки на социально-экономическое понимание истории. Вопрос этот подробно освещен в советской историографии, поэтому на нем останавливаться нет необходимости.

Не сразу к марксизму пришел Н.А.Рожков и, даже утвердившись в марксистском мировоззрении, в своих исторических построениях он сохранял немало связей с «критическим позитивизмом». В своей автобиографии 1924 г. историк вспоминал, что заставила его изучить экономическую историю вообще и углубиться в изучение политической экономии работа над магистерской диссертацией «Сельское хозяйство московской Руси в XVI веке» (М., 1899. –

511 с.), которая принесла ему большую премию графа Уварова Академии Наук.²⁷⁶ Специальное историко-экономическое исследование открыло перед молодым ученым новые перспективы, привело его к увлечению марксизмом, способствовало созданию публичных лекций «Город и деревня в русской истории»,²⁷⁷ появлению серии статей социально-экономического характера в журналах на рубеже веков.²⁷⁸ Сам исследователь в «Автобиографии» склонен был рассматривать себя как марксиста уже с этого времени²⁷⁹, но более прав Р.А.Авербух, писавший, что в работах тех лет он скорее близок «критическим позитивистам», к коим и сам себя тогда относил: «Рожков не сразу встал на позицию главенства экономики над всеми остальными процессами. Два процесса здесь борются за гегемонию: экономический и психологический. Кто победит, еще неизвестно».²⁸⁰ Действительно, пытаясь соединить рациональные элементы позитивистского и марксистского учений, историк на рубеже веков указывал на воздействие различных факторов, составляющих ткань исторического процесса. Соблазнительную перспективу он видел в том, чтобы объяснить историю «из немногих основных начал, из сочетания некоторых простейших элементов».²⁸¹

В настоящее время, полагал социолог, историю уже никто бы не стал сводить к деятельности естественного фактора: «Самое большое, что дает природа, это такие естественные условия, которые делают более легким то, а не другое направление общественного развития...». Этот фактор второстепенный и значение его по мере увеличения господства человека над природой, надеялся Рожков, ослабевает.²⁸² Точно также, по его мнению, наука отказалась от признания роли за отдельной личностью. «Нельзя не согласиться, – утверждал историк, – что исторический результат деятельности личности, взятой изолированно, ничтожен и без вреда для дела может не идти в счет».²⁸³ Что же интересует современную историографию? Она изучает, писал ученый, «по преимуществу, если не исключительно, явления экономического, социального и политического порядков».²⁸⁴ Этот взгляд исследователь проводил и в своих лекционных курсах в стенах университета. Как вспоминал М.М.Богословский, он привлекал внимание студенческой аудитории «новизною точек зрения, которые он выдвигал в своих курсах, ища объяснения исторических явлений в области экономики». После лекций П.Г.Виноградова и В.О.Ключевского значение экономического фактора в истории не было новостью, но Рожков выяснял его значение «определеннее и резче».²⁸⁵ Однако историк стремился установить взаимодействие факторов, хотя кон-

статировал стремление человеческого ума свести все к одному началу, объяснить всю историю из одного принципа.

Наиболее характерным и популярным из монистических учений он признавал экономический материализм или марксизм. К марксистам он равно относил Каутского, Штамллера, Струве, Плеханова.²⁸⁶ Марксизм, полагал он, пока не представляет собой цельной и законченной системы и находится в состоянии развития.²⁸⁷ Критики марксизма – А.С.Лаппо-Данилевский и Е.Н.Трубецкой – критикуют его и позитивизм в их первоначальной форме, писал Рожков, тогда как сам он был сторонником их новейшей интерпретации.²⁸⁸ Марксизм, считал он, перспективное учение, подкрепляющее свежую струю в понимании психологического процесса, происходящего в истории; исторически важной марксизм признает психологию социальной группы, а не отдельного лица.²⁸⁹ Но наряду с марксизмом молодой историк выделял и другое течение, признающее главным причинным элементом в жизни общества психологический процесс. Его представители – И.Тэн, Лакомб, Уорд, Лебон, Гиддингс, Лампрехт, Вейзенгрюн, писал Рожков, полагают, что история есть в сущности психологическая задача.²⁹⁰ Сам ученый и стремился синтезировать сильные стороны обоих направлений, дополнив марксизм психологией и гносеологией. В такой форме экономическое объяснение истории он признавал неопровергнутым критиками-идеалистами.²⁹¹

Например, рассматривая историю крепостного права в России, Рожков указывал, что причина его возникновения и отмены была экономической. Оно возникло вследствие перехода от натурального хозяйства к денежному, начавшемуся с половины XVI в. и вызвавшему острую нужду землевладельцев в постоянных рабочих и неоплатную задолженность крестьян, что и привело к закрепощению.²⁹² Падение же крепостного права было опять вызвано денежным хозяйством, которое заставило и в земледелии, и в обрабатывающей промышленности перейти к улучшенным приемам производства, в свою очередь усилившим применение свободного, вольнонаемного труда и сделавшим настоятельной потребностью освобождение крестьян. Однако историк был справедливо убежден, что для того, чтобы осуществить в жизни какое-либо преобразование совсем недостаточно одной подготовки его хозяйственными условиями времени, для этого «необходимо еще сознание обществом настоятельности и нужды такого преобразования».²⁹³ Поэтому он достаточно подробно рассматривает идейно-психологическую подоплеку преобразований в России в середине XIX сто-

летия, показывает, как развивалась в обществе мысль о необходимости уничтожить крепостное право.²⁹⁴

В работах, вышедших после первой российской революции, Рожков достаточно решительно высказывался за монизм в объяснении исторического процесса. Его рецензия на «Очерки теории исторического познания» Виппера так и называлась «К теории исторического монизма». Монизм он здесь называет «основным постулатом современного научного познания» и выступает его защитником от оппортунизма массы современных историков.²⁹⁵ Ту же критику теории взаимодействия различных элементов в историческом процессе, отстаиваемую, по его словам, психологической школой в социологии, ученый развивал в работах послеоктябрьского периода. Он настаивал на важности выяснения того, где первичное влияние, где основной элемент, а где производные явления. Этот определяющий элемент он и видел в экономическом строе общества.²⁹⁶

Большое внимание роли экономического фактора в истории как методологической проблеме уделил А.К.Дживелегов. В 1899 г. на заседании Исторического Общества в Москве он выступил со специальным докладом «Оговорки материалистического понимания истории».²⁹⁷ Позиция его была достаточно типична для «вторых позитивистов». Историк рассматривал экономическое направление в нашей науке как «наиболее жизнеспособное из всех». К группе авторов, выдвигающих в своих работах вопросы экономической и социальной эволюции на первый план, он относил таких выдающихся исследователей, как Г.Л.Маурер, Т.Роджерс, Ф.Мэтланд, К.Инама-Штернег, Ф.Сибом, К.Лампрехт, Ю.Белох, А.Пирен, а из русских выделял В.О.Ключевского, М.М.Ковалевского, П.Г.Виноградова, В.И.Семевского, И.В.Лучицкого, П.Н.Милюкова и других.²⁹⁸ Среди наиболее видных молодых представителей социальной историографии в России Дживелегов называл Д.М.Петрушевского.²⁹⁹ Ученый признавал, что «экономическое направление в исторической науке и принципиально, и методологически находится в тесной связи с историческим материализмом».³⁰⁰ Однако, хотя исторический материализм и сыграл значительную роль в повороте историографии к экономической проблематике, как социологическая доктрина для исследователя он оставался неприемлемым.³⁰¹ Концепцию К.Маркса Дживелегов рассматривал не только как протест против идеализма, но и как попытку свести историю без остатка на производственные отношения, на экономический фактор.³⁰² В России эта линия ортодок-

сального марксизма, говорил он, представлена Г.В.Плехановым,³⁰³ в Германии – К.Каутским.³⁰⁴

Экономический детерминизм, полагал историк, поддерживая в этом вопросе И.И.Кареева, насилует исторические факты, стремясь все свести к одному началу.³⁰⁵ В действительности, писал Дживелегов, «экономическое движение – наиболее важное из всех движений, участвующих в историческом процессе. Экономические силы – наиболее важные из сил, направляющих исторический процесс». Однако «политические условия, право и проч. развиваются по имманентным их природе законам. Связь между всеми этими сферами и экономией существует, но осуществляется не непосредственно, а через целую сеть более близких влияний».³⁰⁶ Вообще историк считал необходимым признание важности экономических отношений дополнить психологическим подходом к историческому процессу в духе Лакомба.³⁰⁷

Дживелегов был убежден, что новые веяния затронули и сам марксизм. Ортодоксальное крыло в нем потерпело крах,³⁰⁸ а сам Ф.Энгельс в последних работах ограничил всемогущество производственных отношений как единственного фактора исторического процесса. Наиболее перспективными в рамках марксистского направления молодому историографу виделись поиски Эд.Бернштейна, признавшего самостоятельное значение за неэкономическими факторами.³⁰⁹ Другим признаком эволюции марксистской доктрины ученый назвал поворот марксизма от Гегеля к Канту, от диалектической формулы к гносеологической.³¹⁰ Среди лиц, осуществивших данный поворот историк указывал К.Шмидта, Эд.Бернштейна, Ж.Жореса, Л.Вольтмана,³¹¹ но также отмечал заслуги в этом плане «критической философии» (П.Наторпа, Р.Штаммлера, Г.Зиммеля), указавшей правильный путь реформирования марксизма.³¹² Факт такого обогащения материалистического понимания путем привлечения принципов гносеологии исследователь считал плодотворным и видел в нем «лишнее указание на редкую жизнеспособность всей системы».³¹³

Показательна для понимания позиции Дживелегова по вопросу о роли социально-экономического фактора в истории его критика воззрений Фюстель де Куланжа, на трудах которого «воспитывались целые поколения историков» в России. Схема, представленная французским ученым в «Античной гражданской общине» (1864), не удовлетворяла историографа, поскольку представляла действительные отношения между религией, обществом и государством «перевернутыми кверху ногами». Лишь позднее, под влиянием

анием изучения французских учреждений, Фюстель де Куланж, отмечал исследователь, изменил свои взгляды, и «экономика постепенно начала выдвигаться на подобающее ей место, а идеология незаметно стала отходить на задний план». ³¹⁴ Собственные первые работы Дживелегова в значительной степени были посвящены изучению экономических явлений и социальной борьбы в средневековом городе, ³¹⁵ социально-политической истории Европы XIX в. ³¹⁶ Г.Бояджиев указывал, что именно занятие материальными основами культуры средневековья и социальными движениями эпохи естественно привело ученого к увлечению проблемами культуры и искусства Ренессанса, принесшему ему известность. ³¹⁷

Огромный вклад в разработку социально-экономической истории античности внес М.И.Ростовцев. Как подчеркивает Э.Д.Фролов, в истории русской науки об античности с его именем связано формирование нового и, как оказалось, в высшей степени перспективного направления, социально-экономического по преимуществу, которому суждено было стать заглавным в науке XX в. ³¹⁸ Причем Ростовцев, будучи в эмиграции, как ни один другой русский историк, оказал влияние на развитие социально-экономического направления в изучении античности в западной историографии. ³¹⁹ В своего рода научном завещании, которое ученый в 1941 г. передал своему ученику С.Б.Уэллзу, Ростовцев писал, что со студенческой скамьи его одновременно интересовала социально-экономическая история и использование археологии для изучения древности, и впоследствии он остался верен обоим этим направлениям. ³²⁰ В своем творчестве Ростовцев учитывал различные факторы, которые оказывают преимущественное влияние на ход истории. Если прежде главное в истории, отмечал ученый, видели в войнах и вождях, то сейчас очевидно, что само возникновение политических событий тесно связано с развитием хозяйственной, социальной, религиозной и культурной жизни человека. ³²¹ «Немыслима политическая история, – писал исследователь в одной из рецензий, – без определенного представления о той культуре, которая была базой народной жизни в бесконечно разнообразных странах <...> немыслима она и без представления о социальной и экономической структуре этих стран». ³²² Соответственно экономической истории Древнего Рима были посвящены обе диссертации исследователя. В его магистерской работе предметом исследования стала история государственного откупа в Римской империи, рассмотренная в ее генезисе, начиная с классических греческих времен. Ростовцев справедливо указывал, что скудость отраже-

ния финансовой деятельности государства в источниках не соответствует ее реальной роли в исторической жизни. Внимание к себе она привлекает в первую очередь, когда финансовый гнет становится уж очень тяжелым и речь идет об экономическом разорении.³²³ Молодой историк прекрасно сознавал важность вопроса об истории откупа для выяснения экономического состояния страны. Он считал вообще излишне «распространяться о том, какое значение имеет экономическая история человечества для понимания его судеб...»³²⁴ В постановке и решении поставленной Ростовцевым задачи он не имел предшественников и значительно обогатил науку.

В докторской диссертации ученого специальному изучению подверглись римские свинцовые тессеры, служившие заменителем денег в Римской империи со времен Августа.³²⁵ Собранный историком материал позволил более глубоко понять экономическую жизнь и повседневный быт римского общества. Помимо диссертаций Ростовцев написал в 900-е гг. целый ряд специальных статей по социально-экономической истории Рима и эллинизма.³²⁶ С особым вниманием исследователь подошел к разработке проблем колоната в Римской империи, но главный его труд в этой области вышел не в России, а в Германии.³²⁷ Корни колоната ученый выводил из эллинизма, из полусвободного арендаторства, чреватого закрепощением. В обобщенном виде свои взгляды на социально-экономическую историю древности он изложил в трудах, вышедших уже в эмиграции.³²⁸

Еще одной сквозной темой для Ростовцева была история Причерноморья, к которой он также подошел не как археолог или искусствовед, а как историк, изучающий древний мир преимущественно в социально-экономическом аспекте.³²⁹ Много внимания исследователь уделял социальной структуре и экономической жизни греческих городов Причерноморья и скифских племен.³³⁰ Каким бы разделом древней истории ни занимался ученый, в каждом из них он вскрыл глубинные пласты социально-экономической жизни.

По убеждению М.М.Хвостова, «никакой серьезный историк <...> не станет в настоящее время отрицать первостепенной важности изучения экономического быта того или иного общества. Само собою разумеется, это относится и к древней истории стран, лежащих в бассейне Средиземного моря». Причины этого лежат в том, что понять «культурный процесс вне связи с материальной обстановкою, конечно, невозможно».³³¹ Исследователь внес огромный вклад в разработку социально-экономической истории Греции архаического периода, Древнего Востока, особо Египта эллинисти-

ческого периода. В этом отношении он значительно дополнил «Историю Древнего Востока» (Ч.1-2. – СПб., 1911) Б.А.Тураева. Сам Хвостов отметил основной недостаток данного фундаментального труда Тураева во второстепенном внимании к экономическим и социальным вопросам.³³² Как указывает В.Н.Кузицин, капитальные монографии ученого по истории греко-римского Египта³³³ отличаются особой тщательностью исследования конкретных экономических проблем. В своих общих курсах по истории древности³³⁴ он дал ее систематическое изложение прежде всего с точки зрения развития социально-экономических отношений.³³⁵ Показательны в этом отношении и лекционные курсы Хвостова по истории крестьянства и рабочего движения в Западной Европе в новое время.³³⁶

Рассматривая экономику в качестве «скелета общественного организма»,³³⁷ историк выступал против сведения исторического процесса к одному началу. Напротив, он подчеркивал могущественное влияние природы как фактора общественной эволюции,³³⁸ роль роста народонаселения на ранних стадиях развития человечества³³⁹ и др. Таким образом, социально-экономические отношения М.М.Хвостов трактовал как фактор, действующий в истории наряду с другими.

Специальную главу, посвящённую анализу факторов исторического процесса (Отд. II, гл. 1), выделил в своих «Очерках по методологии и философии истории» В.М.Хвостов. Под факторами он разумел элементы исторической причинности, подводимые под общие законы.³⁴⁰ «Конечно, – подчеркивал социолог, – исторический фактор есть абстракция. В жизни никаких факторов нет: она представляет собою слитный процесс, где все тесно связано и переплетено между собою...»³⁴¹ Как Виппер и Петрушевский, он призывал не рассматривать факторы в качестве особой реальности или сущности, но был убежден, что и обойтись без этих абстракций в науке нельзя.³⁴² В своей классификации факторов Хвостов был близок позитивистам.³⁴³ Он отмечал личность как активный фактор, с которым связан прогресс общества, но признавал, что только массы придают идеям ту мощь, которая свойственна социальным силам.³⁴⁴ Отдельный параграф ученый выделил для рассмотрения учения исторического материализма.

Хвостов являлся принципиальным противником материализма в истории и вообще всякого монистического учения об обществе.³⁴⁵ Он критиковал сторонников экономического детерминизма в истории и заявлял, что по своему характеру все социальные и исторические явления суть психические. Развитие идей, мышле-

ния и чувств, утверждал он, идет независимо от способа удовлетворения материальных потребностей. В частности, в основе научного познания лежат метафизические и религиозные стремления.³⁴⁶

Очевидно, что в отношении исследования роли социально-экономических явлений в истории Хвостов занимал иные позиции, чем рассмотренные выше авторы. Однако в своей конкретной деятельности как социолог он уделял им значительное место. Так, в последние годы жизни ученый внимательно изучал деятельность промысловых кооперативов, связывая с ними надежды на экономический прогресс.³⁴⁷

Не укладываются в схему парадигмы «критического позитивизма» и взгляды по данному вопросу Е.Н.Щепкина. Уже первый историограф его творчества отмечал склонность исследователя к идеалистическому психологическому толкованию истории. Добролюбский указывал, что Щепкин по своим воззрениям прагматик и сторонник взаимодействия факторов; он признавал большое значение и экономического фактора, но решительно отвергал крайности экономического монизма.³⁴⁸

С критическими замечаниями в адрес крайностей материалистического истолкования истории Щепкин выступал с первых своих работ,³⁴⁹ что было вполне естественно для автора, ориентирующегося на Ранке как образец исторического исследования. Однако вскоре он был вынужден признать, что вопросы социальные и экономические заняли в историографии ведущее место: «На всем протяжении своего материала, от восточной монархии и античного города и до капиталистической, демократически самоуправляющейся Западной Европы конца прошлого века, – писал ученый, – историки ввели в круг изучаемых сторон народной жизни вопросы, животрепещущие для их современников и для них самих». Но историки, по его мнению, не приняли идеи исторического материализма, «крайностей экономического доктринерства». В итоге в науке возникло перемирие на почве признания историками способа производства и обмена в «числе существенных объектов исторического изучения» наряду с другими факторами.³⁵⁰ Методолог утверждал взаимодействие в истории между факторами мира внешнего и мира внутреннего, физическими и психическими.³⁵¹ Всякие претензии – материалистические и идеалистические – на монистическую интерпретацию истории Щепкиным отвергались, в лучшем случае он предлагал заняться выяснением вопроса о первопричинах сущего философам, а «историк всегда имеет дело только с совокупностью всех исторических факторов в их взаимодействии».³⁵²

В отличие от Виппера, Рожкова или Петрушевского исследователь признавал выдающуюся роль великой личности³⁵³ и идей в истории.³⁵⁴ Причем он скептически относился к божественному либо трансцендентному происхождению идей, связывая их с доступным миром ощущений: «...идеи – это естественным путем возникшие решения, цели и мотивы действующих в истории людей. Но мысли людей – единственные причины всякой исторической деятельности и событий. В этом смысле, – заключал Щепкин, – историческая жизнь направляется идеями, а историческая наука есть исследование идей, то есть воли и действий исторических людей и человечества».³⁵⁵ Историк ратовал за торжество прогрессивных идей, которые совпадают с руслом естественного развития человечества (например, равенства и права).³⁵⁶

В конце XIX – начале XX вв. социально-экономическая проблематика выдвинулась на первое место в трудах целого ряда историков. Она стала доминирующей в работах И.М.Гревса³⁵⁷ и А.Н.Савина.³⁵⁸ Значение экономического фактора в истории подчеркивали С.А.Жебелев, С.А.Котляревский, В.К.Пискорский,³⁵⁹ а из исследователей отечественной истории – М.В.Довнар-Запольский, А.А.Кизеветтер, Н.П.Павлов-Сильванский, Д.И.Багалея³⁶⁰ и другие. На позиции марксизма после 1905 г. переходит М.Н.Покровский.³⁶¹ Продолжили свои исследования социальной истории П.Г.Виноградов, Н.И.Кареев, М.М.Кавалевский, В.И.Луцицкий, В.О.Ключевский и другие «классики» отечественной позитивистской науки. Даже историки идей, такие, как Ф.Ф.Зелинский, признавали необходимым обратиться к «истории экономических и социальных явлений <...> в их главных факторах (истории землевладения, истории капитализма)...».³⁶² Однако было бы опрометчивым представлять дело так, что в начале 900-х гг. социально-экономическое направление в российской историографии победило. Серьезной критике оно подверглось со стороны виднейшего представителя отечественной науки А.С.Лаппо-Данилевского.³⁶³ По воспоминаниям выпускника Варшавского университета начала XX века Н.Дубровского, наряду с блестящими лекциями Петрушевского в университете читались курсы Н.Н.Любовича, И.П.Филевича, Д.В.Цветаева и др., в которых социальные и экономические вопросы ставились крайне слабо, либо вообще отсутствовали. Любович противопоставлял свой курс по греческой истории виPPERовскому, Филевич свою трактовку российской истории – Милюкову, Цветаев шел за С.М.Соловьевым и игнорировал Ключевского, Семевского и даже Лаппо-Данилевского.³⁶⁴

Таким образом, признание выдающегося значения социальных и экономических явлений в истории не являлось исключительной чертой «критического позитивизма». В этом отношении он развивал плодотворные идеи, заложенные в позитивистской науке 80–90-х гг. XIX в. Однако социально-экономический подход к истории во «втором позитивизме» был выражен особенно рельефно и проводился более последовательно, став характерной чертой складывающейся парадигмы. Своими трудами «критические позитивисты» способствовали широкому распространению представлений о первостепенном влиянии хозяйственной деятельности и социальной борьбы на всю историческую жизнь человечества. Они шли в авангарде социально-экономического направления в российской историографии в начале XX в.

Следует отметить еще один момент – отношение «критических позитивистов» к марксизму как идеологической системе. Довольно определенно здесь выступает разделение ими значения марксизма в качестве научного метода и определенной идеологии. Если к идеям исторического материализма о значении материального фактора в истории отношение было сочувственное, то социально-политическая сторона марксизма вызывала противоречивые оценки. После 1905 г. в ряды революционной российской социал-демократии вступили Н.А.Рожков, М.Н.Покровский. Сложную эволюцию от либерализма к большевизму после 1917 г. проделал Е.Н.Щепкин. Что касается Е.В.Тарле, то его политические воззрения развивались в этом отношении в обратном направлении. От защиты марксизма от нападок критиков³⁶⁵ и ратования за торжество революции³⁶⁶ в 900-х гг. историк пришел к более чем прохладной оценке поведения большевиков в событиях 1917 – начала 20-х гг.³⁶⁷

Идея о глобальном кризисе марксизма как идеологии международного социалистического движения после 1914 г. была сформулирована Н.И.Кареевым.³⁶⁸ Первый кризис марксизма Кареев, Дживелегов, Тарле относили к концу 90-х гг. XIX в., когда в его лоне выделился «бернштейнианский ревизионизм», была предпринята попытка пересмотреть некоторые политические и социологические постулаты доктрины Маркса в соответствии с европейской действительностью рубежа веков.³⁶⁹ Если отношение Кареева к Октябрю не могло не определяться его идеалом демократической республики, как ее представляли себе энтузиасты первой Государственной думы,³⁷⁰ то, по словам Бояджијева, Дживелегов принял советскую Россию. Именно Дживелегов заказал В.И.Ленину статью о К.Марксе для «Словаря» Гранат.³⁷¹ Тарле, Джи-

велегов, Петрушевский, Бузескул не могли одобрять методы осуществления социалистических идеалов в России, но они оказались лояльны к новой власти и вели большую научно-педагогическую и научно-организационную работу, тогда как Виппер и Ростовцев эмигрировали, а братья Хвостовы не пережили гражданской войны. Что касается Рожкова, то за свои меньшевистские взгляды он подвергся гонениям и в начале 20-х гг. отошел от активной политической деятельности.³⁷²

Другим важным элементом в системе общеисторических взглядов рассматриваемых авторов являлось их критическое отношение к всемирно-исторической точке зрения и связанной с ней идеей прогресса в развитии общества. Наряду с Р.Ю.Виппером среди первых критиков идеи единства всемирной истории в российской историографии был Д.М.Петрушевский. По его мнению, представление об истории народов древнего и нового мира как о непрерывном целом, в котором каждый народ лишь фазис в общем движении к прогрессу, стоит в связи с историческим идеализмом. Ученый отказывался считать средневековое развитие продолжением римского.³⁷³ Он был убежден, что «стройное и величественное здание всемирной истории, возведенное трудами историков-идеалистов, уже сильно обветшало...».³⁷⁴ В свое время оно оправдывало сугубо индивидуализирующие задачи исторической науки, но времена изменились, и современная историография представляет собой культурное развитие человечества в виде «ряда соприкасающихся нередко друг с другом, но по существу, автономных процессов», особенно когда речь идет об эволюции социальных, экономических и политических форм и отношений.³⁷⁵ Поэтому он призывал совсем оставить всемирно-исторические иллюзии, расстаться с идеей единого и единственного исторического процесса и окончательно утвердиться в мысли, что история обществ древнего и нового мира представляет собой «целое множество аналогичных процессов», требующих сравнительного изучения.³⁷⁶ Зато в каждом таком отдельном процессе исследователь видел целостность, «синтез целого ряда переплетающихся, друг друга обуславливающих эволюций», в чем, на его взгляд, и заключалась «центральная идея современной науки».³⁷⁷

Каждое отдельное общество, считал историк, в своем развитии представляет «ряд сходных процессов, ряд вариаций на общие темы...»,³⁷⁸ то есть благодатный материал для сравнительного изучения. В связи с этим выяснение каких-то общих законов человеческой эволюции достигается на базе сравнения отдельных про-

цессов. Например, понять «социологически феодализм» можно, рассмотрев данную общественную форму в целом ряде обществ. Тогда окажется, что она, писал ученый, с необходимостью возникает при наличии известных общих условий.³⁷⁹ К феодализму шли совершенно самостоятельно и римляне эпохи империи, и германские варвары, поскольку он свойствен всякому человеческому обществу на известной ступени его развития. Поэтому связывать на базе феодализма историю древнего мира и историю новой Европы неправомерно.³⁸⁰

Отказавшись рассматривать историю человечества в качестве взаимосвязанного единого процесса развития, Петрушевский присоединился к мнению Эд.Мейера. Согласно последнему, указывает он, древний мир не есть нечто целое и однообразное, а «распадается на ряд отдельных обществ, из которых каждое проходило разные ступени хозяйственного и социального развития».³⁸¹ То есть, древние общества проходили не только натурально-хозяйственную стадию в своем экономическом развитии, но «многие из них проходили и стадию народного, капиталистического хозяйства».³⁸² Вслед за Мейером Петрушевский повторял, что история средиземноморских народов представляет собой два параллельных периода, и народы новой Европы проходили ту же хозяйственную эволюцию, что и народы древнего мира.³⁸³

Близкие с Виппером взгляды на ход общественной эволюции высказывал Н.А.Рожков. Он решительно отвергал теорию мирового прогресса в качестве необходимой части современного научного миропонимания, определяя ее как «чисто метафизическую теорию».³⁸⁴ По его убеждению, пресловутую всемирно-историческую точку зрения разделяют лишь сторонники телеологии, вульгарного деления на исторические периоды в роде Штаммлера или Риккерта, утверждающие индивидуальность исторического процесса, взятого в целом. В их критике Рожков видел большую заслугу Виппера.³⁸⁵ Историк утверждал, что с «точки зрения положительной науки не существует единого всемирно-исторического процесса, а существуют лишь отдельные процессы развития разных народов и общественных союзов, и они-то и подлежат научному исследованию».³⁸⁶ Не отрицая относительно-индивидуальный характер отдельных процессов, он считал, что они подчиняются общим законам и обнаруживают черты сходства.³⁸⁷ Так, Рожков солидаризируется с Виппером в том, что древние культуры Востока переживали те же стадии развития, что и европейские.³⁸⁸ Правда, он отмечал, что они погибли, не успев выйти из стадии первоначаль-

ного развития товарного хозяйства; зато античность, пусть в элементарной и малокультурной форме, но уже знала сельскохозяйственный и промышленный капитализм.³⁸⁹

Отдельные культуры с их стадиями развития, не подводимые под идею прогресса, выделяются Рожковым в качестве главного объекта исторического изучения. Вслед за Виппером он выделяет на Древнем Востоке по крайней мере шесть культур, не считая иранской: египетскую, Двуречья, ассирийскую, халдейскую, эгейскую и израильскую. Исследователь подчеркивает, что их нельзя вытянуть в одну «всемирно-историческую» цепь.³⁹⁰ Однако, в отличие от своего коллеги, Рожков искал «правильной закономерности» в развитии отдельно взятых культур, причем конструировал жесткую систему их стадийного развития. Он указывал, что в истории каждого общества, каждой культуры можно различить девять периодов: 1) первобытное общество, 2) общество дикарей, 3) дофеодальное общество, или общество варваров, 4) феодальная революция, 5) феодализм, 6) дворянская революция, 7) господство дворянства, 8) буржуазная революция, 9) капитализм.³⁹¹ В это прокрустово ложе он пытался втиснуть все основные культуры в истории человечества. Например, до-феодальное общество, по его концепции, это Русь VI – середины X вв., гомеровская Греция (XI–VIII вв. до н.э.),³⁹² Древний Рим X–VI вв. до н.э., древний Египет 5000–2900 гг. до н.э., древняя Месопотамия до 3000 или 2500 гг. до н.э., древняя Индия с 2000 до 1000 г. до н.э., древний Китай до конца XII в. до н.э.³⁹³ Варварское общество Рожков рассматривал как более стабильное, чем «общество» дикарей, для первого характерно: 1) преобладание «добывающей промышленности» (охоты, рыболовства, пчеловодства), но также и скотоводства, 2) примитивный уровень техники и хозяйствования при крайне слабой торговле, 3) семейная форма производства, 4) равномерное распределение благ, 5) создание племенных княжеств, 6) аморфность общества, отсутствие резко выраженных характеров, 7) хаотический конкретизм духовной культуры.³⁹⁴

Соответственно, «феодальная революция» – Русь X–XII вв., Франция и Германия V – сер. IX вв., Индия X–III вв. до н.э., Египет около 2900 г. до н.э., в Шумеро-аккадском Двуречье время Саргона I и Нарамсина, Китай конца XII – 20-е гг. VIII в. до н.э.³⁹⁵ В период «феодальной революции» 1) хозяйство остается натуральным, но решающее значение получает земледелие; 2) совершенствуется техника земледелия; 3) образуется крупная собственность на землю; 4) общество расчленяется в классовом и сословном от-

ношении; 5) организовывается государство; 6) происходит религиозная революция; 7) в обществе развивается эгоизм; 8) преступление в праве толкуется лишь как материальное, литература полна заимствований. Общий смысл «феодальной революции» виделся исследователю в подготовке перехода власти в руки феодальной знати.³⁹⁶ Уже два примера показывают, что схема Рожкова страдает большими натяжками, коренящимися в крайностях социологизирования истории.³⁹⁷ Сегодня она имеет чисто историографический интерес, хотя сама идея наметить общие стадии в развитии культуры заслуживает внимания.

Влияние исторической концепции Эд.Мейера испытал М.М.Хвостов. Российский историк писал, что схема Бюхера полезна как предварительная гипотеза относительно развития народного хозяйства вообще либо в отношении развития промышленности.³⁹⁸ Однако применительно к истории древнего мира Мейер достаточно показал, что представлять себе ее хозяйственную жизнь как замкнутый, связанный процесс совершенно невозможно, что «мы находим здесь эволюционные процессы различных обществ, которые часто переплетаются между собою, но вовсе не представляют законченного целого». Хозяйственные отношения Востока, Греции и Рима, справедливо убежден Хвостов, существенно отличаются друг от друга и даже в рамках одного региона разнятся в различные эпохи. Древность не укладывается в так называемую стадию «натурального хозяйства».³⁹⁹ Исследователь резонно замечает, что никому не придет в голову приписывать древности крайне сложные хозяйственные отношения современности (этого не делает и Мейер), но защищает сравнение немецким историком высших форм хозяйства древнего мира с Европой XVI века.⁴⁰⁰ При чтении курса истории Греции Хвостов рекомендовал своим слушателям работы в этой области Эд.Мейера, Ю.Белоха, В.П.Бузескула, Р.Ю.Виппера. Однако, отмечал склонность Белоха к гиперкритицизму, а также «оригинальность построений» Виппера, «далеко не всегда принятых в науке».⁴⁰¹

Историк предупреждал, что какие-либо обоснованные социологические выводы относительно того или другого общества возможны лишь при наличии строго продуманного метода, последовательного его применения, детального анализа конкретного материала.⁴⁰² Его собственные исследования по истории античности в целом этим требованиям удовлетворяли и получили высокую оценку таких маститых ученых, как Ф.Г.Мищенко, М.И.Ростовцев, В.П.Бузескул, Б.А.Тураев и других, хотя известной склонности к модер-

низации хозяйственной жизни античного мира он и не избежал. Так, следуя за Мейером, историк находил у различных народов древности смену варварской стадии развития феодальной, а затем и капиталистической, которая, по его мнению, наиболее наглядно видна в эллинистический период. Ремесленные мастерские египетских ткачей он рассматривал как аналог мануфактур раннекапиталистического периода,⁴⁰³ а развитие внешней торговли в эллинистическом Египте представлял в духе новоевропейской эпохи первоначального накопления капитала.⁴⁰⁴

В обосновании нового подхода к древней истории выделяются труды М.И.Ростовцева. Историк в своих исследовательских и научно-популярных работах достаточно определенно поддержал точку зрения Эд.Мейера на проблемы социально-экономического развития древнего мира. В этом отношении показательна его статья «Капитализм и народное хозяйство в древнем мире», в которой он указал, что деление истории человечества на три-четыре периода, соответствующих определенным стадиям прогрессирующего экономического развития, ошибочно. Зато ученый признавал «известную правильность, а, главное, огромное практическое удобство такого деления в пределах развития отдельных народов, государств и даже отдельных культурных целых...»⁴⁰⁵

Особые возражения у историка вызывало зачисление всей древности в разряд домового хозяйства. Поэтому он стремился показать, насколько бесплодны старания «подвести всю античную жизнь под одну схему, насколько эта жизнь сложна и разнообразна, сколько в ней явлений, которые только и могут быть объяснены аналогиями с современностью, словом, и в области экономической жизни указать и доказать тот принцип, что античная греко-римская культура представляет цельное и законченное развитие, двигавшееся по тем же путям, по которым идет и жизнь нашей современной цивилизации».⁴⁰⁶

Рассматривая древний мир как «наше зеркало», центром своего изучения в указанной статье Ростовцев сделал наиболее характерное явление современности – капитализм, которое, по его мнению, «не могло <...> не проявиться и в древнем мире, не могло не оказать и на его экономическое развитие огромного влияния».⁴⁰⁷ Если современность идет к созданию единой мировой цивилизации и однообразных социальных и экономических условий жизни во всем культурном мире, то это явление, утверждал исследователь, вовсе не новое, известное уже античности, жившей ряд столетий одной культурной, политической, общественной и экономической жизнью:

«Развитие современности, в этом смысле, отличается от развития древности только количественно, а не качественно <...> Древний мир, словом, пережил в меньших размерах то же развитие, которое переживаем и мы». ⁴⁰⁸

По мнению русского ученого, в истории человечества выделяется ряд пределов культурного творчества, своеобразных пиков цивилизации. Они были достигнуты Египтом и Вавилонией (очевидно, Шумер и Аккад) в III тыс. до н.э.; Египтом вторично во II тыс., одновременно Малой Азией и частью Греции; Ассирией, Вавилонией и Персией в VIII–VI вв., затем Грецией в VI в. до н.э. – II в. н.э. и Италией I в. до н.э. и I в. н.э. С II в. н.э. в древнем мире наблюдается общий застой культурного творчества, а с III в. – его прекращение и постепенный переход к примитивным условиям жизни. Правда, Ростовцев справедливо указывал на наличие культурного наследия Востока для Европы и античности для новоевропейцев, благодаря чему развитие полностью не прерывалось и культурное творчество не начиналось с самых низов доисторической жизни. ⁴⁰⁹

Признавая известную общность в ступенях развития отдельных культур и народов, ученый определенно подчеркивал «глубокое отличие Востока от Запада в их экономической и социальной эволюции...» ⁴¹⁰ Большой частью строй в странах Востока, истории которых он касался, Ростовцев определял как феодальный либо крепостнический, а ростки капитализма на Востоке связывал с западным влиянием. ⁴¹¹ Свое внимание исследователь сосредоточил главным образом на римской истории и связанном с ней эллинистическом периоде в истории Востока. Сравнивая процессы, протекавшие в рамках этих образований, историк указывал, что эллинистический Восток не знал широкого распространения рабского хозяйства, «весь Восток издавна жил в условиях хозяйства за часть продукта». ⁴¹² Впрочем, и для значительной части Запада, за исключением Италии и Сицилии и, может быть, Африки, по его мнению, нет оснований предполагать широкое распространение рабских хозяйств. ⁴¹³

Ростовцев справедливо утверждал, что как не одинаковы уклады Италии и Эллады, так и Восток не един. Синтез Востока и Запада в эллинистический период, а затем в эпоху владычества римлян на Востоке увеличивает число моментов и точек их соприкосновения, взаимопроникновения двух миров, но не стирает разницы в их внутренней сущности. ⁴¹⁴ Более того, общее развитие экономической жизни древнего мира сводилось им к борьбе между

Западом и Востоком как в политической, так и в экономической жизни. В то время как на Западе царствует «нездоровый капитализм» (о сути его ниже), Восток, полагал ученый, «живет здоровой экономической жизнью, отдельные эллинистические монархии достигают полного экономического расцвета, создают народное хозяйство в современном смысле этого слова». ⁴¹⁵ Это «восточное благосостояние» поглощается римским капитализмом в результате хищнической деятельности в провинциях откупщиков налогов, наживших на откупе свои капиталы. ⁴¹⁶ Императоры прекратили спекуляции, перейдя к прямым налогам государства с провинций. Некоторое время, писал Ростовцев, «эллинизм как будто вновь под опекой императоров ведет тогдашний культурный мир по пути здорового развития, но это новое движение оказывается эфемерным, а древний мир застывает в формах примитивного, домового хозяйства Запада, которое эллинизм не был в состоянии победить окончательно...» ⁴¹⁷

Из эллинистических государств историк особо выделял Египет, прошлое которого было известно в наибольшей степени благодаря папирусам. Он проводил аналогии между экономической жизнью эллинистического Египта и современностью, указывал на высокий уровень развития земледелия, промышленности и торговли в этой стране. Исследователь справедливо указывал, что главной производительной силой Египта являлось свободное население – крестьянство и ремесленники, хотя крестьяне и были связаны «барщиной» для обработки земель царя и храмов, не сданных в аренду. Фараоновский Египет ученый рассматривал как «бюрократически-феодалную организацию», тогда как Птоломеи внесли в нее «дух греческого капитализма». В итоге получилось «бюрократически-капиталистическое» централизованное государство. ⁴¹⁸ По его мнению, в Египте сложился и «средний класс, – класс состоятельной буржуазии». ⁴¹⁹ Если попытаться, писал Ростовцев, подвести Египет под одну из схем развития человечества, «то я не вижу формы, под которую бы лучше подходили отмеченные явления, чем форма хозяйства народного, ни в коем случае не домового». ⁴²⁰ В недавнем прошлом аналог эллинистическому Египту историку виделся в абсолютистской Франции XVIII в. ⁴²¹

Однако если египетский «капитализм» оценивался ученым с восторгом, то в отношении римского он высказывался критическим образом. С капитализмом Рима историк связывал эпоху, когда государство достигло наибольшего экономического развития – последний век республики – первые века империи. Но римский

капитализм определялся им как «бесплодный, спекулятивный», поскольку капитал не использовался продуктивным образом, не оживлял страну, не вносил культуру в малоцивилизованные страны, не способствовал развитию промышленности, но носил потребительский характер и жил за счет ограбления провинций.⁴²² Капиталистическую тенденцию в экономике Рима Ростовцев обнаруживал первоначально в земледелии со времен Катона. Проявление ее заключалось в исчезновении мелких хозяйств в пользу крупных помещичьих, что вело к разорению италийского крестьянства. Именно с внедрением капитала в сельское хозяйство Италии исследователь связывал развитие рабовладельческих отношений: при дороговизне рабочих рук и наличии массы сравнительно дешевых пленных-рабов, приравниваемых к инвентарю, капиталу оказалось выгоднее использование последних. Рабы стали повсеместно вытеснять труд свободных рабочих в сельском хозяйстве.⁴²³

Ростовцев высказал оригинальную мысль о том, что рабское хозяйство представляет собой неестественную систему, явление, возникшее не органически, наносное, не связанное с сущностью экономической жизни древности и потому быстро исчезнувшее, как и появившееся: «рабство жило только столько же времени, сколько длилось ненормальное экономическое положение Рима и Италии, только до тех пор, пока не начало возникать хозяйство римской империи из соединения хозяйств ее различных частей».⁴²⁴

Историк объективно оценивал экономическую эффективность плантаторских рабских хозяйств, которые, несмотря на свой «капиталистический характер», носили «все признаки примитивного домового хозяйства...»⁴²⁵ Следствием этого явилась примитивная форма хозяйствования, не поощрявшая развитие в Италии ремесел и промышленности; рост пролетариата; неспособность Италии в мировой торговле отвечать товаром на товар, то есть торговля свелась к ввозу продуктов в Рим из провинций на потребность государства и аристократии. Поэтому в хозяйственном строе римской республики, по Ростовцеву, причудливо сочетались формы натурального хозяйства с капитализмом. Рост римской государственности, благодаря завоевательной политике настолько опередил экономическое развитие, что элементы «развитого народного хозяйства» выросли на основе натурального.⁴²⁶

Переход к империи исследователь считал прогрессом для провинций и самого Рима. «Смерть откупа, – писал он, – сначала благотворительно повлияла на общий ход жизни государства, но было ли лучше то, что его заменило (прямые государственные налоги –

А.Н.)? Современная политико-экономическая наука единогласно отвечает: да». ⁴²⁷ Империя привела, указывал ученый, к сосредоточению земли в руках государства или императора (что с течением времени равносильно) и вытеснению рабского хозяйства мелкой арендой; переход частных хозяйств вслед за императорскими к колонату. Поскольку «эллинистическая форма хозяйствования», основанная на откупе и аренде, по мнению ученого, более прогрессивна, то и империя в целом в области экономической «стоит на более здоровых основаниях». ⁴²⁸ В эпоху империи Рим, по Ростовцеву, пытался создать «мировое хозяйство» на почве объединения всего греко-римского мира. Однако рассвет оказался недолг. Государственная опека всей экономической жизни Римской империи, рост латифундий и прикрепление колонов к земле, тяжелый гнет во всех сферах жизни разрушил «прекрасное здание», возведенное императорами: «Это гибель греко-римской культуры, возвращение людей к варварству и с ним к натуральному хозяйству». ⁴²⁹ Исторический цикл тем самым завершился.

В своих описаниях жизни древнего мира Ростовцев прибегал к аналогиям и сопоставлениям с современностью. Нередко, правда, его модернизация прошлого была терминологической. Например, он находил «коммунистически организованные государства» в лице первых восточных деспотий. ⁴³⁰ Называл «революциями» Союзническую войну и Гражданские войны в Риме. ⁴³¹ Откупщиков Афин или Рима он вполне отождествлял с современными капиталистами. ⁴³² Борьбу римских императоров с латифундиями он напрямую сравнивал с аналогичной борьбой в Италии конца XIX в., в Новой Зеландии, видя ее содержание в «борьбе с постепенно растущим безземельным пролетариатом». ⁴³³ Историк обнаруживал «фабрики» в древнем мире ⁴³⁴ и прочее. Особенно эти тенденции сказались в кризисную для России эпоху, связанную с революцией и гражданской войной.

В «Предисловии» к «Рождению Римской империи» ученый прямо писал, что опубликовать свои мысли на эту тему побудили его «переживаемые события, которые заставили меня буквально пережить при новом чтении источников события столетней гражданской мировой войны». ⁴³⁵ Отказываясь от простых аналогий Рима I в. до н.э. и современности, ⁴³⁶ историк тем не менее стремился извлечь из прошлого какие-то уроки и через его призму лучше разобраться в настоящем.

В своей книге Ростовцев главное внимание уделил обострению социальной борьбы в римском обществе в результате капитали-

зации римской экономики и пролетаризации масс.⁴³⁷ Вполне в духе своего времени он писал о борьбе в Риме сенатской и демократической партий,⁴³⁸ вытеснении из политики «порядочных людей», активизации «банд хулиганов» и «политических проходимцев», спасении от лихорадочного времени в религии.⁴³⁹ Исследователь высоко оценивал одну из главных фигур эпохи гражданских войн – Марка Туллия Цицерона, «одно из лучших созданий революционной эпохи», слабости и сила которого были в том, что «он был типичным интеллигентом, настоящим представителем античной гуманности», то есть он «не был ни фанатиком, как Катон, ни политическим проходимцем, как многие его современники, ни государственным человеком <...>, твердо шедшим к своей цели, не взирая ни на что, как Цезарь».⁴⁴⁰ При желании нетрудно увидеть в этих характеристиках портреты иного времени, иного народа.

Особенно лестных оценок ученого удостоился Август, в фигуре которого, кажется, выразились чаяния Ростовцева на решение проблем отечественного настоящего. В лице Августа, писал он, измученный мир получил «своего спасителя и мессию». Чудо свершилось: «Мир и мир прочный сошел на измученную землю <...> Война прекратилась, хлеба было вдоволь, для ветеранов покупали, а не отнимали землю и <...> можно было заняться своим делом, не боясь государственного разбоя и грабежа <...> Рая на земле не стало, но можно было жить...»⁴⁴¹ Императору удалось так или иначе удовлетворить все общественные сословия, залогом успешной деятельности его были мир и порядок.⁴⁴²

Из работ эмигрантского периода наиболее сильно элементы модернизации древности выражены у Ростовцева в «Социально-экономической истории Римской империи» (1926), где проводились прямые сравнения Римской империи III–IV вв. н.э. с советской Россией. В последующих трудах исследователь во многом скорректировал свои позиции, однако не отказался от выработанной им общей концепции.⁴⁴³ В характеристиках и оценках Ростовцева отчетливо проглядывали его политические симпатии, связанные с интересами буржуазно-дворянской служивой интеллигенции, к которой он принадлежал. Эта «русская подоснова» картин жизни Римской империи в исследованиях ученого вскрыта Маринусом Весом.⁴⁴⁴

При определенной склонности к модернизации социально-экономических структур прошлого Ростовцев всегда оставался решительным критиком любых попыток произвольной интерпретации исторических фактов. Поэтому он достаточно резко отзывался о натяжках в исследованиях по римской истории Р.Ю.Виппе-

ра и Г.Ферреро.⁴⁴⁵ Труды Ростовцева оказали несомненное влияние на трактовку проблем античной истории в отечественной науке. Отчетливо оно обнаруживается уже в «Очерках из истории средневекового общества и государства» Д.М.Петрушевского.⁴⁴⁶ Оба ученых рано обратили пристальное внимание на работы по античной истории М.Вебера, вносящие много нового в теоретическое понимание исторического процесса сравнительно с Эд.Мейером. Ростовцев положительно отозвался о попытке Вебера в 1909 г. дать связную картину аграрной эволюции древнего мира, хотя и не совсем с ней согласился.⁴⁴⁷ Петрушевский позднее выступил редактором перевода данной работы немецкого автора и написал к ней предисловие, приложив к книге статью Ростовцева «Колонат».⁴⁴⁸

Петрушевский признавался, что лишь после смерти М.Вебера стало возможным представить себе его научную личность во весь ее «поистине колоссальный рост».⁴⁴⁹ Он оценивал как замечательные работы немецкого ученого «Протестантская этика и дух капитализма» и «Объективность социально-научного и социально-политического познания», а книгу Вебера по аграрной истории древнего мира назвал единственной в своем роде в научной литературе. Привлекательность ее для русского историка была в мастерском эмпирико-социологическом методе ее автора.⁴⁵⁰ Влияние Вебера на Петрушевского ощущается уже в его статье «Феодализм и современная историческая наука», в которой он рассматривал употребление в науке таких фундаментальных понятий, как «феодализм» и «капитализм».⁴⁵¹ Исследователь предлагает разделить употребление этих понятий в качестве исторических и социологических. В одном случае речь идет о поиске черт, типичных для социально-экономического строя определенного места и времени, например, капитализм Европы XIX и начала XX вв.; в другом – о категории вневременной и внепространственной и в то же время применимой к любому случаю, где только наблюдаются явления определенного порядка.⁴⁵² В этом последнем смысле, указывал социолог, «капитализм» и «феодализм» есть «идеально-типические» социологические понятия. Употребляя их, мы можем утверждать, что феодализм и капитализм переживали народы и древнего, и нового мира. За Вебером он называет такие «идеально-типические» понятия предельными, к которым действительность должна примериваться, чтобы быть понятой, но с которыми она никогда полностью не совпадает.⁴⁵³

Сам Вебер считал основой капитализма частнохозяйственный, приобретательский капитал, меновое хозяйство, производство для получения прибыли. В этом смысле он, бесспорно, признавал

капитализм в античной истории.⁴⁵⁴ Точно так же феодальные поместья, на его взгляд, никогда не переставали существовать.⁴⁵⁵ Эти и другие «идеально-типические» понятия для него служили только тому, чтобы сообразно с ними классифицировать каждое отдельное явление, чтобы «выяснить приближается ли оно в большей или меньшей степени в данный момент, в общем или в каких-нибудь определенных отношениях, к тому или другому из этих типических понятий». Реальные явления своим историческим содержанием, что «составляет своеобразие каждого из них, конечно, являются, – утверждал методолог, – живым протестом против всякой подобной упрощенной классификации».⁴⁵⁶ Конечной целью исторической работы Вебер видел поиск не сходства, а как раз различия, выявление своеобразия кругов развития древнего и нового мира на базе их сопоставления.⁴⁵⁷ Такая целевая установка позволила ему отбросить массу поверхностных аналогий в хозяйственном развитии древности и современности и внести коррективы в научное применение категории капитализм. Целая эпоха, по его словам, может быть названа типично-капиталистической лишь когда покрытие потребностей капиталистическим путем совершается в таком объеме, что с уничтожением этой системы отпадает возможность их удовлетворения вообще. В этом смысле капиталистический способ удовлетворения повседневных потребностей присущ только европейскому Западу со второй половины XIX в.⁴⁵⁸

В расширенном виде свое позитивное отношение к методологическим и философско-историческим идеям Вебера Петрушевский изложил в «Очерках из экономической истории средневековой Европы» (М.-Л., 1928. – 322 с.). Такое сближение позиций наиболее видных отечественных исследователей и крупнейших представителей немецкой историографии, в основе неокантианской, не было случайным. В рамках своих концепций истории они были вынуждены решать сходные задачи: выявление общего и особенного в развитии древних народов и новоевропейцев, что было возможно лишь на базе сравнительно-исторического изучения, требующего сочетания генерализирующего и индивидуализирующего подходов.

Другие представители «второго позитивизма» в России не столько занимались концептуальной разработкой общеисторической теории, сколько рассматривали оформившиеся подходы в историографическом ключе, как В.П.Бузескул, либо заявляли о своем присоединении к определенной точке зрения. Большое место анализу дискуссии между сторонниками Эд.Мейера и К.Родбертуса – К.Бюхера в историографии античности уделил В.П.Бузес-

кул. Сам он склонялся к «универсальному взгляду» Мейера, признавая, что уже в древности существовали высшие формы экономических отношений, совершился переход к денежному капиталистическому хозяйству.⁴⁵⁹ Это дало право Н.И.Карееву отнести Бузескула к новому направлению в изучении греческой истории, где «идет настоящая переработка всего прежнего содержания науки».⁴⁶⁰ Бузескул настойчиво проводил мысль о том, как близка современной культуре и общественно-политической жизни античность. Своими книгами по истории афинской демократии и современным темам в античной Греции он, по собственным словам, «хотел рядом примеров <...> осветить ту сторону эллинского мира, которая делает этот мир для нас живым, особенно близким и родным».⁴⁶¹

В то же время научная позиция ученого не тождественна взглядам Виппера или Петрушевского, скорее, она приближается к пониманию хода исторического процесса у Ростовцева. Что в ней главное? То, что он отказывался признать существование разорванных циклов в человеческой истории и подчеркивал значение исторической традиции. Согласно воззрению Эд.Мейера, обоснованно писал Бузескул, «человечество оказывается обреченным на своего рода Сизифову работу. При этом упускается из виду, во-первых, то, что при всем параллелизме и аналогии между древностью и новым временем нет и не может быть полного тождества: каждое историческое явление само по себе индивидуально; и, во-вторых, прошлое не исчезает совершенно бесследно: в наследие от него остается многое, что переживает века и влияет на последующее развитие: идеи, учреждения, культура. Взгляд Эд.Мейера приводит нас как бы к отрицанию преемственности и могущества исторической «традиции».⁴⁶²

В равной степени он критиковал издержки социологического подхода к всеобщей истории Виппера и Петрушевского за то, что они восстают против всемирно-исторической концепции как истории единого человечества и объявляют «древность», «средние века» и «новое время» социологическими или историческими типами, фазисами в развитии отдельных народов. Бузескул верно понял самое слабое место данной теории. «Бесспорно, – указывал историограф, – в основании такой концепции лежат верные наблюдения; но эта точка зрения не охватывает всего исторического процесса; она имеет ввиду только одну сторону его и иногда упускает из виду другую – несомненно существующую преемственность и связь между последующим и предыдущим развитием, между отдельными народами и странами, их взаимодействие, наследие и влияние исторического прошлого, силу исторической традиции и

т.д.». ⁴⁶³ В этом смысле он сочувствовал защите всемирно-исторической точки зрения в работах Кареева. ⁴⁶⁴

Следует отметить, что сама проблема исторической преемственности вызывала споры. Если Буэскул или Ростовцев решали ее в плане влияния античного наследия на складывание культуры нового времени в качестве некоего базиса, то Виппер и Петрушевский полагали, что принятие самого греко-римского наследия в виде юридических доктрин или каких-то идей стало возможным лишь тогда, когда общества новой Европы «доросли» до соответствующего им уровня, то есть когда в них сложились социально-экономические и политические отношения, аналогичные тем условиям, в которых возникали продукты античной культуры. Поэтому «само восприятие чужой формулы, – писал Виппер, а за ним и Петрушевский, – является, таким образом, для историка фактом внутренней жизни того народа, развитие которого он изучает; такое восприятие становится интересным, как своего рода окончательный акт, увенчание, завершающий символ внутреннего процесса». ⁴⁶⁵ Отсюда делался вывод, что черт исторической преемственности между античным и новоевропейским обществом «недостаточно, чтобы по ним построить картину общей судьбы, общего развития даже одних европейских народов, не говоря о человечестве». ⁴⁶⁶

В словах Виппера о необходимости соответствующего уровня развития для восприятия определенных культурных ценностей другого народа есть логика. Однако она не подрывает роли исторической преемственности в развитии культур древних и новоевропейских народов, поскольку последние не были вовсе чужды античной культуре и начинали не на голом месте. Варваризация античной культуры означала не только ее разрушение, но и сохранение известных традиций, благодаря чему не было повсеместного возврата даже в раннем средневековье к самым примитивным ступеням цивилизации.

Проводя свои теоретические идеи в историографической практике, Буэскул справедливо критиковал такие явления, свойственные трудам сторонников сближения древности и современности (Белоха, Пельмана, Мейера и др.), как прямую модернизацию прошлого ⁴⁶⁷ и гиперкритицизм в отношении к источникам. ⁴⁶⁸ Из отечественных авторов за модернизацию истории и гиперкритицизм особенно от него доставалось Випперу. ⁴⁶⁹ Однако и сам Буэскул не избежал греха модернизации, что отразилось в его популярных работах «Женский вопрос в Древней Греции», «Античность и современность» и ярче всего в «Истории афинской демократии». В

них исследователь с теми или иными оговорками популяризовал представления Эд.Мейера и Р.Пельмана о социально-экономическом строе и идейной борьбе в древней Греции. Так он находил в античности порождаемый капитализмом пролетариат, выступающий за свои права и противостоящий греческой буржуазии; борьбу политических партий в Афинах аналогичную современной в Европе, распространение коммунистических идей, политику «государственного социализма», женский вопрос в его нынешней постановке, антисемитизм и пр.⁴⁷⁰ Эти книги Бузескула посвящены защите демократии, прав личности, местного самоуправления во все времена как вневременных ценностей, то есть обоснованию на материалах истории программы русского либерализма. В них в равной мере осуждаются крайности деспотизма одного и господство «черни», большое имущественное неравенство и ожесточение классово-вой борьбы в обществе, которые в конечном итоге погубили Грецию. Пожалуй, его анализ современности через призму древнегреческой истории особым оптимизмом не отличался. Историк с горечью писал, что в бурные кризисные эпохи побеждают крайности, а те, кто ищет середины, оказываются под обстрелом обеих крайних партий, судьба их печальна.⁴⁷¹ Учитывая опыт последующих событий, взгляд Бузескула следует признать провидческим.

Под влиянием випперовской критики теории прогресса находился Е.В.Тарле. Не отвергая вообще заслуг теории прогресса, он был склонен оценивать веру в бесконечный прогресс сродни религиозной.⁴⁷² Он признавал какой-то прогресс в историческом творчестве человечества, но замечал, что «путь этого прогресса по меньшей мере странен – пять шагов вперед, три шага назад».⁴⁷³ Обратив внимание на «огромную переоценку ценностей» в области древней и средневековой истории,⁴⁷⁴ сам исследователь в своей магистерской диссертации с воодушевлением неопита присоединился к точке зрения Эд.Мейера и Пельмана на историю древности. Взгляд Бюхера, по его словам, не был обставлен какими-то доказательствами, а просто декларирован, «напротив, мнение Мейера, что в древнем мире существовал и капитализм, и классовые очень резкие деления и развитое товарное производство, это мнение установлено на неопровержимом и прочном базисе».⁴⁷⁵ Схема Бюхера, по Тарле, не объясняет ни одного крупного факта классической истории, а теория Мейера не только объясняет ее, но и подтверждается фактами экономического быта. Фундаментальный труд Р.Пельмана «История античного коммунизма и социализма» (Тт.1-2, Мюнхен, 1893-1901), полагал историк, полностью подтверждает наличие капитализма и

соответствующих ему социальных учений в древности. Молодой ученый даже заявлял, что проверил все ссылки Мейера и Пельмана на источники, и это дало ему право утверждать, что немецкие авторы несколько не модернизировали греческий строй, отмечая в нем «все характерные стороны капиталистического производства...»⁴⁷⁶

Однако в более зрелом возрасте Тарле довольно критически относился к попыткам «ненужной модернизации» истории, например, Гастоном Буассье или Г.Ферреро.⁴⁷⁷ Он даже заимствовал у Б.Кроче термин «псевдоистория», под которым понимал «такой исторический труд, создавая который автор имеет, собственно, в виду изложить в этой как бы аллегорической или криптографической форме другую историю, историю своего собственного времени или той ближайшей к нему эпохи, которая идейно еще является для него современностью. Он не может, конечно, изменить внешний рисунок, фактическую канву, но он подставляет современную ему самому, а не излагаемым событиям мотивацию, он модернизирует то, о чем пишет».⁴⁷⁸ Особенную склонность к созданию псевдоисторий, указывал Тарле, исследователи имеют в критические бурные эпохи. Ученый предполагал возможность их появления в советской России.⁴⁷⁹

Длительное изучение проблем социально-экономической истории привело ученого к обоснованному выводу о том, что «ход экономической истории еще более однократен и не повторяем, чем, например, процесс политический, эволюция права или государственных форм». Тарле резонно замечал, что все попытки изобразить капитализм в форме единой, пусть и зигзагообразной линии, оказались неудачны. При всех грехах схемы Бюхера, писал он, «нельзя опровергнуть констатирование однократности и неповторяемости всех пока известных фаз мирового капиталистического процесса»⁴⁸⁰ Иными словами, он не отрицал возможности употребления категории «капитализм» применительно ко всем временам как общей социологической, но требовал ее индивидуализации относительно конкретной действительности.

В свою очередь Е.Н.Щепкин призывал отличать социологическое применение понятия «феодализм» от видового исторического. Первое, по его мнению, может относиться к различным моментам в истории человеческих обществ.⁴⁸¹ Однако главным для историка было соблюдение требования Ранке, касающегося бережного отношения к историческим феноменам.⁴⁸²

Вероятно, известную эволюцию в своих представлениях о ходе всемирной истории претерпел А.К.Дживелегов. В своих первых

публикациях он ратовал за создание «социологии с теорией прогресса», справедливо при этом замечая, что ход исторического процесса неверно представлять себе в качестве однолинейного движения. Скорее, он представляет из себя «бесконечно развертывающуюся спираль».⁴⁸³ Однако впоследствии исследователь предпочитал говорить об эволюции в истории человеческих обществ вне оценки с точки зрения идеи прогресса. Показательно, что при характеристике основных черт исторической науки начала XX столетия ученый вообще не упоминает теорию прогресса.⁴⁸⁴ Напротив, он подчеркивал, что «формальная сторона исторической науки не может считаться окончательно разработанной», имея в виду историческую хронологию. Все прежние деления на древнюю, средневековую и новую (новейшую) историю, по его мнению, «давно сданы в архив и рубрикация периодов сделалась очень сложна».⁴⁸⁵

А.К.Дживелегов специально вопросами древней истории не занимался, но в рецензии на работу Мейера «Экономическое развитие древнего мира» отмечал: «В явлениях древней жизни оказалось немало сходного и общего с жизнью современной».⁴⁸⁶ Мейера историограф называл «лучшим из современных немецких историков».⁴⁸⁷ Дживелегов подготовил о нем статью для энциклопедического словаря Гранат, в которой отмечал, что метод Мейера можно признать социологическим в том отношении, что историк постоянно сопоставляет явления, относящиеся к разным эпохам. Ввиду этого его анализа, по словам Дживелегова, «сообщается большая глубина, хотя во многих случаях, факты древней истории представляются в несколько модернизированном виде». Впрочем, Мейер по теоретическим взглядам, считает историограф, «далек от увлечения социологическими схемами».⁴⁸⁸

Рассматривая вопрос о правомерности сравнительно-исторического изучения, Дживелегов не без оснований предупреждал, что оно может быть полезно, когда «сопоставляется строй двух обществ, либо происходящих от одного корня, либо прошедших одинаковые стадии развития, либо, наконец, таких, взаимное положение которых делает вероятным заимствование». В этом отношении он признавал бесплодными некоторые сравнения М.М. Ковалевского.⁴⁸⁹ В целом позиции ученого в вопросах теории исторического процесса очень осторожны и далеки от критицизма в випперовском духе.

Идею прогресса в истории подвергал критике В.М.Хвостов. Ученый не считал понятие «прогресс» научным, поскольку оно предполагает определенное целеполагание.⁴⁹⁰ В истории, писал он, научно нельзя доказать ни наличие прогресса, ни регресс общества.⁴⁹¹ Поэтому исследователь ратовал за понятие «эволюция», понимае-

мое как «единый, последовательный процесс изменений, которые мы можем изучить, как связанное целое». ⁴⁹² Социолог сохранил понятие единства человечества как целого, которое выступает тем явственнее, чем дальше движется история. Он сравнивал общество с человеческим организмом, ⁴⁹³ однако считал, что говорить о постоянном и непрерывном движении человечества в одном направлении неправомерно: «Бывают здесь перерывы, надолго нарушающие преемственную связь культурного развития». ⁴⁹⁴

В.М.Хвостов являлся скорее противником модернизации и настаивал на существовании индивидуального «духа эпохи», который необходимо раскрыть. Для чего им и рекомендовался уже упомянутый прием «относительных масштабов». При этом историк не считал возможным избежать определенного субъективизма в суждениях о прошлом. ⁴⁹⁵

В итоге ведущие представители «второго позитивизма» имели своеобразные представления об общем ходе всемирной истории. Доминирующей тенденцией в них был отказ от теорий прогресса и обращение с теми или иными оговорками главного внимания на развитие отдельных культур и народов, стремление сопоставить развитие древних и новоевропейских народов. Под влиянием работ Р.Ю.Виппера, Д.М.Петрушевского, М.И.Ростовцева и других авторов, не только популяризовавших взгляды Эд.Мейера. Р.Пельмана, М.Вебера, но и внесших большой вклад в их теоретическое развитие и обоснование, в русской историографии постепенно утверждалась новая концепция всемирной истории. Последняя влияла и на позиции сторонников позитивистской парадигмы, взгляды которых не оставались неизменными. Так или иначе ее теоретики воспринимали определенные идеи критического направления в историографии, включая их в свои построения всемирной истории.

В этом плане особенно показательна эволюция Н.И.Кареева, который в своих типологических курсах ⁴⁹⁶ определенно присоединился к точке зрения на древнюю историю Эд.Мейера. Отечественный исследователь, находившийся в постоянном поиске, был не удовлетворен к началу XX века авторитетными в позитивистской науке построениями Фюстель де Куланжа и основал свои курсы главным образом на трудах Мейера, Ростовцева, Белоха, Пельмана. ⁴⁹⁷ В своих работах Кареев сосредоточил внимание на тех параллелях, которые можно проводить между «социально-политической эволюцией древних и современных народов». Его мысль была направлена на то, что развитие там и здесь совершалось «в одном и том же направлении, если не по одному к тому же пути...». ⁴⁹⁸

Отказав во всемирно-историческом значении общим формулам развития человечества Конта и Бюхера, ученый приложил их к истории отдельных обществ.⁴⁹⁹ Вслед за Мейером Кареев говорил о двух параллельных периодах в развитии средиземноморских народов, выделяя в древности и свое «средневековье», и развитие капиталистических отношений.⁵⁰⁰ В античных полисах он находил современную борьбу партий консерваторов и демократов, отражавшую противостояние классов, наличие «нелегальной» революционной борьбы наряду с легальной,⁵⁰¹ в экономике – стадию крупного мануфактурного производства⁵⁰² и так далее. Европейская Греция, а затем Рим, по словам историка, прошли свои циклы развития и новоевропейская история началась с варварства и натурального хозяйства.⁵⁰³ В характеристике социальных, экономических и политических явлений древности Кареев допускал элементы модернизации истории. Однако исследователь отчетливо видел важные отличия в развитии древних и новоевропейских народов. Он утверждал, что «неправильно было бы стирать все черты различия, какие действительно существуют между античным миром и новой Европой...».⁵⁰⁴ Последняя ушла гораздо дальше во всех отношениях – в развитии правовой личности, в понимании демократии, в организации государственного устройства, в социально-экономическом отношении (особенно за счет свободного труда против рабского в древности) и прочем.⁵⁰⁵

Кареев считал возможным сосуществование одновременно всех форм хозяйственной деятельности, но в то же время полагал, что каждой эпохе соответствуют свои, наиболее характерные: древности – рабство, средним векам – крепостничество, новому времени – вольнонаемный труд.⁵⁰⁶ Поэтому особое внимание в своих курсах он уделял исследованию роли рабского труда в экономической и социальной жизни древних народов.⁵⁰⁷

Наконец, ученый не отказался от всемирно-исторической точки зрения вообще. Руководствуясь ею, он стремился показать роль исторической традиции, что было воспринято эллинистическими царствами от монархий древнего Востока, а от них – Римской империей.⁵⁰⁸ Восточный материал был для этого особенно благодатен, поскольку, если античные полисы принадлежали одной эпохе, то великие монархии древнего мира, указывал историк, принадлежат разным формациям, возникают на развалинах друг друга.⁵⁰⁹ Эту же роль исторического наследия исследователь, подобно И.М.Гревсу, отмечал со стороны античного мира для новой Европы.⁵¹⁰

В отличие от Виппера Кареев, несмотря на все трагические события, последовавшие после начала мировой войны, не отказался

и от идеи прогресса, который, по его словам, пробивает себе дорогу через полчища реакции. Мировой характер войны, отмечал ученый, – показатель того, что сама история человечества стала действительно «мировой». В этой войне союзные страны – Россия, Англия и Франция как раз и отстаивают общечеловеческие идеалы истины и справедливости, борются за общественный прогресс.⁵¹¹

С критикой крайностей модернизации античной истории на рубеже веков выступали многие авторы, например, П.Г.Виноградов,⁵¹² С.А.Жебелев⁵¹³ и другие. Но преобладающей чертой стал поиск сходства в жизни древних и новых народов. Как подчеркивал Виноградов, критикуя Фюстель де Куланжа, нельзя, чтобы своеобразие исторического момента закрывало для историка общечеловеческое однообразие в истории.⁵¹⁴ Поэтому в это время появилось значительное число работ, отвечающих этому запросу.⁵¹⁵

Наблюдалось особое увлечение античностью, поскольку она рассматривалась как «родоначальница всех без исключения идей, которыми мы живем и поныне».⁵¹⁶ Современная эпоха представлялась историкам начала XX века как близкая античности и, изучая последнюю, они стремились, разобраться в настоящем.⁵¹⁷ Ответственным образом были подготовлены пособия для самообразования. Так, в «Очерках всеобщей истории», изданных для «Народного университета» в качестве методологической посылки, утверждалось, что Эд.Мейер прав и единство исторического процесса в действительности лишь мираж, его можно понимать лишь в смысле единства человеческой природы.⁵¹⁸ Широкий размах приняла критика теорий прогресса в какой-либо форме.⁵¹⁹ Однако полного отказа от идеи прогресса в отечественной науке начала века не произошло. В той или иной мере идею прогресса защищали Ф.Ф.Зелинский,⁵²⁰ А.С.Лаппо-Данилевский,⁵²¹ М.В.Довнар-Запольский,⁵²² в начале 900-х гг. – Н.А.Бердяев.⁵²³ Странником единства европейской истории и взглядов Бюхера на экономическое развитие Древнего Рима с теми или иными оговорками являлся И.М.Гревс.⁵²⁴ Кроме того, масса конкретных историков, особенно преподавателей истории в средних учебных заведениях, вероятно, стояла далеко от современных дискуссий в сфере теории, продолжая жить усвоенной когда-то на студенческой скамье парадигмой.⁵²⁵

Таким образом, общеисторические воззрения рассматриваемых авторов имеют в главном много общего с Р.Ю.Виппером. Для Д.М.Петрушевского, Е.В.Тарле, Н.А.Рожкова, М.И.Ростовцева, А.К.Дживелегова, В.П.Бузескула, М.М.Хвостова был характерен

преимущественный интерес к социально-экономической стороне истории. Е.Н.Щепкин на протяжении своей творческой биографии проделал существенную эволюцию от увлечения в молодые годы ранкеанством к марксизму. Что касается В.М.Хвостова, то, будучи историком-юристом, основные работы он создал в области римского права,⁵²⁶ но в теории и в практике своих социологических исследований указывал на выдающееся значение социально-экономической стороны исторического процесса. Признавая заслуги марксизма в обращении внимания исследователей к социально-экономической стороне истории, «критические позитивисты» выступали против «экономического детерминизма» и настороженно относились к политической программе социал-демократов.

В работах «вторых позитивистов» подверглась критике идея единства всемирной истории в том виде, как она рассматривалась в теориях прогресса XIX столетия. Однако сама критика теории прогресса в их трудах никогда не занимала того места, что у Виппера. Они ратовали за социологический подход к истории и с теми или иными оговорками видели во всемирной истории множество сходных процессов, подлежащих сравнительному изучению. В целом они полагали, что отдельные культуры невозможно вытянуть в единую цепь восходящего развития. Поэтому «критические позитивисты» поддерживали концепцию древней истории Эд.Мейера и находили в древности стадии развития, пройденные впоследствии народами новой Европы. Однако, сами выводы концепции Мейера получили в их работах социологическую интерпретацию, чего не было у ее автора. В отличие от Виппера, Рожкова, Петрушевского другие авторы признавали огромную роль исторической преемственности, поэтому идея «локальных цивилизаций» для них была чужда. Практически все они в той или иной степени допускали модернизацию древней истории, хотя и без крайностей випперовского подхода. В начале века с общеисторическими воззрениями рассматриваемых ученых сблизился Н.И.Кареев.

При всех издержках исторической концепции «критического позитивизма» правомерно ее оценивать как этап поступательного развития исторической мысли, соответствующий общим тенденциям в развитии культуры в начале XX века. Являясь своеобразной реакцией на позитивистскую парадигму истории, «второй позитивизм» сохранил в модернизированном виде ряд ее элементов, попытавшись синтезировать плодотворные идеи позитивизма и критической философии рубежа XIX и XX вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине XIX столетия ведущим направлением в историографии всеобщей истории в России стало позитивистское направление, сложившееся под воздействием англо-французского позитивизма. Оно имело неоспоримые заслуги перед отечественной наукой. К сильным сторонам позитивистской парадигмы истории относились такие, как теоретико-познавательный оптимизм, утверждение единства научного познания, требование строгого объективизма в науке, ее ориентация на поиск определенных законов общественного развития. Однако стремление «подтянуть» историю до уровня естествознания, навязывание ей исследовательских принципов, норм и даже методов наук о природе лишало историографию в позитивистской интерпретации ее специфики как науки. При этом речь у позитивистов шла о познавательных установках «классической науки», сформировавшихся на опыте естествознания конца XVIII – первой половины XIX вв. Игнорирование реальных теоретико-познавательных проблем исторического познания в позитивизме не давало верного представления о познавательных возможностях историка. Упрощенное представление о ходе всемирной истории давала позитивистская теория прогресса, сыгравшая в свое время положительную роль в осмыслении истории как единого временного и географического пространства.

Ряд существенных ограничений позитивистской интерпретации истории попытался преодолеть в своей философии истории Н.И.Кареев. Ему удалось выявить самое слабое звено позитивизма – гносеологию. Главные методологические заслуги ученого связаны с попыткой обосновать специфику исторического познания. Стремясь сохранить основные постулаты позитивизма, Кареев не смог избежать в своей философии истории многих противоречий, его взгляды не отличались строгой последовательностью. Не создав собственной школы в методологии истории, исследователь способствовал привлечению широкого внимания к теоретико-познавательным проблемам социальных наук.

С середины 90-х гг. XIX в. позитивистская парадигма истории вступает в теоретико-методологический кризис, который отражал внутренние тенденции развития научного знания конца XIX – начала XX вв. Сущность кризиса была связана с формированием нового релятивистского взгляда на мир, получившего свое выражение в науке в третьей глобальной научной революции. Особенность проявления данного явления в историографии России в начале XX

в. заключалась в сочетании научного и острого мировоззренческого кризисов. Последний являлся следствием социальных бурь, вызвавших крах идеалов русского либерализма. Проблема кризиса исторической науки рубежа XIX и XX вв. впервые была поставлена в работах всеобщих историков второго поколения в позитивизме, условно обозначаемых как «критические позитивисты».

«Критический позитивизм» сформировался в лоне позитивистской историографии конца XIX – начала XX вв. Его становление определялось критическим отношением к ведущим методологическим учениям современности – неокантианству и позитивизму. С последним «второй позитивизм» остался связан многочисленными узами. Главное внимание «критические позитивисты» сосредоточили на разработке теоретико-методологических проблем истории. Выход из кризиса виделся им в пересмотре важнейших категорий исторической науки в сфере методологии и в переходе на эволюционную сравнительно-историческую точку зрения в изучении всемирной истории.

Наиболее радикальным критиком унаследованных от XIX столетия схем и понятий в истории явился Р.Ю.Виппер, последовательно отстаивавший принципы релятивизма и критицизма в науке. Теория исторического познания Виппера базируется на релятивизме. В его методологии историография фактически сводилась к функции современности, а в логическом смысле – к системе «мысленных разрезов». Воззрения ученого оказались симптоматичными для последующей презентистской методологии истории.

Среди представителей «второго позитивизма» в российской историографии всеобщей истории выделяются имена Д.М.Петрушевского, Е.В.Тарле, В.П.Бузескула, Н.А.Рожкова, А.К.Дживелегова, М.И.Ростовцева, М.М.Хвостова. В творчестве В.М.Хвостова и Е.Н.Щепкина своеобразно сочетались идеи «второго позитивизма» и немецкого историзма. Названные авторы избежали крайностей випперовского подхода к истории. Их взгляды не укладываются в жесткую схему, поскольку каждый крупный исследователь представляет собой целую стихию. Но то же в равной мере можно сказать и о представителях «первого позитивизма». Однако многое в их теоретико-методологических представлениях об истории позволяет объединить данных авторов в одно направление. Общим для «критических позитивистов» было следующее: 1) пристальный интерес к теоретико-методологическим вопросам истории, результатом чего явилось оформление методологии истории в самостоятельную дисциплину; 2) выдви-

жение субъекта познания как активного творческого начала в процессе познания, рассмотрение субъекта познания как детерминированного историческим миром; 3) отстаивание единства научного знания с учетом специфики истории как общественной по своей природе науки; 4) утверждение относительного характера исторических истин, их зависимости от социальной практики современности; 5) признание повторяемости основных элементов и стадий в общественно-историческом процессе. Гносеологическое понимание категории «закон» в истории; 6) защита роли общих понятий в историографии; 7) пристальное внимание к социально-экономической стороне истории вплоть до признания социально-экономического фактора структурообразующим. Решительный отказ от монизма и «экономического детерминизма» в истории; 8) отказ от теории исторического прогресса, сосредоточение внимания на сравнительном социологическом изучении отдельных культур и народов. Вслед за Эд.Мейером сопоставление развития народов древнего и новоевропейского мира; 9) модернизация древней истории.

В целом исходные установки «критического позитивизма» соответствовали нормам третьей научной революции и выражали поступательное развитие исторического знания в конце XIX – начале XX вв. Становление данного направления в истории было насильственно прервано в начале 20-х гг., однако кризисные явления она испытала уже в 10-е гг. XX столетия. Идеи «критического позитивизма» оказались созвучны науке XX столетия, а его представители в дальнейшем внесли огромный вклад в развитие как советской, так и зарубежной историографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

(Введение)

1. Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века (итоги и задачи изучения) // Вопросы истории. – 1982. – № 1. – С.21, 24-25.

2. Хмылев Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Л., 1985. – С.17, 33.

3. См.: Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. – Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 1999 – 2000.

4. Там же. – Ч.1. – С.38.

5. Там же. – С.39; Ч.2. – С.126-137; Рамазанов С.П. Кризис русской буржуазной исторической науки: сущность и периодизация // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Вып.19. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. – С.169-171.

6. См.: Очерки истории исторической науки в СССР. – Тт. 1-3. – М.: Наука, 1955 – 1963; Историки России XVIII – XX веков – Вып. 1-3. – М., 1995 – 1996; Историки России. XVIII – начало XX века. – М.: Скрипторий, 1996; Историческая наука в России в XX веке. – М.: Скрипторий, 1997; Историки России. Биографии. – М.: РОС-СПЭН, 2001 и др.

7. Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. – М.-Л.: Госсоцэкономиздат, 1940; Рубинштейн Н.Л. Русская историография. – М.: Госполитиздат, 1941; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – М.: Высш. шк., 1971; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. – М.: Высш. шк., 1978; Историография античной истории. – М.: Высш. шк., 1980; Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. – Изд. 2-е. – М.: Высш. шк., 1985; Историография нового времени стран Европы и Америки. – М.: Высш.шк., 1990; Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. – М.: Культура, 1993; Выдающиеся историки России XVIII – XX веков. – М.: МЭИ, 1995; Герасименко Г.А. История российской исторической науки (дооктябрьский период). – М.: Советский спорт, 1998; Вернадский Г.В. Русская историография. – М.: Аграф, 1998; Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. – М.: Простор, 2002; Историография истории России до 1917 г.: В 2 т. – М.: Гуманит изд. центр ВЛАДОС, 2003 и др.

8. Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 900-х годов. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1969; Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. – М.: Наука, 1974; Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю.Виппера и его время. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1976; Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. – Л.: Наука, 1977; его же. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. – Л.: Наука, 1986; Хмылёв Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978; Вандалковская М.Г. П.Н.Милуков, А.А.Кизеветтер: История и политика. – М.: Наука, 1992; Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). – М.: Прометей – Брянск: Изд-во БГПУ, 1996; Погодин С.Н. «Русская школа историков»: Н.И.Кареев, И.В.Лучицкий, М.М.Ковалевский. – СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997; Сеницын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. – Казань: УНИПРЕСС, 1998; Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. – М.: РГГУ, 1998; Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. – Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 1999 – 2000; Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000 и др.

9. Хмылёв Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Л., 1985. – С.17-21.

(Часть I, гл. 1-2)

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – С.44-45.

2. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Собр. соч. в 5 томах. – Т.4. – М.: Правда, 1974. – С.247.

3. Там же. – С.253

4. Михайловский Н.К. Аналитический метод в общественной науке // Сочинения. – 3-е изд. – Т.1. – Спб., 1894. – С.45.

5. Там же. – С.45-46.

6. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 1989. – №10. – С.12-13.
7. См.: Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. – 1982. – №12. – С.56.
8. См.: Пресняков А. Труды М.А.Дьяконова по русской истории // Русский исторический журнал. – 1921. – №7. – С.8.
9. Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Московском университете. – М., 1911. – С.253.
10. См.: Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. – М.: Наука, 1983. – С.31.
11. Кареев М.И. Прожитое и пережитое. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – С.110-111, 123.
12. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). – Т.1. – Вып.3. – Спб., 1886. – С.112-113.
13. Там же. – Т.2. – Вып. 24. – Спб., 1890. – С.101.
14. Милкоков П.Н. Воспоминания (1859-1917). – Т.1. – М.: Современник, 1990. – С.102.
15. Виноградов П.Г. О прогрессе. – М., 1898. – С.3.
16. Там же. – С.30.
17. Там же. – С.31.
18. См.: Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации. – С.17.
19. Очерки всеобщей истории. – Ч.1. Древний мир и средние века. – М., б.г. – С.2.
20. Герье В.И. Иполит Тэн и его значение в исторической науке // Вестник Европы. – 1890. – №1. – С.5.
21. Там же. – С.5-6.
22. Анализ курса см.: Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. – М.: Наука, 1974. – С.254-267.
23. Ключевский В.О. Методология русской истории // Соч. в 9 томах. – Т.6. – М.: Мысль, 1989. – С.81-83.
24. Там же. – С.74-75.
25. Там же. – С.76.
26. Там же. – С.89.
27. См., например: Спенсер Г. Изучение социологии. – Спб., 1899 (главы IX «Патриотическая точка зрения», X «Сословные предрассудки», XI «Политические воззрения», XII «Догматические воззрения», XIII «Умственная дисциплина»).

28. См: Михайловский Н.К. Об истине, совершенстве и других скучных вещах // Полн. собр. соч. – 4-е изд. – 1.3. – Спб., 1909. – С.382-407.

29. Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. – Т.VIII. Исторический. – Полутом 1. – Харьков, б.г. – С.4.

30. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. – Часть II. – Т.3. – Пг., 1917. – С.293.

31. Щепкин Е.Н. Автобиография Л.Ранке // Русская мысль. – 1893. – №8. – С.149-169; 1894. – №1. – С.63-84; №2. – С.41-52.

32. Hughes H.S. History as Art and as Science. – N.Y., Evanston, L., 1964. – P.8.

33. Милюков П. Из истории русской интеллигенции: Сборник статей и этюдов. – 2-е изд. – Спб., 1903. – С.277.

34. Там же. – С.270.

35. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. – Ч.1. – Спб., 1896. – С.5.

36. Тот же Милюков в качестве методологической основы своего популярного курса «Главные течения русской исторической мысли» (Изд. 3-е. – Спб., 1913) выдвигал положение, что «развитие науки русской истории не бессмысленно и не случайно, что общее течение русской историографии всегда обуславливалось некоторыми основными взглядами, теориями и системами и всегда находилось в более или менее тесной связи с развитием общего мировоззрения». (Там же. – С.1).

37. Ключевский В.О. Соч. в 9 томах. – Т.6. – С.72.

38. Там же. – С.74.

39. Там же. – С.79.

40. Ключевский В.О. Соч. в 9 томах. – Т.6. – С.90.

41. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. – Ч.2. – Т.3. – С.293.

42. Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы // Русская мысль. – 1890. – Кн.1. – С.92.

43. См.: Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. – Ч.2. – Т.3. – С.296. Ученики Виноградова чрезвычайно высоко оценивали его научный семинарий. (См.: Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). – Т.1. – С.114.

44. Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж: Итоги и приемы его ученой работы. – С.92.

45. Там же. – С.97.

46. Кареев Н.И. П.Г.Виноградов // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: Историко-литературный сборник, – Т.6. – СПб., 1897. – 1904. – С.75.
47. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. – Ч.2. – Т.3. – С.293.
48. См.: Петрушевский Д.М. О задачах всеобщей истории как науки // Образование. – 1898. – №2. – С.5-7; Тенденции современной исторической науки; Образование. – 1899. – №5-6. – С.77; Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – М., 1911. – С.47.
49. Пресняков А. Труды М.А.Дьяконова по русской истории. – С.9. Имеются в виду книги Дьяконова: Власть московских государей. – СПб., 1889; Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI-XVII вв.). – СПб., 1898; Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. – СПб., 1907.
50. См.: Шапино А.Л. Русская историография в период империализма. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. – С.131.
51. Виноградов П.Г. Накануне нового столетия. – М., 1902. – С.25-26.
52. Ключевский В.О. Курс русской истории. – Ч.1. // Соч. в 9 т. – Т.1. – М.: Мысль, 1987. – С.39.
53. Ключевский В.О. Русская историография 1861-1893 гг. // Соч. в 9 т. – Т.7. – М.: Мысль, 1989. – С.385.
54. Лебедев М.В. Творчество в истории // Летопись историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете. – Т.ХП. – Одесса, 1905. – С.22.
55. См.: Гольцев В. «Основные вопросы философии истории» Н.Кареева 1883 // Русская мысль. – 1883. – №11. – С.144-149; Слонимский Л. Законы истории и социальный прогресс // Вестник Европы. 1883. – Т.6. – С.253-282.
56. Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. – Ч.1. – С.8
57. Милоков П.Н. Из истории русской интеллигенции. – С.291.
58. Там же. – С.304.
59. Там же. – С.274. См. также: Милоков П.Н. Воспоминания (1859-1917). – Т.1. – С.112.
60. Ключевский В.О. Соч. в 9 т. – Т.6. – С.398.
61. Там же. – С.83.
62. Багалеи Д.И. Русская история. – Т.1. Княжеская Русь (до Иоанна III). – М., 1914. – С.15.
63. Виноградов П.Г. О прогрессе. – С.4.
64. Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы. – С.84.

65. См.: Виноградов П.Г. О прогрессе. – С.31-33.
66. Там же. – С.56-57.
67. Там же. – С.59.
68. Там же. – С.61.
69. См.: Раппопорт Х. Философия истории в ее главных течениях. – СПб., 1898.
70. См.: Пыпин А.Н. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX в. / Ред. и прим. Г.В.Вернадского. – Пг., 1916. – С.4.
71. Довнар-Запольский М.В. Исторический процесс русского народа в русской историографии // Русская мысль. – 1902. – №3. – С.186-187.
72. Об учении М.М.Ковалевского о прогрессе см.: Сафронов Б.Г. Ковалевский как социолог. – М.: Изд-во МГУ, 1960. – Гл.III.
73. См.: Виноградов П.Г. О прогрессе; Раппопорт Х. Философия истории в ее главных течениях; Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. – СПб., 1900; Тарле Е.В. Всеобщая история (Очерк развития философии истории // По лекциям проф. Тарле сост. Г. С. – СПб., 1908 (Литогр. изд.) и др.
74. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – С.18.
75. См., например, статьи П.Н.Ткачева «Экономический метод в науке уголовного права», «Льюис Милль Д.С. Огюст Конт и положительная философия», «Закон общественного самосохранения», «Что такое партия прогресса» и др. / Ткачев П.Н. Соч. в двух томах. – Т.I. – М.: Мысль, 1975/.
76. Виноградов П.Г. О прогрессе. – С.41.
77. Там же. – С.43.
78. Там же. – С.44.
79. Там же. – С.58.
80. Там же. – С.61.
81. См.: Стронин А.И. История и метод. – СПб., 1869.
82. См.: Трачевский А.С. Предисловие // Вормс Р. Общественный организм. – СПб., 1897. – С.XV.
83. Там же. – С.IV.
84. Там же. – С.XIII.
85. См.: Ковалевский М.М. Социология и социологи // Сборник в пользу недостаточных студентов московского университета. – М.,1897.
86. Багaley Д.И. Русская история. – Т.I. – С.5.
87. Довнар-Запольский М. Исторический процесс русского народа в русской историографии. – С.185.

88. Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С.314.
89. Ключевский В.О. Соч. в девяти томах. – Т.I. – С.40.
90. Там же. – С.41.
91. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской академии наук. Ч.II. – Т.3. – С.295.
92. Виноградов П.Г. Средневековое поместье в Англии. – СПб., 1911. – С.5.
93. Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). – Т.I. – С.147.
94. Там же. – С.207.
95. Кареев Н.И. Виноградов П.Г. // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). – Т.VI. – С.76.
96. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. – Ч.II. – Т.3. – С.294.
97. См.: Ковалевский М.М. Современные социологи. – СПб., 1905. – С.208.
98. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. – Ч.II. – Т.3. – С.317. (Автобиография М.М.Ковалевского).
99. Ковалевский М.М. Современные социологи. – С.XII.
100. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. – Ч.II – Т.3. – С.316.
101. Багалей Д.И. Русская историография. – Т.I. – С.11.
102. Там же. – С.13.
103. Ключевский В.С. Соч. в девяти томах. – Т.1 – С.56.
104. Там же. – С.58.
105. Тарле Е.В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории // Соч. в двенадцати томах. – Т.I. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С.299.
106. Там же. – С.302-303.
107. Дживелегов А.К. История // Энциклопедический словарь т-ва Бр. А. и И. Гранат. – Изд. 7-е, совершенно переработанное. – Т.22. – М., 1935. – С.288-289.
108. В этом смысле автор расходится с точкой зрения Ю.Г.Коргунюка, рассматривающего методологию истории Н.И.Кареева в контексте немецкой философии истории XIX в. (См.: Коргунюк Ю.Г. Разработка вопросов методологии истории в творчестве Н.И.Кареева: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1990. – 23 с.).
109. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – С.104.

110. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – С.131-132, 151.
111. Кареев Н.И. Огюст Конт как основатель социологии // Введение в изучение социальных наук. – СПб., 1903. – С.10, 14.
112. Там же. – С.14-15. См. также: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. – С.107, 111, 122, 130-132, 135 и др.
113. Кареев Н.И. Мифическое мировоззрение и положительная философия // Знание. – 1876. – №11; Н.К.Михайловский как социолог // Русские ведомости. – 1900. – №318; Теория личности П.Л.Лаврова. – СПб., 1901; Огюст Конт как основатель социологии // Введение в изучение социальных наук. – СПб., 1903. – С.6-15; Памяти Н.К.Михайловского как социолога // Русское богатство. – 1904. – №3. – С.137-149; Один из последних историко-философских трудов П.Л.Лаврова // Собр. соч. – Т.2. – СПб, 1912. – С.209-236; Историко-теоретические взгляды Чернышевского, Лаврова и Михайловского // Научный Исторический журнал. – 1913. – №1. – С.113-124; Научная работа П.Л.Лаврова // Северные записки. – 1915. – №1. – С.204-212; Лавров как социолог // П.Л.Лавров: Статьи, воспоминания, материалы. – Пг., 1922. – С.193-248 и др.
114. Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1969. – С.123.
115. Кареев Н.И. Задачи социологии и теории истории (1890) // Его же. Собр.соч. – Т.1. – СПб., 1911. – С.25; Основные вопросы философии истории. – Т.1. – М., 1883. – С.301.
116. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – СПб., 1913. – С.66-67.
117. Кареев Н.И. Собр.соч. – Т.1. – С.28.
118. Там же. – С.27.
119. Кареев Н.И. Беседы о выработке мирозозерцания. – Изд. 3-е. – СПб., 1895. – С.19.
120. Там же.
121. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. – СПб., 1897. – С.305-306. См. также: Кареев Н.И. Что такое общественные науки? // Введение в изучение социальных наук. – С.1-2.
122. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1 – С.106.
123. См., например: Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. – СПб., М., Варшава, 1895. – С.46.
124. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.105-106.

125. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.62.
126. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.287.
127. Кареев Н.И. Беседы о выработке мировоззрения. – С.21.
128. Кареев Н.И. Об отношении истории к другим наукам с точки зрения интересов общего образования. – СПб., 1895. – С.8.
129. Очерки истории исторической науки в СССР. – Т.3. – М.: Наука, 1963. – С.260-261, 474-475.
130. Кареев Н.И. Историология: Теория исторического процесса. – Пг., 1915. – С.24; Теория исторического знания. – С.281-282. Ср.: Виндельбанд писал: «Принципом деления служит формальный характер познавательных целей наук. Одни отыскивают общие законы, другие – отдельные исторические факты; выражаясь языком формальной логики, цель первых – общее аподиктическое суждение, цель вторых – суждение единичное, ассерторическое. Одни из них суть науки о законах, другие – науки о событиях», то есть одни науки – номотетические, другие – идеографические (Виндельбанд В. Прелюдии. – СПб., 1904. – С.320).
131. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.106.
132. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.236. Анализу философии истории в данной работе посвящена целая XV глава.
133. Кареев Н.И. Задачи социологии и теории прогресса // Собр.соч. – Т.1. – С.52. См. также: Историология. – С.27.
134. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. – С.46.
135. Кареев Н.И. Историология. – С.31.
136. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.106.
137. Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса (1890) // Историко-философские и социологические этюды. – С.85.
138. Там же; Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.291.
139. Кареев Н.И. Суд над историей. Нечто о философии истории // Русская мысль. – 1884. – №3. – С.16.
140. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.284-285. Оглавление.
141. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. – С.135.
142. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.288.
143. Там же. – С.289-290.

144. Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. – СПб., 1900. – С.13-14.
145. Там же. – С.29.
146. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.287.
147. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.200.
148. Кареев Н.И. Историология. – С.22-23.
149. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.282.
150. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.279.
151. Там же. – С.72.
152. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.113.
153. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории: Основные вопросы философии истории. – Ч.III. – СПб., 1890. – С.294.
154. См.: Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.66.
155. Кареев Н.И. Юриспруденция и теория исторического процесса // Юридический вестник. – 1890. – №7-8. – С.269.
156. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.158.
157. Там же. – С.159.
158. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.124.
159. Там же. – С.198.
160. Там же. – С.113-114, 124-125.
161. Кареев Н.И. Историология. – С.41; Основные вопросы философии истории. – Т.2. – М., 1888. – С.9-14. Такой же точки зрения придерживался Д.И.Багaley, утверждавший, что «исторические законы – это химера. Закономерными элементами оказываются в истории социологический и психологический: поэтому можно и нужно говорить о законах социологии, но не истории». (Багaley Д.И. Русская история. – Т.1. – М., 1914. – С.14).
162. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.1. – Изд. 3-е. – СПб., 1904. – С.1-2.
163. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.70.
164. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.314.
165. Кареев Н.И. Моим критикам: Защита книги «Основные вопросы философии истории». – Варшава, 1884. – С.42.
166. Кареев Н.И. Историология. – С.34.
167. Слонимский Л. Законы истории и социальный прогресс // Вестник Европы. – 1883. – №6. – С.270.

168. См., например, указ. соч. Л.Слонимского; В.Гольцева «Основные вопросы философии истории» Н.Кареева. 1883 // Русская мысль. – 1883. – №9. – С.144-149.
169. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.223-224.
170. Зиммель Г. Проблемы философии истории: Этюд по теории познания. – М., 1898. – С.47.
171. Там же. – С.51-52.
172. Там же. – С.77-78.
173. Там же. – С.77, 85.
174. Там же. – С.86-87.
175. Риккерт Г. Философия истории. – СПб., 1908. – С.90.
176. Там же. – С.95-96. С позиций немецкого философа солидаризировался Н.А.Бердяев (Бердяев Н.А. К.Леонтьев – философ реакционной романтики (1904) // *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социологические и литературные (1900-1906). – СПб., 1907. – С.315).
177. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.69.
178. Там же. – С.53-65.
179. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.155.
180. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. – С.245-246.
181. Там же. – С.239.
182. Там же. – С.199.
183. Там же. – С.240.
184. Кареев Н.И. Задачи социологии и теории истории. – С.60.
185. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.2. – С.56.
186. Там же. – С.32.
187. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.224.
188. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.223-224.
189. Там же. – С.223.
190. См.: Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. – С.114-134.
191. Там же. – С.117. Кареев нечетко разграничивал «факты науки» и «факты действительности», большая часть его суждений относится к последним.
192. Там же. – С.117-118.
193. Там же. – С.129.
194. Там же. – С.117.
195. Там же. – С.124.

196. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.2. – С.275.

197. Впоследствии он жаловался, что этот «зрелый и оригинальный» труд не вызвал должного внимания в ученом мире (Историология. – С.5-7).

198. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. – С.123.

199. Там же. – С.126-128.

200. Утченко С.Л. Юлий Цезарь. – М.: Мысль, 1976. – С.3-4. В принципе эти преимущества ретроспективного подхода к истории Кареев признавал и даже сам на примере изучения истории реформации подчеркивал: «Современный историк отдален от событий реформационной эпохи на целые века: ему виден процесс реформации от начала до конца; он суммирует и обобщает отдельные его явления, <...> т.е. для него реформация есть предмет созерцания и исследования, и он может в более чистом виде схватить основные принципы движения. В ином положении были деятели эпохи: они стояли в середине событий, часто не зная сами, что создают и что разрушают, к чему приведут те или другие их поступки; поэтому они могли формулировать принципы движения иногда только в частных положениях, разрозненными одни от других, с большими противоречиями...» (Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Изд. 3-е. – Т.2. – СПб., 1904. – С.217).

201. Бернгейм Э. Введение в историческую науку. – СПб., 1908. – С.62. Работу Бернгейма высоко оценил Кареев (см.: Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.4).

202. В.М.Хвостов даже рекомендовал особый прием «относительных масштабов» для объективности исторического исследования: «Этот прием состоит в следующем: при изложении исторического процесса следует остерегаться излагать его с точки зрения наших идеалов и стремлений, но надлежит изображать исторические события с точки зрения тех людей, которые в них участвовали» (Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории. – Изд. 2. – М., 1914. – С.302).

203. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. – 2-е изд. – Т.3. – С.49.

204. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. – С.129.

205. См.: Соловьев В.С. Руководящие мысли «Исторического обозрения» // Соч. в двух томах. – Т.2. – М.: Правда, 1989. – С.405-406.

206. Лавров П.Л. Философия и социология: Избранные произведения в двух томах. – Т.2. – М.: Мысль, 1965. – С.38.

207. Михайловский Н.К. Об истине, совершенстве и других скучных вещах // Полн. собр. соч. – Т.3. – СПб., 1909. – С.402-403. Ср.: В.Дильтей подчеркивал, что факты наук о духе «содержат связь в себе, ибо душевная жизнь есть связь. Потому-то познание их всюду обуславливается пониманием внутренней связанности в нас самих» (Дильтей В. Описательная психология. – М., 1924. – С.13). «Переживание связи лежит в основе всякого постижения фактов духовного, исторического и общественного порядка...» (Там же. – С.17). См. также: Бернгейм Э. Введение в историческую науку. – С.65; Зиммель Г. Проблемы философии истории. – С.17-25.

208. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. – С.125.

209. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.3. – С.239-240.

210. Кареев Н.И. Моим критикам... – С.38. В «Историологии» он вновь был вынужден повторять, что стоит за субъективизмом «лишь в качестве оценки того, что есть, а не способа понимания того, что есть» (Кареев Н.И. Историология. – С.3).

211. Дживелегов А.К. Н.И.Кареев (к 40-летию научной деятельности) // Голос минувшего. – 1913. – №12. – С.326.

212. Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. – М., 1879. – 492 с.

213. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.1. – С.III-IV.

214. См.: Южаков С.Н. Социологические этюды. – СПб., 1891. – С.247.

215. Лавров П.Л. Философия и социология. – Т.2. – С.42-43.

216. Там же. – С.45.

217. Лавров П.Л. По поводу критики на «Исторические письма» // Философия и социология. – Т.2. – С.300. В трактовке роли мировоззрения в историческом познании Лавров предвосхищал идеи В.Дильтея (Dilthey W. The Philosophy of History in our Time: An Anthology Selected and Edited by H.Meyerhoff. – N.Y., 1959. – P.41).

218. См.: Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии. – Ч.2. – Харьков, 1962. – С.206-207.

219. В этом плане довольно наивно выглядит критика Кареевым науки западной как подверженной политическим влияниям и конъюнктуре в сравнении с отечественной, которая, по его мнению, «способна отличаться наибольшею трезвостью мысли и наи-

большую широту взгляда» (Кареев Н.И. Лекция о духе русской науки. – Варшава, 1885. – С.4).

220. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.286.

221. Там же. – С.285.

222. Там же. – С.291.

223. Там же. – С.292.

224. Там же. – С.419. Самое существенное содержание истории Кареев видел в «идеях и учреждениях, или – говоря другими словами – духовной культуре и социальном строе...» (Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.1. – С.3). Поэтому с их совершенствованием связывалось и осуществление прогресса в реальной жизни.

225. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.292.

226. Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. – СПб., 1900. – С.26-28. Критика Кареева за приверженность всемирно-исторической точке зрения развернулась уже в рамках самой позитивистской историографии (См.: Миллюков П.Н. Из истории русской интеллигенции: Сборник статей и этюдов. – Изд. 2-е. – СПб., 1903. – С.264-565).

227. Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн.6. – С.128. Окончательное складывание единой «мировой» истории Кареев относил к началу XX века. (Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. – С.27). Свидетельством этого он позднее называл мировую войну 1914 – 1918 г. (Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.7. История Западной Европы в начале XX столетия. – Ч.2. – Пг., 1917. – С.710).

228. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.292.

229. См.: Ключевский В.О. Соч. в 9 томах. – Т.1. – С.37, 60.

230. Кареев Н.И. Общие основы социологии. – Пг., 1919. – С.24.

231. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.7. История Западной Европы в начале XX столетия (1901-1914). – Ч.1. – Пг., 1916. – С.12.

232. Там же. – С.13.

233. Там же. – С.14.

234. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.289.

235. Там же. – С.290.
236. Там же. – С.297.
237. Там же. – С.329.
238. Кареев Н.И. Суд над историей. Нечто о философии истории. – С.20.
239. Позиция Кареева в отношении связи теории прогресса с реальной историей получила негативную оценку в современной ему историографии. Критики единодушно отмечали, что восставая против всякой метафизики в истории, исследователь сам в этом вопросе остается метафизиком. См.: Гольцев В. «Основные вопросы философии истории» Н.Кареева. 1883. – С. 149; Милюков П.Н. Историософия Г.Кареева // Русская мысль. – 1887. – №11. – С.90-101; Слонимский Л. Законы истории и социальный прогресс. – С.274, 279.
240. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. – С.117; Теория исторического знания. – С.25, 287-288.
241. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.285.
242. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. – С.76.
243. Там же. – С.76-77.
244. На это обстоятельство указывал в 1892 г. уже Милюков (Милюков П. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. – С.2).
245. Соловьев В.С. Руководящие мысли «Исторического обозрения». – С.403.
246. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С. 140
247. Там же. – С.217.
248. Dilthei W. The Dream. – P. 42.
249. Кареев Н.И. Об отношении истории к другим наукам с точки зрения интересов общего образования. – СПб., 1895. – С.7.
250. Известное исключение составляет творчество Т.Н.Грановского, подчеркивавшего влияние общественной жизни на историческую науку. См.: Грановский Т.Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории // Соч. – Изд.4-е. – М., 1900. – С.24, 29-30; Лекции Т.Н.Грановского по истории средневековья. – М., 1961. – С.42, 88-91. 222-223 и др. В немецкой науке проблема рассматривалась в трудах историков-малогерманцев, и прежде всего И.Г.Дройзена. См. о них: Смоленский Н.И. Политические категории немецкой буржуазной историографии (1848-1871 гг.). – Томск: Изд-во Томск, ун-та. 1982. – 213 с.
251. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? (1869) // Соч. – Изд.4-е. – Т.1. – СПб., 1906. – С.157.

252. Там же. – С.80.
253. Михайловский Н.К. Об истине, совершенстве и других скучных вещах (1875) // Полн. собр. соч. – Изд.4-е, – Т.3. – СПб., 1909. – С.404.
254. Михайловский Н.К. Письма о правде и неправде (1877) // Полн. собр. соч. – Изд.4-е. – Т.4. – СПб., 1909. – С.448.
255. Там же. – С.461.
256. Михайловский Н.К. Об истине, совершенстве и других скучных вещах. – С.403.
257. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т.1. – С. 419.
258. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? – С. 157.
259. Лавров П.Л. Философия и социология. – Т.2. – С.28.
260. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – М., 1883. – С.336.
261. Там же. – С.338.
262. Там же. – С.337-338.
263. Кареев Н.И. Суд над историей. Нечто о философии истории // Русская мысль. – 1884. – №3. – С.28.
264. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.338.
265. См.: Микулинский С.Р., Маркова Д.А. Чем интересна книга Т.Куна «Структура научных революций» // Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – С.267.
266. Stern A. Philosophy of History and the Problem of Values. – The Hague, Mouton and Co, 1962. – P. 75.
267. Ibid. – P. 76.
268. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.337-338.
269. См. работы: Кареев Н.И. Что такое общее образование? – Одесса, 1895. – 64 с.; Беседы о выработке миросозерцания. – СПб., 1895. – 178 с.; Об отношении истории к другим наукам с точки зрения общего образования. – СПб., 1895. – 54 с.; Идеалы общего образования. – СПб., 1901. – 160 с.; Общее значение исторического образования // Историческое обозрение. – 1894. – С. 43-64; Письма к учащейся молодежи о самообразовании. – СПб., 1894 и т.д.
270. Кареев Н.И. Суд над историей. Нечто о философии истории. – С. 28.
271. См.: Commager H.S. The Nature and Study History. – Ohio, 1966. – P.5.
272. Кареев Н.И. Моим критикам. Защита книги «Основные вопросы философии истории». – Варшава, 1884. – С.25.

273. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – СПб., 1913. – С.51.
274. Там же. – С.294.
275. Там же. – С.13; Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.336-337.
276. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.295.
277. Там же.
278. Там же. – С.296; Памяти двух историков // *Анналы*. – 1922. – №1. – С.167.
279. Кареев Н.И. Лекция о духе русской науки. – Варшава, 1885. – С. 14.
280. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.339.
281. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.289-292.
282. См.: Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.7. – Ч.1. История Западной Европы в начале XX столетия (1901-1914). – Пг., 1916; Т. 7. – Ч.2. История Западной Европы в начале XX столетия (1901-1914). – Пг., 1917. – 772 с.
283. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.352.
284. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. – СПб., М., Варшава, 1895. – С.118.
285. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С. 353.
286. См.: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – Гл.8. Профессорство в Варшаве.
287. См.: Дубровский Н. Официальная наука в Царстве Польском. Варшавский университет по личным воспоминаниям и впечатлениям. – СПб., 1908. – С.39-40.
288. Bardax I. Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX wieku: N.I.Kareejew // *Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne XIX i XX wieku*. – W-wa, 1980. – S. 106; jego że. *Udział uczonych rosyjskich w walce o reorganizację Uniwersytetu Warszawskiego w latach 1905-1906 // Studia i Materiały do Dziejow Wielkopolski i Pomorza*. – T.13. – 1979. – Z.1. – S.45; Maternicki I. *Historiografia i kultura historyczna studia i szkice*. – W-wa, 1990. – X1. *Nikołaj Iwanowicz Kareejew a polska edukacja historyczna*. – Z. 536-579.
289. Более подробно о работе Кареева в Варшавском университете см.: Нечухрин А.Н. Философско-исторические воззрения Н.И.Кареева // *Наш Радавод*. – Кн.7. – Гродна, 1996. – Гл.1.

290. Кареев Н.И. Мечта и правда о русской науке: по случайному поводу, но не по случайной причине // Русская мысль. – 1884. – № 12. – С.101-102.
291. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.242.
292. Там же. – С.249-250.
293. Кареев Н.И. Мечта и правда о русской науке. – С.102.
294. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.352.
295. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. – С.169.
296. Кареев Н.И. Лекция о духе русской науки. – С.4.
297. Serejski M.H. Europa a rozbiory Polski: Studium historiograficzne. – Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. – L.383-384.
298. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.243
299. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.353-354.
300. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.258-259.
301. Там же. – С.257-258.
302. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Изд.3-е. – Т.2. – СПб., 1904. – С.74-75.
303. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Изд.3-е. – Т.1. – СПб., 1904. – С.27.
304. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – 2-е изд. – Т.5. – СПб., 1903. – С.820.
305. Кареев Н.И. Идеалы общего образования. – С.102-103.
306. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.239.
307. Там же. – С.259; Введение в изучение социологии. – СПб., 1897. – С.312.
308. Кареев Н.И. Беседы о выработке миросозерцания. – С.96.
309. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.259; Введение в изучение социологии. – С.312.
310. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. – Т.1. – М.: Госполитиздат, 1956. – С.549-550.
311. Там же. – С.671.
312. Кареев Н.И. Альбер Сорель как историк французской революции. – СПб., 1907. – С.11.
313. Там же. – С.11-12, 15.
314. Там же. – С.16.
315. Там же. – С.29.
316. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Изд.3-е. – Т.3. – СПб., 1904. – С.9-10.

317. Кареев Н.И. Альбер Сорель как историк французской революции. – С.33-36.
318. Там же. – С.41.
319. Там же. – С.50.
320. Дюбюк А. История на перекрестке гуманитарных наук. – М., 1970. – С.11.
321. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. – С.123.
322. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.384.
323. Кареев Н.И. Моим критикам. Защита книги «Основные вопросы философии истории». – С.31.
324. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.1. – С.296.
325. Об общественно-политической деятельности Н.И.Кареева см.: Дживелегов А.К. Н.И.Кареев (К 40-летию научной деятельности) // Голос минувшего. – 1913. – №12. – С.324-327; Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И.Кареева: содержание и эволюция. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – Гл.1.
326. Кареев Н.И. Беседы о выработке мирозерцания. – С.101.
327. Русская мысль. – 1884. – №3. – С.26-27.
328. Это дало основание Вл.Соловьеву подвергнуть критике позицию Кареева (Соловьев В.С. Соч. в двух томах. – Т.2. – М.: Правда, 1989. – С.404).
329. Кареев Н.И. Памяти двух историков. – С.173-174.
330. Кареев Н.И. Лекция о духе русской науки. – С.9.
331. Кареев Н.И. Идеалы общего образования. – С.103.
332. Как писал Н.Бердяев, «с русской интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общему добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине» (Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – Изд.3-е. – М., 1909. – С.8).
333. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.1. – С.319.
334. Кареев Н.И. Суд над историей. – С.19; Теория исторического знания. – С.50-51.
335. Там же. – С.24.
336. Кареев Н.И. Об отношении истории к другим наукам с точки зрения интересов общего образования. – С.9.

337. См.: Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. – М.: Наука, 1968. – С.323; Пыпин А.Н. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в. – Пг., 1916. – С.5, 330; Багалей Д.И. Русская история. – Т.1. – М., 1914. – С.16-17 и др.
338. Кареев Н.И. Лекция о духе русской науки. – С.4; Мечта и правда о русской науке. – С.103.
339. Кареев Н.И. Что такое общее образование? – С.54, 63.
340. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.69.
341. Там же. – С.224.
342. Там же. – С.71-72.
343. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. – С.313.
- Ср.: Луи де Йонг. Историк и интервью. – М., 1970. – С.8.
344. Там же.
345. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.289; Историология. Теория исторического процесса. – Пг., 1915. – С.309-311.
346. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – С.72.
347. См.: Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Т.2. – М., 1883. – Гл.2. Биологические законы в социологии.
348. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.7. История Западной Европы в начале XX столетия (1901-1914). – Ч.2. – Пг., 1917. – С.585.
349. См.: Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи в русской либеральной медиевистике середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1969. – Гл.IV.
350. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.1. – Изд. 3-е. – СПб., 1904. – С.27-28.
351. Там же. – С.407-408.
352. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.2. – Изд.3-е. – СПб., 1904. – С.336.
353. Кареев Н.И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. – СПб., 1904. – С.207.
354. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.2. – С.339.
355. Там же. – Т.1. – С.396.
356. Там же. – С.110.
357. Кареев Н.И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. – С.15.
358. Там же. – С.27.
359. Там же. – С.62-64. Наряду с этим образование восточных деспотий Кареев связывал с действием фактора воен-

ной опасности и необходимости сплочения народов для ее отражения. (Там же. – С.35).

360. См., например: Стучевский И.А. Зависимое население древнего Египта. – М.: Наука, 1966. – 163 с.

361. Кареев Н.И. Государство – город античного мира: Опыт исторического построения политической и социальной эволюции античных гражданских общин. – СПб., 1903. – С. VI.

362. Там же. – С.185.

363. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.5. – 2-е изд. – СПб., 1903. – С. 842. См. также: там же. – Т.4. – 2-е изд. – СПб., 1901. – С.555.

364. См.: гл. «Перемены в промышленном быту Западной Европы в конце XVIII и начале XIX века». (Там же. – Т.4).

365. См.: гл. «Экономическая эволюция Западной Европы в последние десятилетия XIX века» (Там же. – Т.6. – Ч.2. – СПб., 1910), «Главные экономические явления в Западной Европе в первые годы XX века» (Там же. – Т.7. – Ч.2).

366. Кареев Н.И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. – С.207- 208.

367. См.: Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. – М., 1879. – 492 с.

368. Кареев Н.А. Государство-город античного мира. – С.24-25.

369. Там же. – С.183-184.

370. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.2. – С.14.

371. Там же. – С.14-15. Правда, работа К.Каутского «Томас Мор», по Карееву, написана с позиций «экономического материализма».

372. Там же. – С.19.

373. Там же. – С.75-76.

374. Там же. – Т.6. – Ч.2.

375. Там же. – Т.7. – Ч.2.

376. Там же. – Т.7. – Ч.2. – С.457-458.

377. См.: Там же. – С.460-461.

378. Там же. – Т.2. – С.339.

379. Там же. – Т.1. – С.28. См. также: там же. – Т.2. – С.339; Государство-город античного мира. – С. VI-VII; Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. – С.207-208 и т.д.

380. См.: Заметки об экономическом направлении в истории // Историческое обозрение. – 1892. – №4. – С.1-33; Источники исторических перемен // Русское богатство. – 1892. – №1. – С.37-50; По поводу новой формулировки «материальной истории» // Историческое

обозрение. – 1892. – №5. – С.272-280; Новая попытка экономического обоснования истории // Русское Богатство. – 1894. – №1. – С.27-47; Экономический материализм в истории // Историко-философские и социологические этюды. – СПб., М., Варшава. – 1895. – С.162-238; Старые и новые этюды об экономическом материализме. – СПб., 1896; Экономический материализм и закономерность социальных явлений // Вопросы философии и психологии. – 1897. – Кн. 36 (1). – С.107-119; К вопросу о понимании истории: Возражение Г.Н.Рожкову // Образование. – 1899. – №2. – С.63-68 и др.

381. См.: Кареев Н.И. Экономический материализм в истории. – С.162.

382. См.: Кареев Н.И., Виноградов П.Г. // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. – Т.VI. – СПб., 1897. – 1904. – С.76: Экономический материализм в истории. – С.162-238; По поводу новой формулировки «материальной истории». – С.272-280.

383. См.: Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.5. – С.361-370, 387-395, 820-841, 872-875; Там же. – Т.6. – Ч.1. – СПб., 1909. – С.275-279, а также главы по истории рабочего движения и социализма во вторых частях 6 и 7 т.

384. Например: Там же. – Т.2. – С.534; Там же. – Т.7. – Ч.2. – С.566 и др.

385. Там же. – Т.7. – Ч.2. – С.495-501, 540, 586.

386. Там же. – С.586-587.

387. Там же. – С.540.

388. Там же. – Т.5. – С.842.

389. Там же.

390. Там же. – Т.2. – С.337.

391. Там же. – С.341.

392. Там же. – С.217.

393. Там же. – С.274.

394. Там же. – С.273.

395. Там же. – С.272-274.

396. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Атеист. – 1928. – №25. – С.19.

397. Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Атеист. – 1928. – №26. – С.30.

398. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Атеист. – 1928. – №30. – С.46.

399. Там же. – С.51.

400. См.: Там же. – С.72.

(Часть II, гл. 1)

1. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 1989. – №10. – С.13-15.
2. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – Изд. 3-е. – М.: Художественная л-ра, 1972. – С.461-462.
3. Напротив, творчество Л.Н.Толстого уже в науке начала XX в. связывали с ушедшей эпохой. Например, М.Рубинштейн отмечал, что философии истории Толстого чужда теоретико-познавательная точка зрения, она оставляет в стороне весь круг проблем методологии истории, ориентирована на открытие законов исторического процесса (Рубинштейн М. Философия истории в романе Л.Н.Толстого «Война и мир» // Русская мысль. – 1911. – №7. – С.80, 83, 94, 96). Многие идеи Толстого его критики связывают с влиянием философии позитивизма (м.: Шкуринов П.С. Позитивизм в России в XIX веке. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С.235.).
4. См.: Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века. – М.: Советский писатель, 1989. – С.364.
5. См.: Kaufman W. Existentializm from Dostoevsky to Sartre. – N.Y., 1957.
6. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – С.3. «Сущность полифонии, – писал критик, – именно в том, что голоса здесь остаются самостоятельными и, как таковые, сочетаются в единстве высшего порядка, чем в гомофонии» (Там же. – С.36).
7. Там же. – С.5-77.
8. См.: Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского. Событийное. Социальное. Философское. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – С.185.
9. Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. – Прага, 1925. – С.222.
10. Алпатов М.В. Этюды по всеобщей истории искусств. – М.: Советский художник, 1979. – С.123-124.
11. Христиансен Б. Философия искусства. – СПб., 1911. – С.258-259.
12. Кулаков В.А. Клод Моне. – М.: Изобразительное искусство, 1989. – С.6.
13. Там же. – С.8.
14. Христиансен Б. Философия искусства. – С.260.
15. Авенариус Р. О предмете психологии. – М., 1911. – С.13-14.
16. Там же. – С.44-45.

17. Мах Э. Философское и естественно-научное мышление // Новые идеи в философии. – №1. – СПб., 1912. – С.110; Авенариус Р. О предмете психологии. – С.27, 50.

18. Авенариус Р. Философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры сил. – СПб., 1899. – С.21. Работа написана в 1876 г.

19. Там же. – С.37-39.

20. Авенариус Р. О предмете психологии. – С.50. В этом пункте махисты сомкнулись с крайними формами субъективно-идеалистической философии. (См., например, Бергсон А. Философская интуиция // Новые идеи в философии. – №1. – С.10).

21. Джемс В. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. – СПб., 1911. – С.150.

22. Там же. – С.150-155.

23. Там же. – С.133.

24. Там же. – С.55.

25. Джемс У. Зависимость веры от воли и другие опыты популярной философии. – СПб., 1904. – С.17.

26. Джемс В. Прагматизм. – С.133.

27. Бернгейм Э. Введение в историческую науку. – СПб., 1908. – С.33.

28. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – С.98-99.

29. О российском неокантианстве в исторической науке см.: Рамазанов С.П. Кризис российской историографии начала XX века: В 2 ч. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1999-2000; Синицын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. – Казань: Унипресс, 1998.

30. Кареев Н.И. Теоретические вопросы исторической науки // Историко-философские и социологические этюды. – СПб., М., Варшава, 1895. – С.49-50.

31. См.: Рожков Н.А. Значение и судьбы новейшего идеализма в России // Вопросы философии и психологии. – 1903. – №2. – С.314-333; Научное мирозерцание и история // Научное слово. – 1903. – №1. – С.105-112. См. также: Покровский М.Н. «Идеализм» и «законы истории» (1904) // Его же. – Историческая наука и борьба классов: Историографические очерки, критические заметки и статьи. – Вып. 2. – М.-Л., 1933. – С.42; Щепкин Е.Н. Вопросы методологии истории // Летопись историко-филологического обще-

ства при императорском Новороссийском университете. – Т.ХП. – Одесса, 1905. – С.300.

32. Например: Бузескул В.П. История Греции / Литогр. Иванченко. – Харьков, 1907. – 556 с.; Виппер Р.Ю. Учебник древней истории. – М., 1900. – 200 с. (13 изд. до 1923 г.); Учебник истории средних веков. – М., 1903. – 304 с. (5 изд.); Учебник новой истории. – М., 1906. – VIII, 513 с. (8 изд.); Лекции по истории Греции. Ч.1. – М., 1905. – 230 с. (переизд.); Очерки истории Римской империи. – М., 1908. – IV, 406 с.; Древний Восток и Эгейская культура: Пособие к университетскому курсу с историческими картами. – М., 1913. – 139 с.; Древняя Европа и Восток. Учебник для младших классов гимназии. – М., 1914; Новая история. 1500-1917. – М., 1918. – 589 с. и др.; Петрушевский Д.М. Курс всеобщей истории: Римская история. – Т.1. – Варшава, 1901. – 239 с. (Литогр. изд.); Рожков Н.А. Учебник всеобщей истории для средних учебных заведений и для самообразования. – СПб., 1904. – X, 160 с.; Курс всеобщей истории. – М., 1905. – 232 с. (Литогр.изд.); Ростовцев М.И. Лекции по истории Рима. Читан. на высших женских курсах. 1900 (1901) Литогр. изд. – СПб., 1901. – 288 с.; Очерк истории древнего мира: Восток, Греция, Рим. – Берлин, 1924. – 327 с.; Щепкин Е.Н. Курс новой истории / Литогр. изд. – Одесса, 1908 и многие другие.

33. Рец. на кн. П.Г.Виноградова «Villainage in England» (Oxford, 1892. – 454 p.).

34. Журнал Мин. Нар. Просв. – 1892. – №11. – С.307-308. Очевидно, прекрасная ориентация Петрушевского в процессах, протекающих в современной исторической науке, является в немалой степени заслугой его учителя П.Г.Виноградова. Выдающийся русский исследователь внимательнейшим образом следил за развитием мировой науки. В своем анализе новейших работ по истории Греции он приходит к выводу о неизбежности пересмотра или изменения того, что было сделано раньше в этой области. (Виноградов П.Г. Новые работы по истории Греции //Русская мысль. – 1893. – №3. – С.47). Причем, по его мнению, необходимы исследования «по методологии действующей в наше время историографии...» (Там же. – С.52).

35. Там же. – С.308-311.

36. Там же. – С.315.

37. Петрушевский Д.М. О задачах всеобщей истории как науки // Образование. – 1898. – №2. – С.1-2; Тенденции современной исторической науки // Образование. – 1899. – №5. – 6. – С.73, 80. О кризисе

социальных наук довольно широко писали на рубеже веков в западной науке (м.: Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. – СПб., 1899. – С.3-4; Дюркгейм Э. Метод социологии. – Киев-Харьков, 1899. – С.10 и др.).

38. Петрушевский Д.М. О задачах всеобщей истории как науки. – С.4; Тенденции современной исторической науки. – С.78; Очерки из истории средневекового общества и государства. – М., 1907. – С.11.

39. Петрушевский Д.М. Тенденции современной исторической науки. – С.80.

40. Виппер Р.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания (1900) // Его же. Две интеллигенции и другие очерки. Сборник статей и публичных выступлений. 1900-1912. – М., 1912. – С.26.

41. Кун Т. Структура научных революций. – С.189.

42. Тарле Е.В. И.В.Лучицкий. К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности // Голос минувшего. – 1914. – №1. – С.61. И сам Виппер с глубоким уважением вспоминал о своем учителе В.О.Ключевском, называя его вождем идей отечественной исторической науки с 80-х г. XIX столетия. (Виппер Р.Ю. Памяти великого учителя: Письмо в редакцию //Русские ведомости. – 17 мая 1911. – №2. – С.2.).

43. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. Введение в историю Греции. – Пг., 1915. – С.553.

44. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – М., 1907. – С.10.

45. Виппер Р.Ю. Новые направления в философии общественной науки (1903) // Его же. Две интеллигенции и другие очерки: Сборник статей и публичных выступлений. 1900-1912. – М., 1912. – С.142.

46. Там же. – С.143.

47. Петрушевский Д.М. Новое исследование о происхождении феодального строя. – С.307-308.

48. Петрушевский Д.М. О задачах всеобщей истории как науки. – С.2. См. также: его же. Тенденции современной исторической науки. – С.73.

49. «В этой точке зрения, – указывал Виппер, – заключен новый разрез явлений, другая постановка социальных и исторических вопросов» (Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. – СПб., 1900. – С.207). См. также: Дживелегов А.К. Тео-

дор Моммзен как историк и политик: Очерк // Вестник Европы. – 1904. – Т.5. – Октябрь. – С.645; Рожков Н.А. История, мораль и политика // Его же. Исторические и социологические очерки. Сборник статей. – Ч.1. – М., 1906. – С.6; его же. Психологическая школа в социологии // Там же. – С.171-172. Исследователи отмечали заимствование идеи эволюции историографией из естественных наук (Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – Харьков, 1903. – С.460; Покровский М.Н. «Идеализм» и «законы истории» // Его же. Историческая наука и борьба классов. – М.-Л., 1933. – С.41), но зачатки ее в истории Бузескул обнаруживал уже у Фукидида (Бузескул В.П. Лекции по истории Греции, – Т.1. – С.110-111). В начале века идея эволюции стала важнейшим структурным компонентом историографии (См.: Дживелегов А.К. История // Энциклопедический словарь Товарищества братьев А. и И. Гранат. – Изд. 7-е. – Т.22. – М., 1935. – С.288-290; Хвостов В.М. Теория исторического процесса. Очерки по философии методологии истории. – Изд. 2-е. – М., 1914. – С.280-281).

50. Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. – Пг., 1918. – С. VI. В работе «История государственного откупа в римской империи (От Августа до Диоклетиана)» (СПб., 1899. – С. XIII) Ростовцев пишет об исторической точке зрения, которая все время им руководила.

51. См.: Виппер Р.Ю. Общество, государство и культура Запада в XVI в. // Мир Божий. – 1897. – №2. – С.7-8; Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – С.1-2. Н.А.Рожков выпускает специальный «Обзор русской истории с социологической точки зрения» (Ч.1. – СПб., 1903. – 173 с.; Ч.2. – Вып.1. – СПб., 1905. – 224 с.; Ч.2. – Вып.2. – М., 1905. – 173 с.).

52. Тарле Е.В. Очередная задача // Анналы. – №1. – Пб., 1922. – С.6-7.

53. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – С.506.

54. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.8-10.

55. Там же. – С.509. В книге «Всеобщая история и ее представители в России в XIX в. и начале XX века: Материалы» (Ч.2. – Л.: Изд-во АН СССР, 1931) Бузескул даже выделяет раздел с характерным названием «Труды, связанные с открытием греческих папирусов». С папирусами в немалой степени было связано изменение отношения к эллинизму с 90-х г. XIX в. (Там же. – С.183). Об этом писал и М.И.Ростовцев (История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). – С. XII; его же. Рец.: М.Хвостов. Очерки организации промышленности и торговли в

греко-римском Египте. – Казань, 1914 // Журн. Мин. Нар. Просв. – 1914. – №10. – Отд.2. – С.348), труды которого по эллинистической истории Бузескул высоко ценил. (См.: Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. – Ч.2. – С.183-184).

56. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.553-555.

57. Там же. – С.560.

58. Там же. – С.319. Бузескул постоянно давал обзоры важнейших археологических открытий своего времени. См.: Бузескул В.П. О раскопках Шлимана в Трое, Микенах и Тиринфе // Филологическое обозрение. – 1891. – №1. – Кн.1. – С.19-45; Вопрос о новооткрытой Афинской Политии // Журнал Мин. Нар. Просв. – 1892. – №7. – С.142-189; 1893. – №5. – С.134-212; №10. – С.450-483; Открытия в области культуры хеттов и «хеттский вопрос» // Наука на Украине. – Харьков. – 1922. – №2. – С.29-37; Открытия XIX и начала XX в. в области истории древнего мира. – Ч.1. – Пб., 1923. – 222 с.; Ч.2. – Пб., 1924. – 182 с.; Открытия и научные достижения за последние годы в области истории Древнего Востока // Східний світ. – №7. – Харків, 1927. – С.120-137 и др.

59. Виппер Р.Ю. Образовательное значение изучения античности (1920) // Его же. Круговорот истории. – М.: Берлин, 1923. – С.89. Он называл археологию «типичной наукой XIX в.», «наукой о вещах». (Там же. – С.88-89).

60. Например, «Новые горизонты в исторической науке» (1906) (Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.234-261).

61. Виппер Р.Ю. Круговорот истории. – С.90-93.

62. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – М., 1911. – С.98.

63. Виппер Р.Ю. «С востока свет!» : Публичная лекция, прочитанная в Москве 2 ноября 1906 г. – М., 1907. – С.5.

64. См.: Виппер Р.Ю. Древний Восток и Эгейская культура. – М., 1913. – 139 с.

65. Виппер Р.Ю. Древний Восток и Эгейская культура. – С.3.

66. Там же. – С.84-66; его же. Лекции по истории Греции. – Ч.1. – Изд. 2-е. – М., 1906. – С.16; История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – М., 1916. – С.30.

67. Виппер Р.Ю. Круговорот истории. – С.93.

68. См.: Ростовцев М.И. О новейших раскопках в Помпеях. – СПб., 1894. – 57 с.; Римские гарнизоны на Таврическом полуострове. – Журнал Мин. Нар. Просв. – 1900. – Кн.3. – С.140-158; Керченская декоративная живопись и ближайшие задачи археологи-

ческого исследования. – СПб., 1906. – 23 с.; О кн.: Фармаковский Б.В. Раскопки в Ольвии в 1902-1903 гг. – СПб., 1906 // Журнал Мин. Нар. Просв. – 1907. – №5. – Отд.2. – С.212-221; Апаранская надпись царя Тиридата. – СПб., 1911. – 33 с.; Боспорское царство и южно-русские курганы // Вестник Европы. – 1912. – №6. – С.101-120; Воронежский серебряный сосуд. – СПб., 1914. – 2,15,5 с.; Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. – Пг., 1916. – 103 с.; Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников материальных и археологических. – Л., 1925. – 621 с. и др.

69. См.: Андро Ж. Влияние М.И.Ростовцева на развитие западноевропейской и североамериканской науки // ВДИ. – 1991. – №3. – С.166-176; Бауэрсок Г.У., Бонгард-Левин Г.М. М.И.Ростовцев и Горвард // ВДИ – 1994. – №1. – С.204-214; Зуев В.Ю. Творческий путь М.И.Ростовцева / К созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства» // ВДИ. – 1990. – №4. – С.148-153; 1991. – №1. – С.166-176; его же. Международная конференция «Академик М.И.Ростовцев и его вклад в мировую науку» // ВДИ. – 1994. – №1. – С.229-232; Фролов Э.Д. Судьба ученого: М.И.Ростовцев и его место в русской науке об античности // ВДИ. – 1990. – №3. – С.143-164.

70. Rostovzeff M. Dura – Europos and its art. – Oxf., 1938. Более подробно об исследовательских поисках Ростовцева до эмиграции см.: Бороздин И.Н. Ученые заслуги М.И.Ростовцева. – М., 1915. – 16 с.; Бузескул В.С. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. – Ч.2. – С.172-176, 183-184, 207-210; Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864-1914). – Т.2. – М., 1915. – С.306-308, указанные статьи В.Ю.Зуева и Э.Д.Фролова, а также: Павловская А.И. О роли М.И.Ростовцева в развитии папирологических исследований в России // ВДИ. – 1997. – №1.

71. Историография античной истории / Под ред. проф. В.И.Кузицина. – М.: Высшая школа, 1980. – С.190.

72. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.26-27.

73. Там же.

74. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – Ч.1. Характер исторического познания // Современный мир. – 1910. – №1. – С.216.

75. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.28. На методологический характер кризиса в истории указывал уже Петрушевский (Тенденции современной исторической науки. – С.73).

76. Тарле Е.В. Всеобщая история. Очерк развития философии истории / По лекц. Тарле сост. Г.С. – СПб., 1908. – С.11-13. (Литограф. изд.)

77. Тарле Е.В. Очередная задача. – С.5

78. Довнар-Запольский М. Исторический процесс русского народа в русской историографии: Вступительная лекция, прочитанная автором в Киевском университете 20 сентября 1901 г. при начале общего курса русской истории // Русская мысль. – 1902. – №3. – С.170, 185-186.

79. Покровский М.Н. «Идеализм» и «законы истории». – С.21

80. Там же. – С.42.

81. Дживелегов А. Оговорки материалистического понимания истории // Мир Божий. – 1900. – №2. – С.17-18. Среди инициаторов этого процесса ему виделись Штаммлер, Э.Абрамовский и С.Н.Булгаков. Под «критицизмом» ученый подразумевал в первую очередь неокантианство.

82. Дживелегов А.К. История. – С.305-307.

83. Петрушевский Д.М. Очерки из экономической истории средневековой Европы. – М.-Л., 1928. – С.19.

84. С 1906 г., он читал общий курс по методологии истории. (Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. – Ч.1. – Пг., 1915. – С.407-408).

85. Виппер в письме к Н.И.Карееву в связи с 25-летием академической деятельности последнего в 1897 г. писал: «Ваше слово, постоянно призывающее к общим проблемам истории, намекающее общие связи в изучении исторического процесса и сближающее это изучение с запросами современной жизни, вносит (в университетское преподавание – А.Н.) глубоко плодотворный, здоровый и бодрящий элемент» (Цит. по: Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – С.23).

86. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – С.1, 7-9. Этот призыв очистить научные понятия историк повторил в статье «Феодализм и современная историческая наука», где он, в частности, обоснованно указал на необходимость разграничить исторические и социологические понятия (Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н.И.Кареева. – Пг.-М., 1923. – С.110-111).

87. Петрушевский Д.М. Тенденции современной исторической науки. – С.80.

88. См.: «Введение» Петрушевского в книгу «Очерки из истории средневекового общества и государства» (1907); К вопросу о логическом стиле исторической науки. – Пг., 1915. – 21 с.; Феодализм и историческая наука; «Введение» в книгу «Очерки из экономической истории средневековой Европы».

89. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – Ч.1 // Современный мир. – 1910. – №1. – С.214-215.

90. Основные: Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки. Сборник статей и публичных выступлений 1900-1912 гг. (М., 1912) и Кризис исторической науки (Казань, 1921).

91. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания (М., 1911). В эмиграции в Латвии вышла теоретико-методологическая работа Виппера «*Vestures Lielas Problemas*» (R, 1940).

92. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции... – С.27. См. также: Его же. Очерки теории исторического познания. – С.1-3.

93. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.9; Две интеллигенции... – С.28.

94. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.5. По сути, историк развивает здесь идеи Э.Маха (Мах Э. Философское и естественно-научное мышление // Новые идеи в философии. – Сб. 1. – СПб., 1912. – С.98-99).

95. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции... – С.28-29.

96. Там же. – С.60. Отсюда связь, о которой писал Виппер, «познавательного критицизма» с успехами опытной психологии. На эту черту випперовской методологии истории обратил внимание Рожков, справедливо отметив влияние на историка учения экспериментальной психологии о перевесе в человеческой психике бессознательного элемента над сознательным. (Рожков Н.А. К теории исторического монизма. (По поводу «Очерков теории исторического познания» Р.Ю.Виппера) // Современный мир. – 1910. – №9. – С.167).

97. Там же. – С.27.

98. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.9.

99. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.61.

100. См.: Hughes H.S. History as Art and as Science. – N.Y., Evanston, L., 1964. – P.9-10. Ср.: Как писал Зиммель, «психология является априорной предпосылкой исторической науки. Задача теории познания по отношению к последней заключается в том, чтобы установить правила, по которым, на основании внешних документов и преданий, можно было бы делать заключения о психических явлениях и которые давали бы достаточно оснований для установления

«понятной» связи между ними». (Зиммель Г. Проблемы философии истории. (Этюд по теории познания) – М., 1898. – С.40). Дильтей рассматривал теорию познания как «психологию в движении», направленном к определенной цели. «Основанием ее, – писал философ, – является самосознание, охватывающее всю наличность душевной жизни...» (Дильтей В. Описательная психология. – М., 1924. – С.17. – Работа 1894 г.). Вполне определенно он противопоставлял свою теорию познания неокантианству. (Там же. – С.14).

101. С работой Э.Дюркгейма «Правила социологического метода» (1895), вышедшей в России в 1898 г. под названием «Метод социологии» Виппер, вероятно, был знаком. Дюркгейм утверждал, что основные понятия в социологии носят донаучный характер, пришли к нам извне (Метод в социологии. – Киев-Харьков, 1898. – С.10). Эти понятия, подобно покрывалу, скрывают от нас реальные вещи (Там же. – С.20-21), поэтому социология до сих пор рассуждала не о вещах, а о представлениях. (Там же. – С.24). В связи с этим ученый ставил задачу «систематически устранять все предпонятия». (Там же. – С.39).

102. Тарле Е.В. Всеобщая история. Очерк развития философии истории. – С.11.

103. Там же. – С.12-13.

104. Тарле Е.В. Дело Бабефа. Очерк из истории Франции (1898) // Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. – М.: Наука, 1981. – С.29. За недостаточное следование первоисточникам он обоснованно критиковал в рецензии книгу И.Филевича «История древней Руси». – Т.1. (1896). (Там же. – С.81). В свою очередь, Тарле восторгался объективностью (?) Фюстель-де-Куланжа и даже почитал его за образец «научной выдержки» и «уменьше подчинить самые заманчивые свои догадки и презумпции объективным фактам». (Тарле Е.В. Рец.: Фюстель-де-Куланж. История общественного строя древней Франции. – Т.1. Римская Галлия. – СПб., 1901. (Там же. – С.91).

105. См.: Хвостов М.М. К вопросу о задачах истории // Сборник статей, посвященных В.О.Ключевскому. – М., 1906. – С.790, 793; Лекции по методологии и философии истории. – Казань, 1913. – С.3. Следует согласиться с А.С.Шофманом и С.П.Рамазановым, что М.М.Хвостов не имел отношения к неокантианству. При внешнем сходстве с неокантианством терминологии мировоззрение историка являлось позитивистским. (См.: Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов. – Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1979. – С.60-62; Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала

XX века: В 2-х частях. – Ч.1. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1999. – С.56).

106. Хвостов М.М. К вопросу о задачах истории. – С.795.

107. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.31.

108. Там же. – С.32

109. Там же. – С.38-40, 61, 67.

110. Там же. – С.62-64, 70-71.

111. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.129. См. также: С.143.

112. Хвостов В.М. Историческое мировоззрение В.О.Ключевского // Его же. Нравственная личность и общество. Очерки по этике и социологии. – М., 1911. – С.190.

113. Дживелегов А.К. Вико и его система философии истории. – С.369.

114. Дживелегов А.К. История. – С.314.

115. Там же. – С.305; его же. Оговорки материалистического понимания истории. – С.8, 16, 18.

116. Рожков И.А. Исторические и социологические очерки. – С.22. Он высоко оценил «Очерки теории исторического познания» Виппера, видя главную заслугу автора в критике «теологических и метафизических химер» (Рожков Н.А. К теории исторического монизма. – С.165).

117. Виппер среди имен западных исследователей, обратившихся к теоретико-познавательным проблемам в области общественных наук, в 1900 г. выделял Зиммеля, Штамллера, Дюркгейма, Ксенополя. (Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.27-28). Дживелегов называет, наряду с Риккертом, Виндельбандом, Уордом, Зиммелем, Штаммлером уже Дильтея (Дживелегов А.К. Н.И.Кареев (к 40-летию научной деятельности) // Голос минувшего. – 1913. – №12. – С.326; его же. История. – С.306.). Щепкин отметил работы Бернгейма, Сеньобоса, Базота, Ксенополя, Гротенфельта, Зелигмана (Щепкин Е.Н. Вопросы методологии истории. – С.278). В.М.Хвостов в значительной степени базировал свою теорию исторического процесса на В.Вундте. М.М.Хвостов отмечал значение работ Виндельбанда и Риккерта как «внешнего толчка <...> для оживления разработки теоретических вопросов исторической науки» (Хвостов М.М. К вопросу о задачах истории. – С.794). Всеобщее внимание, кроме того, привлекали труды Ланглуа и Сеньобоса, Э.Мейера. Что касается методологических работ М.Вебера, А.Берра, Б.Кроче и некоторых других корифеев историографии, то их исследования широко были включены в кругозор отечественных авторов уже после 1917 г.

118. О методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского и В.М. Хвостова см.: Нечухрин А.Н., Рамазанов С.П. Мир абсолютных ценностей. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Историки России. XVIII – начало XX века. – М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1996. – С.512-537; Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2-х частях. – Ч.1. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1999. – С.85-112; Синицын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в конце XIX – начале XX вв. – Казань: Унипресс, 1998. – С. 63-98.

119. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – Вып.1. – Ч.1. – П. – СПб., 1910. – С.3.

120. Там же. Он упрекал представителей русской школы в социологии – П.Л.Лаврова. Н.К.Михайловского, Н.И.Кареева – в том, что они «смешивали теоретико-познавательную точку зрения с психологической...» (Там же. – С.200-201). Г.Риккерт в свою очередь указывал, что «эмпирическая психология вовсе не может претендовать на разрешение проблем теории познания...» (Риккерт Г. Два пути теории познания // Новые идеи в философии. – Сб. VII. – СПб., 1913. – С.5).

121. См.: Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. – СПб., 1903. – С.13.

122. Риккерт Г. Естествоведение и культуроведение. – СПб., 1903. – С.12.

123. Риккерт Г. Философия истории. – СПб., 1908. – С.117-118.

124. Лаппо-Данилевский полагал, что идиографическое знание получает «научный характер лишь в том случае, если оно пользуется номотетическим знанием и умеет приноровить его к установлению исторического знания индивидуального». (Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. – Вып.1. – Пг., 1923. – С.28).

125. По словам М.М.Хвостова, «история есть индивидуализирующая наука о человеческом обществе, изучающая общество в его изменениях во времени». (Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. – С.11). В.М.Хвостов, определяя предмет истории, писал: «История есть наука по самому существу своему конкретная, и даже более того – индивидуализирующая. Ее предметом является изучение отдельных, неповторяющихся событий, взятых во всей их единичности. Для историка не так важно то, что в различных исторических событиях оказывается сходным или общим, как то именно, что отличает их друг от друга». (Хвостов В.М. Историческое мировоззрение В.О.Ключевского. – С.189).

Задачи же систематизации отводились исследователем теории исторического процесса.

126. См.: Хвостов В.М. Историческое мировоззрение В.О.Ключевского. – С.194-197.

127. См.: Риккерт Г. Философия истории. – С. 13.

128. Риккерт Г. О понятии философии // Логос. – Кн.1. – М., 1910. – С.49; его же. Науки о природе и науки о культуре. – СПб., 1911. – С.102.

129. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – С. 53.

130. Там же. – С.178-179. 182.

131. Риккерт Г. Философия истории. – С.52, 119.

132. См., например: Шмоллер Г. Наука о народном хозяйстве, ее предмет и метод. – М., 1897. – С.34-35.

133. Риккерт Г. Философия истории. – С. 122-123.

134. Там же. – С.55.

135. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – С. 139-140. Ценность, писал он, это «смысл, лежащий над всем бытием» (Риккерт Г. Два пути теории познания. – С.46).

136. Риккерт Г. Два пути теории познания. – С.72.

137. См.: Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Его же. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С.345-415; Критические исследования в области логики наук о культуре // Там же. – С. 416-494 и др.

138. Фришгейзен-Келер М. Вильгельм Дильтей как философ // Логос. –1912-1913. – Кн.1-2. – С.341.

139. Дильтей В. Описательная психология. – С.8.

140. Шмоллер Г. Наука о народном хозяйстве, ее предмет и метод. – С.22-23.

141. История буржуазной социологии XIX – начала XX века. – М.: Наука, 1979. – С.152.

142. Зиммель Г. Проблемы философии истории (Этюды по теории познания). – М., 1898. – С.19.

143. Там же. – С.20. См. также: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – Вып.1. – СПб., 1910. – С. 309-313.

144. Дильтей В. Типы мировоззрений и обнаружение их в метафизических системах // Новые идеи в философии. – №1. – СПб., 1912. – С.137-138.

145. Там же. – С.125.

146. Там же. – С.135-136.

147. Diltheij W. The Dream // The Philosophy of History in our Time: An Anthology Selected and Edited by Hans Meyerhoff. – N. Y.,

1959. – Р. 41. Для русской публики эти идеи Дильтея были донесены на рубеже веков в книгах Г.Шмоллера (Наука о народном хозяйстве, ее предмет и метод. – С.25-26, 34), В.Зомбарта (Идеалы социальной политики. – СПб., 1905. – С.20, 56) и др.

148. Дильтей В. Типы мировоззрений и обнаружение их в метафизических системах. – С.127-128.

149. Он критиковал «бешеную страсть к обобщениям некоторых английских и французских исследователей» общества и утверждал, что «ложны все социологические и историко-философские теории, видящие в изображениях единичных явлений сырой материал для абстракции». (Цит. по: Гумплович Л. Социология и политика. – М., 1895. – С.12). Подозрительно ученый относился соответственно и к «законам истории».

150. См.: Логос. – Кн. 1-II. – С.342-343.

151. Свое развитие это положение в западной науке получило в трудах Б.Кроче, Р.Дж.Коллингвуда, О.Шпенглера. Э.Трельча и некоторых других авторов. Лейтмотивом их можно назвать слова Коллингвуда: «...если правильное исследование природы осуществляется методами, называемыми естественнонаучными, то правильное исследование духа осуществляется методами истории». (Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – С.199-200).

152. Голос минувшего. – 1913. – №12. – С. 326.

153. Петрушевский Д.М. Тенденции современной исторической науки. – С-73.

154. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.60.

155. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.9-10. Интересно, что Н.А.Бердяев, говоря о развитии релятивистской физики в начале XX в., выводил сами «апокалиптические» настроения в ней из факта общественного кризиса, заката европейской культуры. (Бердяев Н.А., Букшпан Я.М., Степун Ф.А., Франк С.Л. Освальд Шпенглер и Закат Европы. – М., 1922. – С.70).

156. Кареев Н.И. История Западной Европы в начале XX столетия: 1901-1914. – Пг., 1917. – С.584. Историк ссылается на статью Г.А.Гуревича «Великая научная революция» (Русские Записки. –1916. – №5).

157. Там же. – С.580-581, 585.

158. Там же. – С.583-584.

159. Там же. – С.580-583. В анализе взглядов Р.Авенариуса, В.Оствальда и Э.Маха ученый опирался на исследование датского философа Г.Геффдинга «Современные философы» (1907).

160. Там же. – С.555-556.

161. Там же. – С.585. Историк ссылается на работу Б.А.Кистяковского «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и философии права» (М., 1916. – С.13-14), где говорится о глубоком кризисе обществензнания и распространенных сомнениях в его достоверности. Однако взгляды Кареева и Кистяковского вряд ли возможно отождествить.

162. Тарле призывал историков, очнувшись от удара катастрофы мировой и гражданских войн, обратиться к себе, чтобы установить, «как изменился аппарат нашего мышления?». Он признал, что до войны на многое смотрели по-иному, многое просто не понимали и «принимали фантомы за действительность». (Тарле Е.В. Очередная задача. – С.12-13). Отсюда исследователь выводил распространение «псевдоисторий». (Там же. – С.14-15).

163. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.10.

164. Виппер Р.Ю. Реакционный идеализм и новая наука (1908) // Две интеллигенции ... – С.262.

165. Там же. – С.263.

166. Там же. – С.275.

167. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.4.

168. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.262-263. Об этой же тяге «от марксизма к идеализму» обществоведов в России с сарказмом говорил Кареев (История Западной Европы в начале XX столетия. – Ч. 2. – С.586).

169. В первую очередь, среди отечественных авторов здесь разумелись исследователи, объединенные в сборнике «Проблемы идеализма» (М., 1902. – 521 с.): С.Булгаков, Е.Н.Трубецкой, А.С.Лаппо-Данилевский, П.Новгородцев и др. Следует подчеркнуть, что авторы сборника тоже исходили из критического отношения к позитивизму. Направление, идущее на смену позитивизму, по их мнению, заменяет «догматическое отношение к вопросам познания теоретико-познавательным критицизмом <...> настойчиво выдвигает вопрос о тщательной проверке научных средств и категорий». (Новгородцев П. Предисловие // Проблемы идеализма. – М.,1911, – С.VIII- IX). Однако они отsprавлялись от убеждения, что современное критическое движение «призвано не только утвердить науку на прочных и истинно-положительных основаниях, но сверх того еще и отстоять необходимое разнообразие запросов и задач человеческого духа, для которого наука есть лишь одна из сфер проявления». (Там же. – С.VII).

170. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.275.

171. Кареев Н.И. История Западной Европы в начале XX столетия. – Ч.2. – С.553-554.
172. Там же. – С.555.
173. Там же. – С.558. См. также – С.556.
174. Там же. – С.560-564.
175. Там же. – С.567.
176. Там же. – С.567-568.
177. Там же. – С. 573-575.
178. Там же. – С.576-580.
179. Там же. – С.580.
180. См.: Энгельгардт Б.М. Идеологический роман Достоевского // Ф.М.Достоевский. Статьи и материалы / Сб. II. Под ред. А.С.Долина. – М.-Л.: Мысль, 1924. – С.93.
181. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.265.
182. Например: Бузескул В.П. История афинской демократии. – СПб., 1900. – 468 с.; Бутенко В.А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. – Т.1. – СПб., 1913. – X, 629 с.; Дживелегов А.К. Рост представительных учреждений на Западе. – М., 1905. – 24 с.; Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. – Т.1-3. – СПб., 1905-1907; Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. – Т.1-3. – М., 1895. – Т.4. – М., 1897; Петрушевский Д.М. Великая хартия вольностей. Исторический очерк. - Ростов-на-Дону, 1904. – 55 с.; Писковский В.К. История представительных учреждений на Западе: Лекции 1906/1907 акад. год. – Киев, 1907. – 150 с.; Рожков Н.А. От самовластья к народовластью. Очерки из истории Англии, Франции и Германии. – СПб., 1908. – 245 с.; Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе. – Ч. 1. – СПб., М., 1906. – 207 с. и другие.
183. Виппер Р. Ю. Две интеллигенции: Историческая фантазия // Две интеллигенции ... – С.1-25. См. также: Виппер Р. Ю. Соль земли // Его же. Гибель европейской культуры: Сборник статей и публичных лекций. 1914-1918. – М., 1918. – С.89-105.
184. Там же. – С.25.
185. Там же. – С.24-25. Появление интеллигенции в греческом обществе Виппер относил к V в. до н.э., начиная с софистов. (Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – М., 1916. – С.242), хотя первые элементы зарождения интеллигенции видел в более раннее время, указывая на логографов. (Там же. – С. 114).
186. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.14-22.

187. Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – С.290.

188. Там же. – С.293, 336-337.

189. Там же. – С.325-326.

190. Там же. – С.138-139. Соответственно исследователь настороженно, а порой и враждебно относился к наследию Аристотеля, в том числе и к «Афинской Политии». См.: Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Ч.1. – Изд. 2-е. – М., 1906. – С.94-95, 140, 152-153.

191. Среди авторов «Вех» были Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, М.О.Гершензон, А.С.Изгоев, Б.А.Кистяковский, П.Б.Струве, С.Л.Франк. В позиции «веховцев» были свои резоны. Не без оснований, говоря о русской интеллигенции, Бердяев указывал на ее бездумное поклонение «народу», политизированность в ущерб философскому развитию и объективности в науке, тягу создавать себе кумиров, враждебность к религии (Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – Изд. 3-е. – М., 1909. – С.2-9.) Булгаков верно отметил «вклад» русской интеллигенции в разжигание революции 1905-1907 гг., назвав последнюю «детисцем интеллигенции» (Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. – С.25).

192. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С. 1-2. Критика Виппером «Вех», его настроение «бодрого реализма» были высоко оценены в рецензии на цитируемый сборник И.Цинговатова (Заветы. – 1913. – №2. – С.198-201). Против авторов «Вех» выступили также А.К.Дживелегов в статье «На острой грани. К вопросу о русской интеллигенции» (Далекая Окраина. – №680. – 14 августа 1909 г.), П.Н.Милюков (см.: «Воспоминания (1859-1917). – Т.1. – М.: Современник, 1990. – С.265-266), ряд кадетских авторов, объединенных в книгу «Интеллигенция в России» / Под ред. И.И. Петрункевича (СПб., 1910. – XV, 258 с.) и др. Ответ Випперу был дан одним из «веховцев» П.Н.Новгородцевым в статье «О путях и задачах русской интеллигенции» (1918). (Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – С.424-442).

193. Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – С.293.

194. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – С.157.

195. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.4-11.

196. Виппер Р.Ю. Общественно-исторические взгляды Грановского: к пятидесятилетию смерти (1905) // Две интеллигенции... – С.210.

197. Виппер Р.Ю. Памяти великого учителя. – С.2.
198. Виппер Р.Ю. Сергей Абрамович Варшер в воспоминаниях учеников и учениц его // Памяти Сергея Абрамовича Варшера: 1854-1889. – М., 1889. – С.70-88.
199. См.: Виппер Р.Ю. Пятьдесят лет дружбы с Д.М.Петрушевским. – С.29-32. В данной статье он называл Петрушевского и себя «просветителями университетских поколений» и заявлял, что лучшего и высшего звания не может себе представить.
200. Виппер Р.Ю. Круговорот истории. – С.121.
201. См.: Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – С.290, 350, 382.
202. См.: Виппер Р.Ю. Заметки историка о современных религиозных исканиях // Летопись. – 1916. – №9. – С.21. Религиозные реставрации он считал не просто детски беспомощными, но осуждал их моральный смысл (Виппер Р.Ю. «С востока свет!»). Публичная лекция, прочитанная в Москве 2 ноября 1906 г. – М., 1907. – С.28-29).
203. Виппер Р.Ю. Круговорот истории. – С.115.
204. Там же. – С.115 -116.
205. Виппер Р.Ю. Кающийся буржуа (1918) // Гибель европейской культуры... – С.88.
206. Там же. – С.98-99.
207. Там же. – С.100-101.
208. Виппер Р.Ю. Круговорот истории... – С.116.
209. Специально этот вопрос рассмотрен в статье «Конец индустриальной системы» (1920), включенной в сборник «Круговорот истории» (С.9-32).
210. Там же. – С. 5-6. Он выделяет следующие губительные черты культуры XIX века: скоротечность развития и распада цивилизации; развитие техники и упадок личных навыков; демократизация общества при росте нетерпимости классов; критиканство века, самонадеянность при жестокости и воинственности. (Там же. – С.6-7).
211. Там же. – С.28.
212. Виппер Р.Ю. Гибель европейской культуры. – С.4. Историк самым негативным образом оценивал деятельность большевиков. Он обвинял их в развале государства, растрате капитала, нажитого предшественниками. (Там же. – С.87; Виппер Р.Ю. Новая история: 1500-1917. – М., 1918. – С.585), незаконном захвате власти и попытке насильственным путем навязать России свои утопии, измене собственным политическим принципам (Вип-

пер Р.Ю. Состояния и события, массы и личности, интересы и идеи // Кризис исторической науки. – Казань, 1921. – С.11 -12). Октябрьскую революцию он рассматривал как социальную авантюру, наподобие Парижской коммуны 1871 г. (Виппер Р.Ю. Социализм или мещанство (1918) // Гибель европейской культуры. – С.84), в устройстве которой большевики действовали как агенты Германии и с ее помощью (Виппер Р.Ю. Русская история с иллюстрациями и картами: Для основных школ. – Рига, 1929. – С. 176-180).

213. Там же. – С.4-5.

214. Там же. – С.105. Отметим, что вопрос о социальной ответственности российской левой интеллигенции, в том числе персонально самого Р.Ю.Виппера, за бесконечные жертвы и страдания, обрушившиеся на русский народ в XX в., остро стоял в эмигрантской литературе. Показательно в этом отношении мнение И.Л.Солоневича, обвинившего Виппера, Милюкова, Покровского, Новгородцева, Бердяева и др. в том, что молодые университетские поколения страны входили во взрослую жизнь, «будучи вооруженными самыми нелепыми представлениями о русской реальности» (Солоневич И. Дух народа // Наш современник. – 1990. – №5. – С.174). По его мнению, все университетские профессора сами ничего не понимали в общественно-исторической жизни Европы и России (Там же. – С. 146), а их наука была «целой коллекцией обманых путевых сигналов, манящих нас в братские могилы голода и расстрелов, тифов и войн, внутреннего разорения и внешнего разгрома». (Там же. – С.152).

215. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции... – С.176-209.

216. Там же. – С.205. Показательно в этом плане непонимание и неприятие символизма и П.Н.Милюковым, чувствовавшим себя отставшим от своих младших современников, декадентов и символистов. Однако, в отличие от Виппера, Милюков рассматривал символизм как новаторское явление. (Милюков П.Н. Воспоминания. (1859-1917). – Т.1. – М.: Современник, 1990. – С.228).

217. В статье «О задачах всеобщей истории как науки» историк писал: «Как в эпоху реакции, последовавшей за французской революцией, мы присутствуем теперь при всякого рода реставрациях» (С.2).

218. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С. 180-181.

219. Там же. – С.275.

220. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.275-276.

221. См.: Философия Канта и современность. – М.: Мысль, 1974. – С.14-15.

222. См.: Рожков Н.А. Новейшая теория исторического познания // Нижегородский сборник. – СПб., 1905. – С.298-311; Научное миросозерцание и история. – С.105-112; Значение и судьбы новейшего идеализма в России: По поводу книги «Проблемы идеализма». – С.314-333; История, мораль и политика // Правда. – 1904. – №1. – С.170-185 и др.

223. См.: Покровский М.Н. «Идеализм» и «законы истории». – С.5-43; О книге академика Лаппо-Данилевского // Там же. – С. 97-104 и др. У Покровского в этом отношении можно найти весьма «оригинальные» заявления вроде того, что В.Виндельбанд и Г.Риккерт – авторы первых в буржуазной историографии идеалистических теорий исторического прогресса, себе он приписывал заслугу в разгроме этих теорий. (Покровский М.Н. Проф. Р.Виппер о кризисе исторической науки // Под знаменем марксизма. – 1922. – №3. – С. 34).

224. См.: Дживелегов А.К. Н.И.Кареев (к 40-летию научной деятельности). – С. 324-327.

225. См.: Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. – СПб., 1900. – С.201; Очерки теории исторического познания. – С.72.; Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. Сборник статей, – Ч.1. – С. 16.

226. Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. – Ч.1. – С.5.

227. См.: Рожков Н.А. История древнего Востока и общие законы развития культуры // Современный мир. – 1913. – №9. – С.249.

228. Напомним, что Г.Риккерт, по его признанию, был немало удивлен, узнав, что в России его философию истории постоянно пытались связать с политическими спорами и с этой точки зрения бороться с нею. (См.: Риккерт Г. Предисловие автора к русскому переводу // Философия истории. – С.XIV). Последнее обстоятельство было просто непонятно отечественным радикалам.

229. Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю.Виппера и его время. – С.134-136.

230. Ученый прямо противопоставлял идеализму систему взглядов «положительной философии», «современного критико-позитивного или научного миросозерцания» (Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. – Ч.1. – С.20).

231. Там же. – С.32-34.

232. Там же. – С.45.

233. Там же. По мере увлечения Рожкова революционной деятельностью его позиции становились более жесткими.

234. В.М.Хвостов подчеркивал значение опытного знания, он критиковал «наивный реализм» в гносеологии, а себя рассматривал как последователя «эмпирического критицизма» (Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.38-40, 56). Большое влияние на формирование его воззрений оказал В.Вундт, вмещавший в своей философии элементы эмпириокритицизма и идеализма.

235. См.: Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С. 151. Он указывал на относительную подвижность и прогрессивность буржуазии в сравнении с консервативными сельскими классами крестьян и помещиков, но подчеркивал, что в социальных вопросах буржуазия много консервативнее рабочего класса. (Там же. – С.194-195).

236. Хвостов В.М. Чего не может нам дать научное знание? // Его же. Нравственная личность и общество. – С.2, 22.

237. Там же. – С .23-26.

238. Тарле Е.В. Политика и религиозная мысль на Западе. Исторический очерк // Мир Божий. – 1903. – №10. – С.85-86.

239. По сути, на ней построены главы с анализом развития общественной мысли в курсе «История Западной Европы в новое время» Н.И.Кареева, публичный цикл лекций «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX в. в связи с общественным движением на Западе» Р.Ю.Виппера, работа Е.В.Тарле «Политика и религиозная мысль на Западе» и др. В формулировке В.П.Бузескула она звучит следующим образом: «В своем развитии, в своем движении к заветной, конечной цели – истине – наука далеко не всегда идет непрерывно и неуклонно в одном направлении, прямою дорогою, и если бы мы попытались изобразить графически это движение, то у нас получилась бы не прямая линия, а нечто вроде зигзагов. Большею частью наука, с ее теориями и взглядами, уклоняется то в ту, то в другую сторону: одна крайность обыкновенно вызывает другую, за одною реакциею следует другая, противоположная. В особенности это нужно сказать об истории...» (Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – С.297-298).

240. См.: Виппер Р.Ю. Две интеллигенции... – С.264-275.

241. Там же. – С.264. Одна из особенностей частых прогнозов Виппера была в том, что они практически никогда не сбывались.

242. Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. – Ч.1. – С.39-40.

243. Мир Божий. – 1903. – №10. – С. 86.

(Часть II, гл. 2)

1. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: Сборник статей и публичных выступлений. 1900-1912. – М., 1912. – С.141-142.

2. Английский историк Э.Карр пишет по этому поводу, что социальные науки «несовместимы со всякой теорией познания, которая провозглашает четкое разделение субъекта и объекта» (Carr E.H. What is History? – N.Y., 1962. – P.73). См. также: Stern A. Philosophy of History and the Problem of Values. – The Hague, Mouton and Go, 1962. – P.29, Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методологические проблемы исторического познания. – М.: Высш.школа, 1981. – С.16-19, Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я.С.Яскевич, В.Н.Сидорцов, А.Н.Нечухрин и др.; Под ред.В.Н.Сидорцова, О.А.Яновского, Я.С.Яскевич. – Мн., 2002. – С.112 и др.

3. В этом отношении взгляды Виппера близки тем, которые развивает А.Стерн (Stern A. Op.cit. – P.19-29), Г.С.Коммаджер (Commager H.S. The Nature and Study of History. – Columbus, Ohio, 1966, – P.1-3, 12) Коллингвуд Р.Дж. (Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – С.134) авторы сборника «Philosophy of History» (N.Y., 1958 – P.21) и др.

4. Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. – СПб., 1900 – С.1.

5. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.64-65.

6. Там же. Другой пример – борьба либеральной и реакционной школ в историографии Франции в первой четверти XIX в.: «Под живым впечатлением революционного кризиса, социальной ампутации дворянства и политического водворения буржуазии во Франции, под впечатлением общеевропейских войн, поколения этой эпохи представляли себе основной процесс на протяжении всей истории в виде вооруженной борьбы – борьбы классов и наций» (Там же. – С.66).

7. Там же. – С.64.

8. Там же. – С.65. Не случайно А.С.Лаппо-Данилевский относил Виппера к «научно-социалистическому пониманию истории» (Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. – Вып.1. – Пг., 1923. – С.268).

9. Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв ... – С.2-5.
10. См.: Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.62-109.
11. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е изд. – Т.2. – С.138; Т.7. – С.30, 45, 218; Т.28. – С.424-427.
12. Виппер Р.Ю. Иван Грозный. – М.: Дельфин, 1922. – С.108-109.
13. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.378-379.
14. Там же. – С.32-33.
15. Meitzen A. Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Romer, Finnen und Slaven. – В., 1895.
16. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – М., 1911. – С.26-29. Мейцен являлся сторонником расово-национального подхода к истории.
17. Там же. – С.28.
18. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.264.
19. Виппер Р.Ю. Возникновение христианства. – М., 1923. – С.60-61.
20. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.141.
21. См.: Виппер Р.Ю. С Востока свет! – М., 1907. – С.3.
22. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. – Втор.изд. – Париж, 1969. – С.7.
23. Виппер Р.Ю. Круговорот истории. – М.: Берлин, 1923. – С.91. См.также: Виппер Р.Ю. Судьбы религии. Сборник статей. – Берлин, 1921. – С.101.
24. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.5.
25. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.33.
26. Там же. – С.34. «Обратившись к рубежу XVII и XVIII столетия, – писал историк, – мы начнем там, где возникает сама наша терминология общественной и исторической науки, мы встретимся с постановкой вопросов, близкой к нашей...» (Виппер Р.Ю. Общественные и исторические теории XVIII и XIX вв. ... – С.2).
27. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции .. – С.34. Категории науки он соответственно рассматривал как «объективированные моменты нашей психики» (Там же. – С.42).
28. Там же. – С.39.
29. К новому пересмотру научных понятий он призвал после революционных потрясений 1917 г. (См.: Виппер Р.Ю. Крушение гордыни века (1917) // Гибель европейской культуры. Сборник статей и публичных выступлений. 1914-1918. – М., 1918. – С.78-79).
30. Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. – С.2.

31. Там же. – С.61-62, 82-83, 87-91, 97, 193-207.
32. См.: Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.63-64; его же. Очерки истории Римской империи. – М., 1908. – С.216-219.
33. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.63.
34. Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. – С.269.
35. В.И.Герье являлся одним из учителей Р.Ю.Виппера (см.:Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю.Виппера и его время. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – С.76-97). В своих многочисленных историографических исследованиях (главное – Очерки развития исторической науки. – М., 1865. – 114 с.) и в учебных курсах он настойчиво подчеркивал связь истории и политики. «Каждой эпохе в жизни человечества, – писал он, – свойствен особый взгляд на историю, каждая эпоха приступала к изучению истории с особенными задачами и вопросами...» (Герье В.И. Из вступительной лекции всеобщей истории. – Б.М. и Б.Г. – С.69). В соответствии с ними менялись и ответы истории на поставленные задачи. Герье был убежден, что «каждое историческое сочинение зависит от той почвы, которая его породила». Поэтому он выдвигал важное методологическое требование для историографического анализа: «...всякое историческое сочинение нужно рассматривать в связи с той средой, из которой оно вышло, объяснить причины, вызвавшие его, указать потребности, которым оно удовлетворяло, и хорошее или дурное влияние, которое оно имело с своей стороны; одним словом, исторические произведения нужно прежде всего объяснять с точки зрения исторической критики» (Там же. – С.70). Более подробно по этому вопросу см.: Кирсанова Е.С. В.И.Герье о политической функции исторического знания // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Вып.16. – Томск: Изд-во Томск, ун-та, 1982. – С.65-78.
36. См.: Кроче Б. Историческая теория профессора Лориа // Его же. Исторический материализм и марксистская экономия. Критические очерки. – СПб., 1902. – С.52.
37. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.61.
38. Там же. – С.142.
39. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.186. Ср.: Близкий к презентистам английский историк Г.Ренир писал, что «история должна рассказываться с постоянно изменяющейся точки зрения, определяемой вопросами, которые общество ставит перед историком (Renier G.I. History. Purpose and Method. – L., 1950. – P.50). Направляющими элементами в конструировании исторического рассказа, полагал ученый, будут «предвзятые пред-

ставления и пристрастия, темперамент, привносимый им (историком – А.Н.) в работу, и все субъективное содержание его мнения, которое он облагораживает именем теорий» (Ibid. – P.169).

40. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.142.

41. См.: Методология истории: Учебное пособие для студентов вузов / А.Н.Нечухрин, В.Н.Сидорцов, О.М.Шутова и др.; Под ред. А.Н.Андреева и др. – Мн.:НТООО «Тетра Системс»,1996. – Гл.3.

42. Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю.Виппера и его время. – С.122. Суждения самого Виппера об утопии как проекции современности см. в его работах «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. ...» (С.22) и «Утопия Мора (Мир Божий. – 1896. – №3. – С.3).

43. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.145.

44. См.: Ксенополь А.Д. Понятие «ценности» в истории. – Киев,1912. – 52с.

45. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.61.

46. Там же. – С.62.

47. Там же. – С.62-63.

48. Рожков Н.А. Новейшая теория исторического познания // Нижегородский сборник. – Изд.2-е. – СПб., 1905. – С.306.

49. Рожков Н.А. История, мораль и политика // Его же. Исторические и социологические очерки. Сборник статей. – Ч.1. – М., 1906. – С.9; Новейшая теория исторического познания. – С.306.

50. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.278.

51. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.14-15.

52. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.278-279. См. также: Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.166-169.

53. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.168-169.

54. См.: Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. – С.198.

55. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.57. Почти в тех же словах Мейера критиковал Н.П.Павлов-Сильванский, утверждавший, что «в наши дни сама жизнь помимо всяких теоретических рассуждений, наглядно показывает, как много однообразного в видимом разнообразии исторических фактов». «История повторяется, – восклицал ученый. – Мы это знаем теперь из уроков жизни, знаем по ясному для нас сходству русской революции с Великой революцией французской». (Павлов-Сильванский

Н.П. История и современность // История и историки. Историографический ежегодник. 1972. – М.: Наука, 1973. – С.341-342). Отсюда проистекал сравнительно-исторический подход исследователя к истории России и Западной Европы (Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. – М.: Наука, 1988. – С.41).

56. Будучи ведущим представителем эволюционного направления в историографии второй половины XIX столетия, Фюстель де Куланж считал объектом изучения исторической науки общество и его развитие и полагал, что нет необходимости в новом понятии «социология». Для тех, кто правильно понимал историю, утверждал французский исследователь, она всегда была познанием социальных фактов, т.е., наукой об обществе или социологией. (См.: Дживелегов А.К. Фюстель де Куланж // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. – Т.45. – Ч.2. – М., 1935. – С. 77-78.)

57. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – М., 1907. – С.4.

58. Там же. – С.5.

59. Там же. – С.14. Подобно Н.И.Карееву, исследователь полагал, что «не может быть речи об исторических законах, что можно говорить лишь о законах социологических» (Петрушевский Д.М. К вопросу о логическом стиле исторической науки. – Пг., 1915. – С.18).

60. Петрушевский Д.М. Новое исследование о происхождении феодального строя // Журн. Мин. Нар. Пров. – 1892. – №11. – С.309; его же. О задачах всеобщей истории как науки // Образование. – 1898. – №2. – С.6-8.

61. Петрушевский Д.М. О задачах всеобщей истории как науки. – С.5-6. Он писал, что «социологам в большинстве чужды строго научные приемы исследования». Научную социологию, справедливо указывал исследователь, нельзя создать игнорируя историю (Там же.). См. также: Петрушевский Д.М. Тенденции современной исторической науки // Образование. – 1899. – №5-6. – С.76-77.

62. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – С.14.

63. Петрушевский Д.М. К вопросу о логическом стиле исторической науки. – С.10.

64. См.: Виппер Р.Ю. Общество, государство, культура Запада в XVI веке // Мир Божий. – 1897. – №2 – С.7.

65. Виппер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука // Вестник воспитания. – 1898. – №2. – С.60-61.

66. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.14.
67. Там же. – Гл. II. Элементы абстрактности и конкретности в исторической науке.
68. Там же. – С.47. На условности выделения абстрактной и конкретной стороны в научной работе настаивал и Петрушевский. (См.: Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – С.5, 9)
69. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.47. Он отмечал также связь истории с этнологией, которая отличается тем, что занята преимущественно ранними формами культуры. (Там же. – С.114)
70. Виппер Р.Ю. Общество, государство, культура Запада в XVI веке. – №2. – С.8.
71. Там же. – С.7-8; его же. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука. – С.58-59.
72. Виппер Р.Ю. Общество, государство, культура Запада в XVI веке. – №2. – С.8-9.
73. Виппер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука. – С.5.
74. Виппер Р.Ю. Общество, государство, культура Запада в XVI веке, – №2. – С.8.
75. Там же. – С.9.
76. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.52-53.
77. Там же. – С.63-64.
78. Там же. – С.64-65.
79. Там же. – С.66-67.
80. Там же. – С.69. Не следует забывать, что различие конкретного и абстрактного Виппер трактовал сугубо в эмпириокритическом плане: «Конкретно – непосредственно воспринимаемое, абстрактно – сгущенное и объединенное от прежних восприятий...» (Там же. – С.73).
81. Там же. – С.56-57. Об этом же писал и Н.А.Рожков (См.: Рожков Н.А. Новейшая теория исторического познания. – С.302).
82. На что справедливо указывал В.М.Хвостов (См.: Хвостов В.М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. Курс лекций. – Изд. 2-е. – М., 1914. – С.125).
83. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.56. О существовании описательных естественных наук говорил и Е.Н.Щепкин (См.: Щепкин Е.Н. Вопросы методологии истории // Летопись историко-филологического общества при им-

ператорском Новороссийском университете. – Т.ХП. – Одесса, 1905. – С.307).

84. Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. – 1990. – №11. – С.38.

85. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.72.

86. См.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – Ч.2. Количественные методы в историческом исследовании; Доорн П. Еще раз о методологии. Старое и прекрасное: «мыльная опера» о непонимании между историками и моделями // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». – №19. – Ноябрь 1996. – М., 1996. – С.61-86; Сидорцов В.Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка). – Мн.: БГУ, 2000. – С.73-124 и др.

87. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.28-29.

88. Виппер Р.Ю. Иван Грозный. – С.71. Более осторожно о том же писал и Лаппо-Данилевский, когда утверждал, что человеческое сознание не в состоянии объять всю множественность элементов конкретной действительности, исчерпать ее до конца. Поэтому исследователь вынужден для своих познавательных целей упрощать, схематизировать содержание действительности, т.е. построять ее. (Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. – Вып.1. – Ч.1-2. – СПб., 1910. – С.233-234). Таким образом, «история – наука занимается прежде всего построением конкретной действительности, а не ее «изображением».(Там же. – С.287).

89. Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. – С.352.

90. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.65-66.

91. Виппер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука. – С.29. Реальная история, признавал ученый, полна подлинного драматизма, но в ней не все так складно и резко выражено, как в пьесе. (Виппер Р.Ю. Иван Грозный. – С.88). В свою очередь В.П.Бузескул, правда, не употребляя понятие «драматизация», в анализе взглядов Фюстель де Куланжа использовал сходные приемы критики. Историограф указывал, что картина Фюстель де Куланжа роли религии в жизни древних отличается цельностью и стройностью. «Но его картина не полна и не совсем верна; его система односторонняя и искусственная», ученый упрощает исторический процесс, игнорирует явления, которые не подходят к его системе, «он оставляет в стороне многие тексты и свидетельства, берет доказательства без разбора, смешивая разные эпохи и разные общины, греков и римлян, историческую действительность и

философские теории, и только такую цену, благодаря натяжкам, достигает той цельности, которую так отличается его система». (Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – Пг., 1915. – С.299). На аналогичного рода «драматизацию» и психологизацию исторического процесса в трудах современных исследователей указывал и Е.В.Тарле (См.: Политика и религиозная мысль на Западе. Исторический очерк // Мир Божий. – 1903. – №9. – С.93-94).

92. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.66-67.

93. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Ч.1. – Изд.2-е. – М., 1906. – С.104.

94. Там же. – С.106.

95. Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – М., 1916. – С.241.

96. Виппер Р.Ю. Социальная философия Сен-Симона (по поводу книги Ив.Иванова «Сен-Симон и сенсимонизм») // Мир Божий. – 1901. – №12. – С.260, 271.

97. См.: Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.145. Пример такого рода драматизации он видел в частности в рассказах об установлении принципата Августа (Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. – С.252-253).

98. Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – С.119.

99. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.129-130. Что не мешало, по его мнению, драматизировать и близкие к нам периоды, например, состояние Италии в середине XIX ст.

100. Там же. – С.210-211.

101. Там же. – С.203-204.

102. Там же. – С.181.

103. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.42.

104. Там же. – С.260-261.

105. В последней, писал Виппер, «заключен новый разрез явлений, другая постановка социальных и исторических вопросов». (Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. – С.207).

106. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.143.

107. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Ч.1. – Изд. 2-е. – С.93.

108. На заслуги Виппера в этой области указывал еще в 1904 г. М.Н.Покровский (Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. – Вып.П. – М.-Л., 1933. – С.21.).

109. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции... – С.60-61.

110. Кроче Б. О научной форме исторического материализма (1896) // Его же. Исторический материализм и марксистская экономика. Критические очерки. – СПб., 1902. – С.25. Кроче указывал на отрывочность исторических документов и доказывал необходимость ряда предпосылок, берущих начало в самом исследователе, для восстановления процесса прошлого. (Там же. – С.25-26). О том, что релятивистский подход к факту не утвердился на рубеже веков в западной историографии свидетельствуют книги Г.Риккерта, П.Барта, Ш.Ланглуа и Ш.Сеньобоса и других авторов. Например, Барт настаивал на существовании твердо установленных независимо от теории познания исторических фактов. (Барт П. Философия истории как социология. – СПб., 1900. – С.10).

111. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.31.

112. Виппер Р.Ю. Древний Восток и Эгейская культура. – М., 1913. – С.27. Вероятно, не без влияния Виппера идея о том, что исторический источник не заключает в себе непосредственно исторического факта, утвердилась в начале века в отечественной науке. Так, Д.И.Багалеи в «Русской истории» писал, что историку «приходится иметь дело не с чистым материалом, а с отражением его в чувствах наблюдателя; таким образом, он видит не самый факт, а только преломленный и отраженный луч от него». (Т.1. – М., 1914. – С.10)

113. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.31-32. Ср.: К.Беккер, с чьим именем в западной науке связывают постановку проблемы факта, говорил в 1926 г. в докладе «Что такое исторический факт?»: «Где исторический факт? Я отвечу, что исторический факт находится в чьем-то мозгу или не существует совсем». (Цит. по : Сестан Э. История событий и история структур. – М., 1970. – С.15). Итальянский историк Сестан повторяет данную формулировку, когда утверждает, «что «факт», «событие» не являются реальностью сами по себе. Это – продукт нашего мозга, в котором факт получает зрительную форму и непосредственное или косвенное понятие (которое хранит память)». (Сестан Э. Ук.соч. – С.5). Высказанные ученым суждения в данном докладе вообще близки випперовской концепции истории как системы мысленных разрезов.

114. Подробнее см.: Барг М.А. Категории и методы исторической науки. – М.: Наука, 1984. – Гл. IV; Carr E.H. Op. Cit. – Ch. I; Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы. – С.145-164 и др.

115. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.301.

116. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.32-33.
117. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.40-41.
118. Там же. – С.46.
119. Ср.: Gottshalk L. Categories of Historiographical Generalization // Generalization in the Writing of History. – University of Chicago Press, 1963. – P.113-129; Commager H.S. Op.cit. – P.5-6; Renier G.I. Op.cit. – P.169-171.
120. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.30-31. Роль теоретического элемента в системе научного знания неоднократно подчеркивал и П.Н.Милуков. (См.: Милуков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. – Изд. 3-е. – СПб., 1913. – С.1).
121. Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы // Русская мысль. – 1890. – Кн.1. – С.93.
122. Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). – СПб., 1899. – С.ХШ.
123. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.32.
124. Там же.
125. См.: Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. – Томск: Изд-во Томск, ун-та, 1969. – С.304-308.
126. См.: Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. – С.98-103.
127. См.: Кюнг Г. Когнитивные науки на историческом фоне. Заметки философа // Вопросы философии. – 1992. – №1. – С.48-49.
128. Carr E.H. Op. Cit. – P.28.
129. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. – Ч.1. – СПб., 1910. – С.238-239. См. также. – С.325.
130. Тарле Е.В. Очередная задача // Анналы. – №1. – Пб., 1922. – С.17-18.
131. Carr E.H. Op. Cit. – P.29.
132. Hughes H.S. Op. Cit. – P.16.
133. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.10.
134. Там же. – С.11. Такая постановка вопроса вызвала отповедь Н.А.Рожкова как прокладывающая дорогу идеализму в истории. (Рожков Н.А. К теории исторического монизма // Современный мир. – 1910. – №9. – С.166-167). С переходом к революционной деятельности в ходе революции 1905-1907 гг. Рожков все реши-

тельное утверждал монистический материалистический подход к истории, складывался в «кипучего большевика партийца». (См.: Федорченко Л.С. О Н.А.Рожкове // Каторга и ссылка. – Кн.32. – М., 1927. – С.165-166; Мороховец Е.А. Краткие биографические сведения о Н.А.Рожкове // Ученые записки Института истории РАНИОН. – Т.У. – М., 1928. – С.10-12.).

135. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.208.

136. Там же. – С.205.

137. Там же. – С.209.

138. Там же. – С.210.

139. Там же. – С.210-211.

140. Там же. – С.215. См.также: Виппер Р.Ю. Общество, государство, культура Запада в XVI веке // Мир Божий. – 1897. – №8. – С.217; Две интеллигенции ... – С.49-50. «Тогда историческое изложение, – писал ученый, – получает приблизительно такой вид: сначала идет характеристика господства известного состояния, например, старого режима, затем следует изображение катастрофы, ряда событий, это – революция; потом составляется новая характеристика состояния из элементов другой эпохи, доводящая нас до изображения нового события, нового кризиса». (Там же. – С.50-51).

141. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.215-216.

142. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.51. Позиция Виппера в данном случае совпадает со взглядами неокантианца Штаммлера, который тоже рассматривал «хозяйство» и «право» как понятия, привлекаемые для характеристики единого процесса, между которыми невозможна причинная связь. (Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. – СПб., 1893. – С.207). Ср. также: Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Атеист. – 1928. – №25. – С.19.

143. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – СПб., 1913. – С.166. См. также: Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.1. – Изд.3-е. – СПб., 1904. – С.20-22.

144. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.133.

145. Там же. – С.136.

146. Там же. – С.137.

147. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции... – С.34-35.

148. Там же. – С.36.

149. Там же. – С.40.

150. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.231.

151. Вебер М. Аграрная история древнего мира. – М., 1923. – С.393.

152. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Атеист. – 1928. – №30. – С.49.

153. Там же. – С.50.

154. Вебер М. Аграрная история древнего мира. – С.52-53. В этом же смысле Б.Кроче писал, что «капиталистическое общество» К.Маркса не есть какое-то конкретное общество. «Это – идеальное и схематическое общество, выведенное из нескольких гипотез, которые могли и не получить осуществления в истории». (Кроче Б. К вопросу об истолковании и критике некоторых понятий марксизма (1897) // Его же. Исторический материализм и марксистская экономика. – С.98). Философ подчеркивал, что «ни в одной части света нельзя разыскать марксовых категорий в виде жизненных и обязательных явлений именно потому, что это абстрактные категории, которые для того, чтобы получить жизнеспособность, должны потерять много элементов и приобрести много других». (Там же. – С.99). Идеи М.Вебера получили поддержку в отечественной науке в книге Д.М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (М.-Л., 1928. – С.20-25 и др.).

155. См.: Горский Д.П. Вопросы абстракции и образования понятий. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.26.

156. Т.е., группы признаков, существенных в безотносительном смысле. См.: Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1969. – С.160-161.

157. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции... – С.144-145.

158. Напрашиваются определенные параллели между взглядами Виппера и В.И.Герье, утверждавшего, что в науке о духе «нельзя провести резкую грань между истиной и заблуждением», ибо только через колебания дух приближается к усовершенствованию (Герье В.И. Из вступительной лекции... – Б.м., Б.г. – С.68). В истории, по Герье, нет случайных ложных взглядов: «Каждой эпохе в жизни человечества свойствен особенный взгляд на историю: каждая эпоха приступала к изучению истории с особенными задачами и вопросами, и, так как в этих случаях мерилom истины служит внутреннее убеждение, то каждая эпоха удовлетворялась различными ответами». (Там же. – С.69). История – наука, но субъективный элемент в ней не устраним. Однако, с дальнейшим развитием самосознания человечества, «с увеличением исторического

материала и опыта и с успехом остальных наук, выводы истории будут все более и более приближаться к свойству научных истин». (Там же. – С.70-71).

159. Склонность Виппера к субъективизму в трактовке понятия истины в истории была отмечена в рецензии И.Цинговатова на книгу «Две интеллигенции и другие очерки». (Заветы. – 1913. – №2. – С.200). Причем, рецензент указывал, что к субъективизму ученый приходит «под давлением критической философии, главным образом, крайнего её крыла – эмпириокритицизма...»

160. Историография истории нового времени стран Европы и Америки / Под ред. Проф. И.П.Дементьева. – М.: Высш. шк., 1990. – С.416.

161. Так, в 1891 г. историк писал, что катастрофа Пруссии в войне с наполеоновской Францией 1806-1807 гг. отнюдь не объяснялась лишь недостатками военного строя и вождей: «Гораздо резче бросаются в глаза беспорядочность финансового управления, негодность центральной машины. Еще хуже, однако, был полный индифферентизм к происходившему в среде населения». (Виппер Р.Ю. Государственные идеи Штейна // Русская мысль. – 1891. – №8. – С.9).

162. Виноградов П.Г. Кальвин и Женева //Русская мысль. – 1894. – №9. – С.141. Аналогичная оценка позднее была дана работе Виппера В.П.Бузескулом в книге «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. (Материалы).» (Часть вторая. – Л.: Изд-во АН СССР, 1931. – С.52-53). Исследование принесло Випперу не только сразу докторскую степень, минуя магистерскую, но и большую премию им. С.М.Соловьева. Следует отметить, что в «Отчете о возникновении и деятельности в 1890-91 учебном году исторической секции при учебном отделе Общества распространения технических знаний в Москве», составленном Виппером, говорилось, что «наилучшей канвой для группировки материала необходимо признать внешнеполитическую историю...» Идеиные течения, политическое, социальное и экономическое устройство и т.п. «должны быть по возможности связаны с выдающимися моментами внешней жизни и судьбой замечательных личностей». (Русская школа. – 1891. – №7 – 8. – С.297). Это программное положение обоснованно критиковал Н.И.Кареев. (Заметки о преподавании истории в средней школе. – СПб., 1900. – С.26-27). Однако, программа, во-первых, была рассчитана на среднюю школу; во-вторых, Виппер не был ее единственным автором (соавтор – О.П.Герасимов). Для своего времени, по оценке В.Сто-

рожева, программа являлась крупным шагом вперед в развитии задач преподавания истории. (См.: Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). – Т.3. – СПб., 1892. – С.61).

163. Мир Божий. – 1897. – №2-5, 7-8. Работа осталась незавершенной.

164. Там же. – №8. – С.218.

165. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – Т.2. – Изд. 3-е. – СПб., 1904. – С.14-15.

166. Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. – С.200.

167. Например, один из рецензентов, скрывшийся под инициалами А.Э., хвалил «Учебник истории средних веков» (М., 1903) Виппера: «Эволюция экономическая, культурная, социальная, как основа для явлений политических, занимает главное место в учебнике, что без сомнения и составляет одно из важнейших его достоинств». (Мир Божий. – 1903. – №8. – С.106).

168. Журнал Мин.Нар.Просв. – 1905. – №10. – С.435.

169. Там же. – С.406-407, 434-435; его же. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.543.

170. Виппер признавал разнообразное воздействие географических условий на становление греческой культуры, но выступал против географического детерминизма. (Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Ч.1. – М., 1905. – С.4).

171. Там же. – С.14.

172. Там же.

173. Там же. – С.16. Вопросы крито-микенской культуры были освещены историком позднее в пособии к университетскому курсу «Древний Восток и Эгейская культура» (М., 1913. – Гл.5).

174. Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – С.86-87.

175. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Изд. 2-е. – М., 1906. – С.58.

176. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – М., 1905. – С.10-12.

177. Там же. – С.58-59.

178. Там же. – С.59-60.

179. Там же. – Изд. 2-е. – С.86.

180. Там же. – С.95-96.

181. Там же. – С.97-113.

182. Там же. – С.101,113.
183. Там же. – С.135.
184. Там же. – С.138.
185. Там же. – С.169. Прочный демократический строй продержался в Афинах, по его мнению, около 140 лет, начиная с реформы 462 г. (Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – С.246).
186. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Изд. 2-е. – С.180.
187. Там же. – С.159-160.
188. Там же. – С.162.
189. Там же. – С.68-70.
190. Там же. – С.30-31. Зато он высоко оценивал труд Фукидида, представляющий, по его словам, «тонкую социологическую работу», которая «вся проникнута основным материалистическим мировоззрением историка». Для Фукидида, указывал Виппер, основной исторический факт – эволюция экономических отношений, формы натурального и денежного хозяйства составляют две ступени исторического развития. (Там же. – С.87). В другой работе Виппер критиковал французского просветителя Монтескье за то, что он не видел за государством более глубинной основы, «определяющей в сущности политическую жизнь», – группировки классов. (Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. – С.43-44).
191. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Изд.2-е. – С.36.
192. Там же. – С.63.
193. Там же. – С.65-66.
194. Там же. – С.201.
195. Там же. – С.203-208.
196. См.: Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – С.95-97, 100-104, 137, 142, 225-226, 308, 314 и др.
197. Там же. – С.315. Война шла, по Випперу, в интересах немущих, ее же противники стали одновременно и врагами демократии. (Там же. – С.335).
198. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.91.
199. Там же. – С.109. Впрочем, ученый отмечал не только борьбу общественных классов, но и их необходимое взаимодействие (См.: Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. – С.199).

200. Виппер Р.Ю. Огюстен Тьерри и «Опыт истории третьего сословия» // Тьерри О. История происхождения и успехов третьего сословия. – М., 1899. – С.3-4.

201. Виппер Р.Ю. Предисловие к первому изданию // Его же. Очерки истории Римской империи. – Изд.2-е. – Берлин, РСФСР: Государственное издательство, 1923. – С.V-VI.

202. Например, в статье «Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука» ему удалось убедительно представить заговор Катилины как эпизод борьбы классов. (Вестник воспитания. – 1898. – №1. – С.48). См. также: Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. – Изд.2-е. – С.219-236.

203. Мир Божий. – 1900. – №1. – С.84. (Подпись под рецензией Р.В.)

204. Там же. – С.85-86.

205. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.41-42. Эту же черту новейшей историографии отмечал в начале века и Н.И.Кареев (Кареев Н.И. Государство-город античного мира. Опыт исторического построения политической и социальной эволюции античных гражданских общин. – СПб., 1903. – С.79). Он высказался за приоритет «научного анализа социальных фактов против исключительно биографического синтеза...» Однако историк резонно отмечал, что хотя никакие личности не могут быть «всеми» в потоке событий, но они также не могут быть и «ничем», раз они что-либо в событиях совершали. Поэтому к ним и следует подходить как к соответствующему «нечто» в событии. (Кареев Н.И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. Очерк политической, экономической и культурной эволюции древнего мира под господством универсальных монархий. – СПб., 1904. – С.145-146).

206. Виппер Р.Ю. Екатерина II и просветительные идеи Запада (По поводу столетней годовщины смерти 1796 г., 6 ноября) // Мир Божий. – 1896. – №12. – С.1.

207. Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. – М., 1908. – С.213-214.

208. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.244-264.

209. Там же. – С.257-258.

210. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.135-136.

211. Там же. – С.211. В этом случае позиция историка совпала со взглядами неокантианца Р.Штаммлера (Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. –

С.7-8, 16, 143, 207), Б.Кроче (Кроче Б. К вопросу об истолковании и критике некоторых понятий марксизма (1897) // Его же. Исторический материализм и марксистская экономия. – С.99, 147-148).

212. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.212.

213. Там же. – С.219.

214. См.: Рожков Н.А. К теории исторического монизма. – С.165-169.

215. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.205-206.

216. Там же. – С.208-209.

217. Там же. – С.220.

218. Там же. – С.226-227, 230.

219. Там же. – С.264.

220. Там же. – С.283-284.

221. Там же. – С.265-266.

222. Там же. – С.270-271.

223. Там же. – С.272.

224. Там же. – С.276.

225. Там же. – С.276-277.

226. Там же. – С.280.

227. Там же. – С.276-277.

228. Там же. – С.196-201.

229. Там же. – С.223-224.

230. Виппер Р.Ю. Круговорот истории. – С.118-119. В этом смысле взгляды Виппера сомкнулись со взглядами таких неприемлемых критиков революционного марксизма, как С.Н.Булгакова (Карл Маркс как религиозный тип // Из этюдов о религии человекобожества). – СПб., 1907. – 55 с.), Н.А.Бердяева (Истоки и смысл русского коммунизма) Репринтное воспроизведение. – М.: Наука, 1990. – 157 с.) и др.

231. Тураев Б.А. Русская наука о Древнем Востоке (Посм. изд. с предисл. акад. И.Ю.Крачковского. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – С.15).

232. Виппер Р.Ю. Древний Восток и Эгейская культура. – С.3-4.

233. Там же. – С.45-47, 95-96.

234. Там же. – С.70, 73.

235. Там же. – С.129. Ассирия, полагал ученый, может рассматриваться как родина того хозяйственного права (крепостного), которое воплотилось в римском колонате.

236. Там же. – С.14, 69-72, 96, 106, 124, 129.

237. Например, историк утверждал, что якобы у классов господ и подчиненных в древнейшей истории Египта существовали разные религии. (Там же. – С.40). Реформу Эхнатона он трактовал как чисто политический акт, осложнившийся выступлением нового религиозного учения, выработавшегося среди самого духовенства. (Там же. – С.99-101). Боги ассирийцев интересовали Виппера лишь в связи с их завоевательной политикой, проводившейся во имя Ассира. (Там же. – С.122). Усиление монотеизма в религиозном движении в Иудее в VIII-VII вв. он объяснял борьбой с Ассирией. (Там же. – С.123). Вообще ученый предпочитал говорить о религиозно-политических партиях. (Там же. – С.124).

238. 1) в конце IV тыс. до н.э. движение аккадских племен на Шумер; 2) с 2500 г. движение аморитов (среди них он видел израильтян, Хаммурапи); 3) с 1500 г. – арамейцев, халдеев; 4) с VIII в. арабских племен на Сирию и Палестину. (Там же. – С.16-17). Сегодня это деление устарело.

239. Там же. – С.75.

240. Там же. – С.19, 28. Падение великих культур Востока он преимущественно связывал с нашествием варваров. Например, такова была, по его словам, судьба крито-микенской культуры. (Там же. – С.91-92).

241. Там же. – С.27-28. Правда, от завоевателей, писал ученый, идет лишь администрация, формы эксплуатации местного населения. Окончательное же складывание государства связано с внутренней жизнью общества. (Там же. – С.32).

242. Там же. – С.68-72.

243. Об этом кризисе в свое время прозорливо писал В.П.Бузескул, указывая, что в брошюре «Кризис исторической науки» Виппер «отрекается от прежних воззрений своих на главные факторы в истории и выдвигает события, личности, идеи взамен состояний, масс, экономики». (Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. – Ч.2. – Л., 1931. – С.190).

244. Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. – С.3.

245. Там же. – С.4-6.

246. Там же. – С.7-12. В частности, историк готов допустить, что без Вашингтона не было бы американской независимости (Там же. – С.11) или что идеи монашества послужили причиной упадка Римской империи (Там же. – С.12), что не класс вырабатывает определенную идеологию, а напротив, последняя собирает единомышленников, образует собою новый класс (Там же. – С.12-13).

247. Там же. – С.13.
248. Там же. – С.13-14.
249. См.: Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. – С.137.
250. См.: Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – С.21, 355, 359, 361, 365 и др.
251. Там же. – С.81.
252. Виппер Р.Ю. Возникновение христианства. – М., 1923. – С.61-63.
253. См.: Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Полн. собр. соч. – Т.45. – С.27.
254. Благодаря вниманию И.В.Сталина, книга получила удивительную жизнь и неоднократно переиздавалась в переработанном виде: Изд.2-е. – Ташкент, 1942; Изд. 3-е. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1944. – 157 с.; на англ. яз. – М., 1947. – 254 с. Кроме того: М., 1943. – 20 с.; под названием «Иван IV» – М.: Госуд. библиотечно-библиографич. изд-во, 1945. – 302 с. В последующих изданиях она была «дополнена» марксизмом, что преимущественно выражалось в расстановке цитат Маркса, Ленина, Сталина и в соответствующей подгонке текста.
255. Виппер Р.Ю. Иван Грозный. – С.4. В издании 1944 г. те же табориты представлены следующим образом: «...героические табориты, вооруженные крестьяне, сначала отстаивают независимость своей страны от посягательств немецких крестоносцев, потом ведут смертный бой с надвигающимся на деревни помещичьим дворянством ...» (Виппер Р.Ю. Иван Грозный. – Изд. 3-е. – М.-Л., 1944. – С.6).
256. Там же. – С.91-92.
257. О ней см.: Историография античной истории / Под ред. проф. В.И. Кузищина. – М.: Высш.шк., 1980. – С.144-145, 213, 215; Протасова С.И. История древнего мира в построении Эдуарда Мейера // Вестн. древней истории. – 1938. – №3. – С.298-313; Сергеев В.Д. Эдуард Мейер. 1855-1930 // Историк: марксист. – 1931. – №21. – С.104-114 и др.
258. Среди первых критиков «всемирно-исторического плана» и разделения истории человечества на три периода в России был Н.Я.Данилевский, предложивший сосредоточить внимание на жизни отдельных национальных единиц или культурно-исторических типов, каждый из которых переживает свои возрасты или стадии древней, средней и новой истории (Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира

к Германо-Романскому. – Изд. испр. и доп. – СПб., 1871. – Гл. IV и V). Уже на студенческой скамье с недоверием отнесся к «ходячей аксиоме бесконечного прогресса» и всемирно-исторической точке зрения П.Н.Миллюков, ратовавший за сравнительный социологический подход к истории (Миллюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). – Т.1. – М.: Современник, 1990. – С.111-112, 145, 186-187). В своей известной критике Данилевского историограф выступал не против его отрицания единства человеческой истории и идеи прогресса, а против того, что Данилевский не поднялся до признания социологических законов отдельных общественных эволюций (Миллюков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл.Соловьев (1893) // Его же. Из истории русской интеллигенции. Сборник статей и этюдов. – Изд. 2-е. – СПб., 1903. – С.271-273, 291, 304).

259. Виппер Р.Ю. Отчет о возникновении и деятельности в 1890-91 учебном году исторической секции при учебном отделе Общества распространения технических знаний в Москве. – С.296-297.

260. Виппер Р.Ю. Общество, государство, культура Запада в XVI веке. – №2. – С.1-5; Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука. – С.22-24, 26, 30-31.

261. Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. – С.83; Очерки теории исторического познания. – С.100.

262. Виппер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука. – С.24-27: Две интеллигенции... – С.149-150; Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. – С. 193-194.

263. Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв... – С.99.

264. Там же. – С.113.

265. Там же. – С.87; Гибель европейской культуры. – С.26-27, 71.

266. Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв... – С.112; Кризис исторической науки. – С.15-16

267. Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. – С.19.

268. Виппер Р.Ю. Крушение гордыни века (1917) // Его же. Гибель европейской культуры. – С.70.

269. Там же. – С.75, 78. О том, что теория прогресса «стала выветриваться из общего сознания», по мере того, как «масса исторических наблюдений прошла мимо ее затейливых сводов и фасадов» Виппер заявил еще в «Общественных учениях и истори-

ческих теориях XVIII и XIX вв.» (С.194); затем повторил это в 1913 г. в докладе «Верит ли кто-нибудь в теорию прогресса?» (Кризис исторической науки. – С.17).

270. Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. – С.21-28, 31-32; Круговорот истории. – С.6-8; Гибель европейской культуры. – С.39-46. 72-73.

271. Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. – С.5-6, 29-30; Вечность войн // Его же. Круговорот истории. – С.33-54; Война и демократия. – М., 1917. – С.3-14; Гибель европейской культуры. – С.36-39.

272. Виппер Р.Ю. Гибель европейской культуры. – С.25.

273. Там же. – С.3-5.

274. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.102-103.

275. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции ... – С.164. Особенно он подчеркивал повторение идейных мотивов (Там же. – С.165); см. также: Кризис исторической науки. – С.19-20.

276. Виппер Р.Ю. Психология театра (1902) // Две интеллигенции ... – С.112, 150-156.

277. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.106.

278. Виппер Р.Ю. Несколько замечаний о происхождении церкви (1909) // Две интеллигенции... – С.284-285. Каждый тип, по Випперу, имел свою национальную и географическую родину, откуда получил дальнейшее распространение. Например, республика, демократия, теория народного верховенства и т.д. – продукт кантонального быта островков Средиземного моря и приморских долин Балканского и Аппенинского полуостровов. Абсолютная монархия и всемирная церковь – продукт больших государственных образований, слагавшихся на широких аллювиальных равнинах Передней Азии. Исследователь называл такой подход социально-географической точкой зрения на историю. (Там же. – С.295-296).

279. Виппер Р.Ю. Общество, государство, культура Запада в XVI веке. – №2. – С.6-7. Только на базе сравнительного изучения отдельных народов, полагал исследователь, возможно понять условия и ход развития человеческих обществ. (Виппер Р.Ю. Учебник новой истории. – М., 1910. – С.3).

280. Виппер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука. – С.36.

281. См.: Мейер Эд. Экономическое развитие древнего мира. – СПб., 1898. – С.10-12; его же. Рабство в древнем мире. – М., 1899. – С.27

282. Например, выступая против применения к античности понятия «ойкосное» хозяйство, основанного на рабском труде, Виппер высоко оценивал роль Эд.Мейера в разрушении старой ложной картины. Усилия историка, по словам Виппера, направлены на то, чтобы «локализовать факты по месту и времени, различить, когда и где было рабство и в какой форме, когда и где был натурально-хозяйственный ойкос и стал развиваться капитализм...», чтобы показать многочисленные аналогии античной и современной жизни. (Виппер Р.Ю. Две интеллигенции... – С.40). См. также: Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.77.

283. См.: Данилова А.В. Р.Ю.Виппер как историк античности // Вестник древней истории. – 1984. – №1. – С.166, 172.

284. Виппер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука. – С.31, 60.

285. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.58. См. по этому вопросу также: Лепешко Б.М. Метод аналогии в историческом исследовании. – Брест, 2000. – С.166-179.

286. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Ч.1. – Изд. 2-е. – М., 1906. – С.16.

287. Там же. – С.16-17. Позднее исследователь писал, что носители старинной микенской культуры «принадлежали к расе чуждой грекам». В итоге катастрофы «греки начинали с какой-то белой доски». С именем Миноса ученый ошибочно связывал греческих вождей, заменивших старых критян в переходную эпоху, составлявшую конец Древней истории Греции и начало ее Средних веков. (Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – С.26-27). Виппер справедливо отмечал, что в эпоху расцвета Крит не был клочком зависимой от Египта торговой и культурной области. Критское население, по его мнению, было ближе к малоазийцам, чем к европейцам. (Виппер Р.Ю. Древний Восток и Эгейская культура. – С.91-92). Следует отметить, что вопрос о причинах падения царств Ахейской Греции и их влияния на дальнейшее развитие античной Европы до сих пор остается спорным в науке. Широко распространенной остается точка зрения, разделяемая Виппером, о гибели крито-микенской культуры под ударами завоевателей и дальнейшем дисконтинуитете в развитии общества. (См.: История Европы. – Т.1. Древняя Европа. – М.: Наука, 1988. – С.128-129).

288. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – С.20-30, 49-53.

289. Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – С.31. Хронологически он, по Випперу, соответ-

ствовав новоевропейскому от раннего средневековья до времени рыцарства и рыцарской поэзии, т.е. позднего средневековья. (Там же. – С.32). Новую историю ученый начинал с XVI в. (См.: Виппер Р.Ю. Учебник новой истории. – Изд. 4-е, исправл. – М., 1910. – С.1-2; Учебник новой истории. – Изд.4-е, дополн. – М.: Государст. изд-во, 1922. – С.3; Четыре века европейской истории. – М.: Работник просвещения, 1924. – С.11). См. также: Виппер Р.Ю. Древний Восток и Эгейская культура. – С.92. Ср.: Мейер Эд. Экономическое развитие древнего мира. – С.22-28.

290. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – С.36, 43.

291. Там же. – С.40. Хотя он указывал, что рабов не видно среди полевых рабочих.

292. Чтобы говорить о натуральном хозяйстве, считал Виппер, необходимо обратиться к временам очень ранним, спуститься к культуре низкой. В гомеровском же обществе мы можем говорить лишь об отдельных натурально-хозяйственных чертах. (Там же. – С.43. См. также: Его же. История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р.Хр. – С.61).

293. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – С.58-63.

294. Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р.Хр. – С.64.

295. Там же. – С.87.

296. Там же. – С.112.

297. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – С.62-64.

298. Там же. – Изд. 2-е. – С.156.

299. См.: Мейер Эд. Рабство в древнем мире. – С.27-28. Рабство и свободный труд, указывал Мейер, – две формы, в которых пытается найти удовлетворение одна и та же экономическая потребность, а именно, нужда капитала в дешевых, подвижных, свободных от средневековых патриархальных пут рабочих руках. Правовая же форма – рабство или свободный договор – роли не играет, более того, в духе раннего капитализма историк полагал, что капитал в принципе предпочитает рабство. (Там же. – С.45-46).

300. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Изд. 2-е. – С.155; История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р.Хр. – С.92.

301. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Изд. 2-е. – С.203; История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р.Хр. – С.368, 375-376.

302. Петрушевский Д.М. Общество и государство у Гомера. Опыт исторической характеристики // Вопросы науки и искусства, литературы и жизни. – 1896. – №6. – С.28.

303. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Изд. 2-е. – С.154-157. Он неоднократно подчеркивал «тесную связь радикальной демократии с империализмом» (С.207-208). Исследователь даже утверждал, что Афины первоначально стремились к объединению европейской Греции, а когда это не вышло, стали стремиться к колониальному господству, приобретению отдаленных рынков. «Неудачный исход и этих попыток повел за собой полную катастрофу афинской державы...» (Там же. – С.192). См. также: Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р.Хр. – С.226, 233-234, 295-296, 302. Применительно к римской истории ученый полагал, что империалистическая политика Рима, создание колониальных владений породили недолговечное демократическое движение. (Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. – Изд. 2-е. – С.VI, 45).

304. Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р.Хр. – С.277. Что не мешало Випперу писать о том, что афинская демократия пропагандировала «широкие освободительные идеи нового времени». (Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Изд. 2-е. – С.163).

305. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Изд. 2-е. – С.160-163; История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р.Хр. – С.118, 126. К крепостническому обществу ученый относил и большую часть древневосточных стран, например, Египет, Ассирию, частично Вавилон (Виппер Р.Ю. Древний Восток и Эгейская культура. – С.45-47, 73, 95-96, 129). Значение рабского труда на древнем Востоке выделялось им для ограниченного времени в истории отдельных стран, например, для Египта Нового царства периода его успешных войн (Там же. – С.95).

306. Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р.Хр. – С. 354-355.

307. Там же. – С.442-444.

308. Виппер Р.Ю. Очерк истории социализма в новейшее время. – М., 1917. – С.4. К «коммунистам» он относил, в частности, основателя секты киников Антисфена (Там же.). В «Лекциях по истории Греции» он писал о существовании в греческих общинах с V в. до н.э. радикальных социалистических партий, о широкой социалистической публицистике времен «спартанской социальной революции» (40-20-е годы III века до н.э.). (Изд. 2-е. – С.66).

309. Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. – С.7.

310. Там же. – С.25-28.

311. Там же. – С.32-35.

312. Там же. – С.Ш.
313. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Изд. 2-е. – С. 139-140.
314. Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. – С.388-389.
315. См. Виппер Р.Ю. Возникновение христианства. – М., 1923. – С.26-34, 66-74. Возникновение христианства, писал историк, «происходило в эпоху культурного упадка и отразило на себе интеллектуальный уклон времени». (Там же. – С.76).
316. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – С.110. Еще один крупный исторический период древней истории Виппер называл «нильско-евфратским» /Там же./ Нильско-евфратская культура совместно с троянской и эгейско-критской уже в III-II тыс. до н.э., полагал историк, «совершили объединение античного мира». Процессы эллинизации и романизации – «вовсе не начальные моменты слияния Востока и Европы, а концы и повторения очень древнего слияния культур» (Виппер Р.Ю. Древний Восток и Эгейская культура. – С.3).
317. Виппер Р.Ю. Круговорот истории. – С.99.
318. Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. – С.36.
319. Виппер Р.Ю. Круговорот истории. – С.173.
320. Виппер Р.Ю. Гибель европейской культуры. – С.98.
321. Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. – С.37.
322. Виппер Р.Ю. Круговорот истории. – С.79-81. 99-100. Римские гражданские войны для исследователя – классическая модель таковых вообще. Понимание данной модели, по мнению Виппера, позволяет лучше ориентироваться в современности. (Там же. – С.140).
323. Там же. – С.7-8. 112-114; Гибель европейской культуры. – С.3-5. 68-69, 102-105.
324. В 1922 г. Н.А.Бердяев, Я.М.Букшпан, Ф.А.Степун, С.Л.Франк выпустили совместный сборник «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (М., 1922. – 95 с.), в котором развивали идею глубочайшего кризиса современной культуры. (Там же. – С.3, 32-33, 49, 53-54, 56). Авторы дали чрезвычайно высокую оценку Шпенглера (Там же. – С.34). На место гибнущей рационалистической культуры, по мнению русских философов, придет новая близкая раннему средневековью (Там же. – С.53, 69). Бердяев прямо утверждал, что «мы живем в эпоху внутренне схожую с эпохой эллинистической, эпохой крушения античного мира» (Там же. – С.57), что грядет новое средневековье, очередная «ночная эпоха» (Там

же. – С.69). Мыслитель предупреждал, что современное варварство «будет варварство от самой цивилизации», когда над человеческими душами господствует «машинность и механистичность, подменяющая подлинное бытие». (Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре // его же. Смысл истории. – М.: Мысль. 1990, – С.172). Он пророчески писал, что «не удадутся и те основные идеи и задачи, которыми живет наше эпоха, не удастся никогда социализм, который попробуют осуществить... Социализм в опыте осуществления своего будет совсем не тем, к чему социалисты стремятся». (Там же. – С.155).

325. Формации или цивилизации? : Материалы круглого стола. // Вопросы философии. – 1989. – №10. – С.46. См. также: Философия истории: Учеб. пособие / Под ред. проф. А.С.Панарина. – М.: Гардарики, 1999. – Раздел 3. – Гл.2.

326. Виппер Р.Ю. Круговорот истории. – С.89-90.

327. Виппер Р.Ю. Гибель европейской культуры. – С.51-52.

328. Виппер Р.Ю. Древний Восток и Эгейская культура. – С.50.

329. Там же. – С.64.

330. Там же. – С.70.

331. Там же. – С.74.

332. Там же. – С.106.

333. В другой работе Виппер разъяснял, что под «феодализмом» следует понимать своеобразный европейский строй IX-XII вв., основанный на натуральном хозяйстве, крепостном труде и сеньориальной власти. (Виппер Р.Ю. Общество, государство, культура Запада в XVI веке. – №2. – С.4).

334. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – С.49-51.

335. Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – С.71.

336. Там же. – С.100.

337. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Изд.2-е. – С.211.

338. Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – С.312-316.

339. Там же. – С.372, 442-444; его же. Гибель европейской культуры. – С.57-69.

340. Виппер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – С.379-380.

341. Русское богатство. – 1910. – №10. – С.116.

342. Там же. – С.117 – 118.

343. Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. – Изд.2-е. – С.33.

344. Там же. – С.414.
345. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – Харьков, 1903. – С.508; его же. Лекции по истории Греции. – Т.1. – Пг., 1915. – С.560.
346. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – С.508; Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.560-561; впрочем, он полагал в 1915 г., что «увлечение модернизмом и вообще чрезмерными новшествами начинает остывать». (Там же. – С.565).
347. Петрушевский Д.М. Феодализм и современная историческая наука // Из далекого и близкого прошлого. – Пг.-М., 1923. – С.111.
348. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – М., 1911. – С.175-176.
349. Виппер Р.Ю. Общественно-исторические взгляды Грановского // Его же. Две интеллигенции ... – С.212; Сумерки людей // Русское богатство. – 1910. – №10. – С.114.
350. Виппер Р.Ю. Сумерки людей. – С.114
351. Там же. – С.114-115.
352. См., например: Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. – С.56, 59; его же. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – С.104; его же. Очерки истории Римской империи. – Изд. 2-е. – С.33-34.
353. См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – С.17; Утченко С.Л. Цицерон и его время. – М.: Мысль, 1972. – С.108-109.
354. См.: Питц Э. Исторические структуры // Философия и методология истории. – М.: Прогресс, 1977. – С.169. См. также: Постигание истории... – С.111-131.

(Часть II, гл.3)

1. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – М., 1907. – С.7.
2. Там же. – С.9-10.
3. Петрушевский Д.М. Тенденции современной исторической науки // Образование. – 1899. – №5-6. – С.73.
4. Петрушевский Д.М. О задачах всеобщей истории как науки // Образование. – 1898. – №2. – С.3.
5. Тарле Е.В. Из истории обществоведения в России. // Социологические воззрения Н.К.Михайловского // Литературное дело. Сборник. – СПб., 1902. – С.34.

6. Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. – М.: Наука, 1981. – С.170.
7. Тарле Е.В. Из истории обществоведения в России. – С. 37.
8. Там же. – С.38.
9. Русское богатство. – 1902. – №10. – С.34.
10. См.: Тарле Е.В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории // Его же. Соч.в двенадцати томах. – Т.1. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С.301-302.
11. Мир Божий. – 1903. – №1. – С.74.
12. Тарле Е.В. Новейшая история и постановка ее преподавания на историко-филологических факультетах // Журнал Мин. Нар. Просв. Новая серия. – 1915. – Ч.59. – №10. – С.90.
13. Там же.
14. См.: Тарле Е.В. Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX веке: Сборник статей. – СПб., 1903. – II, 367 с.; Политика и религиозная мысль на Западе // Мир Божий. – 1903. – №9. – С.79-102; №10. – С.70-90; Ирландия от восстания 1798 г. до аграрной реформы нынешнего министерства (1904-1905) // Соч. – Т.1. – С.305-583; Роль студенчества в революционном движении в Европе в 1848 г. – СПб., 1906. – 28 с.; Самодержавие Николая I и французское общественное мнение // Былое. – 1906. – №9. – С.12-42; №10. – С.138-159; Из истории русско-германских отношений в новейшее время // Русская мысль. – 1914. – №11. – С.83-93 и др.
15. Тарле Е.В. Очередная задача // Анналы. – 1922. – №1. – С.15. Трудно сказать, насколько Тарле был самостоятелен в своих суждениях по этому вопросу, так как аналогичную, но более глубокую и разностороннюю постановку его можно найти в лекциях 1919 – 1920 гг., прочитанных Н.Бердяевым в Вольной Академии Духовной Культуры в Москве. В них философ развивал мысль, что целостные эпохи не благоприятствуют историческому познанию; для его начала необходимо отчуждение познающего субъекта от исторического объекта, наблюдаемое в периоды катаклизмов. В критическую эпоху возникает историческая наука. Однако рефлектирующий субъект, выведенный из исторической «нормальной» жизни, по Бердяеву, оказывается разобщенным и с самим «историческим» и теряет способности его понимать. Восстановление связи субъекта и объекта происходит на третьей стадии: для подлинного понимания смысла истории «нужно пройти через противоположение познающего субъекта познаваемому объекту, нужно по новому, пройдя через тайну раздвоения, приобщиться к тайне ис-

торического <...> Это – третий период, третья эпоха, эпоха возвращения к историческому» (Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. – Втор. изд. – Париж, 1969. – С.10-11). Мыслитель особенно настаивал, что понять историю может лишь тот, «кто настоящее не отрывает от прошлого и будущего» (Бердяев Н.А. Народ и классы в русской революции. – М., 1917. – С.6).

16. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. Введение в историю Греции. – Пг., 1915. – С.ХІ.

17. Бузескул В.П. Автобиография // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Историко-литературный сборник. – Т.VI. – СПб., 1897-1904. – С.156.

18. См.: Петров М.Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. – Харьков, 1861. – С.1.

19. Бузескул В.П. Генрих Зибель как историк-политик. – Харьков, 1896. – С.1-2. Анализ взглядов Г.Зибеля см.: Гавриличев М.А. Теоретические и методологические основы исторических исследований Генриха фон Зибеля // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Вып.1. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1963. – С.107-136; Смоленский Н.И. Политические категории немецкой буржуазной историографии (1848-1871 гг.). – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. – 213 с.

20. См.: Зибель Г. О законах исторического знания. – СПб., 1866. – С.19.

21. Бузескул В.П. Генрих Зибель как историк-политик. – С.2.

22. Там же. – С.31.

23. Там же. – С.32; Леопольд Ранке. Некролог – 1886 // Его же. Исторические этюды. – СПб., 1911. – С.184.

24. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.42.

25. «...дух и запросы времени, различные течения в сфере философской и политической мысли, настроения и идеалы общества, личные взгляды и симпатии автора нигде не отражаются так ярко и не влияют так могущественно, как в области изучения явлений прошлого, даже такого отдаленного от нас, как история Греции», – писал историограф (Там же. – С.237). Показательна здесь ссылка Бузескула на работу Виппера «Очерки исторической мысли XIX в. Либерализм и первая историческая формула борьбы классов» (Там же. – С.236). Развивая эту же мысль в более поздней работе, историк добавляет «классовые симпатии и антипатии», влияющие на объективность исследования прошлого. (Бузескул В.П. Германский ученый об «адвокатской республике» // Анналы. – №1. – Пб., 1922. – С.189).

26. Бузескул В.П. Лекции во истории Греции. – Т.1. – С.237.
27. Там же. – С.238.
28. Там же. – С.240-242.
29. Там же. – С.243.
30. Там же. – С.265.
31. Там же. – С.268.
32. Там же. – С.265-267.
33. Там же. – С.269. См. также: Бузескул В.П. Германский ученый об «адвокатской республике». – С.189.
34. «История Греции» Грота, указывает Бузескул, характерна для Англии XIX столетия, поскольку греческая демократия, экономическая экспансия, многочисленные колонии были особенно близки и интересны для англичан (Там же. – С.270). Апология афинской демократии явилась следствием политических убеждений и симпатий Грота, который принадлежал к философским и политическим радикалам и «питал особенную любовь к республике» (Там же. – С.278).
35. «С пылом политика относился он (Дункер – А.Н.) и к явлениям прошлого, к событиям и деятелям греческой истории. Нередко он судит о них с точки зрения XIX столетия. При изложении истории Греции он часто имеет в виду современное ему положение дел...» (Там же. – С.363). Портрет Фемистокла он рисовал, руководствуясь образцом Бисмарка (Там же. – С.363-364), а вообще в его работах проявился культ силы, побед и завоеваний нередко обнаруживающийся в немецкой литературе второй половины XIX – начала XX вв. (Там же.).
36. Там же.
37. Ю.Шварца историограф относил к крайним критикам афинской демократии, причем «меркой при определении значения Афин в истории человечества, – по Бузескулу у венгерского автора, – служат понятия XIX века» (Там же. – С.368).
38. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. – Ч.2. – Л.: Изд-во АН СССР, 1931. – С.1-2.
39. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.199.
40. Там же. – С.48.
41. Бузескул В.П. Исторический процесс по воззрениям греческих историков // Образование. – 1902. – №11. – С.45. Геродот – современник греко-персидских войн; Эфор – возвышения Македонии при Филиппе и Александре, начала эллинизма; Полибий – образования Римской империи, слияния Запада и Востока в одно целое (Там же. – С.45-46).

42. Бузескул В.П. Генрих Зибель как историк-политик. – С.32.
43. Бузескул В.П. Исторический процесс по воззрениям греческих историков. – С.35. См. также: Бузескул В.П. Фукидид и новейшая историческая наука (1901) // Исторические этюды. – С.29-30; 37 и др.
44. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.99-100.
45. Там же. – С.107-108.
46. Бузескул В.П. Исторические этюды. – С.183-184.
47. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.155-156.
48. Там же. – С.197-198.
49. Там же. – С.283. Курциус показан как тип кабинетного ученого.
50. Там же. – С.305.
51. Бузескул В.П. Альбер Сорель как историк французской революции /1906/ //Его же. Исторические этюды. – С.234-235
52. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.212.
53. Там же. – С.220. Правда, историк понимал, что Плутарх не столько историк, сколько писатель.
54. Там же. – С.365-366.
55. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. – Ч.2. – С.27-28.
56. Бузескул В.П. Германский ученый об «адвокатской республике». – С.189-193.
57. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.298-301. Претензии Бузескула к Фюстель де Куланжу, по сути, те же, что были у Виноградова.
58. Бузескул В.П. Немецкий историк Эдуард Мейер об Англии нынешней войны //Голос минувшего. – 1916. – №9. – С.200, 206-209.
59. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.78.
60. Дживелегов А.К. История // Энциклопедический словарь Товарищества Братьев А. и И.Гранат. – Изд. 7-е, соверш. перераб. – Т.22. – М., 1935. – С.290.
61. Там же. – С.283-288.
62. Дживелегов А.К. Социальная наука и социальная философия // К правде: Литературно-публицистический сборник. – М., 1904. – С.28.
63. Там же. – С.24.
64. Там же. – С.40.
65. Дживелегов А.К. Теодор Моммзен как историк и политик. Очерк // Вестник Европы. – 1904. – Т.V. – Октябрь. – С.612.

66. «Трудно сказать, – писал Дживелегов, – что больше увлекло его: судьбы ли древнего Рима, изучению которых он посвятил себя, или животрепещущие вопросы современности». (Там же. – С.624-625).

67. Там же. – С.626.

68. Там же. – С.627-628.

69. Там же. – С.628.

70. Там же. – С.629-631. В цезаре Моммзен видел того популярного конституционного монарха, которому будет суждено осуществить объединение Германии (Там же. – С.638).

71. Там же. – С.631. Моммзен высказался за продление исключительного закона против социалистов в Германии в 1882 г.

72. Там же. – С.637.

73. Там же. – С.651.

74. Там же.

75. Дживелегов А.К. Социальная наука и социальная философия. – С.24.

76. Дживелегов А.К. Фюстель де Куланж // Энциклопедический словарь Русского биографического института Гранат. – Т.45. – Ч.2. – М., 1935. – С.76-77.

77. Дживелегов А.К. Теодор Моммзен как историк и политик. – С.652.

78. См.: Зуев В.Ю. Краткий обзор фонда М.И.Ростовцева из Центрального Государственного Исторического Архива СССР (Ленинград) // Вестник древней истории. – 1991. – №4. – С.147.

79. Петрушевский Д.М. О задачах всеобщей истории как науки. – С.10.

80. Там же. – С.3.

81. Тарле Е.В. К вопросу о границах исторического предвидения (1902) // Его же. Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX в. – С.147-158. См. также: Тарле Е.В. Политика и религиозная мысль на Западе. – №X. – С.94.

82. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории: Курс лекций. – Изд.2-е. – М., 1914. – С.265-266. В духовном мире, писал ученый, «мы имеем постоянное создание новых ценностей и мы не знаем... что здесь последует дальше. Вот почему в этой области невозможны точные предсказания будущего». (Хвостов В.М. Психологическая причинность и свобода воли (1908) // Его же. Нравственная личность и общество. Очерки по этике и социологии. – М., 1911. – С.114).

83. Щепкин Е.Н. Вопросы методологии истории // Летопись историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете. – Т.ХП. – Одесса, 1905. – С.278, 288.

84. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – М., 1911. – С.56.

85. Рожков Н.А. История, мораль и политика // Его же. Исторические и социологические очерки. Сборник статей. – Ч.1. – М., 1906. – С.16.

86. Там же. – С.18.

87. Например, о такой связи писал А.А.Кизеветтер (Кизеветтер А.А. В ожидании юбилея крестьянской реформы 1861 г. // Нижегородский сборник. – Изд.2-е. – СПб., 1905. – С.192-193). Отбрасывая противопоставление «кабинетного ученого» «суетной толпе», историк утверждал: «...в любой стране успехи научного движения прямо пропорциональны высоте общего уровня духовных интересов общества. Для успешной научной работы <...> требуется <...> повышенный пульс умственной жизни всего общества, чуткость этого общества ко всем духовным запросам, оживленный кипучий обмен идей <...> Если общество нуждается в ученых, то и ученые нуждаются в симпатическом отклике общества на очередные потребности их профессиональной работы» (Там же. – С.196). Н.П.Павлов-Сильванский подчеркивал возрастающий интерес общества к истории: «В этой науке все ищут теперь ответа на острые вопросы о смысле и значении совершающихся на наших глазах событий». (Павлов-Сильванский Н.П. История и современность (1906) // История и историки Историографический ежегодник. 1972. – М.: Наука, 1973. – С.340-341) и т.д.

88. Петрушевский Д.М. О задачах всеобщей истории как науки. – С.3.

89. Там же. – С.3-4.

90. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – Харьков, 1903. – С.460-461.

91. Тарле Е.В. Соч. – Т.1. – С.299-300.

92. Дживелегов А.К. История. – С.288-289.

93. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.303

94. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.283.

95. Там же. – С.285. См. также: С.69, 286.

96. Там же. – С.61-67.

97. Там же. – С.47-48.

98. Там же. – С.74

99. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.75.

100. Хвостов В.М. Нравственная личность и общество. – С.2.
101. Там же. – С.3.
102. Там же. – С.4-5.
103. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.81.
104. Хвостов В.М. Психическая причинность и свобода воли / Его же. Нравственная личность и общество. – С.101. См. также: Хвостов В.М. Предмет и метод социологии // Там же. – С.143.
105. Там же. – С.111-112. Поэтому, полагал историк, в области психических явлений возможен только ретроспективный анализ: от наступившего результата к его причинам (Там же. – С.113).
106. Там же. – С.113. См. также: Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.79-80. Примеры он черпает у А.С.Лаппо-Данилевского (См.: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. – Вып.1. – СПб., 1910. – С.267).
107. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.125-126. По сути, хвостовская интерпретация совместима с позитивизмом, ориентировавшимся на психологическое истолкование истории.
108. Там же. – С.85.
109. Там же. – С.126. Отношение к культурным ценностям для исследователя являлось и критерием отбора фактов в исторической науке (Там же. – С.127, 276, 303).
110. Там же. – С.126-127.
111. Там же. – С.287.
112. Там же. – С.304-305.
113. Хвостов В.М. Социальный организм // Его же. Нравственная личность и общество. – С.174.
114. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.116-117.
115. Там же. – С.127.
116. Хвостов В.М. Нравственная личность и общество. – С.113.
117. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.126, 276, 304-305.
118. Там же. – С.276-277.
119. Там же. – С.148. В чем он видел ее отличие от искусства, где царит полет фантазии. Хотя ученый справедливо считал необходимым вносить художественность в изложение истории. (Там же. – С.148; Его же. Историческое мировоззрение В.О.Ключевского // Его же. Нравственная личность и общество. – С.191).
120. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.305.

121. См.: Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Ч.2. Методологические искания послеоктябрьской исторической мысли. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2000. – Гл.2.

122. Щепкин Е.Н. Вопросы методологии истории. – С.279.

123. Там же. – С.297-300. Он ссылается на труды Корнелиуса, Э.Маха, В.Шуппе, В.Вундта, К.Зигварта, Р.Авенариуса, Шапиро.

124. Там же. – С.305.

125. Там же. – С.312.

126. Там же. – С. 312-313.

127. Там же. – С.275-276.

128. Там же. – С.278.

129. Там же. – С.287.

130. Там же. – С.278, 288.

131. Щепкин Е.Н. Вопросы методологии истории. – С.288-289.

132. Там же. – С.298.

133. Там же. – С.283.

134. Там же. – С.276-277.

135. Там же. – С.279.

136. Там же. – С.278-279.

137. Щепкин называет четыре таких постулата; 1) уверенность, что внутреннюю жизнь другого человека мы вправе представить себе по аналогу с нашей собственной или постулат суждения по субъекту; 2) признание влияния на действующую личность окружающей духовной среды; 3) утверждение влияния на внутреннюю жизнь личности физической природы самого человека, окружающей природы и материальных условий; 4) своеобразии закона причинности душевной жизни (Там же. – С.280-283).

138. Там же. – С.286.

139. Там же. – С.290-291.

140. Там же. – С.298. Метод критики источников он тоже пытался интерпретировать с точки зрения психологии (Там же – С.300-302).

141. Там же. – С.302-303.

142. Щепкин был популярен среди студентов, но скоро отошел от исследовательской работы. Профессиональная неудача Щепкина как историка в значительной степени объясняет его увлечение с 1905 г. революционной деятельностью, а после установления советской власти в Одессе, когда Щепкин вступил в ряды РКП(б) и занял пост зав.отделом ВУЗов, преследование им академической науки и ее представителей. О его общественно-политической деятельности см.: Хмельницкий И.А. Общественно-политическая

философия Е.Н. Щепкина // Памяти проф. Евгения Николаевича Щепкина (13.05.1860–12.11.1920). Сборник, изданный Одесской секцией научных работников и Одесским домом ученых по случаю пятилетней годовщины со дня смерти Е.Н.Щепкина. – Одесса. 1927. – С.20-26; Лысенков Н. Е.Н.Щепкин и Одесский Университет (1902-1905) // Там же. – С.27-31; Хмыров Д. Памяти друга //Там же. – С.32-36; Елин В.Л. Е.Н.Щепкин в революционное время (1903-1905 годы) // Там же. – С. 37-38; Малеев А.Ф. Профессор Е.Н.Щепкин в революционные дни 1905 и 1919-20 года // Там же. – С.39-43; Хмельницкий И. Е.Н.Щепкин // Деятели СССР и революционного движения России / Энциклопедический словарь Гранат. – М.: Сов. энцикл. 1989. – С. 773-776.

143. Покровский М.Н. «Идеализм» и «законы истории» // Его же. Историческая неука и борьба классов. – Вып. II. – М.-Л., 1933. – С.21-23.

144. Там же. – С.24.

145. Щепкин Е.Н. Вопросы методологии истории. – С.298-299.

146. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.261.

147. Тарле Е.В. Очерк развития философии истории // Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. – С.151.

148. Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. – С.167-168.

149. Там же. – С.12.

150. Там же. – С.16.

151. Щепкин Е.Н. Вопросы методологии истории. – С.307.

152. Там же. – С.283-284. 305.

153. Там же. – С.294-295.

154. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.81, 256, 264-265. Поэтому он призывал осторожно оперировать в истории с параллелями и аналогиями (Там же. – С.256).

155. Там же. – С.84.

156. Там же. – С. 129-130, 261.

157. Дживелегов А.К. История. – С. 309.

158. Там же. – С.310. В своем обосновании психической основы исторического процесса Дживелегов ссылаясь на П.Лакомба.

159. Там же. – С.311-312.

160. Дживелегов А.К. Социальная наука и социальная философия. – С.22.

161. См.: Рожков Н.А. Новейшая теория исторического познания // Нижегородский сборник. – Изд. 2-е. – СПб., 1908. – С. 309; его же. Русская история в сравнительно-историческом освещении.

щении. – Т.1. – Пг., 1919. – С.7; Дживелегов А.К. Вико и его система философии истории // Вопросы философии и психологии. – 1896. – №5. – С.426-427; Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. – С. 135-136. См. также: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. – С.557.

162. Рожков Н.А. Новейшая теория исторического познания. – С.302.

163. Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. – Ч.1. – С.2.

164. Рожков Н.А. Автобиография // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. – Кн. 32. – М., 1927. – С.161.

165. Там же. – С.165.

166. Рожков Н.А. История, мораль и политика // Его же. Исторические и социологические очерки. – Ч.1. – С.3. В другой работе он писал, что «предмет истории – исторический процесс, связанная цепь фактов» (Рожков Н.А. Психологическая школа в социологии // Там же. – С.167). С этой точки зрения он критиковал Кареева, Лакомба и Лампрехта за разделение явлений истории, подлежащих изучению на прагматические и культурные, подчеркивая их взаимозависимость (Там же. – С.166).

167. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. – Т.1. – С.11.

168. Там же. – С.11-12.

169. Ростовцев М.И. Очерк истории древнего мира: Восток, Греция, Рим. – Берлин, 1924. – С.7.

170. Там же. – С.9-10. При этом Ростовцев резонно подчеркивал, что «делаясь все более и более одной из ветвей точных наук, история не может и не должна терять своего художественного, а следовательно, и индивидуального характера» (Там же).

171. Дживелегов А.К. Вико и его система философии истории. – С.426.

172. Там же. – С.427.

173. Дживелегов А.К. История. – С.300-301.

174. Там же. – С.311.

175. Там же. – С.312.

176. Там же. – С.313-314.

177. Там же. – С.282.

178. Дживелегов А.К. Теодор Моммзен как историк и политик. – С.641-645.

179. Бузескул В.П. Исторический процесс по воззрениям греческих историков. – С.55.

180. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.498.
181. Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. – С.96.
В своих ранних исследованиях Тарле был склонен к поиску в истории причин и закономерностей социально-психологического характера. В этом отношении показательна его работа «Политика и религиозная мысль на Западе» (Мир Божий. – 1903. – Т.IX. – С.82, 85, 93-94; Т.X. – С.73-75, 77-78 и др.).
182. Тарле Е.В. Социология и историческое познание // Вестник Европы. – 1902. – №10. – С.430-431.
183. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.262-263.
184. Хвостов В.М. Нравственная личность и общество. – С.189. См. также: Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.106. В качестве аксиологической науки «история – есть наука о тех шагах, которые совершало культурное человечество на своем пути к созданию всякого рода культурных ценностей, этических и эстетических» (Там же. – С.85).
185. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.129. Историк подчеркивал, что в современной ее генетической постановке история «проникнута <...> идеей всеобщей закономерности» (Хвостов В.М. Нравственная личность и общество. – С.5).
186. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.261.
187. Хвостов В.М. Нравственная личность и общество. – С.190.
188. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.263.
189. Щепкин Е.Н. Вопросы методологии истории. – С.304-305.
190. Там же. – С.307. Судя по высказываниям Щепкина в послеоктябрьский период, он отдавал предпочтение практической деятельности перед общественными законами. Политика коммунистического строительства в области хозяйственной жизни, утверждал он, отменяет законы политической экономии (Щепкин Е.Н. Экономическое строительство (1920) // Памяти проф. Евгения Николаевича Щепкина. – С.54-60).
191. Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. – Казань, 1913. – С.11.
192. Хвостов М.М. История Греции. – Изд.2-е. – Казань, 1915. – С.22-23.
193. Хвостов М.М. Изучение экономического быта древности. Две полемики // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1900. – Июнь. – С.281.
194. См.: Ардашев П.Н. История как наука // Русское богатство. – 1896. – №4. – С.23. По сути близкие позиции занимал

А.С.Лаппо-Данилевский в своей «Методологии истории» (Вып.1. – СПб., 1910. – С.66-67, 170-171, 176 и др.).

195. Петрушевский Д.М. К вопросу о логическом стиле исторической науки. – Пг., 1915. – С.3.

196. Там же. – С.13.

197. Там же. – С.1.

198. Там же. – С.15-16.

199. Там же. – С.17-18.

200. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – С.8.

201. Там же. – С.8-9.

202. Покровский М.Н. «Идеализм» и «законы истории». – С.33.

203. Рожков Н.А. Новейшая теория исторического познания. – С.309-310.

204. Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. – С.38.

205. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.144.

206. Там же. – С.145-147.

207. Петрушевский Д.М. Новое исследование о происхождении феодального строя // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1892. – №11. – С.310.

208. Петрушевский Д.М. Тенденции современной исторической науки // Образование. – 1899. – №5-6. – С.79; Очерки из истории средневекового общества и государства. – М., 1907. – С.11.

209. Петрушевский Д.М. Тенденции современной исторической науки. – С.79, 103. Очерки из истории средневекового общества и государства. – С.12; Новое исследование о происхождении феодального строя. – С.311; О задачах всеобщей истории как науки // Образование. – 1898. – №2. – С.7-8.

210. См.: Петрушевский Д.М. Новое исследование о происхождении феодального строя. – С.311-312; Очерки из истории средневекового общества и государства. – С.7.

211. Рекомендую читателям литературу по социальной истории средневековой Англии, Петрушевский среди первых называет работы П.Г.Виноградова «Исследования по социальной истории Англии в среднее века» (СПб., 1887) и «Vilainage in England» (1892). (Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. – С.V).

212. Там же. – С.III-IV.

213. Там же. – С.245.

214. Там же. – С.239.

215. Там же. – С.180.
216. Там же. – С.202.
217. Петрушевский Д.М. Восстание Уота Тайлера. – Ч.1. – М., 1897. – 384 с.; Ч.2. – М., 1901. – 367 с.
218. Там же. – Ч.2. – С.7.
219. Там же. – Ч.1. – С.375.
220. Более подробно см.: Могильницкий Б.Г. Академик Д.М.Петрушевский // Средние века. – Вып.38. – М.: Наука, 1975. – С.186-194.
221. См.: Ковалевский М.М. Новое сочинение о восстании Уота Тайлера в Англии // Русская мысль. – 1897. – №5. – С.46-49 и ответ Д.М.Петрушевского (Pro domo sua. По поводу статьи проф. М.М.Ковалевского // Русская мысль. – 1897. – №10. – С.175-195).
222. В кн.: Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. – М.: Наука, 1981. – С.105.
223. Там же. – С.106.
224. Там же. – С.108.
225. См.: Отчет о 10-м присуждении Императорской Академией Наук премии митрополита Макария в 1903 г. – СПб., 1905. – С.13-32 (подготовлено представление П.Г.Виноградовым).
226. Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. – С.IV, 77; О задачах всеобщей истории как науки. – С.10.
227. См.: Петрушевский Д.М. Очерки из истории Английского государства и общества в средние века. – С.220-221.
228. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – Харьков, 1903. – С.507. В переиздании работы 1915 г. исследователь назвал следующие характерные черты современного научного движения в области греческой истории: 1) рост материала; 2) изменение отношения к материалу; 3) умаление роли личности; 4) идея эволюции; 5) интерес к второстепенным общинам и эллинизму; 6) интерес к социально-экономической стороне; 7) модернизация греческой истории; 8) сравнительная, общеисторическая точка зрения (Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – Пг., 1915. – С.553-566).
229. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – С.461.
230. Там же. – С.309.
231. Там же. – С.460-461, 508. То же в «Лекциях по истории Греции» (Т.1. – С.474-475). См. также: Бузескул В.П. Характерные черты научного движения в области греческой истории за последнее тридцатилетие // Русская мысль. – 1900. – №2. – С.68.

Интересно, что в начале данного доклада историк сравнивал свой подход с появившейся статьей Д.М.Петрушевского «Тенденции современной исторической науки».

232. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – С.461.
233. Там же. – С.309.
234. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.481, 493, 499-501.
235. Там же. – С.475. Он не только называл исторический материализм «грубым искажением истории», но и отмечал появившуюся на него реакцию в виде возрождения идеалистического направления (Там же. – С.475-476). См. также: С.250, 493-494.
236. Там же. – С.504.
237. Бузескул В.П. Леопольд Ранке (Некролог) // Его же. Исторические этюды. – СПб., 1911. – С.172-182.
238. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.288-289.
239. Там же. – С.298-299.
240. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч.2. – Л.: Изд-во АН СССР, 1931. – С.43-45.
241. Там же. – С.76
242. Там же. – С.81.
243. Там же. – С.88.
244. Там же. – С.107.
245. Там же. – С.54-55.
246. Там же. – С.64.
247. Там же. – С.83.
248. Там же. – С.99-104.
249. Там же. – С.184, 207.
250. Там же. – С.185-187.
251. Бузескул В.П. История афинской демократии. – СПб., 1909. – С.7-8, 16, 18-19, 197-200, 214-224, 259, 340-341, 348, 361-365, 413 и др.
252. Там же. – С.68-69, 241, 258, 291-294 и др.
253. Там же. – С.287.
254. Там же. – С.374.
255. Там же. – С.390.
256. Там же. – С.108.
257. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – С.460. См. также: Характерные черты научного движения в области греческой истории за последнее тридцатилетие. – С.66; Лекции по исто-

рии Греции. – Т.1. – С.474, 557; Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. – Ч.2. – С.144.

258. Например, магистерская диссертация историка была посвящена Периклу (Бузескул В.П. Перикл, Историко-критический этюд. – Харьков, 1889. – 418 с.).

259. Бузескул В.П. История афинской демократии. – С.50-65.

260. Там же. – С.80-87. Клисфена он называл основателем и творцом демократии в Афинах.

261. Там же. – С.148-168, 241-255. «Век Перикла» для Бузескула – «пора высшего процветания умственного и художественного, даже экономического» (Там же. – С.108). Историк защищал Перикла от нападок германской историографии (Дункера, Белоха и др.) (Там же. – С.254).

262. Там же. – С.259.

263. Там же. – С.308-310, 350. Влияние Алкивиада на историю Афин он называл «роковым, пагубным».

264. Там же. – С.366.

265. Тарле Е.В. Соч. в двенадцати томах. – Т.1. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С.299-300. Как философская система, исторический материализм, писал ученый, не всегда может быть доказан (Там же).

266. Там же. – С.303.

267. Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. – С.122.

268. Там же. – С.128.

269. Тарле Е.В. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени // Его же. Соч. – Т.1. – С.145.

270. Полностью им посвящена II глава «Главнейшие черты экономического и социального состояния Английского королевства в начале XVI столетия».

271. Там же. – С.222-224. Резко Тарле по этому поводу отзывался о Ф.Меринге, ставя его за рамки науки.

272. Русское богатство. – 1901. – №12. – С.71.

273. Там же. – 1902. – №6. – С.64-65.

274. Мир Божий. – 1903. – №4. – С.101. В письме В.А.Гольцеву он предлагал в «Русскую мысль» рецензию на труды по истории XIX в. Грегуара, Ш.Сеньбоса и др., главный недостаток которых он указывал в том, что в них отсутствует почти полностью характеристика экономической структуры европейского общества (Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. – С.170). Рецензии не появились.

275. Новое слово. – 1897. – №5. – С.67-68.
276. Рожков Н.А. Автобиография // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. – Кн.32. – М., 1927. – С.162.
277. Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории. Краткий очерк экономической истории России. – СПб., 1902. – 84 с.
278. Рожков Н.А. Происхождение сословий в России // Образование. – 1899. – №7-8. – С.13-30; Социальный материализм // Там же. – 1899. – №11. – С.31-43; Натуральное хозяйство и формы землевладения в древней России // Жизнь. – 1900. – №9. – С.41-65; Сельское хозяйство в Московской Руси в XVI веке и его влияние на социально-политический строй того времени // Мир Божий. – 1900. – №12. – С.1-31; Политические партии в Великом Новгороде в XII-XV вв. // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1901. – №4. – С.241-286; Развитие экономических и социальных отношений в России в XIX в. // Образование. – 1902. – №1. – С.87-104; Денежное хозяйство и формы землевладения в новой России // Научное обозрение. – 1902. – №2. – С.112-128; №3. – С.52-66 и др.
279. Рожков Н.А. Автобиография. – С.162.
280. Авербух Р.А. Эволюция социологических воззрений Н.А.Рожкова // Ученые записки Института истории РАНИОН. – Т.5. – М., 1928. – С.24-26.
281. Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. Сб. статей. – Ч.1. – М., 1906. – С.3.
282. Там же. – С.168-169.
283. Там же. – С.171.
284. Там же. – С.175.
285. Богословский М.М. Из воспоминаний о Н.А. Рожкове // Ученые записки Института истории РАНИОН. – Т.5. – М., 1928. – С.141-142.
286. Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. – Ч.1. – С.175-176.
287. Там же. – С.39-40, 176.
288. Там же. – С.42.
289. Там же. – С.176.
290. Там же. – С.176-177.
291. Там же. – С.41.
292. Рожков Н.А. История крепостного права в России. – Ростов-на-Дону, 1905. – С.9-12, 15.
293. Там же. – С.36.
294. Там же. – С.36-45.
295. Современный мир. – 1910. – №9. – С.166, 169.

296. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). – Т.1. – Пг.-М.: Книга, 1919. – С.12. Раскрывая схему «социальной динамики», он писал: «Представляя себе <...> развитие общества, как единый и цельный процесс, развертывающийся с закономерной необходимостью из хозяйственных условий, дальнейшее звено этой цепи мы видим в социальных отношениях, причем в сфере этих последних первенствующее место принадлежит классовому строю. Естественным продолжением этого являются политический строй, выражающий интересы господствующих классов, и духовная культура, в которой объединяющим элементом служит психический тип». Следовательно, классовые отношения с необходимостью вытекают из хозяйственных условий, государственный строй подчинен эволюции классовых отношений и «психология общества есть всегда в сущности психология его отдельных классов <...> закономерно развивающаяся». А все эти различия – классовые и временные, проявляясь в истории культурных народов, «находят себе яркое выражение в смене психических типов» (Там же. – С.13). Таким образом, выступая за монизм, исследователь вовсе не отказался от учета психологических фактов.

297. Мир Божий. – 1900. – №2. – С.1-18.

298. Дживелегов А.К. История // Энциклопедический словарь Товарищества братьев А.и И.Гранат. – Изд.7-е. – Т.22. – М., 1935. – С.289.

299. Дживелегов А.К. Петрушевский Д.М. // Там же. – Т.32. – М., 1933. – С.112-113.

300. Дживелегов А.К. Оговорки материалистического понимания истории. – С.15-16.

301. Дживелегов А.К. История. – С.289, 303.

302. Дживелегов А.К. Оговорки материалистического понимания истории. – С.1.

303. Там же. – С.9.

304. Там же. – С.14-15.

305. Там же. – С.16; его же. Н.И.Кареев (к 40-летию научной деятельности) // Голос минувшего. – 1913. – №2. – С.326-327.

306. Дживелегов А.К. Оговорки материалистического понимания истории. – С.16-17.

307. Там же. – С.18.

308. Дживелегов А.К. Марксизм и критическая философия // Вопросы философии и психологии. – Кн.58 (III). – 1901. – Май-июнь. – С.281.

309. Дживелегов А.К. История. – С.304.
310. Там же. – С.304-305; Марксизм и критическая философия. – С.252-253.
311. Дживелегов А.К. Марксизм и критическая философия. – С.262-268.
312. Там же. – С.260-261, 280; Оговорки материалистического понимания истории. – С.8, 16, 18.
313. Дживелегов А.К. Марксизм и критическая философия. – С.281.
314. Дживелегов А.К. Фюстель де Куланж // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. – Т.45. – Ч.2. – М., 1935. – С.75-76.
315. См.: Дживелегов А.К. Городская община в средние века. Некоторые новые теории о происхождении средневековых городов. – М., 1901. – 84 с.; Средневековые города в Западной Европе. – СПб., 1902. – 248 с.; Торговля на Западе в средние века. – СПб., 1904. – 223 с. и др.
316. См.: Дживелегов А.К. Очерки по истории Германии (1806-1871). – СПб., 1905. – 200 с.; История современной Германии. – Ч.1. – СПб., 1908. – 257 с.; Ч.2. – СПб., 1910. – 210 с. и др.
317. Бояджиев Г. Памяти А.К.Дживелегова // Сообщения Института истории искусств. Театр. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – №10-11. – С.192-193.
318. Фролов Э.Д. Судьба ученого: М.И.Ростовцев и его место в русской науке об античности // Вестник древней истории. – 1990. – №3. – С.150-152. К данному направлению он справедливо относит И.М.Гревса, М.М.Хвостова, Р.Ю.Виппера. Значение трудов Ростовцева в разработке социально-экономической истории античности выделили его современники. См.: Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. – Ч.2. – С.172-176, 183-184, 207-210; Латышев В.В. Записка об ученой деятельности М.И.Ростовцева // Вестник древней истории. – 1991. – №2. – С.216-220 и др.
319. См.: Андро Ж. Влияние М.И.Ростовцева на развитие западноевропейской и североамериканской науки // Вестник древней истории. – 1991. – №3. – С.166-176.
320. Там же. – С.168.
321. Ростовцев М.И. Очерк истории древнего мира. Восток. Греция. Рим. – Берлин, 1924. – С.9-10.
322. Новый исторический журнал, издаваемый Н.И.Кареевым. – Т.1. – СПб., 1913. – С.42.

323. Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). – СПб., 1899. – С.IX-X.

324. Там же. – С.X-XI.

325. См.: Ростовцев М.И. Римские свинцовые тессеры. 1-3. – СПб., 1903. – VIII, 332 с.

326. Ростовцев М.И. Происхождение колоната // Филологическое обозрение. – Т.XIX. – Кн.2. – М., 1900. – С.105-109; Капитализм и народное хозяйство в древнем мире // Русская мысль. – 1900. – Кн.III – С.195-217; О кн.: Grimm Э.Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. – Т.1-2. – СПб., 1900-1901 // Журн.Министерства Народного Просвещения. – 1902. – №5. – Отд.2. – С. 148-172; О кн.: Хвостов М.М. История восточной торговли греко-римского Египта. – Казань, 1907 // Журн. Министерства Народного Просвещения. – 1907. – Ч.II. – Октябрь. – Отд.2. – С.382-413; Римский колонат // Современный мир. – 1911. – №1. – С.260-280; №2. – С.143-159; О кн.; Хвостов М.М. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. – Ч.1. – Казань, 1914 // Журн.Министерства Народного Просвещения. – Ч.53. – 1914. – Октябрь. – Отд.2. – С.348-369; цикл статей в зарубежных изданиях и др.

327. См.: Rostovtzeff M.I. Studien zur Geschichte des romischen Kolonates. – Leipzig. – Berlin, 1910. – XII, 432 s. Интерес к аграрной истории древности вытекал у Ростовцева из справедливого убеждения, что «строение всей экономической жизни античности ставило всегда во главу угла не столько промышленность и торговлю, сколько земледелие и землевладение» (Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. – Пг.: Огни, 1918. – С.7). Земля, писал историк, была единственно надежным источником помещения капитала и этим объясняется «кардинальное явление экономической, социальной и политической жизни города-государства вообще – тяга рождающегося <...> капитала к земле и вытекающие отсюда экономические, социальные и политические осложнения» (Там же. – С.8).

328. Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Roman Empire. – Oxf., 1926; The Social and Economic History of the Hellenistic World. – V. 1-3. – Oxf., 1941. О связях Ростовцева с зарубежным антиковедением в дореволюционный период см.: Марконе А. Петербург-Рим-Берлин: Встреча М.И.Ростовцева с немецким антиковедением // Вестник древней истории, – 1992. – №1. – С.213-223.

329. См.: Зуев В.Ю. Творческий путь М.И.Ростовцева (К созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства») // Вестник древней истории. – 1990. – №4. – С.153.

330. См., например: Ростовцев М.И. Эллинизмо и иранство на юге России. – Пг.: Огни, 1918. – С.39-40. 71, 112-116. 177-185.

331. Хвостов М.М. Изучение экономического быта древности. Две полемики //Журн. Министерства Народного Просвещения. – 1900. – Июнь. – С.281.

332. Хвостов М.М. Ученые заслуги Б.А.Тураева // Отчет о третьем присуждении медали им. проф. А.С.Уварова к празднованию шестидесятилетия Императорского Московского археологического общества. – М.. 1915. – С.7-13.

333. См.: Хвостов М.М. Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. – Т.1. История восточной торговли греко-римского Египта. – Казань. 1907. – 479 с.; Очерк организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. Очерк первый. Текстильная промышленность. – Казань, 1914. – X, 264 с. Последняя работа получила достаточно высокую оценку в рецензии М.И.Ростовцева (См.: Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1914. – №10. – Отд.2. – С.348-369).

334. См.: Хвостов М.М. История Рима. – Казань, 1907. – 299 с.; История Греции. – Казань, 1908. – 407 с.; История Римской империи. – Казань, 1909; История Древнего Востока. – Казань, 1909; Лекции по истории Римской республики. – Казань, 1911. – 304 с.

335. Историография античной истории / Под ред. проф. В.И.Кузицина.– М.: Высш. шк., 1980. – С.173-174. Более подробно об исторических взглядах Хвостова см.: Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1979. – 112 с.

336. См.: Хвостов М.М. История крестьян на Западе / Литогр. изд. – Казань, 1907; История рабочего движения в Западной Европе в новое время. Три лекции. – Казань, 1917.

337. Хвостов М.М. Развитие форм промышленности в древнем мире. – Казань. 1915. – С.1.

338. Хвостов М.М. История Греции. – С.57.

339. Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. – Казань. 1913. – С.54-55.

340. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. Очерки по методологии и философии истории. – Изд.2-е. – М., 1914. – С.143.

341. Там же. – С.144.

342. Там же. – С.145.

343. Он выделял три группы факторов: человек, общество, внешняя природа. Одни из них исследователь относил к факторам устойчивости, другие – изменчивости (Там же. – С.149-150). См. также гл.2 «Отдельные факторы и их соотношение».

344. Там же. – С.219-221.

345. Там же. – С. 248, 254-255. См. также: Хвостов В.М. Этюды по современной этике. – М., 1908. – С.142, 150.

346. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.249-251.

347. Рынкевич С. Хвостов Вениамин Михайлович. Некролог // Русский исторический журнал. – Кн.7. – Пг., 1921. – С.252-253.

348. Добролюбовский К.П. Е.Н.Щепкин как историк (1860-1920) // Памяти проф. Евгения Николаевича Щепкина (13.V.1860. – 12.XI.1920).: Сборник. – Одесса, 1927. – С.11-12.

349. См.: Щепкин Е.Н. Автобиография Л.Ранке // Русская мысль. – 1894. – Кн.1. – С.68.

350. Щепкин Е.Н. Вопросы методологии истории // Летопись историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете. – Т.ХП. – Одесса, 1905. – С.277.

351. Там же. – С.284.

352. Там же. – С.294.

353. Там же. – С.305.

354. Там же. – С.308.

355. Там же. – С.313.

356. Там же. – С.316-317.

357. См.: Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX, века. – Ч.2. – С.82-84, 210-212; Зелинский Ф.Ф. Из экономической жизни древнего Рима // Вестник Европы. – 1900. – №8. – С.586-624; Кареев Н.И. Книга г.Гревса о римском землевладении //Русское богатство. – 1900. – №11. – Отд.2. – С. 1-27; №12. – Отд.2. – С. 1-20; Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. – Изд.2-е, переработ. и дополн. – М.: Высш. шк., 1985. – С.341-343, 364-365.

358. См.: Косминский Е.А. Исследования А.Н.Савина по истории Англии // Его же. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963; Могильнипкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 900-х годов. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1969. – С.161-165 и др.

359. Например, см.: рецензию С.А.Жебелева на книгу о греческой истории П.Гиро (Филологическое обозрение. – Т.19. – М., 1900. – С.97-108); Котляревский С.А. Введение // Очерки всеоб-

шей истории. Ч.1. Древний мир и средние века. – М., Б.г. – С.2-5; Пискорский В.К. О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории. – Казань, 1906. – С.8-9 и др.

360. См., например: Довнар-Запольский М.В. Исторический процесс русского народа в русской историографии // Русская мысль. – 1902. – №3. – С.178, 185-186; Кизеветтер А.А. В ожидании юбилея крестьянской реформы 1861 г. // Нижегородский сборник. – Изд.2-е. – СПб., 1905. – С.198-199; Павлов-Сильванский Н.П. История и современность // История и историки. Историографический ежегодник. – 1972. – М.: Наука, 1973. – С.339; Багелей Д.И. Русская история. – Т.1. – М., 1914. – С. 10-13 и др.

361. См.: Покровский М.Н. Авторизованная биография // Деятели СССР и революционного движения в России / Энциклопедический словарь Гранат. – М.: Советская энциклопедия. 1989. – С. 584. О нем см.: Говорков А.А. М.Н.Покровский о предмете исторической науки. – Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1976. – Гл.1.

362. Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы. Лекции, читанные ученикам выпускных классов Санкт-Петербургских гимназий и реальных училищ весной 1903 г. – СПб., 1903. – С.105.

363. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. – Вып.1. – Ч.1-2. – СПб., 1910. – С.114-118.

364. Дубровский Н. Официальная наука в Царстве Польском. – СПб., 1908. – С.32-39, 44-59.

365. См.: Тарле Е.В. Очерк развития философии истории // Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. – С. 148-153.

366. См., например, письмо Тарле В.Я. Богучарскому от 13 июня 1906 г. (Там же. – С.189-190).

367. См.: Ерусалимский А. Евгений .Викторович Тарле (1875-1955 гг.) // Тарле Е.В. Соч. – Т.1. – С.ХХ-ХХI; Чапкевич Е.И. Евгений Викторович Тарле. – М.: Наука, 1977. – С.54-55.

368. Кареев Н.И. История Западной Европы в начале XX столетия. – Ч.2. – Пг., 1917. – С.540.

369. См.: Дживелегов А.К. Оговорки материалистического понимания истории. – С.1, 7, 11-17; Марксизм и критическая философия. – С.252-253, 280-281; Кареев Н.И. История Западной Европы в начале XX столетия. – Ч.2. – С. 499-501, 586-587; Тарле Е.В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории. – С.301. Бузескул В.П. в «Лекциях по истории Греции» (Т.1. – С.476) тоже отмечал наличие многих оговорок в марксизме начала века.

370. См.: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В.П.Золотарева. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – С.28.

371. См.: Бояджиев Г. Памяти А.К.Дживелегова. – С.193.
372. См.: Рожков Н.А. Автобиография. – С.164-165; Мороховец Е.А. Краткие биографические сведения о Н.А.Рожкове // Ученые записки Института истории РАНИОН. – Т.V. – М., 1928. – С.13-14; Степанов Н. Политическая деятельность Н.А.Рожкова // Там же. – С.114-128.
373. Петрушевский Д.М. Тенденции современной исторической науки. – С.81-85.
374. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – С.19.
375. Петрушевский Д.М. К вопросу о логическом стиле исторической науки. – С.10.
376. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – С.35. При этом ученый дает цитату Виппера, содержащую критику всемирно-исторического подхода из статьи «Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука» (Там же. – С.34).
377. Там же. – С.3.
378. Там же. – С.5.
379. Там же. – С.5-6.
380. Петрушевский Д.М. Тенденции современной исторической науки. – С.96-97. Историк отмечал связь феодализма с натурально-хозяйственной стадией развития общества. См. также: Петрушевский Д.М. Очерки из история средневекового общества и государства. – С.27.
381. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – С.33. Мейера и Пельмана он называет среди крупнейших западноевропейских историков (Там же. – С.10).
382. Там же. – С.33. См. также: Петрушевский Д.М. Тенденции современной исторической науки. – С.103.
383. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – С.33.
384. Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. – Ч.1. – С.43.
385. Рожков Н.А. К теории исторического монизма // Современный мир. – 1910. – №10. – С.165.
386. Рожков Н.А. Новейшая теория исторического познания // Нижегородский сборник. – Изд.2-е. – СПб., 1905. – С.306.
387. Там же. – С.306-307.
388. Рожков Н.А. История древнего Востока и общие законы развития культуры // Современный мир. – 1913. – № IX. – С.249.

389. Там же. – С.254.
390. Там же. – С.249.
391. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: Основы социальной динамики. – Т.1. – С.21-22. Нетрудно заметить в характеристике периодов чередования эпох критических и органических, что шло от Конта.
392. Что не совпадало с концепцией Эд.Мейера, да и Виппера. «Эллинский феодализм» Рожков относил к более поздним временам.
393. Там же. – С.76, 112, 118, 120-121, 123, 133, 140.
394. Там же. – С.144-146.
395. Там же. – С.147, 289, 401, 411-412, 415, 434.
396. Там же. – С.445-447.
397. Из того же источника питалась и известная «Русская история в самом сжатом очерке» (М., 1933) М.Н.Покровского.
398. Хвостов М.М. Изучение экономического быта древности. – С.287.
399. Там же. – С.283-284, 287-288.
400. Там же. – С.285-287.
401. Хвостов М.М. История Греции. – Изд.2-е. – Казань, 1915. – С.35-41.
402. Хвостов М.М. Изучение экономического быта древности. – С.288, 303.
403. Хвостов М.М. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. – Казань, 1914. – С.176.
404. См.: Хвостов М.М. История восточной торговли греко-римского Египта. – Казань, 1907. – XXVIII, 479 с.
405. Русская мысль. – 1900. – №3. – С.195.
406. Там же. – С.197.
407. Там же.
408. Ростовцев М.И. Очерк истории древнего мира: Восток, Греция, Рим. – С.12. Соответственно, он указывал, что форма капитализма Римской империи отличается от современной. Там не было столь крупного производства для мирового рынка как наше фабричное, причина чему в отсталости техники, дороговизне продукции, сохранение поэтому домашнего и кустарного производства (Ростовцев М.И. Капитализм и народное хозяйство в древнем мире. – С.216). Вообще он возражал против отождествления явлений древней истории и современной.
409. Ростовцев М.И. Очерк истории древнего мира: Восток, Греция, Рим. – С.11. Очевидно, что эта схема охватывает лишь Европейский континент, Переднюю Азию и Африку.

410. Ростовцев М.И. Рижский колонат // Современный мир. – 1911. – №1. – С.264; См. также: Ростовцев М.И. Август // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии. – Т.1. – М.: Сов. энцикл., 1991. – С.52.

411. См., например: Ростовцев М.И. Боспорское царство и Южно-русские курганы // Вестник Европы. – 1912. – № 6. – С.108-111; его же. Эллинство и иранство на юге России. – С.40, 71, 112, 114, 168, 181-185 и т.д.

412. Ростовцев М.И. Римский колонат. – С.262; Капитализм и народное хозяйство в древнем мире. – С.201. Такие условия хозяйствования Ростовцев видел в скифской «военно-феодальной» державе (Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. – С.38-40), в Боспорском царстве (Там же. – С.114, 185), у племен синдов, сарматов (Там же. – С.123-124, 130) и др. народов.

413. Ростовцев М.И. Римский колонат. – С.262.

414. Там же. – С.264-265.

415. Ростовцев М.И. Капитализм и народное хозяйство в древнем мире. – С.217.

416. Там же. – С.209-210, 217; История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). – С.49-51.

417. Ростовцев М.И. Капитализм и народное хозяйство в древнем мире. – С.217.

418. Ростовцев М.И. Рец.: Михаил Хвостов. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. 1. Текстильная промышленность в греко-римском Египте. – С.353.

419. Ростовцев М.И. Капитализм и народное хозяйство в древнем мире. – С.201-203. «Буржуазия» Египта выступала в частности в лице капиталистов-откупщиков налогов (Ростовцев М.И. История государственного откупа в римской империи (от Августа до Диоклетиана). – С.29-30).

420. Ростовцев М.И. Капитализм и народное хозяйство в древнем мире. – С.203.

421. Там же. – С.203-204.

422. Там же. – С.211, 213.

423. Там же. – С.205-207. Близ городов создавались, указывал историк, ориентированные на них садово-земледельческие хозяйства, в центральной Италии – скотоводческие. Те и другие – «чисто капиталистические».

424. Там же. – С.212.

425. Там же. – С.207. Стремление таких хозяйств к самоудовлетворению он трактовал как следствие «сознательной капиталистической тенденции» к экономии.

426. Там же. – С.208-212.
427. Ростовцев М.И. История государственного откупа в римской империи (от Августа до Диоклетиана). – С.263. См. также: С.79-80, 97.
428. Ростовцев М.И. Капитализм и народное хозяйство в древнем мире. – С.213-215. Вообще при эллинизме, указывал историк, несомненный прогресс наблюдается в связи с переходом земли в индивидуальную собственность, развитием хозяйств свободных колонатов, прежних крепостных (Ростовцев М. Происхождение колоната. – С.108). См. также: История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). – С.145-147.
429. Ростовцев М.И. Капитализм и народное хозяйство в древнем мире. – С.215-216. См. также: Происхождение колоната. – С.109.
430. Ростовцев М.И. Происхождение колоната. – С.107.
431. Ростовцев М.И. Эллинизация и иранство на юге России. – С.107.
432. Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). – С.7-9; Капитализм и народное хозяйство в древнем мире. – С.210.
433. Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). – С.149.
434. Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1914. – №10. – Отд.2. – С.366.
435. Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. – Пг.: Огни, 1918. – С.V.
436. Ростовцев подчеркивал, что римская эволюция в империю никогда больше не повторялась. (Там же. – С.4).
437. Там же. – С.8-9.
438. Там же. – С.41, 110.
439. Там же. – С.117.
440. Там же. – С.54.
441. Там же. – С.120-121.
442. Там же. – С.133-134, 141. Надпартийный характер императорской власти Августа ученый подчеркивал еще в «Истории государственного откупа в римской империи» (С.62).
443. См.: Андро Ж. Влияние М.И.Ростовцева на развитие западноевропейской и североамериканской науки. – С.166-176.
444. См.: Фролов Э.Д. Судьба ученого: М.И.Ростовцев и его место в русской науке об античности. – С.146.
445. Ростовцев М.И. Август. – С.55.

446. Сам Петрушевский ссылался на статью Ростовцева «Капитализм и народное хозяйство в древнем мире» (Петрушевский Д.М. Ук. соч. – С.114), черпая из нее характеристику этапов развития римского капитализма и оценку рабовладения как наносного явления для древнего общества.

447. Ростовцев М.И. Римский колонат. – С.264. В свою очередь, Вебер неоднократно положительно ссылался на Ростовцева в данном труде. Ростовцев вел переписку как с М.Вебером, так и Эд.Мейером (См.: Зуев В.Ю. Краткий обзор фонда М.И.Ростовцева из Центрального Государственного Исторического Архива СССР (Ленинград) //Вестник древней истории. – 1991. – №4. – С.151).

448. См.: Вебер М. Аграрная история древнего мира /Пер. под ред. и с предисл. проф. Д.М.Петрушевского. – М., 1923. – V, 435 с.

449. Петрушевский Д.М. От редактора // Там же. – С.IV. Хотя первые ссылки Петрушевского на работы Вебера имеются уже в его «Очерках из истории средневекового общества и государства».

450. Там же. – С.IV-V.

451. Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории. – Пг.–М., 1923. – С.110-119.

452. Там же. – С.110-111.

453. Там же. – С.112.

454. Вебер М. Аграрная история древнего мира. – С.15.

455. Там же. – С.51-52.

456. Там же. – С.52-53.

457. Там же. – С.362, 406.

458. Вебер М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории /Пер. под ред. проф. И.М.Гревса. – Пг., 1923. – С.176-177.

459. Бузескул В.П. Исторический процесс по воззрениям греческих историков // Образование. – 1902. – №11. – Отд.2. – С.31; Введение в историю Греции. – С.471-475; История афинской демократии. – С.15, 418-419; Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.486-489, 504, 566; Античность и современность. Современные темы в античной Греции. – СПб., 1913. – С.55-56; Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века (Материалы). – Ч.2. – С.210-212. В частности, в последней работе он критиковал И.М.Гревса как одного из немногих отечественных сторонников Бюхера.

460. Кареев Н.И. Бузескул В.П. // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (Историко-литературный сборник). – Т.VI. – СПб., 1897-1904. – С.160. В свою очередь, типологические курсы Кареева – «Государство-город

античного мира» (СПб., 1903) и «Монархии древнего Востока и греко-римского мира» (СПб., 1904) были высоко оценены историографом за свежесть взгляда и сравнительно-исторический подход к проблеме (/Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.541-642).

461. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.544. См. также: С.112, 501-502, 534; Введение в историю Греции. – С.479; Женский вопрос в древней Греции. – Харьков, 1905. – С.7; Античность и современность. – С.1, 191-192; Исторические этюды. – СПб., 1911. – С.37; Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. – Ч.2. – С.193. 218-219.

462. Бузескул В.П. Женский вопрос в древней Греции. – С.6. См. также: Введение в историю Греции. – С.472; Античность и современность. – С.191-192.

463. Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.563-564.

464. Там же. – См.: Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. – СПб., 1903. – 148 с.; Заметки о преподавании истории в средней школе. – СПб., 1900. – С.26-28.

465. Виппер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука // Вестник воспитания. – 1898. – №1. – С.34; Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – С.22-25, 34. Такого же взгляда придерживался Рожков: Рожков Н.А. История древнего Востока и общие законы развития культуры. – С.249.

466. Виппер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука. – С.33.

467. См., например: Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – С.468; Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.483, 489-491, 564-565; История афинской демократии. – С.420; Всеобщая история и ее представители в России в XIX и XX веке. – Ч.2. – С.174-175; Немецкий историк Эдуард Мейер об Англии нынешней войны // Голос минувшего. – 1916. – № 9. – С.208-209; Германский ученый об адвокатской республике // Анналы. – № 1. – Пг., 1922. – С.190-191.

468. См., например: Бузескул В.П. Введение в историю Греции. – С.466; Лекции по истории Греции. – Т.1. – С.362-363, 481, 556; Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. – Ч.2. – С.149, 153, 179-180; История афинской демократии. – С.63.

469. См.: Бузескул В.П. Рец.: Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Ч.1. – М., 1905 // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1905. – №10. – С. 405-436; Лекции по истории Греции. –

Т.1. – С.476, 542-544; Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. – Ч.2. – С.129, 189-190, 214; История афинской демократии. – С.48, 53, 63. Особенно не совпадали оценки Виппера и Бузескула «Афинской политики» Аристотеля. Ср.: Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. – Изд. 2-е. – М., 1906. – С.93-95, 152-153; его же. История Греции в классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Хр. – М., 1916. – С. 142, 168 и др.; Бузескул В.П. Афинская политика Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. – Харьков, 1895. – 4, VI, 484 с.

470. Бузескул В.П. Женский вопрос в древней Греции. – 42 с.; Античность и современность. – С.11-12, 57-58, 60, 63, 67, 70, 75, 76, 77-101 и др.; История афинской демократии. – С.4-5, 7-8, 16-19, 68-69, 84, 128, 149, 157, 164, 168, 190, 197, 211, 217-220, 224, 241, 255-262, 277-280, 287, 291-293, 296, 309, 348, 378, 379, 385, 393, 406, 414, 419-420 и др.

471. Бузескул В.П. История античной демократии. – С.294, 364.

472. См.: Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. – С.118, 120.

473. Там же. – С.117.

474. Современный мир. – 1910. – № 10. – С.165.

475. Тарле Е.В. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. – С.233-234.

476. Там же. – С.234-235. Он соотносил социально-экономический строй Греции IV-III вв. до н.э. с Англией XV-XVI вв. (Там же. – С.221, 235).

477. Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. – С.110-113.

478. Тарле Е.В. Очередная задача // Анналы. – № 1. – С.14. Ее примеры он видел в книгах Штрауса о Юлиане, Квиддо о Калигуле, А.Карреля о Стюартах и т.д., но был решительно против попыток Кроче обвинить в создании псевдоисторий Т.Моммзена или Д.Грота (Там же. – С. 13-14).

479. Там же. – С.15.

480. Там же. – С.10.

481. Щепкин Е.Н. Курс истории средних веков. – Ч.1-2.. – Одесса, 1908/1909 уч.год. – С.83-84.

482. Щепкин Е.Н. Автобиография Л.Ранке // Русская мысль. – 1893. – Кн. 8. – С.158-159.

483. Дживелегов А.К. Вико и его система философии истории // Вопросы философии и психологии. – 1896. – Кн. 34. – Сентябрь-октябрь. – С.427.

484. Дживелегов А. К. История. – С.281-319.
485. Там же. – С.318-319.
486. Образование. – 1898. – Т. 5-6. – С.90.
487. Дживелегов А.К. Теодор Моммзен как историк и политик. Очерк // Вестник Европы. – 1904. – Т.V. – Октябрь. – С.645.
488. Дживелегов А.К. Мейер Эд. // Энциклопедический словарь Товарищества братьев А. и И.Гранат. – Изд. 7-е. – Т.28. – М., 1933. – С.403.
489. Дживелегов А.К. История. – С.318.
490. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. – С. 268-273.
491. Там же. – С.275-277.
492. Там же. – С.280.
493. Хвостов В.М. Нравственная личность и общество. Очерки по этике и социологии. – М., 1911. – С.160, 163, 168; Этика человеческого достоинства. Критика пессимизма и оптимизма. – М., 1912. – С.139.
494. Хвостов В.М. Этика человеческого достоинства. – С.140.
495. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. – С.230-231, 286-288, 302.
496. Кареев Н.И.. Государство-город античного мира. Опыт исторического построения политической и социальной эволюции античных гражданских общин. – СПб., 1903. – X, 348 с.; Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. Очерк политической, экономической и культурной эволюции древнего мира под господством универсальных монархий. – СПб., 1904. – VIII, 395 с.
497. В типологических курсах Кареева на работы указанных авторов имеются многочисленные ссылки, но, главное, они повлияли на все построение и интерпретацию материала ученым. Речь идет не только о «циклизме», но и о представлении о Востоке как инициаторе экономических и политических преобразований в древности, о ведущей роли Восточных провинций в составе Римской империи, о стадиях развития римской экономики и особенностях римского «капитализма» и пр. В частности, он называл «превосходной» статью Ростовцева «Капитализм и народное хозяйство в древнем мире» и многое из нее почерпнул (Кареев Н.И. Государство-город античного мира. – С.291-292).
498. Там же. – С.VI-VII, X.
499. Там же. – С.59-63.
500. Там же. – С.29, 64-65, 67, 70, 325-326; Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. – С.64, 170-171, 303-307.

501. Кареев Н.И. Государство-город античного мира. – С.132, 183-184, 201, 300. В этом отношении он согласен с Мейером и Пельманом и критикует Фюстель де Куланжа, сводящего социальную борьбу в древних обществах к культурно-религиозной (Там же. – С.184-188, 283).

502. Там же. – С.171-172.

503. Там же. – С.318.

504. Там же. – С.151.

505. Там же. – С.126-127, 153, 325-327; Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. – С.4-5.

506. Кареев Н.И. Государство-город античного мира. – С.166-167.

507. См., например: Там же. – С.166-180, 326 и др.

508. Кареев Н.И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. – С.VI-VII.

509. Там же. – С. 7.

510. Там же. – С.303-304.

511. Кареев Н.И. История Западной Европы в начале XX столетия (1901-1914). – Ч.1. – Пг., 1916. – С.12-15; – Ч.2. – Пг., 1917. – С.709-711, 718-719.

512. Виноградов П.Г. Новые работы по истории Греции // Русская мысль. – 1893. – Кн.3. – С.47-54.

513. Филологическое обозрение. – Т.19. – М., 1900. – С.97-108.

514. Виноградов П. Г. Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы // Русская мысль. – 1890. – Кн.1. – С.98-99.

515. См., например. Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. – Т.2. – Древний мир и мы. – Изд.3-е, доп. – СПб., 1911. – 416 с.; Новгородцев П.И. Политические идеалы древнего и нового мира. – Вып.1. – М., 1910. – 95 с.; Вып.2. – М., 1913. – 96 с.; Клиnger В.П. Животное в античном и современном суеверии. – Киев, 1911. – 352, II с. и пр. На базе сравнительно-исторического изучения, сравнения истории России и Европы, появился и труд Павлова-Сильванского Н.П. «Феодализм в России» (М.: Наука, 1988. – С.42). Следы влияния «второго позитивизма» очевидны и в последующей советской историографии античности. См., например: Машкин Н.А. Д.М.Петрушевский как историк Римской империи // Средние века. Сб. – Вып. II. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – С.37-38.

516. Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы. Лекции, читанные ученикам выпускных классов Санкт-Петербургских гимназий и реальных училищ весной 1903 г. – СПб., 1903. – С.11.

517. Там же. – С.2, 89.

518. Бороздин И.Н., Ефимова Е.А., Перцев В.Н. и др. Очерки всеобщей истории. – Ч.1. – Древний мир и Средние века / Со вступ. статьей прив.-доц. С.А.Котляревского. – М., б.г. – С.5-6.

519. См.: Гессен С. От редактора перевода // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Пер. с нем. – СПб., 1911. – С.20-21.

520. См.: Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы. – С.120-121.

521. См.: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. – Вып.1. – Ч.1-2. – СПб., 1910. – С.279, 333-335.

522. См.: Довнар-Запольский М.В. Исторический процесс русского народа в русской историографии // Русская мысль. – 1902. – №3. – С.181-182.

523. См.: Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900-1906). – СПб., 1907. – С.116; его же. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К.Михайловском. – СПб., 1901. – С.50-51, 123, 132 и др.

524. См.: Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). – СПб., 1899. – XXIII, 651с.; его же. Лик и душа Средневековья // Анналы. – 1922. – № 1. – С.21-24 и др.

525. Об этом свидетельствует мнение известного книговеда Н.А.Рубакина, хорошо ориентировавшегося в литературном мире начала века (Рубакин Н.А. Среди книг. – Изд.2-е. – Т.2. – М., 1913. – С.98).

526. См.: Хвостов В.М. Опыт характеристики понятий *aequitas* и *aequum jus* в римской классической юриспруденции. – М., 1896. – II, 309 с.; *Натуральные обязательства по римскому праву* – М., 1898. – 4, 516 с.; *История римского права*. – М., 1903. – XVI, 393 с. и др.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Часть I. Позитивистская парадигма истории.....	9
Глава 1. Основные элементы позитивистской парадигмы истории.....	9
Глава II. Философия истории Н.И.Кареева.....	31
§ 1. Место истории среди других наук.....	35
§ 2. Соотношение субъекта и объекта в историческом исследовании. Особенности объекта исторического изучения.....	44
§ 3. Социальная природа исторической науки.....	55
§ 4. Теория факторов.....	70
Часть II. Кризис позитивистской историографии в России и формирование новой парадигмы истории.....	82
Глава 1. Проблемы кризиса позитивистской историографии в отечественной науке конца XIX – начала XX в.....	82
§1. Перемены в духовной культуре и кризис историографии.....	82
§ 2. Постановка проблемы кризиса историографии конца XIX – начала XX вв. в работах историков-«критических позитивистов».....	88
Глава 2. Разработка парадигмальных установок «критического позитивизма» в работах Р.Ю.Виппера.....	119
§ 1. Природа и метод исторической науки в трактовке Р.Ю.Виппера.....	119
§ 2. Логическая структура историографии в понимании Р.Ю.Виппера.....	134
§ 3. Теоретические представления об историческом процессе Р.Ю.Виппера.....	148
Глава 3. Основные элементы критико-позитивистской интерпретации истории.....	175
§ 1. Методология истории «критического позитивизма».....	175
§ 2. Общеисторические представления историков-«критических позитивистов».....	204
Заключение.....	243
Примечания.....	246

Научное издание

Нечухрин Александр Николаевич

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
РОССИЙСКОЙ ПОЗИТИВИСТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
(80-е гг. XIX в. – 1917 г.)**

Монография

Редактор Н.Н.Красницкая
Компьютерная верстка: М.И.Верстак

Сдано в набор 05.02.2003. Подписано в печать 30.05.2003.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная № 1.
Печать RISO. Гарнитура Таймс.
Усл.печ.л. 20,24. Уч.-изд.л. 19,2. Тираж 150 экз. Заказ

Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».
ЛП № 96 от 02.12.2002. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.

Отпечатано на технике издательского отдела
Учреждения образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».
ЛП № 111 от 29.12.2002. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.